

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2018

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Меньшаков А.И.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 01 (67) 2018
Часть 3
Январь**

Подписано в печать 29.12.2017.
Тираж 900 экз.
Заказ 27090.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких-либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Актуальная информация об индексации журнала в библиографических базах данных <https://research-journal.org/indexing/>.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217.**

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук, Ходакова Н.П., д-р пед. наук, проф.

Психологические науки: Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук, Каменская В.Г., д-р психол. наук, к. биол. наук

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Ураков А.Л., д-р мед. наук, Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук, Скачилова С.Я., д-р хим. наук

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

АКТУАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УЧЕБНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ. ГОРОД МЕРТВЫХ И ЖИВЫХ	6
---	---

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

ДИНАМИЧЕСКОЕ ИНТОНИРОВАНИЕ МЕЛОДИИ НА ФОРТЕПИАНО	10
КИТАЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ «ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ» В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ	15
ПОЭТИЧЕСКАЯ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНТОНАЦИЯ КАМЕРНО-ВОКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: К ОБНОВЛЕНИЮ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	20
ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТАНЕЦ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ	24
НОГАЙСКАЯ ГРУППА ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ ДАГЕСТАНА	26
А.Г. ШНИТКЕ. PIANISSIMO – «ИМЯ» ИЛИ ПРОЦЕСС	30

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

ОТ КНИЖНОГО ЗНАКА – К БИБЛИОТЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕКИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ И ТОРГОВЫХ СЛУЖАЩИХ В АСТРАХАНИ)	33
СЯОКАН-СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКИМ ЛИЦОМ	36
РАЗВИТИЕ ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕПЦИЯХ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ	41

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ ЭТНОСА УЧЁНЫМИ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ	45
ТЕКСТЫ КОНСТИТУЦИЙ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИЙ НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК)	50
ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИИ ШВЕЙЦАРИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ	53
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КОЧЕВНИКОВ СОВЕТСКОЙ ЯКУТИИ В УСТНОЙ ИСТОРИИ И МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ 1970 – 1980 гг.	56
БОРЬБА С САМОГОНОВАРЕНИЕМ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ ЧУВАШСКОЙ АССР В 1970-е гг. XX в.	59
РОЛЬ ПРЕССЫ МАЛЫХ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	62
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И США НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ В 40-80-Х ГГ. XX ВЕКА	65
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УПАДКА ГОЛЛАНДСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ	68
НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН «ДОРОЖНАЯ КАРТА» КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СРВ И США	71
ПРОИЗВОДСТВО АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ ДЛЯ ТАНКОВ И САУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	75

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGY

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ОСНОВЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ	79
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

THE PROBLEMS OF HUMAN RESOURCING IN DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA	84
ТРУДОУСТРОЙСТВО И ПОИСК РАБОТЫ ИНВАЛИДАМИ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	87
ВЛАСТЬ И ФОНДОВЫЙ РЫНОК: ПАРАДИГМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	91

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

ДУХОВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	95
К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИРОДОПОДОБНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОФИЛАКТИКЕ И ЛЕЧЕНИИ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ	101
ОБЗОР НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭФИРНЫХ МАСЕЛ	106

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ	116
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЕТЬМИ: ПОЛРОЛЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ	119
В ПОИСКЕ СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИХ ЭМОЦИЙ	122

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТониКИ ПРОСТРАНСТВА ПРИ ПОМОЩИ ОБРАЗА ГЕРОЯ: СИСТЕМОЛОГИЯ ТЕОРЕТИКО-КРИТИЧЕСКОЙ СИНАРХИИ	125
ПРАВЫ ВЕЛИКИХ «ГНОМОВ»: ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ СПЛЕТЕН ДО VOLKSSTURM'А	129
РЕФЛЕКСИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВООБРАЖЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ	133
СУБЪЕКТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА	136

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.001>****Рябов Н.Ф.**

ORCID: 0000-0002-3195-1840, старший преподаватель кафедры реконструкции, реставрации архитектурного наследия и основ архитектуры,

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

АКТУАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УЧЕБНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ. ГОРОД МЕРТВЫХ И ЖИВЫХ**Аннотация**

Старое городское кладбище как место заключительной фазы диалога «человек – город» – выразитель самой разной городской проблематики. Возможность обращения к его формам и пространствам в рамках поиска продуктивных тем учебного проектирования доказывают мнения самых разных участников актуального дискурса, исторические примеры, а также успешные результаты в работе со студентами-архитекторами начального этапа обучения. Разработка архитектурной формы западного входа на территорию Ново-Татарского кладбища Казани стала для студентов группы БАП05 (КГАСУ) первым опытом получения специфических навыков натурных обследований территории, осмысления выявленных артефактов, планомерного поиска проектных решений.

Ключевые слова: психологическое пространство, диалог «человек – город», учебное проектирование, форма-знак.

Ryabov N.F.

ORCID: 0000-0002-3195-1840, Senior Lecturer of the Department of Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage and Foundations of Architecture,

Kazan State University of Architecture and Engineering

TOPICAL CITY PROBLEMS IN EDUCATIONAL DESIGN. CITY OF DEAD AND ALIVE**Abstract**

The old city cemetery as the place for the final phase of the "a man-a city" dialogue represents a variety of urban problems. The ability to address to its forms and spaces in the search for productive topics of educational design proves the opinions of various participants in the current discourse, historical examples, and also successful results in working with undergraduate architects of the initial stage of education. The development of the architectural form of the western entrance to the territory of the New-Tatar cemetery of Kazan has become the first experience of obtaining specific skills of in-situ surveys of the territory, comprehension of the revealed artifacts, and systematic search for design solutions for the students of the group БАП05 (KSASU).

Keywords: psychological space, "man-city" dialogue, educational design, form-sign.

Процессы разносторонних изменений городской жизни определяют появление новых тем обсуждения архитектурной проблематики, или нового «прочтения» тем старых, по тем или иным причинам долго не замечаемых, умалчиваемых. Архитектор-исследователь Т.А. Ушакова, рассматривая вопросы содержательного наполнения архитектурных композиционных построений, замечает: «Каждая эпоха имеет как свой список запрещенных, так и – разрабатываемых тем» [1, С. 9]. Разработка эта возможна в ходе выполнения задач как реальной проектной, так и образовательной практик.

В предлагаемой работе с опорой на суждения специалистов гуманитарного и творческого направлений рассматриваются архитектурный аспект одной из пограничных тем (на стыке зон умолчания и рассмотрения) актуального городского дискурса, возможность ее разработки в ходе учебных занятий со студентами-архитекторами начальной стадии обучения.

Актуальность той или иной темы определяет, прежде всего, временная составляющая. Так, А.В. Аристова, И.В. Краснобаев, рассматривая современный период как переходный, связанный с процессами модернизации всего мироустройства, в качестве инструмента, необходимого для развития городского пространства и направленного на решение его проблем, называют брендинг территорий – актуализированный имидж места, который можно конвертировать в доходы [2, С. 7]. Характер всякого развития определяют глубинные смыслы, поэтому в разговоре об имидже места важно понимание исходного значения одного из самых востребованных ныне слов-определений. Литератор П. Киньяр напоминает: «Слово «image» восходит к древнейшему похоронному обряду. «Imago» (изображение, образ, подобие, тень, представление) первоначально означало голову покойного, которую отрезали после смерти и водружали на крышу; затем это слово стало обозначать снятую с лица восковую маску, затем восковую живопись, изображавшую черты усопшего» [3, С. 95]. Он же задается вопросом о необходимости восстановления отношений со смертью в качестве средства сохранения достоинства, под которым понимается свое место в мире-городе.

Говоря о городах с многовековой историей, архитектор А. Росси рассматривает их как огромные лагеря живых и мертвых, наполненные сигналами, символами, предупреждениями [4, С. 41]. Стоит уточнить, что в рамках психологического пространства (одной из важных составляющих пространства архитектурного), содержательно «говорящего» с нами на языке философии, религии, искусства, речь идет о мертвых, о которых помнят живые. Именно механизмы памяти, связанные с работой воображения, позволяют нам читать сигналы-предупреждения (архитектурные – в том числе), утверждающие тему соседства мертвых и живых как один из важнейших наполнителей содержания города как среды обитания.

Культуролог У. Эко, отмечая широкое распространение темы смерти в средние века, объясняет причины нынешнего ее замалчивания: «В ту эпоху, когда люди жили меньше, чем мы, присутствие смерти ощущалось постоянно и неумолимо, в отличие от наших дней, когда, выставляя на продажу образцы молодости и здоровья,

общество силится забыть о смерти, спрятать ее, оттеснить на кладбища, говорить о ней только иносказательно или же отогнать от себя, сведя к простому элементу зрелища» [5, С. 62].

Тяга к обновлению в архитектуре городов, замена достопримечательностями памятников архитектуры (материальных знаков памяти) – все это весьма распространенные способы «превращения» жизни в зрелище (актуализированный имидж места). Очевидно, не случайно появление рубрики «Чувство города» (эта рубрика о тех качествах среды, которые нужно менять, чтобы улучшить самочувствие человека; о тех ценностях, которые нужно защищать, потому что они и есть то, на что опираются люди [6, С. 54]) в журнале «Русский репортер», оперативно фиксирующем важные начинания и тенденции в современном российском обществе, обозначил текст в жанре самоисследования – «Побежденный страх. Пять разговоров о смерти».

Беллетрист Б. Акунин, объясняя отличие старых городов от новообразованных напряжением перехода настоящего в прошлое, в рамках собственного само-исследования замечает: «С некоторых пор я стал чувствовать, что люди, которые жили раньше нас, никуда не делись. Они остались там же, где были, просто мы с ними существуем в разных временных измерениях. Мы ходим по одним и тем же улицам, невидимые друг для друга. Все, кто когда-то жил, остаются навсегда» [7, С. 6].

Подобное осознание городского пространства отчасти объясняет такой феномен последних лет как шествия в день Победы по улицам российских городов «Бессмертного полка». Так, в 2017 году на улицы российских городов шествие вывело около восьми миллионов человек с портретами уже ушедших из жизни. То, что в устах одного кажется выражением крайне субъективного ощущения, в дни особого напряжения становится объективной реальностью, требующей своего осмысления и приемлемых форм пространственного выражения.

А.Э. Коротковский, автор фундаментального в архитектурных теории и образовании текста – «Введение в архитектурно-композиционное моделирование» само возникновение архитектуры объясняет темой «живых и мертвых» как базовой: «Менгир – камень высотой до 20 м – устанавливался на месте захоронения вождя племени, и сила, которая заставляла выполнять эту работу, была духовной социальной силой. Кочующее племя могло время от времени возвращаться к сооружению, обозначавшему священное место, чтобы встретиться с духом могущественного предка. Вносимая этим в характер жизни племени определенная духовная привязанность к стабильному пространству может рассматриваться как одна из многих предпосылок образования города [8, С. 56-57].

Архитектурный критик Г.И. Ревзин объясняет «нехитрые» приемы выражения этой темы в архитектуре так: «Переводя переживания смерти в пространственные образы, она может работать с предельно общей схемой – есть «мир этот», в котором мы живем, есть «тот», в котором мы умерли; в европейской традиции «мир иной» с точки зрения архитектурно-пространственных представлений всегда совпадает с миром неких высших сущностей» [9, С. 17].

При определении архитектурно-пространственных аналогов, предназначенных для осмысленного обращения к иным мирам и их обитателям, мы в первую очередь называем храмы и некрополи (кладбища).

Кладбище как место заключительной фазы диалога «человек – город» (умершие жители, сливаясь с почвой, окончательно становятся безраздельной собственностью города [7, С. 8]) – тема, рассматриваемая в работе и суждениях многих значительных архитекторов с самого начала их творческого пути.

В 1911 году молодой чертежник берлинского проектного бюро Ш.Э. Жаннере, которому еще только предстоит стать законодателем архитектурных мод – Ле Корбюзье, решает совершить путешествие до Константинополя. Во время путешествия молодой человек вел дневник – ценное свидетельство начальной стадии формирования сущностного видения профессиональных задач. Особый интерес в рамках рассматриваемой темы заслуживает глава дневника «На турецкой земле». Здесь обостренное понимание отношений прошлого и настоящего находит свое выражение как в остроумных комментариях (турецкий афоризм: где нет домов, там есть могилы; таким образом, земля всегда населена [10, С. 78]), так и прямых описаниях «подземных кварталов», возникающих в их ходе аналогиях: «Вот и первое турецкое кладбище. Оно расположено на краю маленького городка. Кладбище соединяет город с равниной и является как бы его воротами. Надгробные камни, словно менгиры, теряются среди зарослей чертополоха. Лишь только овечьи отары да одинокие коровы щиплют траву в этом безмятежном городе мертвых» [10, С. 39].

«Город мертвых» – как отправная точка пути будущего большого мастера, обнаруживающего в своих концептах «открытия» первых раздумий, – подобный пример можно найти и в российской архитектурной истории.

Усыпальница в виде храма, установленная на одной из могил Никольского кладбища Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга в 1896 году, – первый петербургский заказ А.В. Щусева. Вот что об этом пишет биограф архитектора, А.А. Васькин: «Интересно, что Щусев сам нашел своего первого заказчика, ею оказалась вдова тайного советника Д.П. Шубина-Поздеева, искавшая архитектора для создания надгробия на могиле усопшего супруга. Это выглядело неожиданно и даже нахально – вот так с улицы и без рекомендации явиться к незнакомой женщине и заявить, что он, молодой студент Академии художеств, и есть тот, кто ей нужен» [11, С. 86].

Часовня в византийском стиле, окруженная изящной оградой, произвела впечатление, о Щусеве заговорили. В последующем творчестве архитектора интересующая нас тема находила свое неоднократное осмысление: надгробие на могиле Н.Л. Шабельской во французской Ницце (1904), надгробный крест королю Георгу I Греческому в Афинах, часовня на могиле канцлера А.М. Горчакова в Петербурге (оба – 1913) и, конечно, варианты ленинского мавзолея на Красной площади в Москве (1924-1928).

Приведенные примеры показывают важность и возможность ввода «пограничной» темы в ряд тем учебного проектирования. Пространство «города мертвых» – возможная база формирования специфических навыков, умений и представлений архитектора; особую значимость здесь обретает убедительность обоснования выбора места «привязки» проектируемого объекта, его назначения, стилового решения.

Традиционно одна из первых тем учебного проектирования – «Малая архитектурная форма без внутренней функции». Перечень отвечающих ее требованиям форм весьма велик: парковые навесы, универсальный модуль, беседка, открытый павильон, классическая ротонда, входные ворота и многое другое. Студентам группы 6АП05 (КГАСУ, II семестр обучения) заданием на проектирование была предложена архитектурная разработка узла

западного входа на территорию Ново-Татарского кладбища – одного из старейших (захоронение на его территории ведутся с XVIII века) казанских некрополей.

Кладбищенское пространство – практически идеальное для формирования представлений о должном и разумном в композиционно оправданной его организации. Представление о необходимости выстраивания ясных границ и путей, оправданного размещении определяющих ход того или иного процесса (движения, церемонии, хозяйственной организации) зон, узлов, знаков-символов здесь, где все предельно соразмерно человеку, понимается и осознается в должной мере.

Американский архитектор-исследователь П. Айзенман, рассматривая кладбище Сан-Катальдо в итальянской Модене (1971-1978), отмечает, что автор проекта некрополя – А. Росси именно в этой работе смог объединить свое критическое отношение к современному архитектурному процессу с интересом к типологии, аналогии, масштабу, сведенным к архетипам и артефактам (объектам, длительное существование которых объясняет их неизменность в истории города) [12, С. 184-185]. Определяя анализируемое пространство как альтернативный тип города, исследователь перечисляет приемы и формы, характеризующие его своеобразие: симметрия, обязательная композиционная ось, «удерживающая» на себе входную группу, стена-ограда, группы последовательностей однородных элементов, «городская площадь» в центре, заполненная артефактами [12, С. 190].

Старые казанские некрополи являются как хранителями все тех же «неизменных в истории города» артефактов – зримых выразителей духа места, так и отражением «напряжения перехода настоящего в прошлое»: захоронение казанских ханов Махмуда и Мухаммад-Амина на территории Казанского кремля (торжественное перезахоронение останков, обнаруженных в 1977 году, прошло в мае 2017 года); братское захоронение воинов, павших при взятии города Иоанном IV в 1552 году, под сводами храма-памятника на Казанке; частично сохранившееся древнее кладбище (зират) «Биш-балта» в Адмиралтейской слободе (планы по реорганизации слободы определяют повышенный интерес к зирату, находящемуся на вновь актуализированной городской территории); Арское кладбище (с 2015 года – историко-мемориальный памятник); Архангельское кладбище (в октябре 1998 был установлен памятный знак, указывающий на то, что здесь происходили массовые захоронения жертв тоталитаризма).

Особое место среди исторических казанских некрополей как место упокоения многих прославленных казанцев (среди них поэт Г. Тукай, композитор С. Сайдашев, художник Б. Урманче) занимает Ново-Татарское кладбище. Знакомство с ним как с уникальным городским образованием (практически для всех студентов группы – первое) стало отправной точкой хода выполнения учебного задания.

Состояние зирата на момент натурного обследования (сентябрь 2016 года) фиксировало всю сложность решения «пограничной» темы в современном городе. Расположенный на окраине, в окружении объектов и зон промышленного назначения разной степени востребованности, он являл миру достойную «визитную карточку» – главный вход: входные ворота, увенчанные скульптурной формой, вызывающей ассоциации с минаретом, рядом – изваяние женщины-матери. Ухоженная аллея, начинающаяся за ним, вела на «центральную площадь», ядром которой выступала круглая в плане клумба, используемая как место централизованного сбора мусора. Буквально безобразная, она являла наблюдателям отсутствие какого-либо содержательного наполнения пространства. Входное – презентательное, неосмысленное содержательно – центральное и незамечаемое – окраинное (участки с завалами все того же мусора) – во многом узнаваемый расклад в жизни и организации городских пространств, выражение не сегодня сложившейся иерархии материальных и нематериальных ценностей, о которых должно помнить, но чаще всего получается вспоминать по случаю. Одним из таких случаев, заставивших говорить о Ново-Татарском зирате, стало вандальное нападение на кладбище в ночь с 7 на 8 сентября 2017 года. В результате его было разрушено и повреждено более ста надгробий, возбуждено уголовное дело. Корреспонденты газеты «Вечерняя Казань» (№ 5009), рассматривая версии случившегося, резюмировали: никакого разумного объяснения этому нет. В рамках нашей темы подобные акты можно рассматривать как симптомы искажения психологического городского пространства, являющие себя в пространстве архитектурном. Вандалы проникли на кладбище через вход со стороны улицы Меховщиков, долгие годы представлявший собой дыру в заборе из типовых бетонных плит. Рядом с ним – место для сбора мусора и ничем не фиксируемая остановка общественного транспорта. Именно этот вход (на тот момент буквально болевая точка на теле города) и стал объектом разработки учебной проектной работы (по стечению обстоятельств натурное обследование места случилось несколько дней спустя после описанного события).

Архитектурное оформление места сообщения двух пограничных пространств – задача для студента начальной стадии обучения вполне решаемая (фронтальная композиционная форма в трехмерном пространстве). Особое значение нашего пространства (место памяти и сосредоточения образов прошлого) оправдывает обращение в творческом поиске к стилям прошлых эпох. Соседство подобного пространства с транзитным, каковым и является примыкающий к кладбищу участок улицы Меховщиков, определило поиск острохарактерного силуэтного решения объекта, его запоминающейся формы-знака, способной как «вместить» многозначность означенного ею места, так и привлечь к себе внимание наблюдателя (здесь чаще всего – смотрящего из окна проезжающего автомобиля).

В ходе многовариантного поиска и аудиторных консультаций каждый из студентов смог сформировать выражение своего представления о подобной форме: портал, венчание которого повторяет очертания увиденных на территории зирата старых надгробий; кованная арка, вторяющая чередой своих членений сложным ритмам древесных крон (напоминание о райском саде); циклопическое сооружение, обнаруживающее в своей простоте присутствие особого времени-сознания; созвучные главному входу ворота в восточном стиле, фланкируемые столпами-минаретами; проходная арка меж двух, направленных на входящего ступенчатых стен («уводящих» в небо); теневой навес из перекрестных балок, напоминающий птицу в полете; купол-«цветок» на коническом основании, прорезанном стрельчатыми арками-проходами; соединение форм классической классического ордера и необработанных каменных блоков; супрематическая стена-барельеф, иссеченная горизонтальными бороздами (проекциями путей, спешащих мимо) и другие.

Возвращаясь к описанию пространства Ново-Татарского кладбища, следует сказать, что весной 2017 года старый

бетонный забор на участке западного входа был демонтирован, начато возведение нового ограждения (краснокирпичной стены с чередующимися нишами) и входного узла (циркульной арки с коваными воротами). Подобное, безусловно, говорит о понимании важности архитектурной составляющей в организации особых городских пространств. Переустройство это ни в коей мере не отменяет значения проделанной студентами работы; наблюдая эту перемену, они стали свидетелями действенного диалога городского пространства и его разновременных обитателей.

Кинодраматург Ю. Н. Арабов, определяя целеполагание всякого изыскания, утверждает: «Ни одна из наук не стоит ломаного гроша, если не отвечает на коренные вопросы бытия: «Зачем мы живем? Что происходит после смерти? Почему с нами случается то или иное событие?» [13, С. 11]. Включение в тематику учебного проектирования только кажущейся специфически периферийной, на самом же деле – базовой проблематики вневременного архитектурного дискурса – залог должного хода процесса становления будущих специалистов (со-бытия, со-участия), а значит и более вероятных в ближайшем будущем должных организации и насыщения смыслами городских пространств.

Список литературы / References

1. Ушакова Т. А. Формальная и неформальная композиция / Т. А. Ушакова // сборник научно-методических трудов № 4 «Архитектурно-художественная композиция». – Екатеринбург: Архитектон, 2012. – С. 8-18.
2. Аристова А. В., Краснобаев И. В. Архитектурно-градостроительный брендинг территорий как ключевой фактор развития города / А. В. Аристова, И. В. Краснобаев // Известия КГАСУ. – 2016. – № 1. – С. 7-15.
3. Киньяр П. Тайная жизнь: роман / П. Киньяр / пер. с фр. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013. – 416 с.
4. Росси А. Научная автобиография / А. Росси / пер. с итал. – М.: Strelka Press, 2015. – 176 с.
5. История уродства / под ред. Умберто Эко; пер. с итал. – М.: Слово/ Slovo, 2007. – 456 с.
6. Гарафиева Г. Победенный страх. Пять разговоров о смерти / Г. Гарафиева // Русский Репортер. – 2016. – № 11. – С. 54-57.
7. Акунин Б. Кладбищенские истории / Б. Акунин, Г. Чхартисвили. – М.: КоЛибри, 2004. – 240 с.
8. Коротковский А. Э. Введение в архитектурно-композиционное моделирование: учебное пособие / А. Э. Коротковский. – М.: Московский ордена Трудового Красного Знамени архитектурный институт, 1975. – 304 с.
9. Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурной формы / Г. И. Ревзин. – М.: ОГИ, 2002. – 144 с.
10. Ле Корбюзье. Путешествие на Восток / Ле Корбюзье / пер. с фр. – М.: Стройиздат, 1991. – 120 с.
11. Васькин А. А. Щусев: Зодчий всея Руси / А. А. Васькин. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 461 с.
12. Айзенман П. Десять канонических зданий: 1950-2000 / П. Айзенман / пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2017. – 312 с.
13. Арабов Ю. Н. Механика судеб / Ю. Н. Арабов. – М.: Парад, 1997. – 240 с.

Список литературы на английском языке /References in English

1. Ushakova T.A. Formalnaja i neformalnaja kompozicija [Formal and informal composition] / T. A. Ushakova // Sbornik nauchno-metodicheskikh trudov № 4 «Arhitekturno-hudozhestvennaja kompozicija» [Collection of scientific methodological works № 4 «Architecturally-art composition»]. – Ekaterinburg: Arhitekton, 2012. – P. 8-18. [in Russian]
2. Aristova A. V., Krasnobaev I. V. Arhitekturno-gradostroitelnyj brending territorij kak kljuchevoj faktor razvitiya goroda [Architectural and town planning branding territories as a key factor in the development of the city] / A. V. Aristova, I. V. Krasnobaev // Izvestija KGASU [News of the KSUAE]. – 2016. – № 1. – P. 7-15. [in Russian]
3. Kinjar P. Tajnaja zhizn: roman [Secret lives: a novel] / P. Kinjar / trans. from fr. – SPb.: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2013. – 416 p. [in Russian]
4. Rossi A. Nauchnaja avtobiografija [Autobiografia scientifica] / A. Rossi / trans. from ital. – M.: Strelka Press, 2015. – 176 p. [in Russian]
5. Istorija urodstva [The history of ugliness] / edited by Umberto Eko; trans. from ital. – M.: Slovo / Slovo, 2007. – 456 p. [in Russian]
6. Garafieva G. Pobezhdennyj strah. Pjat razgovorov o smerti [Overcome fear. Five conversations about death] / G. GarafievaG // Russkij Reporter [Russian reporter]. – 2016. – № 11. – P. 54-57. [in Russia]
7. Akunin B. Kladbishhenskie istorii [The graveyard of history] / B. Akunin, G. Chhartishvili. – M.: KoLibri, 2004. – 240 p. [in Russian]
8. Korotkovskij A. Je. Vvedenie v arhitekturno-kompozicionnoe modelirovanie: uchebnoe posobie [Introduction to architectural and compositional modeling: a tutorial.] / A. Je. Korotkovskij. – M.: Moskovskij ordena Trudovogo Krasnogo Znameni arhitekturnyj institut, 1975. – 304 p. [in Russian]
9. Revzin G. I. Oчерки по философии arhitekturnoj formy [Essays on philosophy of architectural form] / G .I. Revzin. – M.: OGI, 2002. – 144 p. [in Russian]
10. Le Korbjuze. Puteshestvie na Vostok [Journey to the East.] / Le Korbjuze / trans. from fr. – M.: Strojizdat, 1991. – 120 p. [in Russian]
11. Vaskin A. A. Shhusev: Zodchij vseja Rusi [Shhusev: Architect of all Russia] / A. A. Vaskin. – M.: Molodaja gvardija, 2015. – 416 p. [in Russian]
12. Eisenman P. Desjat kanonicheskikh zdanij: 1950-2000 [Ten canonical buildings: 1950-2000] / P. Eisenman / trans. from english. – M.: Strelka Press, 2017. – 312 p. [in Russian]
13. Arabov Ju. N. Mehanika sudeb [Mechanics destinies] / Ju. N. Arabov. – M.: Parad, 1997. – 240 p. [in Russian]

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.013>****Бажанов Н.С.**

ORCID: 0000-0002-0116-2891 профессор, доктор искусствоведения,

Новосибирская государственная консерватория им. М.И.Глинки

ДИНАМИЧЕСКОЕ ИНТОНИРОВАНИЕ МЕЛОДИИ НА ФОРТЕПИАНО**Аннотация**

В статье, на основе компьютерного музыкально-акустического анализа, исследуется практика фортепианного интонирования. Взаимосвязи мелодического рельефа и громкости отдельных тонов изучаются на материале звукозаписей произведений в исполнении выдающихся пианистов прошлого и современности. Предполагается, что существующие способы сжатия динамического диапазона сигнала в звукозаписи (компантеры), изменяя абсолютные значения интенсивности звуков, не влияют на относительные соотношения тонов между собой. Относительные соотношения тонов мелодии по интенсивности в звукозаписи сохраняются, что позволяет проводить компьютерные измерения профиля интенсивности мелодии в звукозаписи. Полученные данные, обобщения и взаимосвязи интерпретируются в теории исполнительского искусства. В результате были обнаружены три способа громкостного интонирования мелодии: параллельный, противоположный, свободный. Представляет интерес многослойное динамическое интонирование одноголосных мелодий, особый вид исполнительского скрытого многоголосия.

Ключевые слова: громкостная динамика, компьютерный анализ, исполнительское интонирование, интонационная форма, звучание музыкального произведения.

Bazhanov N.S.

ORCID: 0000-0002-0116-2891 Professor, PhD in Arts,

Glinka Novosibirsk State Conservatory

DYNAMIC INTONING OF PIANOFORTE MELODY**Abstract**

In this paper, the practice of pianoforte intoning is studied based on computer musical-acoustic analysis. The interrelationships of melodic relief and loudness of individual tones are studied on the basis of sound recordings of works performed by outstanding pianists of the past and modern times. It is assumed that the existing methods of compressing the dynamic range of a signal in a sound recording (compander), changing the absolute values of the intensity of sounds, do not affect the relative proportions of tones between themselves. The relative proportions of melody tones by intensity in sound recording are preserved, which enables computer measurements of the intensity profile of the melody in sound recording. The obtained data, generalizations and interrelations are interpreted in the theory of performing arts. As a result, three ways of loud intonation of the melody were found: parallel, opposite and free. Multilayer dynamic intonation of single-colored melodies, a special type of performing hidden polyphony, is of a particular interest.

Keywords: loud dynamics, computer analysis, performing intonation, intonational form, sound of a musical composition.

Акустические музыкальные измерения и применение точных методов исследования звучащего музыкального произведения имеет свою историю в отечественном музыкознании. Основным функциональным достижением таких методов явилась визуализация звучания музыкального произведения, весьма тонкой и сложной материи. Благодаря графической фиксации звукового тела произведения возникла возможность его дальнейшего исследования и сопоставления результатов с уже известными данными музыкальной науки.

Ещё в 1909 г. В. Д. Зернов опубликовал работу "Абсолютное измерение силы звука" [2], в которой сообщает результаты изучения интенсивности звучания человеческого голоса в зависимости от высоты тона и регистра. В качестве вокалистов в этих исследованиях участвовали знаменитые басы, Ф. И. Шаляпин и А. С. Пирогов. Одно из первых измерений интенсивности музыкального звука было выполнено А. Топлером и Л. Больтсманном в 1870 г. [24] при помощи пневматической аппаратуры.

В 1929 г. М. Мачинский высказал идею использования акустических методов исследования звучания музыкального произведения, что, по его мнению, "даст возможность судить о действительном соответствии теоретически мыслимой музыки с исполняемой" [8, С. 81].

В начале XX века центром исследований в музыкальной акустике становится ГИМН (Государственный Институт Музыкальной Науки). В трудах этого института А. В. Рабинович предлагает осциллографический метод анализа мелодии и высказывает надежду, что осознание процесса звучания сыграет большую роль в развитии исполнителей [12].

Одним из основателей электроакустических методов был С. С. Скребков. Им в 1934-1950 гг. были получены интересные и важные результаты о строении музыкального произведения в его акустической форме [15, 14]. В частности, была обнаружена взаимосвязь между так называемым статистическим пикфактором громкости звучания произведения (отношение максимального динамического уровня к среднему уровню звучания музыкального произведения) и его жанром, инструментальным предназначением, стилем исполнения, педализацией, исполнительской динамической нюансировкой.

Исследования выразительных возможностей и способов существования громкостной динамики в музыке продолжаются и в XXI веке, подобно работе И. В. Шутовой [22]. В ней автор относит динамику к самоорганизующимся системам, основанным на принципе поляризации. В таких нелинейных системах периоды разворачивания противостоят свертыванию, интенсивность сменяется затуханием, интеграция – дезинтеграцией.

Термин «динамическое интонирование» относится к основным терминам данной статьи и обозначает фортепианное интонирование [6] посредством динамики. Как известно, изменять высоту тона на фортепиано невозможно, но соединять звуки выразительным образом в интонационные комплексы пианисты могут. В данном

случае интонирование соотносится не со звуковысотным качеством интонации, а с иным общепринятым смыслом – «сопряжением тонов в музыкальном высказывании» [10, С. 552]. Такое сопряжение касается, в числе других выразительных средств, и динамики.

В исполнительской интерпретации музыкального произведения взаимосвязи профиля мелодии и интенсивности её тонов проявляется необычайно широко и разнообразно. Дополняя мысль А. Б. Гольденвейзера о фортепианной динамике как средстве наибольшего выражения исполнительской индивидуальности [1, С. 39], можно утверждать, что именно в сфере динамического интонирования мелодии своеобразие и индивидуальность музыкального мышления пианиста сказывается в наибольшей степени. Опыт исследований, показывает, что функционирование динамики как средства выявления метра, ритма, агогики и т.д. носит прерывный, дискретный характер. Участки динамического текста, где проявляются указанные функции динамики, чередуются с фрагментами, где они не встречаются.

В противоположность такому характеру, взаимодействие динамики и мелодии возникает практически непрерывно, просматривается в каждом такте музыкальной композиции. Это объясняется ведущей ролью мелодии в системе музыкальных выразительных средств.

В методической литературе прошлого можно обнаружить многочисленные попытки регламентировать взаимосвязь между динамическим развитием и направлением движения мелодии.

В трактате Гвидо из Арrezzo "Микролог", написанном в XI в., содержится поразительный факт осознания подобной взаимосвязи динамики и мелодии: "Часто ставим мы на звуки тяжелые или острые ударения, так как одно мы произносим с большей силой, другое с меньшей; таким образом, часто повторение одного и того же тона дает нам впечатление повышения или понижения" [11, С. 198].

Сочетаний *crescendo* - при движении мелодии вверх и *diminuendo* - вниз рекомендовали придерживаться В. Манфредини [7, С. 71], К. Черни [21, С. 107], М. Люсси [5, С. 134], Г. Риман [13, С. 81] и др. В речи, и в пении, переход к более высокой тесситуре сопровождается большими физическими усилиями, отчего параллельная связь высоты тона и степени интенсивности звука закрепляется в результате богатой практики интонирования.

В целях изучения взаимодействия динамики в системе выразительных средств интонации, посредством компьютерной программы Adobe Audition 3.0 была осуществлена графическая фиксация профиля интенсивности исполнительского акустического текста. Далее в результате расшифровок профиль интенсивности был совмещен с нотным текстом. В акустических измерениях использовались звукозаписи выдающихся пианистов.

Распечатки акустического текста произведения, занимают большие графические площади, поэтому в статье приводятся лишь несколько графиков интенсивности и протяженности тонов, совмещенные с нотным текстом. В остальных случаях даны обобщенные результаты многолетних исследований динамического профиля звучащего музыкального произведения (более 200 исполнительских текстов). В таких графиках (см. Рис. 1) в зоне, обозначенной буквой "D" (Динамика), треугольниками записано соотношение интенсивности тонов в момент атаки звукоизвлечения. Расположение треугольника выше в сторону знака (+) означает большую интенсивность, ниже в сторону знака (-) – меньшую интенсивность тона.

В зоне "Т" (Темп) прямоугольниками зафиксирован темп исполнения тонов. Для наглядности исполнительская протяженность длительностей во времени показана в виде графика темпа каждого тона. Если восьмая исполнена в два раза короче четверти, то отметки этих нот будут на одной горизонтальной линии. Знак (+) в зоне темпа исполнения тонов означает более ускоренный темп, (-) - замедленный.

Параллельное сочетание развития мелодии и динамики встречается на осциллограммах динамического профиля очень часто (Рис. 1).

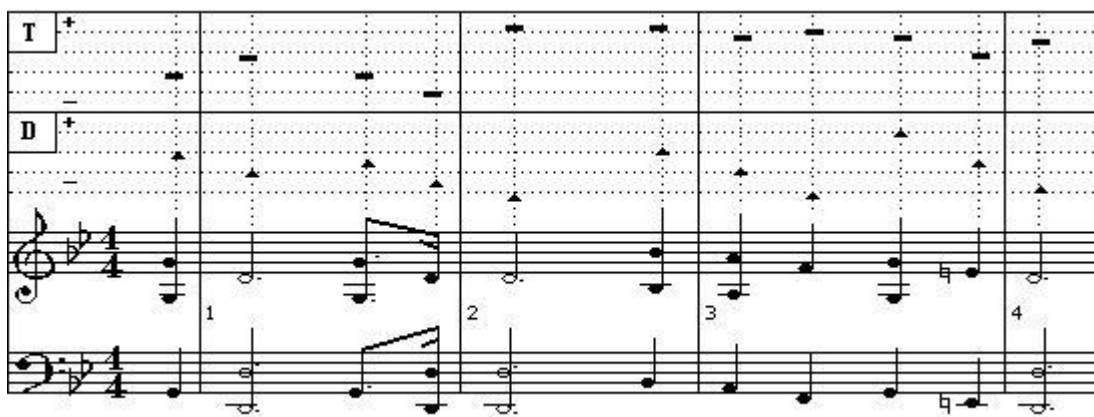

Рис. 1 – Р. Шуман «Альбом для юношества», ор. 68, Песнь матросов. Исполнитель А. Б. Микеланджели, грамзапись – С10-17897-8

На рис. 1, показан динамический профиль пьесы Р. Шумана "Матросская песня" в исполнении А. Микеланджели, где на протяжении целых восьми тактов сохраняется параллельное развитие мелодии и динамики.

В аналогичных местах мелодического профиля (3-й и 7-й такты) исполнитель одинаково интонирует в динамике. Благодаря более громкому исполнению тонов G, в этом месте мелодия сегментирована по три звука B, A, F и G, E, D. Указанные мотивы возникают за счет объединяющей роли динамического нюанса *diminuendo* и принципа: динамический скачок вверх - новая музыкальная структура. В данном случае динамика функционирует как средство микрофразировки или как средство соединения и расчленения, выявляющее мотивное строение мелодии.

В звукозаписях выдающихся пианистов были обнаружены варианты зависимости динамики от мелодической линии, когда на протяжении длительного времени исполнитель выдерживает противоположное соотношение динамического профиля с направлением интервалов. Тогда интервалу вниз соответствует *crescendo*, а вверх – *diminuendo*. Причем этот тип сопряжения сохраняется на протяжении нескольких тактов, что невозможно интерпретировать как действие случайности. Показательно, что в условиях повтора мелодического материала профиль интенсивности также остается неизменным.

Исполнение диезов громче, а бемолей тише – прием широко известный музыкантам, чей инструмент имеет нефиксированную высоту тона. Можно вспомнить совет Леопольда Моцарта, отца В. А. Моцарта, об интонировании посредством динамики: "Через диезы повышение ноты должно всегда немного крепче заигрывать, но впоследствии мелодию в тоне опять уменьшать. Также должно через бемоли означенное понижение крепостью различать" [9, С. 200].

Соответствие объема мелодического или гармонического интервала динамическому перепаду (динамическому интервалу) обнаруживается на многих записях. Такая устойчивая и повторяющаяся связь динамики и звуковысотной интонации мелодии позволяет отнести подобное взаимодействие к закономерностям фортепианного динамического интонирования.

Наибольший интерес вызывают те исполнительские тексты, где, несмотря на отсутствие и параллельного, и противоположного вариантов, тем не менее, ощущалась глубина, свежесть и обоснованность исполнительского динамического интонирования. Именно в таких фрагментах мелодии проявляется индивидуальный характер исполнительского интонирования.

Этот тип можно обозначить как свободное динамическое интонирование. В подобных случаях исполнитель выбирает характерный и своеобразный динамический рисунок и закрепляет его за мотивом, темой или фрагментом музыкальной композиции. Далее, появление подобного мелодического фрагмента сопровождается удержанным за ним динамическим профилем.

В качестве примера обратимся к динамической схеме репетиционного мотива из трех тонов, завершающих каждую из восьми фраз Прелюдии Ф. Шопена Ля мажор op. 28, № 7 (Рис. 2).

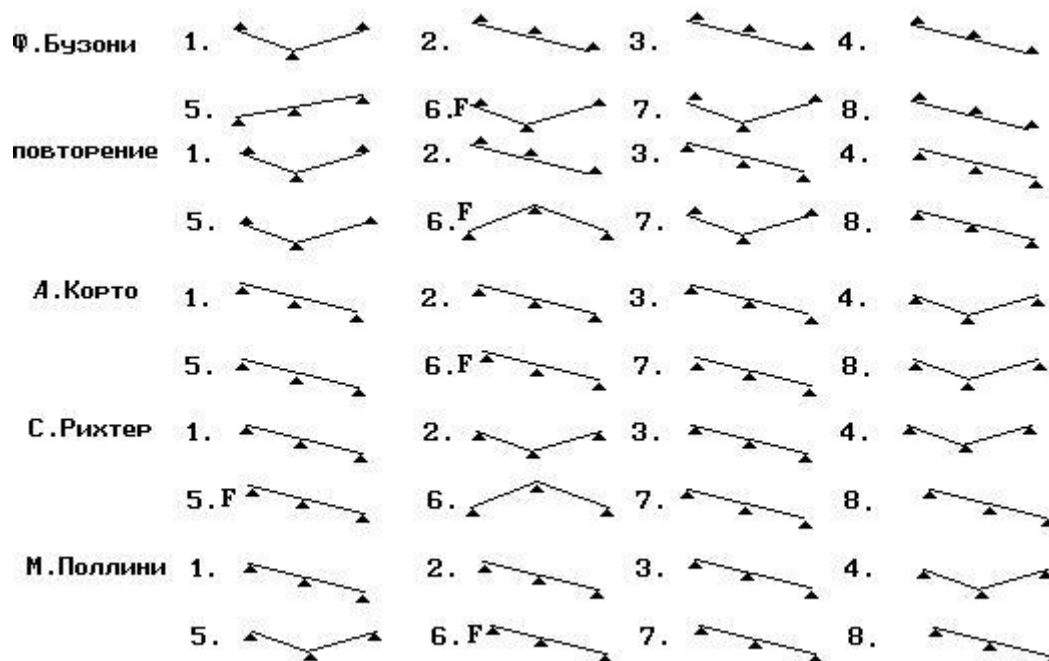

Рис. 2 – Схема динамических профилей репетиционного мотива из прелюдии Шопена № 7 A dur, op. 28

Как видно из приведенной схемы динамического профиля, несмотря на индивидуальную манеру динамического интонирования каждого исполнителя, просматриваются общие типы произношения тождественных мотивов. Вместе с тем представляется типичным интонирование на *diminuendo* трех повторяющихся аккордов во всех исполнительских вариантах. На других фиксациях динамического профиля также довольно распространенным типом интонирования примы является *diminuendo*. Оправданность такого динамического сопряжения обусловлена стремлением плавно соединить примы в один длинный тон, поскольку именно в примях обнаруживается негативная динамическая природа фортепианного тона с его резкой атакой и неуправляемой стадией затухания.

На рис. 2 хорошо видны разные исполнительские стилистические подходы к динамическому интонированию. Так, исполнение Ф. Бузони наглядно представляет тип максимального динамического варьирования. В противоположность этому типу исполнение А. Корто архитектурно стройно и строго симметрично. В его исполнении следует обратить внимание на общую логику чередования динамических интонаций. Если каждый тип интонирования обозначить одной буквой, обнаружится следующий этап действия динамики – композиционный: схема – х, х, х, у, х, х, х, у. Случай, когда последнее, четвертое, проведение противостоит, контрастирует предыдущим трем, является распространенным типом использования динамики как композиционного средства.

Исполнение С. Рихтера реализует вариант классической симметрии и стройности. Вторая интонация зеркально-симметрична шестой. Оригинально и неповторимо интонирование М. Поллини: схема – х, х, х, у, у, х, х, х. В данном случае исполнитель реализует тип трехчастной репризности в общей структуре сопоставления динамических интонаций:

1. A=x,x,x; 2. B=y,y; 3. A=x,x,x.

Различные положения занимает кульминация прелюдии в приведенных исполнительских вариантах (знак F). В тех случаях, когда местоположение кульминации не совпадает с традиционным (11-12-й такты), эти такты исполняются с наибольшим агогическим расширением. Таким образом, возникает взаимодействие двух видов кульминаций – динамической и агогической. Они или совпадают, как, например, в исполнении Ф. Бузони, А. Корто, или подчеркивают существенные части композиции, как в исполнении С. Рихтера.

Такие свойства динамики, как возможность соединять и расчленять части мелодии, продуцировать различные динамические профили и особенно акцентировать отдельный тон в микроструктуре, в совокупности могут работать как своеобразный исполнительский механизм порождения новых интонаций.

На возможность порождения новых исполнительских интонаций указывал С. Е. Фейнберг: "При разделении одноголосной формы движения на две составные части ставится цель показать не то, что должно скрываться за внешне одноголосным начертанием, но то, что может быть найдено и выделено исполнителем" [19, С. 225].

Надсегментное исполнительское интонирование, в том виде как оно проявляется в исполнительских текстах, является частью более общей проблемы многослойности одноголосной мелодической линии.

В полифонии эта проблема, получив название «скрытого многоголосия, содержащегося в пределах одноголосной линии» [18, С. 7] была впервые поставлена Э. Куртом [4] и в дальнейшем активно разрабатывалась в отечественном музыковедении С. С. Скребковым [16, 17].

В качестве возможной интонационной многослойности одноголосной мелодической линии можно сослаться на исследование мелодии, проведенное болгарским музыковедом Д. Христовым. В частности, Д. Христов делает вывод, что «наиболее яркими являются поворотные тоны, звуки, образующие мелодический скачок (особенно второй его звук), а также начальный и последний звук мелодии» [20, С. 35]. Он пишет о графической схеме мелодической линии, которая состоит из наиболее ярких тонов. А. Карастоянов получает такую схему мелодии путем удаления из нее малозначимых тонов [3, С. 14], а А. Зюдов использует понятие внутренней и внешней мелодии. Внутренняя мелодия, считает он, базируется на опорных тонах, внешняя – реальный мелодический рисунок [23, С. 196].

Результаты исследования динамического интонирования пианиста содержат новые аргументы подтверждающие концепцию многослойности одноголосной интонации.

В подобных взаимосвязях на расстоянии нет ничего удивительного. Ведь всякое музыкальное произведение развертывается не только в звуковысотном, временном и динамическом пространствах, но и в пространстве памяти слушателя. На записях исполнительского акустического текста обнаруживаются соотношение и взаимосвязь не только соседних звуков и структур, но и стройная картина соотношений на расстоянии. Такие надсегментные связи элементов, выявленные посредством динамики, могут рассматриваться как свойство любого текста. Любой текст многослоен настолько, насколько память включенного в текст субъекта соединяет между собой его нерядоположенные элементы. В мелодии парадигматические (нерядоположенные) отношения между тонами оказываются еще более сложными, что проявляется и в динамическом интонировании. В более широком смысле системы лада, гармонии, метра, ритма и т. д. можно рассматривать как проявление надсегментных связей текстовых элементов музыкального произведения.

Суммируем основные особенности динамического интонирования мелодии. На записях динамического профиля музыкального произведения обнаруживаются следующие соответствия принципов развития мелодии и динамики.

1. Параллельное развитие по типу: мелодический или гармонический интервал вверх – *crescendo*, вниз – *diminuendo*.

2. Противоположное сочетание: интервал вверх – *diminuendo*, вниз – *crescendo*.

3. Смешанный тип свободного динамического интонирования представляет наибольший интерес для анализа и является проявлением исполнительской индивидуальности.

4. Большему мелодическому интервалу соответствует больший динамический перепад между интенсивностью его тонов, меньшему – меньший. Исполнитель подчеркивает ладовое тяготение тонов более интенсивным исполнением неустоев.

5. Принцип экономии динамического пространства выражается в расчленении профиля динамической эволюции на две или более частей, посредством использования приемов *subito P* или *subito F* на соседних по времени тонах.

6. Особый интерес вызывает исполнительское порождение новых мелодических интонаций. Следует признать, что выделенные тона мелодии образуют отдельный слой весьма логичных и художественно целесообразных мелодических построений.

Список литературы / References

1. Гольденвейзер А. Б. Об исполнительстве / А. Б. Гольденвейзер // Вопросы фортепианного и исполнительского искусства. – М.: Музыка, 1965. – Вып.1. – С. 35-71.
2. Зернов В. Д. Абсолютное измерение силы звука / В. Д. Зернов. – М., 1909.
3. Карастоянов А. Былгаската многогласна народна песен / А. Карастоянов. – София, 1958.
4. Курт Э. Основы линейного контрапункта / Э. Курт. – М.: Госмузиздат, 1931.
5. Люсси М. Теория музыкального выражения / М. Люсси. – СПб.: Изд. Бессель, 1888. – 156 с.
6. Малинковская А. В. Фортепианно-исполнительское интонирование / А. В. Малинковская. – Очерки. – М., 1990. – 191 с.
7. Манфредини Винченцо. Правила гармонические и мелодические для обучения всей музыке // Алексеев А. Д. Из истории фортепианной педагогики: Хрестоматия. – Киев: Музична Украина, 1974. – С. 70-71.

8. Мачинский М. К вопросу об объективной расшифровке музыкального материала / М. Мачинский // Труды ЛЭЭЛ / Работы по музыкальной акустике. – Л., 1929. – Вып. 9.
9. Моцарт Л. Основательное скрипичное училище /Л. Моцарт / Пер. с нем. – СПб: Императорская Академия Наук, 1804. – 206 с.
10. Музыкальная энциклопедия. – Т. 2: М.: Сов. энциклопедия: Сов. композитор, 1974.
11. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения. – М.: Музыка, 1966. – 574 с.
12. Рабинович А. В. Осциллографический метод анализа мелодии / А. В. Рабинович. – М.: Музгиз, 1932.
13. Риман Г. Катехизис фортепианной игры / Г. Риман / Пер. с нем. А. Буховцева. – М.: Юргенсон, 1907.
14. Скребков С. С. Диаграммы громкостей инструментов симфонического оркестра / С. С. Скребков // Проблемы физиологической акустики. – М. – Л.: Наука, 1950. – Т.2. – С. 170-175.
15. Скребков С. С. Исследование динамических особенностей художественного исполнения перед микрофоном / С. С. Скребков // Сов. музыка. – 1934. – №8. – С. 55-65.
16. Скребков С.С. Полифонический анализ / С. С. Скребков. – М., 1940.
17. Скребков С.С. Учебник полифонии. 4-е издание / С. С. Скребков. – М., 1982.
18. Скребкова-Филатова М. С. Фактура в музыке / М. С. Скребкова-Филатова. – М.: Музыка, 1985. – 285 с.
19. Фейнберг С. Е. Пианизм как искусство / С. Е. Фейнберг. – 2-е изд., доп. – М.: Музыка, 1969. – 598 с.
20. Христов Д. Теоретические основы мелодики: Опыт описания аналит. подхода к отд. мелодии / Димитр Христов; [Пер. с болг.]. – М.: Музыка, 1980. – 256 с.
21. Черни К. Полная теоретическая и практическая фортепианная школа / К. Черни // Алексеев А. Д. Из истории фортепианной педагогики: Хрестоматия. – Киев: Музична Україна, 1974. – С. 98-126.
22. Шутова И. В. Онтологические модусы громкостной динамики [Текст] / И. В. Шутова // Искусство и образование. – 2010. – № 1. – С. 69-74.
23. Sydow A. Das Leid, Ursprung, Wesen und Wandel. Gottingen, 1962.
24. Toepler, A., and Boltzmann, L. Über eine neue optische Methode, die Schwingungen tonender Luftsäulen zu analysieren. Poggendorfs Annalen der Physik und Chemie, 141:321-352, 1870.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gol'denveizer A. B. Ob ispolnitel'stve [About performance] / A. B. Gol'denveizer // Voprosy fortepiannogo i ispolnitel'skogo iskusstva [Questions of piano and performing art]. – М.: Muzyka, 1965. – Vyp. [Publ.] 1. – P. 35-71. [in Russian]
2. Zernov V. D. Absolutnoe izmerenie sily zvuka [Absolute measurement of sound intensity] / V. D. Zernov. – М., 1909. [in Russian]
3. Karastoiarov A. B"lgarskata mnogoglasnana narodna pesen [Bulgarian polyphonic national song] / A. Karastoiarov. – Sofia, 1958.
4. Kurt E. Osnovy linearnogo kontrapunkta [Bases of a linear counterpoint] / E. Kurt. – М.: Gosmuzizdat, 1931.
5. Liussi M. Teoriia muzykal'nogo vyrazheniia [Theory of musical expression] / M. Liussi. – SPb.: Izd. Bessel', 1888. – 156 p.
6. Malinkovskaia A. V. Fortepianno-ispolnitel'skoe intonirovanie [Piano and performing intoning] / A. V. Malinkovskaia. – М., 1990. – 191 p.
7. Manfredini V. Pravila garmonicheskie i melodicheskie dlia obucheniia vsei muzyke [Rules harmonious and melodic for training in all music] / V. Manfredini // Alekseev A. D. Iz istorii fortepiannoi pedagogiki: Khrestomatiia [From history of piano pedagogics: Anthology]. – Kiev: Muzichna Ukraina, 1974. – P. 70-71.
8. Machinskii M. K voprosu ob ob"ektivnoi rasshifrovke muzykal'nogo materiala [To a question of objective interpretation of musical material] / M. Machinskii // Trudy LEEL [Works LEEL] / Raboty po muzykal'noi akustike [Works on musical acoustics]. – L., 1929. – Vyp. [Publ.] 9. [in Russian]
9. Motsart L. Osnovatel'noe skripichnoe uchilishche [Thorough violin school] / L. Motsart / Per. s nem. – SPb: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 1804. – 206 p.
10. Muzykal'naia entsiklopediia [Musical encyclopedia]. – Т. 2: М.: Sov. Entsiklopediia: Sov. Kompozitor, 1974. [in Russian]
11. Muzykal'naia estetika zapadnoevropeiskogo srednevekov'ia i Vozrozhdeniia [Musical esthetics of the Western European Middle Ages and Renaissance]. – М.: Muzyka, 1966. – 574 p. [in Russian]
12. Rabinovich A. V. Ostsillograficheskii metod analiza melodi [Oscillographic method of the analysis of a melody] / A. V. Rabinovich. – М.: Muzgiz, 1932. [in Russian]
13. Riman G. Katekhizis fortepiannoi igry [Catechism of playing a piano] / G. Riman / Per. s nem. [Translation from German] A. Bukhovtseva. – М.: Iurgenson, 1907.
14. Skrebkov S. S. Diagrammy gromkosti instrumentov simfonicheskogo orkestra [Charts of gromkost of tools of symphonic orchestra] / S. S. Skrebkov // Problemy fiziologicheskoi akustiki [Problems of physiological acoustics]. – М. – Л.: Nauka, 1950. – Т.2. – P. 170-175. [in Russian]
15. Skrebkov S. S. Issledovanie dinamicheskikh osobennostei khudozhestvennogo ispolneniia pered mikrofonom [Research of dynamic features of art execution in front of the microphone] / S. S. Skrebkov // [Soviet music]. – 1934. – №8. – P. 55-65. [in Russian]
16. Skrebkov S.S. Polifonicheskii analiz [Polyphonic analysis] / S. S. Skrebkov. – М., 1940. [in Russian]
17. Skrebkov S.S. Uchebnik polifonii [Textbook of polyphony]. / S. S. Skrebkov. – М., 1982. [in Russian]
18. Skrebkova-Filatova M.S. Faktura v muzyke [The invoice in music] / M. S. Skrebkova-Filatova. – М.: Muzyka, 1985. – 285 p. [in Russian]
19. Feinberg S. E. Pianizm kak iskusstvo [Pianism as art] / S. E. Feinberg. – М.: Muzyka, 1969. – 598 p. [in Russian]

20. Khristov D. Teoreticheskie osnovy melodiki: Opyt opisaniia analiticheskogo podkhoda k otdel'noi melodii [Theoretical bases of a melodic: Experience of the description of analytical approach to a separate melody] / Dimitr Khristov. – M. : Muzyka, 1980. – 256 p.
21. Cherni K. Polnaia teoreticheskaia i prakticheskaia fortepiannaia shkola [Full theoretical and practical piano school] / K. Cherni // Alekseev A. D. Iz istorii fortepiannoi pedagogiki: Khrestomatia [From history of piano pedagogics: Anthology]. – Kiev: Muzichna Ukraina, 1974. – P. 98-126.
22. Shutova, I. V. Ontologicheskie modusy gromkostnoi dinamiki [Ontologic modes of loudness dynamics] / I. V. Shutova // Iskusstvo i obrazovanie [Art and education]. – 2010. – N 1. – P. 69-74. [in Russian]
23. Sydow A. Das Leid, Ursprung, Wesen und Wandel. Göttingen, 1962.
24. Toepler, A., and Boltzmann, L. Über eine neue optische Methode, die Schwingungen tonender Luftsäulen zu analysieren. Poggendorfs Annalen der Physik und Chemie, 141:321-352, 1870.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.017>

Дзя С.

ORCID: 0000-0002-1396-7101, аспирант,

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

КИТАЙСКАЯ ЖИВОПИСЬ «ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ» В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

Аннотация

В статье дается описание традиционной китайской живописи «цветы и птицы». Приводится анализ публикаций по китайскому искусству и живописи имевших место в дореволюционное время. На примере публикаций в советских изданиях по искусствоведению проанализирован и описан процесс трансформации термина «живопись цветы и птицы» в жанр «цветы и птицы» опираясь на фундаментальные публикации именитых советских искусствоведов. Дается пояснение в имеющей место в советском и российском искусствоведении терминологической путанице в основных понятиях «хуаняо» и «хуаняохуа», границы их употребления и связи между собой.

Ключевые слова: китайское искусство, живопись «цветы и птицы», «хуаняо», «хуаняохуа», сюжет.

Dzia S.

ORCID: 0000-0002-1396-7101, Postgraduate student;

Herzen State Pedagogical University of Russia

«FLOWERS AND BIRDS» CHINESE PAINTINGS IN SOVIET ARTS

Abstract

The article describes the traditional Chinese painting, called "flowers and birds". The author conducted the analysis of publications on Chinese arts and painting that had been published during the pre-revolutionary period. The transformation process of the "painting flowers and birds" term into the "flowers and birds" genre, based on the fundamental publications of prominent Soviet art historians is analysed and presented on the example of publications in Soviet editions on art history. The explanation of the terminological confusion in the basic concepts of "huanyao" and "huanyao-hua" is given, as well as the terms of their use and their interconnection, which can be seen in Soviet and Russian art history.

Keywords: Chinese art, "flowers and birds", "huanyao", "huanyao-hua" paintings, plot.

Традиционная китайская живопись «цветы и птицы» является важной составляющей китайского изобразительного искусства, наряду с живописью «горы и воды» и живописью «люди и фигуры».

Общие очерки, посвященные китайскому искусству, стали появляться в западных изданиях в конце XIX- начале XX в. Одновременно так же стали изучаться отдельные виды китайского искусства, особенно живопись и каллиграфия [10]. В России же на рубеже XIX-XX вв. китайское искусство не изучалось, что позволило П. Гладкому в 1915 году в статье «Китайское искусство», размещенной в «Вестнике Азии», констатировать: «В России же по этому вопросу совершенно не имеется сочинений, даже переводных, если не считать очень кратких, как бы случайного характера, упоминаний о нем в компилятивных трудах по всеобщей истории искусств. Кроме того, упоминания о китайском искусстве можно встретить в путевых заметках путешественников по Китаю» [2, С.2].

Так, о китайской живописи коротко написано А. Столповской в «Очерке истории культуры китайского народа» изданной в 1891 году, где дается узкое понимание китайской живописи, не соответствующее истинному положению вещей. А. Столповская так пишет о живописи: «Живопись у китайцев отличается чистотой исполнения и яркостью красок, но вовсе не даровитостью композиции и не чувством изящества в контурах. Она выражается не в монументальных фресках, а служит только украшением для мелких вещей: фарфоровых чашек, ваз и подносов, или выполняется в небольшую всегда величину на рисовой бумаге» [15, С. 333].

Об этом упреждительно ещё ранее написала Г-жа Бурбулон в своих «Записках о Китае» в 1885 г.: «не следует судить о китайском искусстве по дешевым рисункам на вазах и китайских чашках, или по чайным ящикам, которые получают в Европе, точно так же как о китайской живописи нельзя судить по раскрашенным картинам, продающимся по франку за дюжину, которые разносятся по всему свету, точно так же как толстые китайцы, делаемые в Кантоне специально для вывоза – не последнее слово китайской скульптуры» [7].

Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона в 1895 году печатает емкий по содержанию раздел о китайской живописи, на тот момент данные приводимые в нем были вполне информативными. Сообщалось что, китайской живописи свойственен графический характер, своеобразное понимание перспективы, незнание анатомии при изображении человека, тщательное изображение всех мелких несущественных деталей предметов [20, С. 224].

В 1910 году вышел объемный двухтомный труд А.В. Тужилина «Современный Китай», в котором имела отдельная глава, посвященная театру и искусству Китая, конца XIX в. - начала XX в. Тем не менее, в этой главе отдельное место отводилось описанию китайской живописи с момента первых проявления вплоть до описания живописи при маньчжурской династии Цин [16].

Особого внимания заслуживают описания и восприятие китайской живописи русскими людьми, которые имели возможность воочию видеть и судить о китайской живописи эпохи Цин XIX века.

Так, в этом ракурсе примечательна статья «Китайская живопись» напечатанная в журнале «Сын Отечества» 1839 года и книга «Китайцы и их цивилизация» 1896 года русского дипломата, востоковеда, российского посланника в Пекине 1909-1912 г И.Я. Коростовца. И.Я. Коростовец пишет о том, что, общепринятые условия рисования (перспектива, группировка предметов, светотень) совершенно не соблюдаются в китайской живописи. Китайский художник редко берет сюжеты из природы или действительной жизни, по большей части он просто заимствует готовые изображения из древних иллюстрированных энциклопедий или из образцов, художественное достоинство которых санкционировано временем. Таким образом, китайский художник производил живописный продукт, который он не подписывал. Удивление вызывало то что, китайское искусство безлико. Такое отсутствие авторского самодовольства у китайских мастеров, И.Я. Коростовец объясняет особым характером присущим китайскому народу и частично тем, что произведения живописи только в редких случаях являются продуктом индивидуального вкуса художника.

Автор статьи, опубликованной в 1839 году некий С...ий дает описание китайской живописи, которую он мог видеть на границе России и Китая. Именно там располагалось китайское торговое поселение Маймачен находившееся напротив русского форпоста Кяхта, который совмещал в себе и торговый пункт, являвшийся вплоть до второй половины XIX века главным пунктом торговли между Китаем и Россией. Предположительно автор статьи работал на Кяхтинской таможне, основанной в 1727 г.

О своих наблюдениях С...ий пишет следующее: «Мы не видали образцов древней Китайской живописи. Китайцы большие мастера подделывать вещи, и потому никто не может быть уверен в их неподложности. ...К нам в Россию привозят картины и живописные вещи Китайских художников нового поколения, и оне большею частию весьма плохого качества, хотя и по ним можно наблюдать дух и характер Китайской живописи. Новейшие художники приметно придерживаются старого» [14, С. 2].

При том, что автор пишет о грубых ошибках, которые резко отличают китайскую живопись от европейской (несоблюдение перспективы, несоразмерность частей по отношению друг к другу, незнание в расположении теней) он находит приятными для восприятия произведения китайской живописи, на которых изображены цветы, птицы, плоды, рыбы, насекомые, пресмыкающиеся.

Чем естественней изображают китайские художники различные объекты растительной природы, в частности цветы, где прослеживается удачное подражание природе и реалистичное выписывание всех мелких деталей, тем более привлекательными становятся такие произведения для автора. Всё это так же относится и к изображениям событий, разворачивающихся в живой природе, к примеру, изображение карпа, который всем телом перевернулся, чтобы схватить муху на поверхности воды. Вот кочан капусты, и верхние листья его изъедены червями, а подле птички дерутся за червяка, и муравей силится тащить ветку, в десять раз более его.

Сам автор, отмечает что «вообще о достоинствах Китайской живописи не должно судить по картинам, получаемым через Кантон и Май-ма-чен. Пекин есть главное местопребывание Китайских художников, и преимущественно Пекинские картины могут познакомить нас с настоящею Китайскою живописью» [14, С. 9].

Анализ приведенных русских публикаций дает возможность судить о том, что образованная интеллигентная часть русского общества была осведомлена о китайской живописи ещё в дореволюционное время. Однако после революции в связи с изменением состава посетителей музея и желанием представить мировое искусство победившему революционному классу начинается новая страница изучения китайского искусства. Важно, что изучение китайского искусства в советский период было, в значительной степени, сопряжено с выставочной деятельностью крупнейших советских музеев.

Первые краткие искусствоведческие описания китайской живописи относятся уже к советскому периоду, и связаны с деятельностью сотрудников музея *Arg. Asiatica*, которые были приурочены к выставке «Искусство Востока» в мае 1924 года и приводятся в ранней статье Б.П. Денике (1924г.) и изданному первому путеводителю по выставке (1924г.).

Следующим этапом был ряд публикаций, который был связан с выставкой «Китайская живопись» 1934 г. проходившей в Москве и Ленинграде. В обширной статье К. Разумовского и А. Стрелкова 1934 г. посвященной китайской живописи уделяется большое внимание описанию китайской живописи «горы и воды», правда авторы об этом выражаются следующим образом: «Вместе с тем важно, что у Гу Кайчжи мы присутствуем при самом зарождении пейзажа, как самостоятельного жанра» [12, С. 131] и далее «У Ли Сысюня (651-716 гг.) пейзаж становится самостоятельным жанром, с тенденцией стать впоследствии доминирующим» [12, С. 132]. Что касается живописи «цветы и птицы» авторы пишут следующим образом: «Цветы выделяются в особый сюжетный порядок лишь к середине Танской династии (VII –X вв.)» [12, С. 133].

Примечательно, что Б.П. Денике в своей первой статье (1923 г.) употребляет термин пейзаж, который в последующем применяется повсеместно во всех публикациях этого автора.

Начиная с публикации 1934 г. в которой китайская живопись «горы и воды» соотносится с пейзажем, в соответствии с распространённым в европейском искусствознании разделением на жанры, китайской живописи «горы и воды» автоматически присваивается категория «жанр».

Китаист-искусствовед, кандидат филологических наук К. И. Разумовский в статье «Китайское искусство» опубликованной в сборнике 1940 г. пишет так: «К VIII в. н. э. относится, если верить упорно на этом настаивающей традиции, и обособление пейзажа в отдельный и самостоятельный жанр» [13, С. 334]. Далее он пишет, что: «В XVIII

в. значительное развитие получает и живопись цветов и птиц, своеобразный натюрморт, отпочковывающийся в особый жанр значительно раньше» [13, С. 335].

Представляют интерес публикации О.Н. Глухаревой и Б.П. Денике. В предисловии к каталогу выставки «Искусство Китая» 1940 г. встречаем следующее: «Ряд первоклассных произведений китайской живописи X-XIII веков, представленных на выставке, относится к категории так называемой живописи цветов и птиц – хуа-няо-хуа,...» [5, С. 9].

Особо пристальное внимание стоит уделить первой монографической работе в советской искусствоведческой литературе по китайскому искусству. «Краткая история искусства Китая» 1948 года О.Н. Глухаревой и Б.П. Денике в основе своей была составлена на библиографии европейских искусствоведов, занимающихся вопросами китайского искусства. О.Н. Глухарева и Б.П. Денике пишут о китайской живописи «цветы и птицы» следующим образом: «...глубокая привязанность ко всем природным явлениям вызвала в эту эпоху широкое развитие так называемой живописи «цветов и птиц» (хуа-ня-хуа), сложившейся как самостоятельный жанр ещё в Танской империи» [4, С. 38].

Таким образом, в 1948 г. по определению О.Н. Глухаревой и Б.П. Денике живописи «цветы и птицы» хуаняохуа присваивается категория «жанр».

Во втором издании БСЭ 1954 г. О. Н. Глухарева в статье «Изобразительные искусства и архитектура» пишет о том, что в живописи в годы правления династии Тан происходит разделение на жанры: портрет, «живопись цветов и птиц», анималистическая живопись [3, С. 390].

В дальнейшем в советском искусствоведении термин «жанр «цветы и птицы» становится употребительным во всех искусствоведческих публикациях по китайскому искусству. Термин «жанр» становится устоявшимся в фундаментальных работах таких ученых как О.Н. Глухарева, П.А. Белецкий, М.Н. Кречетова, Е.В. Завадская, Т.А. Пострелова, Н.А. Виноградова, Л.А. Кузьменко, И.Ф. Муриан, В.Л. Сычева, С. Н. Соколов-Ремизова, В.Г. Белозёровой, М.А. Неглинской.

Как устоявшийся термин «жанр «цветы и птицы» приводится повсеместно в современной справочно-энциклопедической и учебной литературе.

В статьях, написанных китайскими авторами по китайскому искусству и живописи и опубликованных в советских изданиях можно проследить следующую закономерность в использовании терминов по отношению к китайской живописи.

В статье, опубликованной в журнале «Искусство» посвященной художественной выставке КНР 1950 г. которая проходила в Москве и Ленинграде так написано о китайской живописи: «В начале Танской эпохи,...большое значение получили пейзаж и изображения цветов и птиц. Одновременно с этим быстро развивалась и сама техника живописи» [19, С. 21].

Ху Мань в книге «Истории искусства Китая» 1950 г. рассматривает искусство Китая с древнейших времен до 1940 г. в текстах приводит определение живописи «цветы и птицы» [17].

Чан Жэнься в книге «Китайское классическое искусство» 1955 г. в пятой главе отмечает что, в эпоху Сун основными темами живописи стали пейзаж, изображение цветов и птиц [18].

Исходя из этих соображений с целью прояснения категории «цветы и птицы» (хуаняо) следует обратиться к самим китайским текстам.

Русский китаевед, академик В.М. Алексеев работая над китайской поэмой «Фазы живописца» написанной Хуан Юэ дает следующий перевод: «О живописцах Се Хэ и Яо Цзюе мы имеем исторические сведения, и нам известно, что их произведения считались образцовыми. Однако в их времена пейзаж [«горы и воды»] ещё не был выделен в особую специальность: считалось самым главным сосредоточиться на изображении людей и на сходстве вещей» [9, С. 349].

Термин «специальность» в отношении к китайской живописи встречается в дореволюционных изданиях.

Переводы китайских текстов, над которыми работали профессиональные переводчики-синологи дают нам понять, что китайская живопись разделялась на специальности, а не на жанры.

В предисловии к «Сюань хэ хуа пу» 宣和画谱 («Каталог живописи коллекции Сюаньхэ») приводится классификация произведений живописи Дворцового музея периода Сун разделяющиеся на 10门类 специальностей, одной из которых является 花鸟 «хуаняо» - цветы и птицы [8, С. 12].

Именно на этот каталог ссылается в своей работе Е. В. Завадская когда пишет о китайской живописи: «В китайской классической теории до XVI века насчитывалось больше жанров. Например, в «Сюаньхэ хуапу»-каталоге сунского времени –их десять, а в трактате Тао Цзун-и (XV в.)-тринадцать...» [6, С. 235].

Употребление категории жанр к китайской традиционной живописи не приемлем. Сам термин «жанр» возник в эстетике французского Классицизма середины XVII в. и является условной категорией внутривидовой дифференциации художественного творчества в европейском искусстве [1, С. 623].

В китайской живописи разделение на специальности произошло гораздо раньше к концу X в. Согласно авторитетному изданию период процветания китайской живописи продолжался до 1488 г. после чего начинается ее упадок [20, С. 225].

В отечественном (советском и российском) искусствознании существует большая терминологическая путаница, связанная с определением основных понятий в китайском традиционном изобразительном искусстве.

В частности, не до конца прояснены следующие термины: «хуаняо» 花鸟, «хуаняохуа» 花鸟画 границы их употребления и связи между собой.

Одно авторитетное российские издания определяет хуаняо («цветы и птицы») как традиционный жанр живописи и декоративно-прикладного искусства Китая, другое как традиционный жанр в искусстве Китая, и В.Л. Сычев приводит термин хуаняохуа, определяя его как традиционный жанр китайской живописи.

Сравнительный анализ дефиниций показал, что общеупотребительный в российском искусствоведении термин «жанр «цветы и птицы» является не верным переводом китайского определения «хуаняо» 花鸟 более точный перевод которого «цветы и птицы».

Китайское определение «хуаняохуа» 花鸟画 при переводе будет определено как «живопись «цветы и птицы».

В этом случае произведения китайского традиционного изобразительного искусства следует анализировать не в контексте жанрового своеобразия, а в системе координат китайского искусства.

Так К. Разумовский и А. Стрелков используют очень уместное, на наш взгляд, выражение «особый сюжетный порядок» (или проще – сюжет), которое в последующих исследованиях вытесняется термином «жанр».

Хуаняо, скорее можно определить, как сюжет (в данном случае рассматривается как предмет художественного изображения, объектами являются цветы, различные растения, птицы, животные, насекомые, земноводные) традиционного китайского искусства, который может быть реализован в различных направлениях китайского изобразительного искусства.

Хуаняохуа – это реализация сюжета хуаняо в китайской традиционной живописи выполняемые на шёлке и бумаге (в виде свитков), ширмах, заготовках для вееров, альбомных листах.

В современном российском искусствознании существует терминологическая путаница относительно основных понятий традиционного китайского изобразительного искусства.

Определяющее значение в возникновении терминологической путаницы состоит в качестве перевода текстов с китайского иероглифического письма, осуществляемого искусствоведами, знающими китайский язык или синологами.

В российской традиции более точные переводы относятся к дореволюционному периоду, нежели к советскому. Терминологическая путаница привнесена в большей степени в советский период.

В советский период появились работы по китайскому изобразительному искусству, которые выполнялись не на основе переводов, выполненных специалистами, владеющими китайским языком, а самостоятельно искусствоведами, который имеет знания китайского языка и вооружен европейской методологией и подходом к искусствоведческой проблематике.

При этом важно подчеркнуть, что вплоть до конца 1950-х годов понятие «жанр» применительно к произведениям «цветы и птицы» в российском, а затем советском искусствоведении не использовалось. В дореволюционных изданиях и публикациях 1930-1940-х гг. понятие «жанр» не встречается, вместо него авторы просто пишут «цветы и птицы», не вдаваясь в терминологические дискуссии, и обращаясь, собственно, к элементам изображения. Если же проблем жанрового своеобразия избежать не удастся, то авторы чаще объединяют ряд сюжетов китайской традиционной живописи в единый пейзажный жанр.

Итак, историко-сравнительный анализ показал, что общеупотребительный в современном российском искусствоведении термин «жанр «цветы и птицы» является не верным. При использовании этого термина произведения китайской традиционной живописи анализируются не в контексте внутреннего своеобразия, а в системе координат европейского искусства, соотнося произведения с пейзажем или натюрмортом, которыми они в чистом виде не являются.

При этом до 1950-х годов использовался перевод с китайского «хуаняохуа», что дословно можно перевести как «живопись «цветы-птицы». Искусствоведческий анализ произведений показывает, что при исследовании этих произведений точнее использовать термин «сюжет» как предмет художественного изображения, не сводимый к пейзажу или натюрморту. В рамках настоящего исследования предлагается использовать связку «произведения сюжета «цветы и птицы» в системе традиционной китайской живописи.

Список литературы/ References

1. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. Т. III: Г-З. / В. Г. Власов. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2005.-752 с.
2. Гладкий П. Китайское искусство (Историческое введение)/П. Гладкий // Вестник Азии. - 1915.- № 34. -С.1-27.
3. Глухарева О. Н. Изобразительные искусства и архитектура / О. Н. Глухарева // БСЭ.-1953.-Т.21.- С.374-397.
4. Глухарева О. Н., Денике Б. П. Краткая история искусства Китая/ О. Н. Глухарева, Б. П. Денике.- М.; Л: Искусство, 1948.-211 с. ил.
5. «Искусство Китая», выставка. Каталог/ Гос. музей вост. культуры. М.; Л: Искусство, 1940.- 96 с. ил.
6. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая/ Е.В. Завадская. - М.: Искусство, 1975. -439 с.
7. Записки о Китае Г-жи Бурбулон. С.-Петербург: Типо-литография П.И. Шмидта, 1885. – 318 с.
8. Каталог живописи коллекции Сюаньхэ. Пекин: «Жень минь мэй шу чу бань шэ», 1964.- 329 с.
9. Китайское искусство: Принципы. Школы. Мастера / Сост. В. В. Малявин.- М.: «ОАО Люкс», 2004. -432 с.: ил.
10. Кобзев А.И. Китаистика и summa sinologiae [Электронный ресурс]/ А.И. Кобзев//Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН.- 2013.Т.1.-С.8-50.-URL:http://www.synologia.ru/a/summa_sinologiae (дата обращения: 17.12. 2017).
11. Коростовец И.Я. Китайцы и их цивилизация. С прил. Карты Китая, Японии и Кореи/ И.Я. Коростовец.- СПб.: М.М. Ледерле, 1896.- 643 с.
12. Разумовский К., Стрелков А. Китайское искусство /К. Разумовский, А. Стрелков // Искусство. -1934.- № 5.- С.129-148.
13. Разумовский К.И. Китайское искусство/ К.И. Разумовский // Сборник Китай Ан. СССР.- 1940.- С.325-341.
14. С...ий. Китайская живопись/ С...ий //Сын отечества, СПб.-1839.- № 10. - С.1-9.
15. Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа/ А. Столповская.- М.: Типография М.П. Щепкина, 1891.- 477 с.

16. Тужилин А. В. Современный Китай. В 2 Т. / А. В. Тужилин.- С.-Петербург: тип Уч-ща глухонемых (М. Алленовой), 1910. – Т. 2. - 342 с.
17. Ху Мань. История искусства Китая /Мань Ху.- Шанхай: Чуньи, 1950.- 216 с. илл.
18. Чан Жэнься. Китайское классическое искусство/ Жэнься Чан.- Шанхай: Чубань гунси, 1955.-144 с.
19. Чжэн Чжэнь-до, Ван Чжэнь-до, Чжан Хэн, Фу Чжун-мо, Ли Хун-цин, Чжао Ван-ли, Чэн Ван-ли, Чжу Цзя-цин. Старое китайское искусство/ Чжэнь-до Чжэн, Чжэнь-до Ван, Хэн Чжан и др. // Искусство.- 1950.-№ 6.-С. 11-25.
20. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. С.-Петербург: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. - Т. XV. - 478 с.

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Vlasov V. G. Novyj jenciklopedicheskiy slovar' izobrazitel'nogo iskusstva. V 10 t. T. III: G-Z. [New Encyclopedic Dictionary of Fine Arts: In 10 V. V. III: G-Z]/ V. G. Vlasov.- SPb.: Izdatel'skaja Gruppa «Azbuka-klassika», 2005.-752 p. [in Russian]
2. Gladkij P. Kitajskoe iskusstvo (Istoricheskoe vvedenie) [Chinese Art (Historical Introduction)] / P. Gladkij// Vestnik Azii [Bulletin of Asia]. - 1915.- № 34. - P.1-27. [in Russian]
3. Gluhareva O. N. Izobrazitel'nye iskusstva i arhitektura [Fine Arts and Architecture]/ O. N. Gluhareva [Great Soviet Enciclopedia]. -1953.-V.21.- P.374-397. [in Russian]
4. Gluhareva O. N., Denike B. P. Kratkaja istorija iskusstva Kitaja [Brief history of Art of China] / O. N. Gluhareva, B. P. Denike.-M.; L: Iskusstvo, 1948.-211p. ill. [in Russian]
5. «Iskusstvo Kitaja», vystavka. Katalog/ Gos. muzej vost. kul'tury ["Art of China", exhibition. Catalogue/State Museum of Oriental Culture]-M.; L: Iskusstvo, 1940.- 96 p. ill. [in Russian]
6. Zavadskaja E.V. Jesteticheskie problemy zhivopisi starogo Kitaja [Aesthetic problems of painting of old China]/ E.V. Zavadskaja.- M.: Iskusstvo, 1975. -439 p. ill. [in Russian]
7. Zapiski o Kitae G-zhi Burbulon [Notes on China by Ms. Burbulon] S.-Peterburg: Tipo-litografija P.I. Shmidta, 1885. – 318 p. [in Russian]
8. Katalog zhivopisi kolekcii Sjuan'hje [Painting catalogue of the collection Sjuanhje]- Beijing: «Zhen' min' mjej shu chu ban' shje», 1964.- 329 p. [in Chinese]
9. Kitajskoe iskusstvo: Principy. Shkoly. Mastera [Chinese Art: Principles. Schools. Masters]/ Sost. V. V. Maljavin.- M.: «OAO Ljuka», 2004. -432 p. [in Russian]
10. Kobzev A.I. Kitaistika i summa sinologiae [Sinology and Summa sinologiae] [Electronic resource]/ A.I. Kobzev//Arhiv rossijskoj kitaistiki. In-t vostokovedenija RAN.- 2013.T.1.-C.8-50.- URL:http://www.synologia.ru/a/summa_sinologiae (accessd: 17.12. 2017). [in Russian]
11. Korostovec I.Ja. Kitajcy i ih civilizacija. S pril. Karty Kitaja, Japonii i Korei [The Chinese and their civilization. With appendix Maps of China, Japan and Korea] / I.Ja. Korostovec.-SPb.: M.M. Lederle, 1896.- 643 p. [in Russian]
12. Razumovskij K., Strelkov A. Kitajskoe iskusstvo [Chinese art] / K. Razumovskij, A. Strelkov// Iskusstvo [Art]. - 1934.- № 5.- P.129-148. [in Russian]
13. Razumovskij K.I. Kitajskoe iskusstvo [Chinese art]/ K.I. Razumovskij// Sbornik Kitaj An. SSSR [Collection of articles Academy of Sciences USSR].- 1940.- P.325-341. [in Russian]
14. S...ij. Kitajskaja zhivopis' [Chinese painting]/ S...ij// Syn otechestva, SPb [Son of the Fatherland, SPB].-1839.- № 10. - P.1-9. [in Russian]
15. Stolpovskaja A. Ocherk istorii kul'tury kitajskogo naroda [Essay on the History of Chinese culture]/ A. Stolpovskaja.- M.: Tipografija M.P. Shhepkina, 1891.- 477 p. [in Russian]
16. Tuzhilin A. V. Sovremennij Kitaj. V 2. [Modern China]/ A. V.Tuzhilin.- S.-Peterburg: tip Uch-shha gluhonemyh (M. Alenevoj), 1910. – Т. 2. - 342 p. [in Russian]
17. Hu Man'. Istorija iskusstva Kitaja [History of Art of China]/ Man' Hu.- Shanhaj: Chun'i, 1950.- 216 p. [in Chinese]
18. Chan Zhjen'sja. Kitajskoe klassicheskoe iskusstvo [Chinese classical art. Shanghai]/ Zhjen'sja Chan.- Shanhaj: Chuban' gunki, 1955.-144 p. [in Chinese]
19. Chzhjen Chzhjen'-do, Van Chzhjen'-do, Chzhan Hjen, Fu Chzhun-mo, Li Hun-cin, Chzhao Van-li, Chjen Van-li, Chzhu Czja-czin'. Staroe kitajskoe iskusstvo [Old Chinese art]/ Chzhjen'-do Chzhjen, Chzhjen'-do Van, Hjen Chzhan and others// Iskusstvo [Art]. - 1950.-№ 6.- P.11-25. [in Russian]
20. Jenciklopedicheskiy slovar' Brokgauz-Efron [Encyclopedic dictionary Brockhaus-Efron]- S.-Peterburg: Tipo-Litografija I.A. Efrona, 1895. - Т. XV. -478 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.014>

Зубарева Н. Б.

Доктор искусствоведения,

Пермский государственный институт культуры

ПОЭТИЧЕСКАЯ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНТОНАЦИЯ КАМЕРНО-ВОКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: К ОБНОВЛЕНИЮ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Аннотация

В статье рассмотрена специфика интонационного анализа камерно-вокальных произведений и необходимость пополнения соответствующего аналитического инструментария. Предложена авторская методика раскрытия особенностей взаимодействия музыки и слова, основанная на сопоставлении стиховой интонации с одной стороны и мелодической / гармонической интонации – с другой. Отмечена эффективность применения методики как в исследовательской практике, так и в процессе обучения студентов музыкальных специальностей и направлений.

Ключевые слова: музыка, поэзия, камерно-вокальные произведения, интонация, интонационный анализ.

Zubareva N.B.

PhD in Arts,

Perm State Institute of Culture

POETIC AND MUSICAL INTONATION OF CHAMBER VOCAL WORKS: TO THE UPDATE OF ANALYTICAL TECHNIQUE

Abstract

The article considers the specifics of intonation analysis of chamber vocal works and the necessity to replenish the corresponding analytical tools. The author's technique of disclosing the main features of music and words interaction based on the comparison of verse intonation, on the one hand, and melodic / harmonic intonation, on the other hand, is suggested. The effectiveness of applying the methodology both for research and in the process of teaching students of musical specialties and directions is noted.

Keywords: music, poetry, chamber vocal works, intonation, intonation analysis.

А сафьевское определение музыки как искусства интонируемого смысла, ставшее «каноническим», на многие десятилетия установило понимание сущности этого способа художественного выражения. Вместе с тем, для многих музыковедов интонация и по сей день не обрела понятийного статуса с присущим ему фиксированным объемом и содержанием [1, С. 153]. То же можно сказать, причем с еще большей уверенностью, о подходах к интонационному анализу музыкальных произведений:

- рассматриваемые в собственно научном аспекте, они являются личным достоянием исследователя, отображающим тонкость его художественного восприятия и глубину профессиональной оснащенности [2], [3];
- взятые же в аспекте педагогическом, они не настолько точны, чтобы служить конкретным руководством к аналитической деятельности студента [4].

Сознавая всю сложность вопроса о технике интонационного анализа, мы ограничиваем свою задачу рассмотрением способов сопоставления стиховой и музыкальной интонации, выявленных в процессе работы с камерно-вокальными сочинениями русских композиторов XIX века. Большая часть произведений этого жанра написана на лирические стихотворения, для которых характерно развитие темы в форме периода. С филологической точки зрения, период – это распространенное простое или сложное предложение, в котором «первая часть представляет собой *повышение, нарастание, градацию*, вторая – после паузы – *понижение* и возвращение к первоначальной интонации, замыкание круга (<“>» [5, С. 111]. В. Жирмунский отмечает, что в поэзии ритмический период состоит из двух стихов, а два периода, в свою очередь, составляют строфу [6, С. 234].

Именно так организованы начальные строки стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил», многочисленные музыкальные воплощения которого существенно различаются трактовкой просодической стороны поэтической речи. Мы же остановим свое внимание на романсе Б.С. Шереметева, в котором попробуем установить корреляцию между стиховой интонацией с одной стороны, и мелодической / гармонической интонацией – с другой.

Результаты предпринятого анализа представлены в Таблице 1, где для наглядности мы показали с помощью стрелок интонационное восхождение / нисхождение в дополнительном столбце справа от основного. Благодаря таблице соотношение разных видов интонирования становится наглядным. Это касается, в первую очередь, параллелизма стиховой и гармонической интонации. Так, напряжение, возникающее в клаузуле первого и третьего стиха в силу интонационной двухчастности просодического периода, усиливается большим числом слогов в нечетном стихе по сравнению с четным, а также незавершенностью пассивного слова будущей рифмы, создающей ожидание гармоничной разрядки. Аналогичным образом действуют в музыке гармонические обороты, направленные к субдоминанте, которая представляет в ладу центробежную функцию, направленную от центра вовне. В свою очередь, снятию напряжения способствует в четном стихе сокращение количества звуковых элементов и введение активного слова рифмы, а в соответствующей музыкальной фразе – полный совершенный каданс.

Таблица 1 – Стиховая и музыкальная интонация в романсе Б.С. Шереметева «Я вас любил»

стих		мелодическое завершение фразы		гармоническое завершение фразы	
Я вас любил: любовь еще, быть может,	↑		↑	T – S (I ₆ – D ₆ ⁺⁵ → IV)	↑
В душе моей угасла не совсем;	↓		↑	D – T (V ₇ – I)	↓
Но пусть она вас больше не тревожит;	↑		↓	T – S (I ₆ – D ₅ 6 → IV)	↑
Я не хочу печалить вас ничем.	↓		↓	D – T (V ₇ – I)	↓

Если же говорить о роли мелодических оборотов в завершении фраз, то налицо их соответствие рифме: пассивное слово «может» в первом стихе вокализировано восходящим ходом $h^1 - c^2$, а гармонизирующее его активное слово «тревожит» в третьем вокализировано симметричным нисходящим ходом $d^2 - c^2$. Аналогичной симметрией отмечены также отношения мелодических окончаний второй и четвертой поэтических строк / вокальных фраз.

Вместе с тем, общий интонационный контур четверостишия в его музыкальном воплощении оказывается иным, нежели в вербальном: за мелодическим подъемом в конце первого стиха и соответствующей ему музыкальной фразы следует еще более активный подъем в конце второго стиха / фразы, а за мелодическим понижением в конце третьего стиха / фразы следует еще более глубокое понижение в конце четвертого. Так образуется интонационная структура, вдвое превосходящая по объему указанный Жирмунским норматив, но соответствующая синтаксической организации рассматриваемых строк, образующих сложное предложение. Это масштабное удвоение представляется совершенно естественным для стихотворения, которое решено поэтом не как два четверостишия, а как единое восьмистишие.

Показанная на примере романса Шереметева организация музыкальной строфы как двойного интонационного подъема с уравнивающим его двойным спадом нередко встречается и в поэтических текстах. Примером может служить элегия Е.А. Баратынского «Не искушай меня без нужды», просодическое своеобразие которой получило замечательное воплощение в музыке М.И. Глинки. Так, композитор продлил свойственное стихам интонационное восхождение, распространив его с помощью функциональных возможностей гармонии на третью фразу (см. Таблицу 2). При этом первая часть просодического периода в его музыкальном воплощении приобрела больший объем по сравнению со второй, что полностью соответствует речевой норме русского языка [7].

Таблица 2 – Стиховая и музыкальная интонация в романсе М.И. Глинки «Не искушай меня без нужды»

стих		мелодическое завершение фразы		гармоническое завершение фразы	
Не искушай меня без нужды	↑		↓	t – D (I ₆ – V ₃ 4 – V ₆ – V)	↑
Возвратом нежности твоей:	↑		↑	t – D (I – V ₆ – V)	↑
Разочарованному чужды	↓		↓	t – s (I ₆ – IV – I ₄ 6 – IV ₆)	↑
Все обольщенья прежних дней!	↓		↑	D – t (K ₄ 6 – V ₇ – I)	↓

Что касается мелодической линии фразовых каденций, то она более свободна и совпадает со стиховой и гармонической интонацией лишь частично. Несколько неожиданным кажется восходящий ход в конце музыкальной строфы, не соответствующий ни стиху, ни гармонии, но именно он передает эмоциональную модальность, которую поэт выразил восклицательным знаком.

Разнонаправленность мелодической и других видов интонации может иметь самое разное выразительное значение. Покажем это на примере романса А.Е. Варламова на слова А.А. Фета «На заре ты ее не буди». Анализируя стихотворение, нельзя не отметить, что автор избегает тех средств, с помощью которых обычно достигается наиболее гармоничное звучание стихов. В их числе попеременное чередование строк с:

- «– различным количеством стоп,
- мужских и женских рифм,
- рифм с различными рифменными окончаниями» [8].

У Фета все строки содержат по 3 стопы (9 слогов), все заканчиваются мужскими рифмами, а различие рифменных окончаний появляется только во второй строфе, в первой же совпадают все последние ударные гласные, при этом чередованием отмечено только последование открытой и закрытой рифмы. Отношения между подобными и контрастными элементами подчиняются, независимо от принадлежности тому или иному виду искусства, закону Хуго

Римана: «сходство членит, различие объединяет» [9, С. 342]. В рассматриваемом случае преобладание сходства возлагает повышенную ответственность за художественную целостность стихотворения на просодическую сторону поэтической речи. Именно интонация, свойственная речевому периоду, объединяет нечетные строки с четными, придавая образующимся строфам гармоничность. Тем не менее, для Варламова, тонко чувствующего поэзию музыканта, опасность распада формы на слабо связанные друг с другом элементы остается явственно ощутимой. С тем, чтобы ей противостоять, композитор подкрепляет действие сил сцепления на уровне гармонии (см. Таблицу 3).

Таблица 3 – Стиховая и музыкальная интонация в романсе А.Е. Варламова «На заре ты ее не буди»

стих		мелодическое завершение фразы		гармоническое завершение фразы	
На заре ты ее не буди,	↑		↓	t – D (I – II ₅ 6 – V ₇)	↑
На заре она сладко так спит;	↓		↑	D – T (I – D ₅ 6 → III)	↓
Утро дышит у ней на груди,	↑		↓	T – D (III – II ₅ 6 – V ₇)	↑
Ярко пышет на ямках ланит.	↓		↑	D – T (K ₄ 6 – V ₇ – I)	↓

Эта таблица наглядно показывает и то, что мелодическая интонация фразовых каденций имеет противоположную направленность. Неслучайность такой направленности и, более того, – ее художественную целесообразность позволяет обнаружить альтернативный взгляд на синтаксическую организацию поэтической строфы. Точку с запятой, разделяющую полустрофы, можно расценивать как «эрзац-точку» между частями сложного предложения, как мы и поступили, определяя интонацию прочтения стихотворного текста. Однако возможна и другая трактовка.

Первая полустрофа сама по себе уже является сложным бессоюзным предложением пояснительного типа; вторая полустрофа присоединяется к ней как предикативная часть перечислительного типа (распространенная и имеющая внутри себя запятые). Рассматривая строфу подобным образом, мы получаем именно такой интонационный профиль, который воплотил в мелодии своего романса Варламов: нарастание напряжения в конце второй фразы подготавливает цезуру между восходящей и нисходящей частью сложного синтаксического целого, в то время как заключительное интонационное повышение создает композиционное тяготение к следующей музыкально-поэтической строфе.

Подобного рода контрапунктические отношения между элементами поэтического и музыкального «субтекстов» камерно-вокального сочинения нередки, и их выявление способствует раскрытию многомерности художественного замысла синтетического произведения искусства.

Подводя итоги предпринятого исследования, подчеркнем, что при постановке его задач мы ограничились, как это было указано во вводной части статьи, только одним аспектом связи между поэтической и музыкальной интонацией. Незатронутые нами сферы их взаимодействия довольно обширны, но, несмотря на это, предложенный в настоящей работе подход обладает известной ценностью. Простота аналитической процедуры, как и тех, что были рекомендованы нами ранее [10] [11], делает ее доступной даже для студентов, только приступающих к изучению дисциплины «Музыкальная форма». Вместе с тем, описанная исследовательская методика способна привести к получению научных результатов, значимых не только для самого аналитика, но и для всей области изучения специфики вокального формообразования.

Список литературы / References

1. Холопова В. Н. Феномен музыки / В. Н. Холопова. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 378 с.
2. Васина-Гроссман В. А. Русский классический романс XIX века / В. А. Васина-Гроссман. – М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. – 352 с.
3. Кац Б. А. «Стань музыкою, слово!» / Б. А. Кац. – Л. : Советский композитор, 1983. – 152 с.
4. Эдуардова И. Б. Интонационный анализ как средство освоения историко-стилевых закономерностей музыкальных произведений студентами-музыкантами : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Эдуардова Ирина Борисовна. – Москва, 2002. – 196 с.
5. Магомедова Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения: Учебное пособие / Д. М. Магомедова. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 192 с.
6. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / В. М. Жирмунский. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 464 с.
7. Период как риторическая фигура речи в тексте [Электронный ресурс] // Textologia.ru: журнал о русском языке и литературе. – URL: <http://www.textologia.ru/russkiy/sintaksis/stroenie-texta/period-kak-ritoricheskaya-figura-rechi-v-tekste/3374/?q=463&n=3374> (дата обращения: 20.11.2017).
8. Альтернанс и др. правила образования строфы [Электронный ресурс] // Стихи.ру. – URL: <https://www.stihi.ru/2011/10/18/6806> (дата обращения: 20.11.2017).
9. Холопов, Ю. Н. Введение в музыкальную форму / Ю. Н. Холопов. – М. : Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 2006. – 432 с.
10. Зубарева Н. Б. К обновлению методики преподавания музыкально-теоретических дисциплин / Н. Б. Зубарева // Материалы Пятой Междунар. науч.-практ. конф. «Инновационные технологии в науке и образовании». – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 1 (5). – С. 183-185.

11. Зубарева Н. Б. К обновлению приемов аналитической работы с камерно-вокальными произведениями / Н. Б. Зубарева // Материалы Девятой Междунар. науч.-практ. конф. «Инновационные технологии в науке и образовании». – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – № 1 (9). – С. 22–26.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Holopova V. N. Fenomen muzyki [A Phenomenon of Music] / V. N. Holopova. – M. : Direkt-Media, 2014. – P. 378. [in Russian]
2. Vasina-Grossman V. A. Russkij klassicheskij romans XIX veka [The Russian Classical Lyrical Songs of the 19th Century] / V. A. Vasina-Grossman. – M. : Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1956. – P. 352. [in Russian]
3. Katz B. A. «Stan' muzykoyu, slovo!» [«Word, Turn into Music!»] / B. A. Katz. – L. : Sovetskij kompozitor, 1983. – P. 152. [in Russian]
4. Eduardova I. B. Intonacionnyj analiz kak sredstvo osvoeniya istoriko-stilevyh zakonomernostej muzykal'nyh proizvedenij studentami-muzykantami [Intonational Analysis as a Tool for Studying Historic and Stylish Laws of Musical Pieces by the Students of Music] : Dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.02 / Eduardova Irina Borisovna. – Moskva, 2002. – P. 196. [in Russian]
5. Magomedova D. M. Filologicheskij analiz liricheskogo stihotvoreniya: Uchebnoe posobie [Philological Analysis of a Lyrical Poem: A Study Guide] / D. M. Magomedova. – M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. – P. 192. [in Russian]
6. Zhirmunskij V. M. Vvedenie v literaturovedenie: Kurs lekcij [Introduction to Literary Studies: A course of Lectures] / V. M. Zhirmunskij. – M. : Editorial URSS, 2004. – P. 464. [in Russian]
7. Period kak ritoricheskaya figura rechi v tekste [Period as a Rhetoric Figure of Speech in the Text] [Electronic resource] // TextoLogia.ru: zhurnal o russkom yazyke i literature [a magazine of Russian language and literature]. – URL: <http://www.textologia.ru/russkiy/sintaksis/stroenie-texta/period-kak-ritoricheskaya-figura-rechi-v-tekste/3374/?q=463&n=3374> (accessed: 22.11.2017). [in Russian]
8. Al'ternans i dr. pravila obrazovaniya strofy [Alternance and Other Rules of Verse Formation] [Electronic resource] // Stihi.ru. – URL: <https://www.stihi.ru/2011/10/18/6806> (accessed: 22.11.2017). [in Russian]
9. Holopov, Yu. N. Vvedenie v muzykal'nyuyu formu [Introduction to the musical form] / Yu. N. Holopov. – M. : Moskovskaya gos. konservatoriya im. P. I. CHajkovskogo, 2006. – 432 s. [in Russian]
10. Zubareva N. B. K obnovleniyu metodiki prepodavaniya muzykal'no-teoreticheskikh disciplin [On the Update of the Methodology of Teaching Musical and Theoretic Disciplines] / N. B. Zubareva // Materialy Pjatoj Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Innovacionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii» [Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference «Innovative Technologies in Science and Education»]. – Cheboksary: CNS «Interaktiv plus», 2016. – № 1 (5). – P. 183-185. [in Russian]
11. Zubareva N. B. K obnovleniyu priemov analiticheskoy raboty s kamerno-vokal'nymi proizvedeniyami [On the Update of Tools for the Analytical Work with the Chamber Vocal Works] / N. B. Zubareva // Materialy Devjatoj Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Innovacionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii» [Proceedings of the Ninth International Scientific and Practical Conference «Innovative Technologies in Science and Education»]. – Cheboksary: CNS «Interaktiv plus», 2017. – № 1 (9). – P. 22–26. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.016>Карпенко В.Н.¹, Карпенко И.А.², Горковец С.И.³¹Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой хореографии,²доцент кафедры хореографии, ³магистрант кафедры хореографии,

Краснодарский государственный институт культуры

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТАНЕЦ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ
ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ****Аннотация**

В данной статье рассмотрены вопросы формирования личности в контексте искусства хореографии. В исследовании дана оценка воздействия занятий фольклорным танцем на личность участников хореографических коллективов. Структурный принцип классификации народной хореографии имеет конкретно-исторический характер и помогает реставрировать (реконструировать) те фольклорные образцы, которые были забыты и утрачены памятью народа. В структуре фольклорных произведений нашли отражение многие факторы действительности, в том числе «отпечаталась» и социально-бытовая функция танца.

Ключевые слова: хореография, фольклорный танец, воспитание, оздоровление, личность.

Karpenko V.N.¹, Karpenko I.A.², Gorkovets S.I.³¹PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Choreography,²Associate Professor of the Department of Choreography,³Master's Degree Student of the Department of Choreography,

Krasnodar State Institute of Culture

FOLKLORE DANCE AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF PERSONALITY IN DANCE TROUPE**Abstract**

The following article discusses the issues of personality formation in the context of the art of choreography. The study gives an assessment of the impact of folklore dance classes on the personality of the participants of dance troupes. The structural principle of the classification of folk choreography has a specific historical character and helps to restore (reconstruct) those folkloric patterns that were forgotten and lost by people. Many factors of reality are reflected in the structure of folklore works including the social function of dance.

Keywords: choreography, folklore dance, education, health improvement, personality.

Актуальность проблемы воспитания подрастающего поколения всегда была высока. Независимо от характеристик того или иного периода всегда важными оставались вопросы, связанные с системой ориентиров воспитания, проблемой формирования определенной модели личности. «Проблема ценностей и ценностных ориентаций является одной из вечных проблем в истории человечества ... особую актуальность и общественную значимость приобретают вопросы воспитания и обучения будущих поколений» [1, С. 59].

В системе искусства хореографии, в качестве важных элементов работают мировоззренческая, развивающая, информационно-просветительная, социально-воспитательная, культуротворческая, экспрессивная, релаксационная, коммуникативная, ценностно-гедонистическая, адаптационная и оздоровительная функции. Очевидно, что хореография является тем видом искусства, который способен воспитать в человеке чувство ответственности и долга, внимание к окружающим. Изучение и включение в хореографическое искусство своего народа дает возможность включения чувства патриотизма и гордости за свою нацию, способствует сохранению национального богатства и осуществляет живую связь времен и поколений.

«Чем богаче внутренний мир человека, тем богаче средства его выражения – в любом виде искусства. А искусство танца – это общение. Только личность может по-настоящему проявиться, потому что есть что сказать. Без внутреннего богатства человека никакой прогресс не приносит пользы. По мере развития танца как вида искусства, он пережил разные стадии, выполняя определенные функциональные задачи, как утилитарные, так и эстетические, так как является одним из средств самовыражения человека. Танец передает духовные богатства. Это эмоции, чувства, это понимание красоты. Меняется время, несомненно, и танец ищет новые формы, отражающие действительность и соответствующие развитию человеческого сознания, его морали» [6, С. 6].

В начале XXI века Россия все активнее включается в международную культурную среду. Наша страна становится уверенным участником в процессах экономической и политической глобализации. Все это, с одной стороны, облегчает установление и укрепление межкультурных связей, с другой, создает угрозы для культурной идентичности России.

По этой причине в последнее время на государственном уровне принимаются меры по сохранению культурных традиций российского общества, этнического колорита. В контексте становления и развития национальной культуры толерантность играет одну из определяющих ролей. Она способствует формированию в общественном сознании представления о едином культурном пространстве России. Особенно это актуально «в процессе нравственного воспитания молодежи, когда на основе традиций предков, несущих гуманистические идеалы, формируются активная жизненная позиция, чувства патриотизма и любви к Родине» [8, С. 145-150]. При этом большое значение отдается эмоциональной составляющей воспитательного процесса.

Являясь частью народной художественной культуры, танцевальное искусство отражает известные и близкие каждому нормы поведения в обществе, гендерные взаимоотношения, культурные ценности. Особенно ярко это проявляется в народном танце. Он представляет собой, своего рода, кодовую систему определенной нации. Человек, находящийся внутри этой системы, посредством специфических хореографических элементов ассоциирует себя с ней, воспринимает свою личность, как неотъемлемую часть национального социокультурного кода. В нем скрыто множество информации, которая передается человеку посредством системы телодвижений, формированием

пространства и положением танцующих относительно друг друга. «Танец – это средство выражения эмоций путем постоянной смены движений, подчиненных определенному ритму» [7, С. 12].

По мнению ряда исследователей, особенно мощным инструментом формирования личностных качеств молодежи являются традиции русской хореографической школы, «фундамент которой составляют нравственные ценности православной религии и традиции народной жизни» [3, С. 23]. Данные традиции находят свое отражение в русском народном танце. Представляя собой конечный продукт взаимодействия различных элементов, он способен и призван отражать особенности национального характера, ментальные черты русского народа.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что танец возник в эпоху верхнего палеолита, и случилось это задолго до возникновения музыки и поэзии. Танец выступает не просто одним из древнейших видов искусства, а самым первым представителем творческого начала в человеке.

«Танец – это слово линий человеческого тела, этому языку свойственно не только веселить, но и говорить глубокие вещи человеческой души» [9, С. 139].

В русском народном танце роль и функции воспитательного и образовательного фактора выполняет умение ладить с партнером. В этом процессе важным становится навык находить необычные ходы, положения тела и рук. Партнеры как бы подлаживаются друг под друга, настраиваются на лад, но при этом держатся на расстоянии, не допускают лишнего. Особенно это актуально и интересно в выстраивании отношений между разнополыми партнерами в танце. В данном случае танец направлен на формирование ответственности, доминирующей функции мужчины в жизни, напрямую связано с умением вести партнершу в танце, быть предусмотрительным, надежной опорой. Все это как нельзя лучше формировало навык общения молодых людей, навык выбора жизненного партнера. Формированию определенного морального облика способствовало и то, что в зависимости от возраста исполнитель танца следует определенным строго установленным правилам. «Так, девушкам, незамужним, негоже было в срамных плясках участвовать». Танец замужних женщин, как правило, сопровождался либо песней, либо частушкой, и порой – не всегда приличного содержания» [5, С. 178-179].

В настоящее время народный сценический танец приближается к традиционному, или бытовому, танцу. Его сущность выражается в стремлении отобразить как региональные особенности, так и исполнителя в частности. Исследователи отмечают, что при передаче одного и того же хореографического материала особую важность приобретают качества отдельно взятого исполнителя. «Сценическая обработка танца состоит в том, чтобы, сохраняя народную основу и замысел танца, его самобытность, своеобразие и, наконец, оригинальность рисунка и манеру исполнения, обогатить его опытом профессионального искусства и тогда уже вынести на суд зрителей. Своеобразный язык танца, его движения, его лексика, точно краски в живописи, помогают создать картину» [10]. Зрительское восприятие этнографического хореографического материала происходит через призму исполнительского восприятия. ««Русская пляска – она не может быть названа иначе, потому что органически связана с русским человеком, с его натурой, с его манерой и способностью воспринимать окружающее, с его чувствами, с характером времени и обстоятельствами жизни. Когда русскую девушку или юношу тянет поплясать, оба они опираются именно на этот фундамент внутренних ощущений и вкладывают в свое творчество весь внутренний мир» [2, С. 287]. Таким образом, невозможно создать народный танец без крепкой внутренней, нравственной опоры исполнителя. «В быту народ танцует не для зрителя, а для себя. И если танец перенести на сцену в этом виде, сразу обнаружится ложь... Танец для зрителя не может быть копией житейской пляски» [4, С. 5].

Делая вывод, мы можем сказать, что народная хореография – это своего рода полифункциональная система, которая способствует полноценному многостороннему развитию человека, как в совершенствовании его объективных характеристик, то есть телесной субстанции человека (физическое здоровье, красота строения тела, ровная осанка и так далее), так и в формировании его субъективных свойств и качеств, составляющих сущностное содержание человека, другими словами его душевно-духовную организацию (нравственные идеалы, ценности, отношение к другим людям, силу воли и так далее).

Список литературы / References

1. Булатова Н.Д. Традиции ценностно-ориентированного воспитания личности в педагогической системе Ю.А. Стрельцова // Культура и образование: научный журнал вузов культуры и искусств. – 2014. – № 4 (15). – С. 58–63.
2. Голейзовский К.Я. Образы русской народной хореографии / [общая ред. и послесл. М. Левина]. – Москва: Искусство, 1964. – 368 с.
3. Ерошенко Т.И. Перспективы взаимодействия социологии и образования // Культура и образование: научный журнал вузов культуры и искусств. – 2014. – № 4 (15). – С. 21–24.
4. Заикин Н.И. Фольклорный танец и его сценическая обработка : метод. пособие / Н.И. Заикин // Всероссийский научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы. – М. : Петит, 1991. – 134 с.
5. Калыгина А.А. Педагогический потенциал русского народного танца и его реализация в воспитании подрастающего поколения // Вестник МГУКИ. – 2016. – №2 (70). – С. 178-179.
6. Карпенко В.Н. Народно-сценический танец: монография / В.Н. Карпенко, И.А. Карпенко, Ж. Багана. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 306 с.
7. Королева Э.А. Ранние формы танца / Э.А. Королева. – Кишинев, 1977. – 214 с.
8. Перегудова Т.В. Сущность и специфика героико-патриотического воспитания старшеклассников в досугово-образовательной деятельности детского оздоровительного лагеря // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. № 1 (63). – С. 145–150.
9. Тихомиров В. Артист. Балетмейстер. Педагог / В Тихомиров. – М.: Искусство, 1971. – 391 с.
10. Фольклорные танцы Тверской земли: записаны автором в Тверской губернии в 1938 году / Т.А. Устинова. Тверь : Алексей Ушаков и К, 2002. – 159 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bulatova N.D. Traditions of value-oriented personality education in the pedagogical system Yu. A. Streltsova [Tradicii cennostno-orientirovannogo vospitaniya lichnosti v pedagogicheskoy sisteme JU.A. Strel'cova] // Culture and Education: a scientific journal of universities of culture and arts. – 2014. – No. 4 (15). – P. 58–63. [in Russian]
2. Goleizovsky K.Ya. Images of Russian folk choreography [Obrazy russkoj narodnoj horeografii] / [general ed. and after. M. Levin]. – Moscow: Art, 1964. – 368 P. [in Russian]
3. Eroshenko T.I. Prospects of interaction between sociology and education [Perspektivy vzaimodejstviya sociologii i obrazovaniya] // Culture and Education: a scientific journal of universities of culture and arts. – 2014. – No. 4 (15). – P. 21–24. [in Russian]
4. Zaikin N.I. Folklore dance and its stage processing: method. allowance [Fol'klornyj tanec i ego scenicheskaja obrabotka : metod. posobie] / N.I. Zaikin // All-Russian scientific and methodological center of folk art and cultural and educational work. – M.: Petit, 1991. – 134 P. [in Russian]
5. Kalygina A.A. Pedagogical potential of Russian folk dance and its realization in the upbringing of the younger generation [Pedagogicheskij potencial russkogo narodnogo tanca i ego realizacija v vospitanii podrastajuwego pokoleniya] // Vestnik MGUKI. – 2016. – № 2 (70). – P. 178–179. [in Russian]
6. Karpenko V.N. Folk-stage dance: a monograph [Narodno-scenicheskij tanec: monografija] / V.N. Karpenko, I.A. Karpenko, J. Bagana. – Moscow: INFRA-M, 2016. – 306 P. [in Russian]
7. Queen E.A. Early forms of dance [Rannie formy tanca] / E.A. Queen. – Chisinau, 1977. – 214 P. [in Russian]
8. Peregudova T.V. The essence and specificity of the heroic-patriotic upbringing of high school students in the leisure and educational activities of the children's health camp [Rannie formy tanca] // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2015. No. 1 (63). – P. 145–150. [in Russian]
9. Tikhomirov V. Artist. Choreographer. Teacher [Artist. Baletmejster. Pedagog] / In Tikhomirov. – Moscow: Art, 1971. – 391 P. [in Russian]
10. Folkloric dances of the Tver land: written by the author in the Tver province in 1938 [Fol'klornyje tancy Tverskoj zemli: zapisany avtorom v Tverskoj gubernii v 1938 godu] / TA Ustinova. Tver: Alexei Ushakov and K, 2002. – 159 P. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.012>**Каноква Ф. Ю.**

ORCID: 0000-0001-5360-3428, кандидат искусствоведения,

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

НОГАЙСКАЯ ГРУППА ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ ДАГЕСТАНА**Аннотация**

Ювелирное искусство ногайцев проживающих на территории современного Дагестана имеет локальные особенности, что послужило предпосылкой к выделению женских украшений в отдельную группу. Недостаточная изученность исследуемой проблемы, скудные музейные коллекции, побудили автора к раскрытию ряда вопросов, касающихся выявления самобытных черт и художественных особенностей женских ювелирных украшений караногайцев. В настоящей работе проведена классификация изделий по форме, способу ношения, рассматривается формирование орнаментальных мотивов. Результаты исследования помогут заполнить образовавшийся пробел в изучении ювелирного искусства Дагестана.

Ключевые слова: караногайцы, ювелирные украшения, серебро, орнамент, сердолик.

Kanokova F.Yu.

ORCID: 0000-0001-5360-3428, PhD in Arts,

Kabardino-Balkaria State University named after H.M. Berbekova

NOGAI GROUP OF WOMEN DECORATIONS IN THE JEWELRY OF DAGHESTAN**Abstract**

The jewelry art of the Nogais living in the territory of modern Dagestan has local features, which served as a prerequisite for the allocation of women's jewelry in a separate group. Insufficient study of the problem, meager museum collections, prompted the author to disclose a number of issues related to the identification of original features and artistic features of women's jewelry of the Karanogais. In the present work a classification of products according to the form, method of wearing, classification of ornamental motifs is considered. The results of the research will help to fill the gap in the study of jewelry art in Dagestan.

Keywords: Karanogais, jewelry, silver, ornament, carnelian.

Последнее десятилетие ювелирное искусство народов, населяющих поликультурный Дагестан, привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных историков, этнографов и искусствоведов. Все чаще появляются научные работы, посвященные художественной обработке металла того или иного этноса, объектом исследований ученых становятся яркие и самобытные изделия, ювелирные центры, творчество народных мастеров.

При рассмотрении стилистики женских украшений отдельных групп, можно выявить аварскую, лакскую, кубачинскую и ногайскую группы. На сегодняшний день совершенно неизученным остается вопрос о самобытности и художественном качестве украшений последней, что является основной проблемой настоящего исследования. В статье, на основе общих и частных методов культурологического и искусствоведческого исследования, раскрыты многие аспекты исследуемой проблемы, а проведенная полевая экспедиция в Ногайский район Республики Дагестан,

позволила всесторонне раскрыть изучаемую тему. Необходимость проведения экспедиции вызвана недостаточной изученностью рассматриваемого вопроса в обширной литературе и скудных музейных коллекций, а также тем, что большая часть ювелирных изделий, сохраняя преемственность поколений, бережно хранится в ногайских семьях.

Для более глубокого понимания исследуемой проблемы, необходимо провести небольшой исторический экскурс. Ногайский народ имеет богатую и насыщенную событиями историю. Ее «звездным часом» было существование Ногайской Орды в XV-XVII вв. на территории левобережного Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана. В первой трети XVII в. произошло постепенное ослабление и распад Орды, после чего основная масса ее населения мигрировала за пределы изначальной территории – главным образом, в Причерноморье и на Северный Кавказ [10, С. 99]. Часть ногайцев, откочевавшая в Моздокскую степь, положила начало группе северо-восточных ногайцев, или караногайцев, которые сегодня расселены по территории Ногайского района Республики Дагестан.

Ногайцы, вплоть до начала XX в. вели кочевой образ жизни. В течение столетий, они прошли сквозь этапы, следующие друг за другом в общем процессе исторического развития всех кочевых культур – это стадия кочевания, полукочевание и полуседлость [8, С. 145]. Данные модели последовательно наложили свой отпечаток на становление художественных форм ювелирного искусства ногайцев.

Наиболее яркое отражение они нашли в орнаменте. Мотивы первой модели образованы из простых фигур и линий – это точка, полоса, волна, треугольник, сетка, крест, пунктир, шевроны, пояски ромбов, Г-образный меандр и т.д. Модификация этих элементов в более сложные фигуры наблюдается во второй модели – это узоры, образованные из криволинейных мотивов – S-образные фигуры, роговидные завитки, зигзаги, спирали, мотивы бегущей волны, круги, космогонические орнаменты. Третья модель охарактеризована появлением орнаментальных мотивов, связанных с растительным и животным миром, а также стилизованных изображений бытовых предметов. Композиции усложняются, появляются розетты, ромбы с рогообразными ответвлениями, круги с пальметтами.

Огромное влияние на формирование традиционного орнамента оказали и религиозные верования ногайцев. Несмотря на то, что господствующей религией ногайцев являлся Ислам суннитского толка, вплоть до конца XIX в. продолжали сохраняться отголоски и более древних, домусульманских религиозных представлений. Так, ногайцы считали, что мир создал творец – Кудай. Он сотворил небо, солнце, луну, землю [2, С. 12]. В комплексе верований ногайцев сохранились и следы культа языческих божеств. Это – божества плодородия, огня, воды и дождя [4, С. 147].

Специфическое исламское искусство нашло яркое отражение в различных видах ювелирного искусства. Изображения мусульманской атрибутики и символики, каллиграфия, изображения и сами предметы, относящиеся к сфере обрядности, повсеместно встречались в среде ногайцев. При этом в изображениях сохранялась четкая канонизация, ритуальная и обрядовая принадлежность.

Религиозное и художественное переосмысление письменности привело к тому, что степень овладения каллиграфией, стала своего рода критерием при определении уровня образованности, интеллектуальности и духовной красоты личности, а основными инструментами выражения исламского понимания прекрасного стали орнамент и текст, гармонично переплетающиеся и дополняющие друг друга.

Таким образом, традиционный орнамент, пройдя все модели развития, сочетая в себе различные религиозные предпочтения, окончательно сформировался к концу XIX – началу XX вв.

Идентичный путь развития прошли и традиционные формы ювелирных изделий. Украшения караногайцев монументальны, их формы утрированно крупные. Самой массивной и основной деталью ювелирного комплекса является пояс. Он имеет древнее значение и связан с следующим поверьем – «ногайцы верили, что кроме людей, обитающих на земле, существуют люди, которые живут над землей и под землей. Поэтому люди, живущие на земле и находящиеся как бы посередине, носят пояса на талии» [4, С. 147]. Караногайки носили следующие типы поясов *кусаки*:

Матерчатые пояса или кушаки.

Широкие металлические пряжки, застегивающиеся при помощи продеваемого в специальное отверстие металлического стержня, закрепленные на галунной ленте, полосе бархата или кожи.

Пластинчатые пояса, серебряные пластины которых имели с обратной стороны петли, в которые продевался узкий ремень из кожи [9, С. 201].

Следующим типом украшений крупных форм считались нагрудные застёжки. Караногайки нашивали их на прямоугольный кусок плотной ткани или кожи. Застёжки представляли собой 6-10 пар массивных пластин, имеющих с одной стороны полусферическое завершение, а с другой – полую петлю. Пластины нашивались в ряд, нередко по два столбца с каждой стороны. Традиционно у караногайцев бытовали следующие формы нагрудных застёжек *тойме*:

Дошчатые пластинки *тоьсттойме*.

Пластинки, расширяющиеся к внешнему краю, имитирующие изображение головы козы *козыбастойме*.

Квадратные или прямоугольные, вытянутые по вертикали пластины *такъта тойме* с одной стороны имеющие петлю, изготовленную из цепочки, а с другой полый шарик, прикрепленный на цепочку, служащий пуговицей.

Тонкие, удлиненные пластинки *черкес тойме*.

К украшениям малых форм можно отнести браслеты, кольца, серьги, обереги, височные подвески, которые, несмотря на небольшой размер, очень монументальны и достаточно массивны.

Браслеты бытовали в виде серебряных пластин, высотой до 9 см или полых трубочек с сомкнутыми и не сомкнутыми концами, концы браслетов имели следующие формы завершения:

- простое заоваленное;
- три фигуры пиковидной формы;
- полый шарик.

Браслеты, состоящие из различных фрагментов, таких как пластины, монеты, камни, подвески и т. д. фиксировались на руке при помощи специально изготовленной застёжки или стержня.

Среди съёмных украшений довольно популярными были серебряные кольца. У богатых имелись золотые кольца с дорогими камнями [5, с.186]. Иногда их носили на нескольких пальцах сразу. Кольца были гладкие, типа

обручальных, с небольшими щитками, с камешками в оправе. Священной реликвией считались перстни из сердолика с гравировкой изречений из Корана.

На свадьбу невеста одевала свадебное кольцо «*кьонгыравюзик*» – звенящее кольцо, с крупным камнем (обычно это был сердолик или коралл) в круглых, овальных или прямоугольных кастах, обрамленных серебряными монетами или подвесками, которые издавали звон во время движения. Иногда внутрь такого кольца клали металлический шарик.

Помимо свадебных колец-бубенчиков бытовали серебряные праздничные звенящие кольца, имеющие полусферическое полое основание, в которое клали металлический шарик или маленький бубенчик. Сверху полусферы напаивали круглую пластину, на которой в технике гравировки помещали суры из Корана.

Изучая кольца, бытовавшие у караногайцев, С. Ш. Гаджиева отмечает: «Ногайки носили кольца, украшенные чернью, кольца без камней, с плоскими головками в виде печаток круглой, четырехугольной и овальной формы, покрытые разным орнаментом под чернь. На торжествах молодые женщины пользовались звенящими кольцами. Кольца носили все: дети, молодые девушки и женщины всех возрастов. По обычаю кольцо могли носить на любом пальце, кроме большого...» [3, С. 185].

Особое развитие в женских украшениях получили украшения для головы, хранящиеся в основном в частных коллекциях. Их составляли из разных монет, бисера, драгоценных камней, любимыми украшениями являлись бусы из кораллов *маржан мойшакъ* и бисера *ынжы мойшакъ*. Существовали шейные украшения из серебра, сердолика, монет и жетонов. Молодые и замужние женщины носят часто на лбу или под подбородком серебряные украшения, состоящие из серебряных цепочек и колечек, укрепленных концами к серьгам.

С ранних лет девочки носили на крыльях носа, или на носовой перегородке кольца *алкъя* или *тогъя*. *Тогъя* носили не только девочки, но иногда и мальчики, обрученные до рождения родителями [3, С. 185].

Из ушных украшений были распространены серьги *къялакшык*, которые можно подразделить на 4 типа:

Серьги, имеющие форму кольца. Верхняя их часть служила дужкой, а к нижней прикреплялась от одного до трех полых шарика. Шарик имел петлю, которые продевались в другие колечки. Разновидностью этого типа серег являлись серьги, имеющие вместо шариков бусины, а вместо колечек – монеты.

Длинные подвески из колечек или цепочек. Верхняя часть служила дужкой, а к нижней припаивалась литая фигурка в виде птички *къораз къялакшык*.

Серьги, основой которой служила толстая проволока в виде крючка, на который надевали полый шарик. Нижнюю часть проволоки оформляли в виде треугольника. Эта форма называлась *буъкпе*.

Литая и штампованная пластинка в форме полумесяца, к которой прикреплялись с помощью колечек четыре подвески из монет. Эти подвески украшались накладной филигранью, чернью, разноцветными драгоценными камнями.

Комплекс ювелирных украшений караногоек изобилует всевозможными оберегами, которыми служили футлярчики, обтянутые тканью, а также стилизованные фигурки птичек, кисти руки, считавшиеся магическими средствами против болезней. Подобные футлярчики, в которые клали суры из корана, были встречены в ходе полевых исследований, в частных коллекциях жителей села Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан Койлакаевой Асият и Юсуповой Мадины [6, С. 45-47].

При проведении ритуалов свадебного цикла, одну из главных ролей играли ювелирные украшения. Одним из первых подарков, который преподносили родители невесты после обряда сватовства, был серебряный браслет. С того момента девушку можно было считать просватанной, также она продевала в ноздрю украшения в виде кольца, что было связано с символикой супружеской верности и обладает, согласно архаическим представлениям, способностью переводить человека в иное состояние.

Костюм невесты изобилует всевозможными ювелирными украшениями, причем, у караногоек, украшения утрировано крупные, со строгим декором и вставками из сердолика, рубина и геометризированными черневыми элементами. Причина, достаточно крупных размеров объясняется тем, что во время свадебного шествия к жениху невесту сажали на лошадь, и ее украшения должны были быть видны остальным участникам, стоящим на земле [6, С. 47-49].

При переходе девушки в статус супруги, затем, после рождения первенца, в статус матери и последующих переходах в статусы свекрови, бабушки и т.д. упрощался и изменялся набор украшений. Существовали и правила ограничения на ношение украшений, в течение сорока дней, в случае смерти близкого родственника.

Таким образом, в комплексе ювелирных изделий караногоек, входящем в ногайскую группу украшений Дагестана, выделены следующие особенности, характеризующие самобытность и художественные качества рассматриваемых изделий:

- ансамбль, состоящий из одежды и ювелирных изделий, составляет цельный комплекс, придающий образу самобытную мелодику;
- украшения выполняют функцию оберега;
- набор ювелирных украшений усложняется или упрощается в зависимости от возраста женщины;
- украшения отражают социальный статус и благосостояние владелицы;
- форма, орнаментика, способы крепления имеют четкую классификацию, локализацию и ярко выраженный национальный стиль;
- ногайские украшения имеют много общих стилистических черт с аналогичными изделиями тюркоязычных народов Средней Азии, Поволжья и Казахстана. Это сходство является не только следствием культурно-экономических связей, но и результатом их этнической близости;
- самобытность ювелирных украшений ногайских женщин выражается в монументальности форм, целостности и архаичности декора.

Список литературы / References

1. Акбердиева А. А. Ювелирное искусство ногайцев / А. А. Акбердиева // Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 12-13 октября 2016. – С. 473-476.
2. Алейников М. П. Поверья ногайцев Мансуровского селения / М. Н. Алейников // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XVII. – С. 12.
3. Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. / С. Ш. Гадиева. – М.: Наука, 1976. – С. 185.
4. Гимбатова М. Б. Религиозные верования ногайцев / М. Б. Гимбатова // Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 12-13 октября 2016. С. 146-150.
5. Калмыков И. Х. Ногайцы. / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И.-М. Сикалиев. – Черкесск. 1988. – С. 186.
6. Канокова Ф. Ю. Традиционные особенности художественной обработки металла у ногайцев / Ф. Ю. Канокова // Вопросы современной науки: коллект. науч. монография; [под ред. Н.Р. Красовской]. – М.: Изд. Интернаука, 2016. Т. 3. – С. 37-55.
7. Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р. Х. Керейтов // Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – С. 136.
8. Плетнева С. А. Кочевники средневековья / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1982. – С. 145.
9. Студенецкая, Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е. Н. Студенецкая. – М., 1989. – С. 201.
10. Трепавлов В. В. Ногайская Орда в истории России / В. В. Трепавлов // Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 14-16 мая 2014. С. 99-104.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akberdieva A. A. Juvelirnoe iskusstvo nogajcev [Jeweler's Art of Nogais] / A. A. Akberdieva // Nogai: XXI century: History. Language. Culture. From the source – to the future. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference. – Cherkessk, 12-13 October 2016. – P. 473-476. [in Russian]
2. Alejnikov M. P. Pover'ja nogajcev Mansurovskogo selenija [Nogai Believers of Mansurovsky Settlement] / M. N. Alejnikov // SMOMPK. – Tiflis, 1893. – Vyp. XVII. – P. 12. [in Russian]
3. Gadzhieva S. Sh. Material'naja kul'tura nogajcev v XIX – nachale XX v. [Material culture of the Nogai in the XIX – early XX century] / S. Sh. Gadieva. – M.: Nauka, 1976. – P. 185. [in Russian]
4. Gimbatova M. B. Religioznye verovanija nogajcev [Religious beliefs of the Nogais] / M. B. Gimbatova // Nogai: XXI century: History. Language. Culture. From the source – to the future. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference. – Cherkessk, 12-13 October 2016. P. 146-150. [in Russian]
5. Kalmykov I. H. Nogajcy [Nogai] / I. H. Kalmykov, R. H. Kerejtov, A. I.-M. Sikaliyev. – Cherkessk. 1988. – P. 186. [in Russian]
6. Kanokova F. Ju. Tradicionnye osobennosti hudozhestvennoj obrabotki metalla u nogajcev [Traditional features of artistic metal processing in Nogai] / F. Ju. Kanokova // Issues of modern science: the collective. sci. monograph; edited by N.R. Krasovskoj. – M.: Izd. Internauka, 2016. V. 3. – P. 37-55. [in Russian]
7. Kerejtov R. H. Nogajcy. Osobennosti jetniceskoj istorii i bytovoj kul'tury: monografija [Nogai. Features of ethnic history and everyday culture: monograph] / R. H. Kerejtov // Karachaevo-Circassian Institute for Humanitarian Studies. – Stavropol': Servisskola, 2009. – P. 136. [in Russian]
8. Pletneva S. A. Kochevniki srednevekov'ja [Nomads of Middle Ages] / S. A. Pletneva. – M.: Nauka, 1982. – P. 145. [in Russian]
9. Studeneckaja E. N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XIX-XX vv. [Clothing of Peoples of North Caucasus in XIX-XX Centuries] / E. N. Studeneckaja. – M., 1989. – P. 201. [in Russian]
10. Trepavlov V. V. Nogajskaja Orda v istorii Rossii [Nogai Horde in the History of Russia] / V. V. Trepavlov // Nogai: XXI Century: History. Language. Culture. From the source – to the future. Materials of the First International Scientific and Practical Conference. – Cherkessk, 14-16 may 2014. P. 99-104. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/>

Рыбкова И.В.

ORCID: 0000-0002-3516-3729, кандидат искусствоведения

Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова

А.Г. ШНИТКЕ. PIANISSIMO – «ИМЯ» ИЛИ ПРОЦЕСС

Аннотация

«Pianissimo» А.Г. Шнитке – знаковое сочинение в истории культуры XX века. В статье драматургия сочинения рассматривается с точки зрения развития громкостной динамики, которая играет важнейшую роль в его формообразовании. Pianissimo предстает в двух ипостасях: как имя тишины с его опорой на логику лирического высказывания (что становится воплощением природного, внеличного начал) и как потенциальность forte, репрезентирующий конфликтный тип драматургии (что раскрывает начало культурное, личностное). Их соединение порождает особый тип – тишина как озарение.

Ключевые слова: А.Г. Шнитке, pianissimo, громкостная динамика, тишина, композиционные особенности, драматургия.

Rybko I.V.

ORCID: 0000-0002-3516-3729,

PhD in Arts

Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov

A.G. SCHNITTKE. PIANISSIMO — A "NAME" OR A PROCESS?

Abstract

"Pianissimo" by A.G. Schnittke is a significant work in the history of a culture of the 20th century. The article considers the dramaturgy of the work from the point of view of the development of loud dynamics, which plays an important role in its formation. Pianissimo appears in two ways: as the name of silence with its support on the logic of the lyrical statement (which becomes the embodiment of a natural, impersonal beginning) and as the potentiality of forte, representing a conflict type of drama (which opens the beginning of a cultural, personal). Their connection generates a special type — a silence as an insight.

Keywords: A.G. Schnittke, pianissimo, loud dynamics, silence, compositional features, drama.

Современное музыкальное искусство всё больше сосредотачивает внимание на характере произнесения материала, тем самым проявляя его особую смысловую насыщенность. Качество звучания актуализирует значимость неспецифического слоя музыкального содержания, в том числе громкостной динамики. Композиторы XX века проявили огромный интерес к выразительным возможностям громкостной динамики (Э. Денисов, С. Губайдулина, К. Пендерецкий, А. Пярт), она даже становится приметой стиля композиторов (Г. Канчели, Дж. Кейдж, В. Сильвестров).

Знаковым для современной культуры стало появление в 1968 году сочинения «Pianissimo» Альфреда Шнитке. После «4.33» Дж. Кейджа провокационность замысла Шнитке была очевидна и вместе с тем сквозь неё просвечивала парадоксальность. Вряд ли разбираемое сочинение можно назвать «нашим ответом», скорее, философским размышлением Художника о природе вещей и человека. Само «имя» произведения обладает поразительной звучностью, «прорывающаяся немота» музыки (термин А.В. Михайлова [3, С. 9]) превращается в призыв «прислушаться» к глубинным основаниям культуры и природы. Актуализация специфического пласта динамических оттенков приводит к появлению иного, параллельного сонатно-симфонической логике развития типа драматургии, что обусловлено природой феномена, имя которого стоит в заглавии сочинения.

Pianissimo, подобно всем динамическим нюансам, изначально двойственно по своей природе. В нем сосуществуют полярность (то есть pianissimo есть один из полюсов шкалы с присущими ему признаками – низкий уровень громкости (в Дб), умиротворённый или затаённый характер «высказывания», тяготение к лирическому типу драматургии и потенциальность перехода в иное состояние, что обусловлено отсутствием градуированной шкалы оттенков. В первом случае качественные характеристики постоянны, что позволяет назвать их признаками имени тишины, во втором – на авансцену выходит другое её качество – процессуальность. В сочинении А. Шнитке «имя» и процесс вступают в диалог, чтобы найти ответ на вопросы Бытия.

Одним из признаков неповторимости этой тишины становится само название – Pianissimo, записанное не подчеркнуто просто, а, в партитуре издательства Х. Сикорского, дополненное многоточием. В нём сокрыто очень многое: и призыв прислушаться к вечному, и желание рассказать о сокровенном. Рассказ Ф. Кафки «В исправительной колонии», названный композитором своеобразной программой, дополняет пласт ассоциаций аллюзийными намеками на историю, философию XX века и размышлениями о постижении истины.

Pianissimo как «имя» звучит с первых мгновений, раскрывает свою симультанную природу. Оно таинственно и неопределенно, попытки слуха выхватить знакомую интонацию упираются в «шуршащую» серию из 12¹ звуков, звучащую по вертикали как символ завершенности, замкнутости. Маленькие «тоны-точки» лишь на мгновение нарушают дление полюса тишины (такты 1-5), который носит оттенок идеальности. В восприятии он надевает маску «не-темы», а играет роль её предчувствия. Именно в этот момент начинает исподволь проявляться «сходство» сюжета Ф. Кафки и А. Шнитке – сначала «преступник» воспринимает всё происходящее как бессмысленность, а затем начинает осознавать особый смысл в попытке. Здесь композитор, пожалуй, проводит самую ужасающую параллель – всякий человек не сразу понимает «замысел Жизни». Таким образом, в центре оказывается не параллель «человек – власть» как у Ф. Кафки, а «субъект – мир».

¹ 12 – универсальный символ, трактуемый как знак Истины, в культуре число 12 – это количество знаков зодиака, богов Олимпа, подвигов Геракла, учеников Иисуса Христа, рыцарей Круглого стола, количество двенадцатых праздников в Православии и т. д.

Pianissimo, способное обострить «слух», становится проводником в мир сокровенных тайн, постижения истины. Имя тишины превращается в емкий символ подлинного существования. Созерцание символа как «теплоты сплывающей тайны» (С. Аверинцев [1]) актуализирует логику лирического высказывания с его тяготением к размышлению над одной мыслью, к повторности и вариантности. А. Шнитке признавался, что одной из задач была «попытку сплести множество вариантов одной и той же мысли» [10]. Таким образом, недосказанность, иллюзорность *pianissimo*, погруженного в многообразие, становится импульсом к дальнейшему разворачиванию.

«Осмысление» тезиса раскручивается подобно спирали: продолжительность звучания серии как «пред-темы» составляет 5 тактов, 1-8 вариации приблизительно равны между собой (каждая – по 10 тактов). Постепенное увеличение количества голосов (к челесте, клавесину и струнным в начале затем добавляются вибратон и арфа (т. 11), фортепиано (т. 16), духовые (с т. 26), ударные (с т. 56)) приводит к нарастанию напряжения. В разрастающейся до 15 тактов 9-й вариации (тт. 86-100) композитор даёт динамические оттенки, прежде указанные только первым такте партитуры! Именно с этой вариации динамика начинает нарастать, голоса захватывают крайние регистры, репрезентируя библейские события. Число «9» приобретает сакральное значение и ассоциируется с Девятым часом церковной службы, во время которой говорится о смертной муке Иисуса Христа. В этот момент «жертва Христа переживается как личная жертва» [2, С. 10].

Лирический тип драматургии с его опорой на вариантность уступает место векторному развитию, устремленному к развязке. Изменение обусловлено введением жертвенной фигуры Христа, которая символизирует собой всю новозаветную культуру с особым восприятием времени как разворачивающегося свитка. В 10 вариации (тт. 101-110) динамические оттенки достигают крайних значений – *f*, *ff*, *fff*. Смена полюса с тихого на громкое обозначает то, что от бесстрастного «вслушивания» маятник качнулся в сторону максимального проявления индивидуального, ибо голос возвещает о себе громко. Но появление голоса внутри тишины позволяет трактовать его и как момент озарения, момент постижения истины. Сопоставление *ppp* и *fff* на границе 10 и 11 вариаций (тт. 109-111) звучит как своеобразное причащение к истинному, понятому через боль и страдания. 12 вариация представляет собой постепенный динамический спад, восстанавливающий исходные права тишины.

Особенностью композиционного строения «*Pianissimo*» А.Г. Шнитке является совмещение двух типов драматургии – медитативного (в 1-8 вариациях) и конфликтного (стремительно развивающегося в 9-12 вариациях, что выражено нарастанием громкости, актуализацией христианской символики).

Две стороны *pianissimo* – имя (как максимум природного начала) и процесс (как максимум культурного начала) – ярко воплощенные в драматургии сочинения, отражают огромные выразительные возможности громкостной динамики как средства музыкального содержания. Синтез двух ипостасей тихого звучания, понимаемых также как внеличное и личностное, выводит содержание на качественно другой уровень – к надындивидуальному, к тишине-озарению.

Противопоставление континуальности и дискретности времени порождает ассоциации с историей культуры – древнегреческой и христианской – и превращает сочинение А.Г. Шнитке в историю культуры мира. В этом ракурсе исходная тема-серия становится в квинтэссенцию природного (12 звуков – один из вариантов максимально возможного звукоряда) и одновременно культурного (12 звуков – знак расширенной тональности), переживание их спаянности и одновременного контраста, пожалуй, и есть та искомая истина, постижение которой возможно через самопожертвование.

Список литературы / References

1. Аверинцев С. С. Символ [Электронный ресурс] // <http://ec-dejavu.ru/s-2/Symbol.html> (дата доступа – 25.11.2017)
2. Вартанова Е. И. К вопросу о феноменологии музыкального мышления Альфреда Шнитке [Текст] // Е. И. Вартанова / Учёные записки Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова : – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – Вып. 2: Творчество Альфреда Шнитке. К 65-летию со дня рождения. – С. 3-11.
3. Михайлов А. В. Слово и музыка. Музыка как событие в истории слова [Текст] // А. В. Михайлов / Слово и музыка : научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М. : МГК, 2002. – Вып. 36. – С. 6-23.
4. Савенко С. И. Новое в творчестве Альфреда Шнитке: от диалога к синтезу [Текст] // С. И. Савенко / *Laudamus*. – М. : Композитор, 1992. – С. 146-154.
5. Севостьянова Л. В. «Алмазный мой венец» или венец терновый? (Парадоксы имяславия в Третьем квартете А.Г. Шнитке) [Текст] // Л. В. Севостьянова / Альфред Шнитке : художник и эпоха: к 75-летию композитора : сборник статей по материалам научных чтений 12 декабря 2009 года. – Саратов : SGK им. Л.В. Собинова, 2010. – С. 62-67.
6. Флоренский П. А. Сочинения. Том 2. У водоразделов мысли [Текст] // Вст. статья С. С. Хоружего. Историографическая статья игумена Андроника (А.С. Трубочева). Сост. Игумен Андроник, М. С. Трубочева, П. В. Флоренский. Прим. С. С. Аверинцева, игумена Андроника, В. В. Библихина, Н. К. Бонецкой, А. Г. Дунаева, С. М. Половинкина, С. З. Трубочева / М. : Издательство «Правда», 1990. – Приложение к журналу «Вопросы философии». Серия «Из истории отечественной философской мысли». – 448 с.
7. Холопова В. Н. Композитор Альфред Шнитке [Текст] / В. Н. Холопова. – М., 2003. – 288 с.
8. Чигарёва Е. И. Альфред Шнитке. Хоровой концерт на стихи Г. Нарекаци: к проблеме медитативной концепции [Текст] // Е. И. Чигарёва / Музыкальное искусство и религия. – М., 1994. – С. 104-117.
9. Чигарёва Е. И. Художественный мир А. Шнитке. Очерки [Текст] // Е. И. Чигарёва / Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 2012. – 368 с.
10. Шульгин Д. И. Годы неизвестности Альфреда Шнитке (Беседы с композитором) [Текст] / Д. И. Шульгин. М., ГМПИ им. М. М. Ипполитова-Иванова, 1993. – 109 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averincev, S. S. Simvol [Symbol] [Elektronic resource] // <http://ec-dejavu.ru/s-2/Symbol.html> (accssed date 25.11.2017) [in Russian]

2. Vartanova, E. I. K voprosu o fenomenologii muzykal'nogo myshlenija Al'freda Shnitke [On the phenomenology of Alfred Schnittke's musical thinking] [Tekst] // E. I. Vartanova / Uchjonye zapiski Saratovskoj gosudarstvennoj konservatorii im. L.V. Sobinova [Academic notes of the Saratov State Conservatory named L.V. Sobinov] : – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. – V. 2: Tvorchestvo Al'freda Shnitke. K 65-letiju so dnja rozhdenija [Creations of Alfred Schnittke. To the 65th anniversary of the composer]. – P. 3-11. [in Russian]
3. Mihajlov, A. V. Slovo i muzyka. Muzyka kak sobytie v istorii slova [Word and music. Music as an event in the history of the word] [Tekst] // A. V. Mihajlov / Slovo i muzyka : nauchnye trudy Moskovskoj gosudarstvennoj konservatorii im. P. I. Chajkovskogo [Word and music: scientific works of the Moscow State Conservatoire named P. I. Tchaikovsky]. M. : MGK, 2002. – V. 36. – P. 6-23. [in Russian]
4. Savenko, S. I. Novoe v tvorcestve Al'freda Shnitke: ot dialoga k sintezu [New in the work of Alfred Schnittke: from dialogue to synthesis] [Tekst] // S. I. Savenko / Laudamus. – M. : Kompozitor, 1992. – P. 146-154. [in Russian]
5. Sevost'janova, L. V. «Almaznyj moj venec» ili venec ternovyj? (Paradoksy imjaslavija v Tre't'em kvartete A.G. Shnitke) [«Diamond my crown» or a crown of thorns? (Paradoxes of the Name in the Third Quartet by A. Schnittke)] [Tekst] // L. V. Sevost'janova / Al'fred Shnitke : hudozhnik i jepoha: k 75-letiju kompozitora : sbornik statej po materialam nauchnyh chtenij 12 dekabnja 2009 goda [Alfred Schnittke: artist and era: to the 75th anniversary of the composer: a collection of articles on the materials of conference December 12, 2009]. – Saratov : SGK im. L.V. Sobinova, 2010. – P. 62-67. [in Russian]
6. Florenskij, P. A. Sochinenija. Tom 2. U vodorazdelov mysli [Compositions. Volume 2. At the watersheds of thought] [Tekst] // Vst. stat'ja S. S. Horuzhego. Istoriograficheskaja stat'ja igumena Andronika (A.S. Trubacheva). Sost. Igumen Andronik, M. S. Trubacheva, P. V. Florenskij. Prim. S. S. Averinceva, igumena Andronika, V. V. Bibihina, N. K. Boneckoj, A. G. Dunaeva, S. M. Polovinkina, S. Z. Trubacheva / M. : Izdatel'stvo «Pravda», 1990. – Prilozhenie k zhurnalu «Voprosy filosofii». Serija «Iz istorii otechestvennoj filosofskoj mysli» [Supplement to the journal «Problems of Philosophy». Series «From the History of Russian Philosophical Thought»]. – 448 p. [in Russian]
7. Kholopova, V. N. Kompozitor Al'fred Shnitke [Composer Alfred Schnittke] [Tekst] / V. N. Kholopova. – M., 2003. – 288 p. [in Russian]
8. Chigareva, E. I. Al'fred Shnitke. Horovoj koncert na stihi G. Narekaci: k probleme meditativnoj koncepcii [Alfred Schnittke. Choir concert on the poems of G. Narekatsi : to the problem of the meditative concept] [Tekst] // Chigareva E. I. / Muzykal'noe iskusstvo i religija [Musical art and religion]. – M., 1994. – P.104-117. [in Russian]
9. Chigareva, E. I. Hudozhestvennyj mir A. Shnitke. Oчерki [The artistic world of A. Schnittke. Essays] [Tekst] // E. I. Chigareva / Moskovskaja gosudarstvennaja konservatorija im. P. I. Chajkovskogo, 2012. – 368 p. [in Russian]
10. Shul'gin, D. I. Gody neizvestnosti Al'freda Shnitke (Besedy s kompozitorom) [Years of uncertainty Alfred Schnittke (Dialogues with the composer)] [Tekst] / D. I. Shul'gin. M., GMPi im. M. M. Ippolitova-Ivanova, 1993. – 109 p. [in Russian]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIESDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.028>Бигалиева А.Г.¹, Киселева Ю.А.²¹ORCID: 0000-0001-7482-9581, главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников,²ORCID: 0000-0002-4879-8424, главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников,

Астраханская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской, г. Астрахань

**ОТ КНИЖНОГО ЗНАКА – К БИБЛИОТЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕКИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ И
ТОРГОВЫХ СЛУЖАЩИХ В АСТРАХАНИ)****Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы выявления, фиксации и описания книжных знаков в фонде Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской. Книжный знак являясь основной начальной точкой в исследовании истории и состава книжных собраний, дает возможность установить принадлежность книги библиотеке, коллекционеру или организации. В данном исследовании представлен начальный этап реконструкции Библиотеки Союза советских и торговых служащих в городе Астрахани. Освещены проблемы становления библиотечного дела в Советской России после Революции 1917 года.

Ключевые слова: Астраханская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской, книжный знак, библиотека, Библиотека Союза советских и торговых служащих.

Bigaliev A.G.¹, Kiseleva Yu.A.²¹ORCID: 0000-0001-7482-9581, Chief Librarian of the Department of Rare Books and Book Monuments,²ORCID: 0000-0002-4879-8424, Chief Librarian of the Department of Rare Books and Book Monuments,

Astrakhan Regional Scientific Library named after N.K. Krupskaya, Astrakhan

**FROM BOOK PLATE TO LIBRARY (ON EXAMPLE OF LIBRARY OF UNION OF SOVIET AND TRADE
EMPLOYEES IN ASTRAKHAN)****Abstract**

The paper considers the questions of revealing, fixing and the description of book plates in the fund of the Astrakhan regional scientific library named after N.K. Krupskaya. The book plate, being the main starting point in the study of the history and composition of book collections, makes it possible to determine whether the book belongs to a library, collector or organization. This study presents the initial stage of the reconstruction of the Library of the Union of Soviet and Trade Employees in the city of Astrakhan. The problems of the formation of library business in Soviet Russia after the Revolution of 1917 are highlighted as well.

Keywords: Astrakhan regional scientific library named after N.K. Krupskaya, bookplates, library, Libraries of the Union of Soviet and Trade Employees.

Сегодня книжный знак, или экслибрис, интересует многих: библиофилов и коллекционеров, искусствоведов и художников, работников музеев и библиотек. Изучить судьбу той или иной книги значительно легче, если на ней сохранился книжный знак.

С самого начала существования Отдела редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской сотрудниками ведется картотека астраханских библиотек, различных коллекций, а также владельцев отдельных изданий. Фонд Отдела находится в постоянном процессе изучения. Нами осуществляется тщательный просмотр фонда в поисках книжных знаков, с последующей поэтапной фиксацией обнаруженного. Такой подход к изучению фонда помогает Отделу вести активную научно-исследовательскую деятельность, результаты которой находят отражение в многочисленных публикациях.

В связи с проверкой фонда общественно-политической литературы, запланированной на 2016 год, нами был обнаружен, в дополнение к уже определенному количеству выявленных ранее, большой массив печатей Астраханских библиотек, относящихся к советскому времени. В данной работе мы представляем сведения об одной из таких библиотек, а именно речь пойдет о библиотеке Союза советских и торговых служащих в Астрахани (далее СТС). Печать данной библиотеки представлена овальным штемпелем с надписью: «Библиотека // Клуба // им. т. Томского // союзу С.Т.С.».

Прежде чем приступить к реконструкции данной библиотеки, необходимо дать характеристику временного периода, в котором она существовала, а именно 20-е годы XX века. Такой подход даст нам более полное представление об особенностях и специфике комплектования данной библиотеки. В данном исследовании мы опирались на архивные данные, полученные в ходе работы в Государственном архиве Астраханской области (далее ГАО). Были изучены два достаточно объемных фонда: Р-2302: Астраханский губернский отдел профессионального союза советских и торговых служащих г. Астрахань и Р-1695: Астраханский окружной отдел профессионального союза советских и торговых служащих г. Астрахань.

Революция 1917 года оказала огромное влияние на судьбу России и все сферы жизни общества. В условиях революции и Гражданской войны с большими переборами работали университеты и школы, буквально боролись за выживание музеи, библиотеки, театры. Разрушалось и нечто более важное, чем отдельные учреждения культуры. «Прежней культурной среды уже нет — она погибла, и нужно столетие, чтобы создать ее» — писал в 1919 г. К.И. Чуковский [1, С. 139].

К счастью, Корней Иванович ошибался в своих прогнозах. В первые годы советской власти населению страны был обеспечен свободный доступ к знаниям, к величайшим ценностям науки, культуры и искусства, началась повсеместная борьба с неграмотностью. Более того, правительство обратило серьезное внимание на работу библиотек, организацию библиотечного обслуживания. 20-е годы XX в. — один из самых плодотворных периодов в развитии

советского библиотековедения. Оно признавалось делом государственной важности, создавались государственные органы управления библиотеками.

Астраханский губернский отдел профессионального союза советских и торговых служащих был образован в 1918 году, оформился, как союз служащих в мае 1919 года и был переименован в Союз работников Советских общественных и торговых учреждений, предприятий, а в 1924 году стал именоваться союзом Советских и торговых служащих. В 1930 году он был ликвидирован [2].

В 20-е годы XX века проводились различные библиотечные съезды и конференции, которые имели большое значение для развития советского библиотековедения. Знакомясь с делом «Отчетные ведомости библиотечного фонда союза совработников», мы обнаружили доклад организатора библиотеки при Культкомиссии союза СТС тов. Монастырского Н.М., датированный 17 апреля 1924 г. Из него мы узнаем, что 12 апреля в Астрахани проходила общегородская конференция библиотечных работников, на которой и присутствовал тов. Монастырский. Анонсирование данного мероприятия в газете «Коммунист» за 1924 год подтверждает архивные данные [3], [4], [5]. Цель конференции была такова: «объединить всех биработников и необходимость подготовки таковых для работ в дальнейшем». В своем докладе тов. Монастырский обстоятельно освещает работу конференции, более того, он достаточно подробно излагает выступление некоего тов. Бочачер. В архивном деле, кроме фамилии, к сожалению, не имелось никаких сведений о нем. Захотелось выяснить, кем же являлась эта загадочная личность. Мы обнаружили упоминание об этом человеке в «Педагогических сочинениях Н.К. Крупской» [6, С. 411], [7, С. 447], а также на просторах интернета. Выяснилось, что это была Фаина Мироновна Пятакова-Бочачер, директор Ростовского-на-Дону государственного педагогического института. Судьба ее оказалась более чем трагична. 20 июля 1937 г. она была арестована вместе с группой преподавателей института и 11 декабря того же года расстреляна [8].

Вернемся к конференции и теперь уже ставшей известной нам Фаине Мироновне. В своем выступлении она провела «параллель между биработой в царские времена и как мыслится работа в настоящее время Соввластью» [9]. В царское время, по ее мнению, «биработники не были в буквальном смысле этого слова работниками, а вернее были заводные машины... Популяризацией книг в народной массе, привлечение читателя к книге старые биработники не занимались, да с них это и не требовалось». Советская власть, в свою очередь, совершенно иначе рассматривала библиотечное дело. «Библиотека — это рассадник полного просвещения..., библиотека не только должна быть доступнее для всех граждан..., библиотечное дело должно быть на должной высоте, а чтобы достигнуть преследуемой цели, необходимо иметь достаточный кадр вполне подготовленных биработников». В своем докладе тов. Бочачер дает характеристику советскому библиотекарю: «Биработники не должны ждать, когда придет к ним читатель, а должны умело подойти сами к читателю с книгой, удовлетворять запросы читателя полностью и не только по профессиональной линии, но и по политической. Только такие биработники могут достичь этого, которые любят это дело и готовы отдать ему, а вместе с тем и народным массам свои силы и энергию на распространение света и истины». На этой конференции был также поставлен вопрос об открытии курсов для «подготовки соответствующих этой работе товарищей» [10].

Из архивного дела «Протоколы заседаний культкомиссии окружного отдела профсоюза» за 1928 г. следует, что «органами народного образования и другими общественно-кооперативными организациями были организованы различные заочные курсы по повышению квалификации и общего образования» [11]. В список курсов заочного профессионального обучения входили курсы по переподготовке библиотечных работников при КО ВЦСПС в Москве [12].

В деле «Протоколы заседаний культкомиссии Союза СТС и материалы к ним» помещена переписная карточка обследования союзной библиотеки за 1926 г., заполненная черными чернилами. Она очень информативна. По данным карточки мы узнаем местонахождение библиотеки. Она располагалась по улице Желябова, 28 (ныне это улица Адмиралтейская) при месткоме №1 СТС (далее МК). Отдельного помещения библиотека не имела, а располагалась при Красном уголке. При библиотеке имелась читальня, среднее число посещений в день за декабрь месяц 1925 г. составило 15 человек (понятие «читальня» в данном случае эквивалентно современному понятию «читальный зал»). По типу библиотека являлась постоянной, без передвижки. Согласно данным на 1 января 1926 г. она обслуживала рабочих и служащих одного учреждения, членов одного союза в числе 204 человек. Имелся и заведующий библиотекой в возрасте 38 лет, беспартийный, по национальности русский, стаж библиотечной работы которого на тот момент составлял 10 лет. Подписчиками библиотеки на 1-е января 1926 года являлись 15 человек. По социальному положению это были служащие, по полу: мужчины, по возрасту: взрослые от 18 лет [13]. Библиотека комплектовалась месткомом. В виде таблицы в деле отражено состояние и выдача книг по отделам. На 1-е декабря 1925 г. фонд библиотеки состоял из 599 экз. книг [14].

Из дела «Протоколы заседаний культкомиссии окружного отдела профсоюза» [15] мы получаем информацию о функционировании центральной союзной библиотеки при Губотделе союза советских и торговых служащих, которая располагалась во Дворце Ленина (ул. Свердлова, 67, ныне это здание принадлежит Региональному Управлению Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Астраханской области). «В целях наилучшего привлечения членов настоящего союза к чтению книги и продвижению книги в союзную массу», Губотделом Союза с 18 марта по 1 апреля 1928 года проводилась кампания по увеличению подписчиков-читателей центральной союзной библиотеки. Для этого месткомам вменялось в обязанность проводить такие мероприятия как: беседы, читки «среди членов н/союза о значении библиотеки и книги», а также необходимо было «знакомить всех членов в/коллектива с инструкцией пользования книгами» [16].

Из архивного дела «Отчеты и планы работы Астраханского окружного отдела профессионального союза» мы узнаем, что на 1928 год при месткоммах существовало 10 библиотек с 6154 экз. книг [17]. Помимо традиционной выдачи литературы, в библиотеках регулярно проводились беседы, лекции, читки, устраивались выставки («День Астраханских январских событий», «День Красной Армии», «День свержения самодержавия») [18], организовывались литературные вечера (в частности, «чествование пролетарского писателя М. Горького, 35-летие его литературной

деятельности» [19]. Выписывались газеты: «Коммунист», «Правда», «Труд», «Известия», «Рабочая газета», журналы: «Крокодил», «Красная Нива» [20]. «Для лучшего обслуживания читателей... центральной библиотеки и привлечения рабочих масс и служащих читателями таковой, Окротдел союза СТС с ...декабря с.г. переводит библиотеку на вечернюю вахту, каковая будет открыта с 5 часов вечера до 9 часов ежедневно без перерыва» [21].

В данном исследовании мы лишь тезисно обозначили наиболее важные и характерные, на наш взгляд, моменты, касающиеся библиотеки Союза советских и торговых служащих в Астрахани. В последующих публикациях мы надеемся продолжить освещать накопленный архивный материал по данной тематике.

Список литературы / References

1. Чуковский К. И. Дневник. 1901-1929: В 2 т. / Чуковский К. И. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003, – Т.1: Дневник, 1901-1929. – 638 с.
2. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-2302. Оп. 1. Л.1.
3. Городская конференция библиотечных работников // Коммунист. – 1924. – 5 апр. (№76). – С. 2.
4. Общегородская Конференция библиотечных работников // Коммунист. – 1924. – 8 апр. (№78). – С. 4.
5. Общегородская конференция библиотечных работников // Коммунист. – 1924. – 10 апр. (№80). – С. 1.
6. Педагогические сочинения в 11 т. / [под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева; подгот. текста и примеч. В. С. Дридзо]. – М.: Изд-во АПН, 1963. – Т. 11 (дополнительный). – 935 с.: портр.
7. Педагогические сочинения в 10 т. / [под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, Н. А. Константинова; подгот. текста и примеч. П. И. Куликова]. – М.: Изд-во АПН, 1958. – Т. 2. – 735 с.: ил.
8. Фаина (Фанни) Раппапорт. [Электронный ресурс] // JewAge (сайт). – URL: <http://www.jewage.org/wiki/ru/Profile:P1406505393> (08. 09. 2016).
9. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-2302. Оп. 1. Д. 185. Л. 68.
10. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-2302. Оп. 1. Д. 185. Л. 68. Об.
11. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 23. Л. 108.
12. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 23. Л. 109.
13. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-2302. Оп. 1. Д. 383. Л. 8.
14. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-2302. Оп. 1. Д. 149. Л. 3.
15. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.
16. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 23. Л. 31.
17. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 42. Л. 74.
18. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.
19. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 23. Л. 59.
20. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-2302. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.
21. ГААО (Гос. архив Астраханской обл.). Ф. Р-1695. Оп. 1. Д. 58. Л. 218.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Chukovsky, K. I. Dnevnik [Diary]. 1901-1929: In 2 v. / Chukovsky K.I. - Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyy Mir, 2003, - V.1: Diary, 1901-1929. - 638 p. [In Russian]
2. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-2302. Op. 1. L.1. [In Russian]
3. Gorodskaya konferentsiya biblioteknykh rabotnikov [City Conference of Library Workers] // Communist. - 1924. - 5 April. (No. 76). - P. 2. [In Russian]
4. Obshchegorodskaya Konferentsiya bibrabotnikov [Citywide Conference of Library Workers] / Communist. - 1924. - 8 April. (No. 78). - P. 4. [In Russian]
5. Obshchegorodskaya Konferentsiya bibrabotnikov [Citywide Conference of Library Workers] / Communist - 1924. - Arr. 10 (No. 80). - P. 1. [In Russian]
6. Pedagogicheskiye sochineniya v 11 t. [Pedagogical Works in 11 Vol.] / [Ed. by N.K. Goncharova, I.A. Kairov, I.V. Chuvashv; preparation. text and note. V.S. Dridzo]. - M.: Publishing House of the APN, 1963. - Vol. 11 (additional). - 935 p.: Port. [In Russian]
7. Pedagogicheskiye sochineniya v 10 t. [Pedagogical Works in 10 Vol.] / [Ed. by N.K. Goncharova, I.A. Kairova, N.A. Konstantinova; text and notes by P. I. Kulikova]. - M.: Publishing House of the APN, 1958. - V. 2. - 735 p.: ill. [In Russian]
8. Faina (Fanny) Rappaport. [Electronic resource] // JewAge (site). - URL: <http://www.jewage.org/wiki/en/Profile:P1406505393> (08. 09. 2016). [In Russian]
9. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-2302. Op. 1. D. 185. L. 68. [In Russian]
10. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-2302. Op. 1. D. 185. L. 68. [In Russian]
11. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 23. L. 108. [In Russian]
12. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 23. L. 109. [In Russian]
13. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-2302. Op. 1. D. 383. L. 8. [In Russian]
14. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-2302. Op. 1. D. 149. L. 3. [In Russian]
15. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 23. L. 7. [In Russian]
16. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 23. L. 31. [In Russian]
17. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 42. L. 74. [In Russian]
18. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 23. L. 10. [In Russian]
19. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. E.23. L. 59. [In Russian]
20. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-2302. Op. 1. D. 149. L. 1. [In Russian]
21. SAAR (State Archives of the Astrakhan Region). F. P-1695. Op. 1. D. 58. L. 218. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.029>

Войцехович А.А.

ORCID: 0000-0003-4286-9786, старший преподаватель кафедры китайского и др. языков
МГИМО, Университет МИД России**СЯОКАН-СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКИМ ЛИЦОМ****Аннотация**

В последнее время во внутривнутриполитической жизни Китая часто используется такое слово как «сяокан». Понятие сяокан не является новым для китайского социального дискурса. Еще древнекитайские мыслители утверждали, что именно «сяокан» - это модель идеального общества. В наше время задача построения общества «сяокан» была выдвинута в докладе председателя КНР Цзян Цзэминя на 16 съезде КПК в качестве главной задачи на предстоящие 20 лет. Руководители Китая говорят о трех этапах строительства идеального общества в Китае. На сегодняшний день Китай успешно завершил первый этап социально-экономического развития - «вэньбао» (отсутствие голода и нищеты). В настоящее время страна строит общество «среднего достатка» («сяокан»), третий этап - идеальное общество «великой гармонии» - датун.

Дэн Сяопин в 80-е гг. прошлого столетия заявил, что Китай будет строить общество, основанное на принципе «сяокан». В трактовке Конфуция это понятие означало «общество малого благоденствия». Дэн Сяопин применительно к современному Китаю назвал это «общество средней зажиточности».

В статье рассматривается содержание и структура концепта сяокан, проводится культурологический анализ данного понятия.

Основные цели и задачи проведенного исследования - это определение связи современного социально-политического лексикона с национальной культурой и ментальностью китайцев для выработки общего видения современной исторической эпохи в условиях культурно-цивилизационного многообразия мира, для выстраивания конструктивных отношений с Китаем.

Ключевые слова: Китай, сяокан, концепт, Конфуций, лингвокультура, "социализм с китайской спецификой", конфуцианство.

Wojciechowicz A.A.

ORCID: 0000-0003-4286-9786, Senior lecturer of the Department of Chinese and other languages,
MGIMO (Moscow State Institute of International Relations) of the Russian Ministry of Foreign Affairs**XIAOKANG-SOCIALISM WITH CHINESE FACE****Abstract**

Recently, the word "xiaokang" is often used in China's domestic politics. The concept of xiaokang is not new to Chinese social discourse. Even the ancient Chinese thinkers claimed that xiaokang was the model of an ideal society. In our time, the task of building a xiaokang society was put forward in the report of the President of PRC, Jiang Zemin at the 16th Congress of CCP as the main task for the next 20 years. The leaders of China talk about the three stages of building of an ideal society in China. Up to date, China has successfully completed the first stage of social and economic development - "Wenhui Bao" (lack of hunger and poverty). At present, the country is building a society of "average prosperity" (xiaokang), the third stage is an ideal society of "great harmony" - datong.

Deng Xiaoping in the 1980's said that China would build a society based on the principle of "xiaokang". According to the Confucius's interpretation, this concept meant "a society of small prosperity." Deng Xiaoping with reference to modern China called this "a society of average prosperity."

The content and structure of the xiaokang concept is considered in the article, a cultural analysis of this concept is conducted.

The main goals and objectives of the study are to determine the connection between the modern social and political lexicon and the national culture and mentality of the Chinese people in order to develop a common view of the modern historical era under the conditions of the cultural and civilizational diversity of the world and to build constructive relations with China.

Keywords: China, xiaokang, concept, Confucius, linguoculture, "socialism with Chinese characteristics", Confucianism.

...в Китае все то же, что есть у нас, и все не так, как у нас. Сообщают ли что-нибудь любопытное о сем государстве - мы читаем и по большей части не так понимаем, а когда начнем судить по-своему, то на втором или много на третьем шагу вступаем в какой-то хаос, где во всем видим одну несообразность и странную противоположность понятий с их предметами.

Отец Иакинф (Н.Я.Бичурин)

На состоявшемся в октябре 2017 года XIX съезде Коммунистической Партии Китая, в принятых на нём внутривнутриполитических материалах КНР в очередной раз указывается на такое важное направление в развитии страны, как сяокан 小康(xiǎokāng). Построение в Китае общества, ориентированного на сяокан, указывается как основное направление во всех партийных документах КПК последних десятилетий. Сяокан был темой активного обсуждения ещё в 2002 году на XVI съезде КПК, когда в докладе Цзян Цзэминя был назван основной задачей Китая на первое двадцатилетие нынешнего века. Цзян Цзэминь сказал, что в первое двадцатилетие нынешнего века китайцы должны заняться строительством среднезажиточного общества, которое будет отличаться развитой экономикой, передовой наукой и просвещением, процветающей культурой, глубокой гармонией и обеспеченной жизнью народа, живущего в условиях совершенной демократии. Благодаря построению такого общества «сяокан» и дальнейшим усилиям «в течение нескольких десятилетий можно будет к середине нынешнего века закончить в основном модернизацию и превратить нашу страну в богатую, могущественную, демократическую и цивилизованную социалистическую державу» [9].

Можно утверждать, что в активный словарь китайской политики слово сяокан вошло «с лёгкой руки» генерального архитектора китайских реформ Дэн Сяопина, который упомянул сяокан в беседе с японским премьер-министром: "Четыре модернизации, к осуществлению которых мы стремимся, - это модернизации китайского типа. Наша концепция "четырёх модернизаций"-это не та концепция модернизации, которую вы восприняли. Мы имеем в виду "семью сяокан".В конце нынешнего столетия, даже если мы достигнем определенной цели в нашем деле модернизации, наш среднестатистический показатель валового национального продукта останется довольно низким. Чтобы выйти на уровень более богатых стран третьего мира, скажем, со среднестатистическим ВВП в 1000 долл США, нам следует прилагать еще немалые усилия. Китай в этом случае по-прежнему будет находиться в состоянии "сяокан"[10].

Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 году выдвинул концепцию «китайской мечты» 中国梦(чжунгомэн) под которой подразумевалась мечта о создании процветающего и могущественного государства, мечта об осуществлении национального возрождения и достижения народного благоденствия. В своих выступлениях Си Цзиньпин говорил о том, что для достижения «китайской мечты» необходимы три основных условия:

1. «Обязательно идти по китайскому пути, то есть по пути социализма с китайской спецификой. Китайская нация-это нация незаурядной креативности. Раз мы сумели создать великую китайскую цивилизацию, то, тем более, сможем продолжать и расширять путь развития, соответствующий китайским реалиям.

2. Необходимо возвышать китайский дух, сердцевина которого-патриотизм, а также дух эпохи, сердцевина которого- реформы и новаторство.

3. Необходимо объединять силы нации, которые рождаются великой сплоченностью 56 национальностей 1,3 миллиардного населения. Китайская мечта-это мечта всей нации и мечта каждого китайца в отдельности» [7].

Он также определил этапы достижения данной цели: «Я твердо убежден, что к столетней годовщине основания Компартии Китая (2021 г.) неизбежно будет осуществлена задача создания общества средней зажиточности. Ко времени столетия создания КНР (2049 г.), несомненно, будет выполнена задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства. Мечта о великом возрождении китайской нации непременно осуществится» [7].

Философская по своей сути идея сяокан понятна и для простого обывателя, поскольку включает в себя простые ценности, которые извечно были близки всем людям – благополучие семьи, счастливые дети, квартира, зарплата, спокойная старость. В эту идею включена и мысль об исключительности, особенности китайцев, их отличие от других народов, что обеспечит в будущем возрождение величия Китая.

Само по себе это выражение, 小康 (сяокан) обозначающее в современном китайском языке «средний достаток» и имеющее разные варианты перевода на русский язык, является чрезвычайно интересным объектом для лингвокультурологического анализа, если рассматривать его как культурный концепт, отражающий и подтверждающий связь актуального социально-политического лексикона с национальной культурой и ментальностью.

В лингвокультурологии концепт - это не просто лингвистический продукт, а культурно-когнитивное образование, в котором тот или иной народ, социальная группа или личность средствами вербализации оформляет свои представления о мире, установки, идеалы. В истории любой культуры концепт претерпевает изменения, он «перестраивается», реконструируется в соответствии с конкретными социальными обстоятельствами и спецификой языка. Культурный концепт вбирает в себя значения и назначение многих и разных языковых единиц, что обеспечивает ему статус важного компонента национального самосознания.

При переводе на русский язык для понятия «общество сяокан», которое последнее время стали называть «социализмом с китайской спецификой», даются следующие варианты-толкования: общество малого достатка или скромного благополучия, общество малого процветания, общество приемлемого состояния, общество умеренного благосостояния.

Даже довольно поверхностное толкование вербальных средств оформления культурного концепта является важным шагом к пониманию его содержания и структуры. Проанализируем с этой точки зрения содержание и структуру концепта сяокан. Для этого необходимо хотя бы вкратце коснуться сначала его истории.

Современная политическая жизнь Китая неразрывно связана с ценностями китайской культуры, философскими учениями древности, прежде всего, конфуцианством.

Сам термин сяокан, одна из основных целевых установок китайских социально-экономических планов, почерпнут из конфуцианского наследия. В трактате 礼记 «Ли Цзи» («Книга ритуалов», «Трактат о правилах поведения», 5-2 вв. до н.э.) Конфуций описывает два состояния общества: идеальное –

大同 (датун) и приемлемое –小康 (сяокан).

Определение сущности датун содержится в двух фразах из девяти иероглифов 大道之行也, 天下为公 (Да дао чжи син е, тьянь ся вэй гун).

«Да дао чжи син е, тьянь ся вэй гун» обычно принято толковать следующим образом: «Когда действовало Великое дао (или «когда шли по Великому пути»), Поднебесная принадлежала всем, то есть была общей».

Древними мыслителями сущность общества сяокан определяется параллельной конструкцией из двух фраз: 景大道既隐, 天下为家 (Цзин да дао цзи ин, тьянь ся вэй цзя) «Ныне, когда Великое Дао уже скрылось, Поднебесная-это семья». В этом случае становится понятным вывод о том, что в обществе сяокан стабильность является хрупкой и необходимо большое умение для управления государством, поскольку в любой семье возможны разногласия.

Считается, что для становления общества сяокан необходимо наличие трех обязательных условий, а именно: готовность социума к принятию должным образом сформулированной идеи, наличие личности, способной претворить в жизнь эту идею, и, наконец, некая метафизическая составляющая – «архетип» народа, который признаёт того или иного правителя [3].

Известный китайский философ, ученый, государственный и общественный деятель Кан Ювэй (1868-1927), который выражал взгляды конфуцианских реформаторов в Китае в Новое время, в своей главной работе «Книга о великом единении» 大同书 (датун шу) определил, что «Путем (дао) общества Великого единения является «циркуляция гуманности» - 人运(жэньюнь), а «Путем» общества Малого процветания-циркуляция благопристойности» - 礼运(ли юнь) [4, С. 467].

Обратимся теперь к лингвокультурологическому анализу концепта сяокан.

Как отмечает Т.Аошуан, «в языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителем другого языка. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культур и цивилизаций и исторического опыта народов» [1, С. 7].

В Китае издревле существует своя, отличающаяся от других цивилизаций, лингвистическая база.

Как пишет Н.Н.Воропаев, «благодаря длительной истории непрерывного развития китайской письменности в китайском культурном пространстве сформировался особый феномен лингвоцентричности, феномен особого отношения к языку как хранителю исконных ценностей китайской нации» [2, С. 20].

Еще с древних времен у китайцев было особенное отношение к иероглифическому тексту, потому что сам иероглиф представлялся им как некий узор. Это было связано еще и с тем, что тысячелетиями классическим языком китайской культуры был 文言(вэньянь), который являлся письменным языком Китая до начала 20 века и передавал, в основном, значение, а не звучание слова.

Древние Греция и Индия, которые являлись основателями логических традиций, относятся к индоевропейской семье языков, а китайская логическая мысль строилась на другой языковой базе. Китайскую и индоевропейскую цивилизации отличает большая разница между иероглификой и фонетикой [6, С. 5].

Все иероглифы китайского языка представляют собой какой-либо перцептивный образ с помощью картинки. Например, иероглиф 休(сю). Одно из значений «отпуск, отдых» - это изображение человека, отдыхающего под деревом. Или иероглиф 好(хао) «любить, дорожить» - изображение женщины и ребенка.

В отличие от иероглифов, где можно понять примерное значение, в языках с алфавитом смысл понятен лишь после прочтения всех букв.

Китайское слово 小康сяокан состоит из двух иероглифов. Первый - (сяо) означает «маленький», «малый». Второй - 康(кан) – переводится как «здоровый, мир, спокойствие, процветание, благополучие, радость». 小康(сяокан) помимо перечисленных выше вариантов перевода, в состав которых входило слово «общество», может иметь значения «среднезажиточный» и «временное затишье».

Председатель КНР Си Цзиньпин на XIX съезде КПК говорил: «Нет полностью здоровой нации, значит нет полного сяокана», подчеркнув тем самым, что один из приоритетов политики сяокан - реформы в области здравоохранения, пропаганда здорового образа жизни. Реакцией на эти слова явилась тенденция увеличения числа китайских спортсменов во многих видах спорта, где они стали занимать отнюдь не последние места. Если раньше китайцы отдавали предпочтение таким видам спорта, как пинг-понг, волейбол, то сейчас их любимым спортом становятся бильярд, футбол и даже хоккей - в 2016 году пекинская команда HC Kunlun Red Star/Красная Звезда Куньлунь уже вошла в состав Континентальной хоккейной лиги КХЛ.

Само по себе слово сяокан становится на сегодняшний день весьма популярным и все чаще используется во всех сферах жизни китайцев. Многие фирмы и компании используют слово сяокан в своих названиях, например:

小康搬家服务有限公司- «компания Сяокан с ограниченной ответственностью, предоставляющая услуги по переезду». Наличие в названии компании слова сяокан явно призвано вызвать ассоциации с приличным достатком, хорошей квартирой и благополучием семьи.

小康旅行社- туристическое агентство Сяокан. Упоминание о сяокан в названии агентства намекает на возможность достойно провести отдых.

Появляются марки машин, в названии которых просматривается идея воплощения мечты об идеальной семье с хорошим достатком.

Появляется множество лозунгов, рекламы, самых разных плакатов, отражающих отношение китайцев к сяокану. Например, на плакате, изображающем устремленных вперед двух мужчин, готовых отразить внешнюю агрессию, и женщину - труженицу, написано:

喝最烈的酒, 奔最幸福的小康- Сяокан – это когда пьешь крепчайшее вино, стремишься к зажиточной жизни (см. рис. 1).

Рис. 1 – Сяокан – это когда пьешь крепчайшее вино, стремишься к зажиточной жизни

Вот плакат, на котором два китайца возводят красные иероглифы 小康сяокан (см. рис. 2). Один строитель попроще – явно рабочий, на более высоком уровне находится строитель в очках, что у китайцев всегда было признаком книжечей, работника умственного труда. Он укрепляет сооружение, обкладывая его кирпичом. Иероглифы 小康сяокан неспроста на этом плакате представлены в красном цвете, ведь для китайцев такой цвет означает счастье, удачу, процветание. Красный цвет – это цвет жизни и огня. В Китае есть поговорка 红红火火(хунхун хохо) что означает «жизнь идет в гору, бьет ключом», а по значениям иероглифов, которыми она записывается, мы видим «красный-красный огонь-огонь». Для осуществления мечты, цели в Китае непременно нужно использовать красный цвет.

Рис. 2 – Сяокан

Ещё один характерный плакат о сяокане – «Успехи абсолютного/ полного сяокана» (см. рис. 3). Мужчина средних лет, старик, пожилая женщина и женщина средних лет стоят под яблоней, на которой висят достаточно крупные яблоки и держат в руках по одному такому яблоку. Яблоко в Китае символизирует спокойствие, благополучие. По-китайски слово 苹果(пинго)– «яблоко» созвучно со словом 平安(«пинань») – спокойствие. Содержание плаката наводит на мысль о том, что идея сяокан обеспечит людям спокойную жизнь.

Рис. 3 – Успехи абсолютного/ полного сяокана

Сяокан посвящаются и песни. Вот, например, слова одной из них:

... «Давайте бороться за наше счастье,

Давайте стремиться к средней зажиточности в нашем обществе

С вечной мечтой в нашей душе-о процветании и возрождении нашей страны».

Безусловно, что для достижения «китайской мечты о великом возрождении нации» Китаю предстоит пройти нелегкий путь и решить немало имеющихся на сегодняшний день в стране проблем. Несмотря на огромный успех в развитии за последние годы существует ряд сложностей во многих областях. В докладе на 19 съезде КПК Си Цзиньпин говорил: «С вступлением социализма с китайской спецификой в новую эпоху противоречие между постоянно растущими потребностями народа в лучшей жизни и неравномерностью, и неполнотой развития стало основным противоречием китайского общества» [8].

В.А.Корсун в статье «Социальный протест «с китайской спецификой»: смена вектора» отмечает, что «в стране существует проблема имущественного неравенства и социального отчуждения, вкладывается недостаточно средств в социальное обеспечение, здравоохранение и образование, усугубляется разрыв в уровнях благосостояния богатых и бедных, широко распространена коррупция, нарастает социальная напряженность» [5, С. 233].

Концепция "китайской мечты о великом возрождении нации" будет продолжать расширяться, укрепляться и получать дальнейшее развитие, исходя из национальной культуры и ментальности китайского народа. Решение проблем руководство страны будет искать методами, подходящими только "для великой земли Китая", опираясь именно на "китайскую специфику", которая по словам Си Цзиньпина "обусловлена исторической традицией и культурной традицией страны". Первая отсылает к созданию Компартии в 1921 г, зарождению программы построения социализма в Китае и вехе его построения в 2021 году как сяокан с выходом на "великое единение", что заявлено в реформах Дэн Сяопина и продолжится при нынешнем руководстве. Таким образом, обозначена преемственность, в основе которой лежат традиции и непрерывность развития. Это, в свою очередь, получило осмысление в философии, художественной литературе, различных видах искусства, воплотилось во фразеологизмах и является неотъемлемой чертой китайского мировосприятия.

Список литературы / References

1. Аошуан Т. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Т. Аошуан. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 7 с.
2. Ворopaев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н. Н. Ворopaев. – М.: Издательство ВКН, 2015. – 20 с.
3. Девятков А., Регентов В. Сакральная сторона китайской политики (Хуньлуань-Сяокан-Датун) [Электронный ресурс] / А. Девятков, В. Регентов. – URL: <http://www.peremeny.ru/books/osminog/8604> (дата обращения: 3.11.2017).
4. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства / А. И. Кобзев. – М.: Восточная литература, 2002. – 467 с.
5. Корсун В. А. Социальный протест «с китайской спецификой»: смена вектора / Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №4(43). – С. 233.
6. Крушинский А. А. Логика образования понятий в Древнем Китае / Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2006. – №5. – С. 5.
7. Тавровский Ю. Китайская мечта [Электронный ресурс] / Ю. Тавровский. – URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_mechta (дата обращения: 4.11.2017).
8. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху [Электронный ресурс]. – // Сайт информационного агентства Синьхуа. – URL: http://news.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/201710/27/c_1121867529.htm (дата обращения: 27.10.2017).
9. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. – // Сайт государственного информационного сервера Китая. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (дата обращения: 05.11.2017).
10. Путь современного Китая к обществу "сяокан" [Электронный ресурс]. – // Сайт государственного информационного сервера Китая. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/49591.htm> (дата обращения: 05.11.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aoshuan T. Kitajskaja kartina mira: jazyk, kul'tura, mental'nost' [Chinese world perception: language, culture, mentality] / T. Aoshuan. – Rukopisnye pamjatniki drevnej Rusi, 2012. – 7 p. [In Russian]
2. Voropaev N. N. Kitaj: imena na vse vremena. Precedentnye personazhi. Lingvokul'turologicheskij slovar'-spravochnik dlja izuchajushchih kitajskij jazyk, kul'turu, istoriju, literaturu Kitaja [China: Eternal names. Famous characters. Linguoculturological dictionary and directory for those studying Chinese language, culture, history, literature] / N. N. Voropaev. – M.: VKN, 2015. – 20 p. [In Russian]
3. Deviatov A., Regentov V. Sakral'naja storona kitaiskoj politiki (Khun'luan'-Siaokan-Datun) [Sacred side of Chinese politics] [Electronic resource] / A. Deviatov, V. Regentov. URL: <http://www.peremeny.ru/books/osminog/8604> (the date of the access: 3.11.2017). [In Russian]
4. Kobzev A. I. Filosofija kitaiskogo neokonfutsianstva [Chinese Neo-Confucianism Philosophy] / A. I. Kobzev. – Moscow. Vostochnaja literatura, 2002. – 467 p. [In Russian]
5. Korsun V. A. Sotsial'nyi protest «s kitaiskoj spetsifikoi»: smena vektora [The social protest «with chinese particularity»: the shifting vector] / V. A. Korsun / Vestnik MGIMO-UNIVERSITETA [Vestnik MGIMO-UNIVERSITY]. – 2015. – №4 (43). – P. 233. [In Russian]
6. Krushinskii A. A. logika obrazovaniya ponjatij v Drevnem Kitae [Logic of formation of concepts in Ancient China] / A. A. Krushinskii / Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' [Vostok(Oriens)]. 2006. – №5. – P. 5. [In Russian]
7. Tavrovskij J. Kitajskaja mechta [Chinese dream] [Electronic resource] / J. Tavrovskij. – URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_mechta (the date of the access 4.11.2017). [in Russian]
8. Dobit'sia reshaiushchei pobedy v polnom postroenii srednezazhitchnogo obshchestva, oderzhat' velikuiu pobedu sotsializma s kitaiskoj spetsifikoi v novuiu epokhu [Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era] [Electronic resource] // Website of Xinhua news agency. – URL: http://news.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/201710/27/c_1121867529.htm (the date of the access 27.10.2017) [In Chinese]
9. Doklad Jiang Zemin na XVI Vsekitaiskom s"ezde KPK [Jiang Zemin's report on the XVI National Congress of the Communist Party of China] [Electronic resource] // Website of **China Internet Information Center**. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (the date of the access 05.11.2017). [in Russian]
10. Put' sovremennogo Kitaia k obshchestvu "siaokan" [A way of modern China to well-off society] [Electronic resource] // Website of China Internet Information Center. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/49591.htm> (the date of the access 05.11.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.030>

Шушляева О.Н.

ORCID: 0000-0002-3432-5028, соискатель,

Кемеровский государственный институт культуры

РАЗВИТИЕ ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕПЦИЯХ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ**Аннотация**

В статье рассматриваются работы немецких ученых, посвященные осмыслению Идеи университета. Выявляются общие и специфические аспекты концепций исследователей. Классическая модель университета Гумбольдта явилась фундаментом для становления многих образовательных европейских систем. Шелер также предпринял попытку реформировать немецкий университет и представил свой план по дифференциации образовательных институтов. Концепции Гумбольдта и Шелера сходятся в части утверждения главенства воспитательной и гуманистической функций университета. Ясперс, будучи убежденным в необходимости сосуществования в университете миров образования, профессии и исследования, пытался обосновать их соотношения и балансы для успешной реализации духовной работы, которая должна развиваться в университете.

Ключевые слова: идея, институт, развитие, университет, функция.

Shushlyayeva O.N.

ORCID: 0000-0002-3432-5028, Postgraduate student,

Kemerovo State Institute of Culture

DEVELOPMENT OF IDEA OF CLASSICAL UNIVERSITY IN CONCEPTS OF GERMAN SCIENTISTS**Abstract**

The article considers the works of German scientists dedicated to understanding of the Idea of a University. The general and specific aspects of the concepts of researcher are revealed in the paper. The classical model of the University of Humboldt was the foundation for the development of numerous educational European systems. Scheler also attempted to reform the German university and presented his plan for the differentiation of educational institutions. The concepts of Humboldt and Scheler converge as related to the assertion of the primacy of the educational and humanistic functions of a university. Jaspers, convinced of the necessity of coexistence in the university of worlds of education, profession and research, tried to substantiate their relationships and balances for the successful implementation of spiritual work, which should develop at a university.

Keywords: idea, institute, development, university, function.

Осмысление идеи университета, создание идеальных университетских моделей являются важными аспектами исследований университетской культуры, которые актуализируются в работах европейских и российских ученых.

Первые научно-обоснованные работы об «Идее университета» были посвящены классическому университету. В основе понятия «классический университет» лежат идеи универсальности и гуманистичности знания. «Классический университет» – это «особый универсум высокого знания в его всеобщем содержании, гуманизирующем человека, составляющем среду, в которой человек образуется-становится через восхождение и приобщение к своей субстанциальной сущности» [10, С. 29]. По мнению Л.И. Ямпольской, именно таким образом представляли себе «идею университета» философы и культурологи, для которых гуманизация и образование являлись тождественными феноменами, и, которые видели становление человека в культуре главной миссией университета.

Концепция идеального университета получила свое первоначальное философское оформление и научное обоснование в работах Джона Генри Ньюмена, который ввел понятие «идея университета» [6]. Однако, ряд ученых, в значительной части, немецких, внесли огромный вклад в дело определения вектора развития университета, его миссий и функций, а также идеалов университетской культуры. Одной из самых влиятельных является базовая концепция классического университета, разработанная немецким философом-гуманистом Вильгельмом фон Гумбольдтом.

Гумбольдт создал собственную идеальную модель классического университета, а также стал идеологом и инициатором проведения в Германии университетских реформ. Герберт Шнедельбах отмечает, что фундаментальными принципами модели Гумбольдта являются академическая свобода и единство исследования и преподавания. «Гумбольдтовская модель университета стремилась к всестороннему компромиссу: академическая свобода при одновременной ответственности перед потребностями государства и общества; объединение задач образования с заботами науки, не связанной какими-либо определенными целями» [4, С. 14].

Гумбольдт считал необходимым повышать роль университета в деле воспитания граждан, таким образом, усиливая воспитательную составляющую университетской культуры. Он был убежден, что университет должен воспитывать взрослых свободных граждан, поэтому считал неприемлемым использовать те формы принуждения, которые могли быть оправданы в отношении незрелого школьника.

Кроме того, он полагал, что университет должен готовить будущих преподавателей гимназий. Своего рода монополия на подготовку высококлассных преподавателей значительно повышала социокультурную ценность и статусность университета.

Он видел связь между ростом уровня образования и повышением уровня благосостояния, очевидно полагая, что получение университетского образования должно быть определенным гарантом продвижения внутри иерархической социальной системы, и, как следствие, должно осуществляться перераспределение доходов в пользу тех граждан, которые имеют высшее образование.

Реформа Гумбольдта утверждала гуманистическую значимость естественнонаучного образования [2]. В результате, согласно модели академически-свободного университета, предлагаемого Гумбольдтом, происходило объединение функций преподавателя и исследователя, что способствовало привлечению в университет тех, кто потенциально был способен вести научные исследования, но ранее не имел возможности совмещать эти два вида

деятельности. Благодаря инициативам Гумбольдта, талантливые ученые получили возможность зарабатывать себе на жизнь преподаванием и изыскивать из жалования средства на исследования. Учебная нагрузка была адекватной, и исследователи физически имели время и силы на научное творчество. Следует отметить, что в тех странах, где по-прежнему существует запрос на осуществление научной деятельности представителями профессорско-преподавательского состава, годовая учебная нагрузка профессора не превышает, например, во Франции 192 эффективных часа (примерно 255 аудиторных академических часов), или в США 240 часов.

Таким образом, модель университета Гумбольдта отрицает примитивно-утилитарное воззрение на образование, устанавливает паритет между эмпирической наукой и фундаментальным теоретическим познанием и провозглашает обязательность гуманитарного образования для экзистенции образованной личности.

Идея университета впоследствии была осмыслена такими немецкими учеными, как Макс Шелер, Карл Ясперс и др.

Основные размышления Макса Шелера относительно ценности знания и образования, университета и его идеального воплощения, а также немецкой системы высшего образования, в целом, представлены в работах ученого «Формы знания и образование» и «Университет и народный университет». Ученый видит определенную связь между четким пониманием видов знания, необходимости взаимного проникновения и дополнения разных видов знания, а также развития институтов, с помощью которых, в том числе, разные направления к познанию должны быть реализованы.

Согласно Шелеру, существует три базовых вида знания: научное или «образовательное знание»; духовное или «божественное знание» и практическое знание. Эти виды знания направлены на становление и развитие личности; постижение высшей основы бытия и достижение человеком собственных прагматических целей, соответственно.

Ключевая позиция исследователя заключается в том, что будущая история человеческой культуры – это культура, в которой все эти виды знания и вектор их целеполагания направлены на установления взаиморавенства и взаимодополнения. Как следствие, формулируется определение понятия образованности и образованного человека. Следуя логике Шелера, образованный человек больше, чем ученый или исследователь, так как в современном мире недостаточно просто много знать и быть способным предвидеть и управлять разными процессами, но жизненно необходимо познать себя и мир со всеми его системами и взаимосвязями. «Образованным является тот, кто овладел структурой своей личности, совокупностью выстроенных в единство одного стиля идеальных подвижных схем созерцания, мышления, толкования, оценки мира, обращения с ним и с любыми случайными вещами в нем» [8, С. 45].

Следовательно, идеальной образовательной моделью для Шелера является институт, построенный на принципах целостности его базовых компонентов: научного, духовного и практического.

В работе «Университет и народный университет» [4] автор анализирует социокультурные и образовательные реалии Германии начала 20 века. По мнению Шелера, необходимость реформирования университета обусловлена тем, что существующий университет не в состоянии отвечать требованиям современного цивилизованного западноевропейского народа. В связи с общественными запросами, перед университетом ставится комплекс дифференцированных целей.

Шелер пишет: «Немецкий университет, как и все университеты, имеет средневековое происхождение ... Средневековое в нем заключается, прежде всего, в той примитивной целостности и недифференцированности целей, которые университет перед собой ставит...» [4, С. 309]. По мнению Шелера, представлять общность знания и образования - ограниченная цель, которая отвергает саму идею университета.

По мнению ученого, немецкому университету не хватает духа специальной школы, хотя во многом он стал «весьма произвольной суммой специальных школ», но, тем не менее, «до сих пор еще видит свою задачу в развитии научного исследования» [4, С. 311]. В этом проявляется одно из фундаментальных противоречий университета начала 20 века. Шелер отмечает, что такого рода напряжение наблюдается также между специальным профессиональным обучением и исследованием, с одной стороны, и общим духовным образованием, и образованием личности, с другой.

Поэтому, как полагает Шелер, средневековый по своей сути университет, функционирующий в иных культурно-исторических реалиях, не нужно реанимировать, так как бессмысленно наполнять старую форму новым неимманентным для нее содержанием. Положительной динамикой университета для Шелера является его переориентация. Наиболее конструктивным решением в сложившейся кризисной ситуации Шелер видит в распределении различных ранее реализуемых университетом задач между различными видами учебных и образовательных институтов. Он настаивает на четком разделении специального образования и духовного образования человека либо внутри самого университета, либо в отдельных институтах.

Шелер также предлагает идею создания народного университета, который должен стать общенемецким мировоззренчески нейтральным институтом, ориентированным на представителей рабочего класса, призванным не только образовывать, но и служить «духовному национальному единению» [4, С. 331].

Народный университет видится Шелеру самодостаточным институтом, а не трамплином на другой социальный уровень. Он не должен быть средством укрупнения или расширения традиционного университета. В народном университете главной ценностью должна быть духовная деятельность, способствующая расширению пространства внутренней жизни человека.

Таким образом, в своих работах М.Шелер транслирует свое видение реформирования всей системы немецкого университетского образования и народного университета как формы народного образования. Основными задачами он видит обоснование трансформирования существующих институтов и создание новых по принципу: один вид учреждения, - одна базовая функция; преодоление противоречий между разными функциональными составляющими университетского образования; приведение реального соответствия, в частности, традиционных университетов требованиям западноевропейского общества начала 20 века.

Полагаем, что в основе идеи Шелера о дифференциации образовательных институтов лежит его концепция о видах знания. Своим проектом реформы немецкого образования ученый пытается преодолеть определенную однонаправленность, и, как следствие, узкость системы высшего образования в Германии начала 20 века. Он

совершает попытку доказать деструктивность предпочтения научного знания над другими базовыми видами знания и пренебрежения воспитательной и гуманистической функциями университетского образования.

Первая работа Карла Ясперса «Идея университета» была опубликована в 1923г., а вторая, с одноименным названием, датируется 1945г. Как отмечает сам автор, анализируемая нами вторая работа Ясперса, является новым полноценным проектом [9, С. 33], в котором автор адаптирует некоторые свои идеи к социокультурным реалиям Германии 1940-х годов. В целом, позиция автора остается неизменной, однако, он рефлектирует на некоторые запросы со стороны государства относительно деятельности университета. Автор не считает, что университет должен всегда следовать запросам государства, особенно если таковые представляют определенную экзистенциальную угрозу его идее и основной миссии.

Так, например, Ясперс выступает в оппозиции к тем, кто предлагает вывести исследовательскую составляющую из университета и воплотить ее в специализированных исследовательских институтах. Он обосновывает свою точку зрения тем, что сохранение смысла и творческого процесса исследования возможно исключительно при установлении живых отношений между исследованием и целым познанием, а это возможно только в такой полифункциональной культурной среде как университет с его многовековой историей и богатым наследием.

Идеальный университет Ясперса, по-прежнему, - соединение миров профессии, образования, и исследования. В идее университета такие цели, как обучение специальным профессиям, образование (воспитание) и исследование составляют неразрывное единство и являются воплощением духовной сущности университета [9, С. 65-72].

Что касается аспекта профессионального образования, то Ясперс высказывает точку зрения, что университет может только заложить его основы, но теоретические профессиональные навыки должны быть активированы и подтверждены дальнейшей практикой, в процессе которой и будет обретаться профессиональное образование.

В части воспитательной функции университета, Ясперс придерживается сократической модели, согласно которой Учитель и Ученик свободны и находятся на равных. Таким образом, «воспитание в университете является процессом образования в направлении полной свободы, а именно процессом, осуществляющимся через участие в духовной жизни, которая здесь происходит» [9, С. 76].

Однако, прежде всего, согласно Ясперсу, в университете должна быть установлена связь исследования и обучения, так как именно исследователь имеет дело с живой наукой, творческим процессом ее постижением, а не с «мертвыми результатами знания» [9, С. 70].

Университетская культура за свою многовековую историю претерпела ряд изменений. Вместе с культурой менялось и трансформировалось содержание идеи университета. Классическая университетская модель Гумбольдта служила ориентиром и паттерном для многих университетских систем, в том числе и для российского университета. Важной задачей университетской реформы Гумбольдта было отойти от заучивания догм и соединить теоретические учения с их практическим использованием в исследовательской деятельности. Гумбольдт уделял особое внимание воспитательной функции университета и его гуманистической и социокультурной миссиям. Шелер также предпринял попытку реформировать немецкий университет и представил свой план по дифференциации образовательных институтов. Шелер, как и Гумбольдт, приоритетными функциями университета определял воспитание и гуманизм.

Идеальный университет Ясперса – это в определенном смысле коллаборация одаренных учеников и учителей, объединенных целями познания и духовного развития. В отличие от своих соотечественников, Ясперс не выделял воспитательную функцию в качестве доминантной, а отдавал приоритет тандему исследование-обучение. Ясперс также актуализировал проблему университета будущего с его высокотехнологическим вектором развития и узко профессиональным утилитарным подходом к знанию и учению.

Несомненно, университету постнеклассического периода придется осмыслить последствия такого масштабного роста и предложить способы и механизмы сосуществования технологических инноваций и культурных традиций. Необходимо использовать возможности, которые открываются перед университетом с помощью системы высоких технологий для горизонтальной динамики университетской культуры. Таким образом, университет сможет трансформироваться в свою усовершенствованную форму и, при этом, сохранить идею, которую он несет с момента своего рождения на европейской почве, получившую развитие в классический период и, которая поможет человеку избежать деструктивных последствий использования технологических достижений.

Список литературы/ References

1. Андреев А. Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета / А. Ю. Андреев // Новая и новейшая история. – М., 2003. – № 3. – С. 46–58.
2. Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в Европейской культуре / И. В. Захаров, Е. С. Ляхович. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. – 240 с.
3. Латыш Н. И. Идея университета в контексте современной цивилизации / Н. И. Латыш // Идея университета: парадоксы самоописания. – Мн.: БГУ, 2002. – С. 10–16.
4. Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. – Т. 1. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 696 с.
5. Ляхович Е. С. Модель Гумбольдта: университеты - центры эталонного знания (опыт воплощения идеала) / Е. С. Ляхович // Альма Матер. – М., 1994. – №2. – С. 80 – 84.
6. Ньюмен Дж. Г. Идея Университета / Дж. Г. Ньюмен. – Минск: БГУ, 2006. – 208 с.
7. Ридингс Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. – М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
8. Шелер М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
9. Ясперс К. Идея университета / К. Ясперс. – Минск: БГУ, 2006. – 159 с.
10. Ямпольская Л. И. Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте / Л. И. Ямпольская. – Томск: STT, 2014. – 228 с.

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Andreev A. Ju. Gumbol'dtovskaja model' klassicheskogo nemeckogo universiteta [The Humboldtian model of classical German university] / A. Ju. Andreev // Novaja i novejšaja istorija [Modern and contemporary history]. – M., 2003. – №3. – P. 46–58. [in Russian]
2. Zaharov I. V., Ljahovich E. S. Missija universiteta v Evropejskoj kul'ture [Mission of University in European culture] / I. V. Zaharov, E. S. Ljahovich. – M.: Fond «Novoe tysjacheletie», 1994. – 240 p. [in Russian]
3. Latysh N. I. Ideja universiteta v kontekste sovremennoj civilizacii [The idea of University in the context of modern civilization] / N. I. Latysh // Ideja universiteta: paradoksy samoopisanija [The idea of University: paradoxes of self-describing]. – Minsk: BSU, 2002. – P. 10–16. [in Russian]
4. Logos 1991–2005. Izbrannoe: V 2 t. [Logos 1991–2005. Selected works: In 2 volumes]. – V. 1. – M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. – 696 p. [in Russian]
5. Ljahovich E. S. Model' Gumbol'ta: universitety - centry jetalonnogo znaniya (opyt voploshhenija ideala) [Humboldt's model: universities – centres of pattern knowledge (the experience of ideal embodiment)] / E. S. Ljahovich // Alma Mater. – M., 1994. – №2. – P. 80–84. [in Russian]
6. Newman J. H. Ideja Universiteta [The idea of University] / J. H. Newman. – Minsk: BSU, 2006. – 208 p. [in Russian]
7. Readings B. Universitet v ruinah [The University in ruins] / B. Readings. M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly jekonomiki. – 2010. – 304 p. [in Russian]
8. Sheler M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works] / M. Sheler. – M.: Gnozis, 1994. – 490 p. [in Russian]
9. Jaspers K. Ideja Universiteta [The idea of University] / K. Jaspers. – Minsk: BSU, 2006. – 159 p. [in Russian]
10. Yampolskaya L. Iv. Konceptualizacija klassicheskoy «idei universiteta» v neklassicheskom variante [Conceptualizing of classical "Idea of the university" in nonclassical variant] / L. Iv. Yampolskaya. – Tomsk: STT, 2014. – 228 p. [in Russian]

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, **редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:**

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.027>****Акуленко В.С.**

ORCID: 0000-0002-0449-471X, соискатель

Дальневосточный федеральный университет

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Академии корееведческих исследований Республики Корея (грант AKS-2015-OLU-2250003)***ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ ЭТНОСА УЧЁНЫМИ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ****Аннотация**

Данная работа посвящена проблеме понимания природы этноса в Республике Корея и КНДР. До конца XX в. в Корее фактически отсутствовала своя теория этноса, и учёные двух стран пользовались теоретическими наработками своих зарубежных коллег. Кроме того, сам термин, использующийся в качестве корейского эквивалента понятия «этнос», является заимствованием из японского языка и имеет ряд недостатков. С 1980-х гг. в Южной Корее, и с 1990-х гг. – в Северной, учёные приступили к разработке собственных теорий этноса, в результате чего была сформирована собственная теоретическая основа для изучения этнической истории Кореи. В Южной Корее историческое сообщество не восприняло предложенные концепции и продолжает пользоваться привычным инструментарием, позаимствованным у американских и японских коллег. Что касается КНДР, то созданная северокорейскими учёными чучхейская теория нации призвана стать не только теоретическим обоснованием формирующейся с 1980-х гг. новой концепции этногенеза корейцев, но и претендует на то, чтобы снять все существующие ныне в мире противоречия, связанные с различными подходами к пониманию природы этноса и нации. В её основе лежит творческая переработка марксистской теории нации.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, этнос, этногенез.**Akulenko V.S.**

ORCID: 0000-0002-0449-471X, Postgraduate student,

Far Eastern Federal University

*This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (grant AKS-2015-OLU-2250003)***UNDERSTANDING OF ETHNOS NATURE BY TEACHERS FROM NORTHERN AND SOUTHERN KOREAS****Abstract**

This work is devoted to the problem of understanding the nature of the ethnos in the Republic of Korea and the DPRK. In fact, there was no theory of ethnos in Korea until the end of 20th century, and the scientists of these two countries used the theoretical knowledge of their foreign colleagues. In addition, the term itself, used as the Korean equivalent of the concept of "ethnos", was borrowed from the Japanese language and has a number of shortcomings. The scientists have begun to develop their own theories of ethnos, resulting in the formation of the own theoretical basis for studying the ethnic history of Korea since the 1980s in South Korea, and since the 1990s in the North Korea. The historical community did not accept the proposed concepts in South Korea, they continue to use the familiar tools borrowed from American and Japanese counterparts. As for the DPRK, the Juche idea of the nation created by the North Korean scientists is intended to become not only a theoretical justification for the emerging new concept of the ethnogenesis of Koreans (since the 1980s), it also claims to remove all existing world contradictions associated with various approaches to understanding the nature of the ethnos and the nation. It is based on creative reworking of the Marxist theory of the nation.

Keywords: North Korea, Republic of Korea, ethnos, ethnogenesis.

Зарубежных специалистов часто удивляет стремление корейцев к удревнению истории собственного народа. Одной из причин, приводящих к формированию данного феномена, до недавнего времени являлось отсутствие разработанной терминологии и теоретической рамки в области изучения этногенеза корейцев. Изучению этого феномена, а также нынешнего состояния понимания природы этноса в КНДР и Республике Корея и посвящена данная работа.

Главной источниковой базой статьи являются работы южнокорейских и северокорейских авторов, посвящённых данному вопросу, а также толковые словари, в которых зафиксированы определения термина «минчжок», который является эквивалентом «этноса» на корейском языке.

Перед переходом к основной части работы необходимо уделить внимание истории формирования теоретических представлений об этносе в Корее. Дело в том, что термин этнос на корейский язык переводится так же, как и нация, что вносит некоторую путаницу при попытке исследовать корейские теории этноса. А начало данному феномену было положено в конце XIX в. и неразрывно связано с инициированной японцами модернизацией Кореи. Тогда в Корею через Японию проникли не только передовая западная техника и технологии, но и различные западные учения и идеи, в том числе и такое понятие, как «минчжок», которое в самой Японии трактовалось в соответствии с распространённым в Англии того времени понятием «nation». Позднее, после аннексии Кореи Японией, понимание данного термина в умах корейских мыслителей начинает постепенно дрейфовать в сторону этнонационалистического определения нации. Такое изменение, возможно, связано с исчезновением у корейцев собственного национального государства. В этой связи термин «минчжок» мог начать использоваться ими для самоидентификации внутри Японской империи, всех граждан которой можно было назвать «кунмин», то есть «гражданин», но нельзя было отнести к одной «минчжок», то есть «нации» или «этносу».

В то же время, отдельно стоит отметить тот факт, что даже такие ярые корейские националисты, как Син Чжэхо, в вопросах самоидентификации опирались на понятия «культура» и «язык», и лишь в начале 1930-х гг. Ли Гвансу разработал свою теорию, в которой в определение «минчжок» также входит понятие кровного родства [1, С. 258]. Впрочем, и другие корейские националисты указывали на важность «крови» в формировании «минчжок». Пак Ынсик, к примеру, определял «минчжок», как группу людей, отделяющихся от прочих на основании генетического родства, территории, языка, обычаев и государственности [2, С.449 - 451].

Таким образом, после образования двух корейских государств – КНДР и Республики Корея, в умах учёных уже существовало определённое понимание того, что такое «этнос», которое, впрочем, было тождественно для них понятию «нация», что и выразилось в универсальности позаимствованного у японцев термина «минчжок» в современной Корее.

Понимание природы этноса в КНДР

В созданной вскоре после провозглашения КНДР Академии общественных наук за понятием «минчжок» первоначально закрепились значение «нация», которое понималось, в свою очередь, в соответствии с предложенным И.В. Сталиным определением, то есть как форма этнической общности людей эпохи капитализма и социализма [3, С. 296]. Примерно до середины 1970-х гг. наряду с термином «минчжок» активно использовался другой термин – «чунминчжок», который может быть переведён на русский язык как «народность». Появление последнего стоит понимать, как следование сложившейся в тот период в СССР традиции классификации этнических общностей.

Однако постепенное исчезновение «чунминчжок» и вытеснение его термином «минчжок» говорит об их слиянии в понятийном аппарате северокорейских историков. Если принимать во внимание тот факт, что северокорейская историческая наука изначально стояла на позициях примордиализма в понимании сущности нации, их постепенное смешение видится вполне естественным.

Постепенная трансформация термина «минчжок» не могла не повлиять на понимание в КНДР сущности процесса этногенеза корейцев. Возможно, это влияние было обоюдным, так как очередная трансформация термина часто совпадала с появлением новых данных об истории Кореи. И на современном этапе северокорейский термин «минчжок» вполне можно перевести на русский язык, следуя примордиалистской традиции, как этнонация², если применять его к XX в., и как этнос, если говорить о более ранних периодах.

Таким образом, изначально понимание феномена этноса было позаимствовано северокорейскими учёными в СССР, как и примордиалистское понимание его природы. Однако с течением времени произошла постепенная его трансформация, возможно, под влиянием существовавшего ещё до формирования КНДР понятия «минчжок», или в связи с изменением государственной идеологии, либо из-за сочетания этих факторов. Нельзя исключать и влияние советской исторической школы. Схематично эволюцию термина «минчжок» показана в приведённой ниже таблице (Таблица 1).

Таблица 1 – Эволюция термина «минчжок» в КНДР³

Период	Основы для формирования
1948 – 1963 гг.	язык, культура, экономика, территория, психологический склад.
1964 – 1980 гг.	язык, культура, экономика, территория (и ещё ряд других)
1981 – 1993 гг.	язык, генетическое родство, культура, территория, экономика
1994 г. – настоящее время	генетическое родство, язык, культура, территория

На современном этапе понятие «минчжок» трактуется в рамках новой чучхейской теории. В ней северокорейские историки подвергли критике тезис Сталина и конструктивистов о том, что появление нации связано с приходом капитализма и, фактически, смешали понятие этнос и нация. Сталинское и конструктивистское понимание нации, по мнению северокорейских учёных, связано со стремлением западных и советских теоретиков оперировать опытом Европы, где приход капитализма означал разрушение феодальных границ и формирование наций. Однако в Азии, где существовал абсолютизм, появление централизованного государства и формирование единого пространства могло произойти и в средние века, то есть нация могла появиться задолго до развития капитализма [13, С. 11].

Автором новой универсальной теории считается Ким Ирсен, который «был знаком с теорией Сталина, но осознал её ограниченность». Именно он выдвинул универсальные признаки, которыми должна обладать «минчжок» – это общий язык и кровное родство. Именно их, в сочетании с культурной и территориальной общностями, северокорейские учёные предлагают считать новыми основами для её формирования [14, С. 114].

Таким образом, согласно чучхейской теории, «минчжок» формируется на основе генетического родства, а также языковой, территориальной и культурной общности. Время её формирования не ограничено эпохой капитализма, и каждая «минчжок» уникальна по своему происхождению и составу [13, С. 11]. То есть общественно-экономическая формация, как и временной период, не играет никакого принципиального значения, покуда не препятствуют формированию одной из четырёх общностей.

Новая теория утверждает, что в мире есть множество различных «минчжок». Некоторые из них единые, подобные корейской, а некоторые являются составными, образованными путём смешения в течение некоторого исторического периода нескольких племенных групп, имеющих различное происхождение. Не исключает новая теория и существование многонациональных государств, в которых живут одновременно несколько «минчжок». Такое объяснение, по мнению северокорейских учёных, снимает все современные противоречия в национальной истории, которые возникали до этого из-за несовершенства предшествующих теорий этноса.

² Теория социобиологического примордиализма нации понимает нацию как переход этноса на особую национальную ступень развития.

³ На основе анализа словарей корейского языка [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12].

Главным из всех признаков «минчжок», согласно чучхейской теории, является «кровное родство» [13, С. 7]. Оно помогает установить происхождение предков и определяет внешние особенности строения тела группы людей (величина и морфология головы, цвет кожи, цвет волос, цвет глаз и т.д.). То есть, говоря об общности кровного родства, имеется в виду общность с точки зрения биологии и процесс генетической передачи следующим поколениям характерного облика и характера, формируемых в ходе совместного проживания человеческой популяции в течение длительного исторического промежутка времени [14, С. 114].

Таким образом, можно констатировать, что современное понимание этноса и нации, объединённых в понятии «минчжок», в КНДР строится на принципах социобиологического примордиализма.

Понимание природы этноса в Республике Корея

В Южной Корее ситуация выглядит несколько по-иному. Очевидно, что на раннем этапе этнос и этногенез понимались в основном исходя из представлений о сущности данного процесса, бытовавших в Японской Империи, в рамках которых этнос рассматривался с позиций примордиализма. Как было сказано выше, в РК, как и в КНДР, понятие этнос соответствует термину «минчжок». Однако, в отличие от северокорейских коллег, южнокорейские историки ни разу существенно не поменяли дефиниции этого понятия в словаре. «Минчжок» трактуется как «исторически сложившаяся социальная группа, основанная на общности языка и культуры, проживающая совместно в определённом регионе в течение длительного периода» [15]. На основе данного определения можно сделать вывод о том, что концепцию этноса, применяемую в РК, также можно отнести к примордиалистской, но относящейся в большей степени к эволюционно-историческому направлению.

Вместе с тем, в ряде словарей, «минчжок» предлагается трактовать как «кёрэ» [16], что ближе к понятию «этнонация», так как в понятии «кёрэ» всё же большее значение придаётся именно «кровному родству». Поэтому данное толкование в целом ближе северокорейскому пониманию этноса в рамках социобиологического примордиализма.

Вплоть до 1960-х гг. южнокорейские историки предпочитали рассматривать этногенез корейцев вместе с вопросом о становлении государственности на Корейском полуострове⁴. Однако с середины 1960-х гг. начинают появляться работы, в которых предлагается рассматривать данный вопрос отдельно и в привязке к формированию культуры, языка, антропологических особенностей и т.д.⁵. Тем не менее, попыток создания какой-то особой терминологии, способной выделить понятие «этнос» или «народность», не было предпринято вплоть до 1980-х гг., когда южнокорейские учёные внезапно осознали ограниченность термина «минчжок». В результате появляется ряд работ, в которых учёные ставят вопрос о применимости термина «минчжок», означающего «нация», к ранним периодам истории Кореи и разрабатывают свою терминологию.

К примеру, Син Ёнха предлагает использовать термины «сонминчжок» (ранняя нация), «чонкындэ минчжок» (средневековая нация), «кындэ минчжок» (нация Нового времени) и «синминчжок» (новая нация), каждый из которых соответствует определённому периоду истории – Древности, Средневековью, Новому и Новейшему времени.

Важнейшим в изучении процесса этногенеза Син Ёнха считает выделение компонентов, на основе которых этнос формируется. По его мнению, это языковая, территориальная, генетическая, культурная, политическая, экономическая, историческая общность и национальное самосознание, являющиеся субъективными элементами этноса. Только на их основании, по мнению Син Ёнха, этнос может стать прочным человеческим коллективом [17, С. 18].

Кроме этого он выделяет 5 типов формирования современных наций:

- 1) племя => «сонминчжок» => «чонгындэ минчжок» => «кындэ минчжок»;
- 2) племя => «сонминчжок» => «кындэ минчжок»;
- 3) племя => мигранты => «кындэ минчжок»;
- 4) мигранты => «кындэ минчжок»;
- 5) племя => «сонминчжок» => «синминчжок».

По первому типу формировались нации, имевшие в Средние века государства с сильной центральной властью, просуществовавшие значительный промежуток времени. Это страны Азии, арабского мира и некоторые африканские страны (Эфиопия). К этому типу Син Ёнха относит и корейцев.

Ко второму типу он относит государства, которые формировались в древних городах-государствах или в тех районах, где в Средние века на протяжении долгого периода существовали региональные феодальные сообщества. Этот тип, по его мнению, использовался в качестве базового в западных теориях формирования нации.

Третий тип относится к тем нациям, которые формировались европейскими колонистами, которые смешались с аборигенным населением в начале Нового времени. К таким нациям он относил те, которые, главным образом, сформировались в Центральной и Южной Америке.

Четвёртый тип он связывал с теми европейскими колонистами, которые, переселившись на другой континент, не смешались с аборигенным населением, а уничтожили его (либо большую его часть), заняв опустевшие территории. Речь здесь идёт о США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке.

Что касается пятого типа, то по нему формировались нации после Второй Мировой Войны в тех регионах, где они не сформировались до этого – в странах Африки южнее Сахары (за исключением Эфиопии), на островах Тихого океана [17, С. 13 - 18].

Работа Син Ёнха стала одной из первых попыток корейцев сформировать собственную систему представлений о стадиях формирования нации и различных типах наций. К сожалению, она осталась практически незамеченной академическим сообществом РК, привыкшим к старому всеобъемлющему термину «минчжок».

⁴ Такой позиции придерживались такие учёные, как Сон Чжинтхэ, Чхве Намсон, Ли Бёндон и др.

⁵ Особенно ярко данные воззрения представлены в работах Ким Чонхака и Ким Чонбэ.

Ещё одной интересной попыткой сформировать собственную теорию этноса и этногенеза стала работа выдающегося историка Но Тхэдона. Она посвящена рассмотрению теоретической рамки для описания процесса этногенеза корейцев.

Говоря о компонентах, на основе которых формируется нация, Но Тхэдон в первую очередь говорит об отсутствии их универсального списка, так для каждой отдельной нации они будут особенными. В пример он приводит КНДР и РК, у которых фактически не существует единого государства, нет экономической общности, а значит, по идее, народы двух государств надо рассматривать как отдельные нации, хотя как на Севере, так и на Юге считают это абсурдом [18, С. 12].

В своей работе он также рассуждает о значении термина «минчжок» и предлагает использовать различные термины для человеческих коллективов в разные исторические эпохи (Таблица 2).

Таблица 2 – Теория нации Но Тхэдона

Расы, человечество	Нации		
	Досовременная нация		Современная нация
группа	Древняя нация	Средневековая нация	Капиталистическая нация
клан			Социалистическая нация
племя			
союз племён	Древнее общество	Средневековое общество	Общество Нового и Новейшего времени
Первобытное общество			

По его мнению, в первобытном обществе наций или этносов не существовало, так как людей можно было разделить только по расовому признаку. Впоследствии начали формироваться такие коллективы, как клан, племя и союз племён, где каждый последующий является развитием предыдущего коллектива. При этом появление одного вовсе не означает исчезновения другого. Речь идёт об объединении кланов в племена, а племён в племенные союзы. Вслед за этим начали формироваться различные типы наций, которые делятся на досовременные и современные. При этом разница между ними связана с разницей в экономических отношениях в разные эпохи. При этом автор имеет в виду, прежде всего, именно важнейшие изменения в экономике и связанные с этим изменения во внутренней системе устройства общества [18, С. 9 - 38].

Работа Но Тхэдона достаточно оригинальная, в ней автор пытается, как и Син Ёнха, разработать подходящую для Кореи в узком смысле, и для всей Азии – в более широком, схему формирования человеческих коллективов. В его классификации древнюю и досовременную нации вполне можно отождествлять с понятием «этнос». Указывая на тот факт, что только ранние коллективы формировались по принципу кровного родства, Но Тхэдон определяет «этнос» ближе к эволюционно-историческому пониманию данного термина. Более того, указывая на факт появления нового вида коллектива с приходом Нового времени, Но Тхэдон, возможно, движется в сторону конструктивистского понимания термина нация, хотя для большинства южнокорейских историков всё же ближе примордиалистское понимание данного термина.

Несмотря на выдающиеся попытки ряда представителей южнокорейской исторической науки разработать собственную терминологию и даже собственные теории нации, приходится констатировать тот факт, что большая часть южнокорейской академической науки по-прежнему игнорирует тот факт, что понятие минчжок, первоначально позаимствованное у японцев и означавшее «нация», трактуется слишком широко и применяется практически ко всем периодам корейской истории за исключением, разве что, каменного века.

Заключение

Таким образом, как в РК, так и в КНДР до сих пор не существует развитой терминологической системы, связанной с теорией этноса. Вместо этого научные школы обоих государств эксплуатируют устаревший термин «минчжок», позаимствованный в конце XIX в. у японцев и имевший значение «нация».

Эволюция понимания природы нации и этноса активно происходила только в КНДР, где определение «минчжок» постепенно двигалось от данного И.В. Сталиным определения нации к современной чуждейской интерпретации, в которой «кровное родство» заняло ведущую позицию. Кроме того, в современной чуждейской теории окончательно была размыта граница между этносом и нацией.

В РК определение «минчжок» не претерпело заметных изменений с самого момента первого его упоминания в толковых словарях, напечатанных после образования государства. Более того, постепенно данный термин начал применяться практически ко всем этапам истории Кореи за исключением каменного века. То есть говоря об истории корейского «минчжок», южнокорейские учёные говорят о всём периоде истории корейского народа. Несмотря на ряд смелых попыток ряда учёных ввести уточняющие термины, которые помогли бы разделить понятия этнос и нация, большая часть южнокорейских историков их проигнорировала, предпочитая использовать прежний универсальный термин.

Такое понимание термина «минчжок» позволяет констатировать тот факт, что на данный момент историческая наука в обоих государствах придерживается принципов примордиализма в понимании природы этноса. При этом в КНДР предпочтение отдаёт социобиологическому направлению, а в РК – эволюционно-историческому, хотя ряд южнокорейских учёных делают попытки рассматривать природу этноса с позиций конструктивизма.

Список литературы / References

1. Pai Hyung Il. Constracting «Korean» Origins: a critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories / Pai Hyung Il. – Cambridge: Harvard University Asia Center, 2000. – 592 p.
2. Пак Ынстик. Хангуктоннипундончихёльса (Кровавая история корейского движения за независимость) / Пак Ынстик. – Сеул: Сомёнчхульпан, 2008. – 606 с.
3. Сталин И.В. Сочинения. Т. 2 / И.В. Сталин. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – 423 с.
4. Хёндэ чосонмаль сачжон (Словарь современного корейского языка). – Пхеньян: Сахвехвахакчхульпанса, 1968. – 1350 с.
5. Хёндэчосонмальсачжон (Чэ 2 пхан) (Словарь современного корейского языка (2-е издание)). – Пхеньян: Квахак, пэкквасачжончхульпанса, 1981. – 2960 с.
6. Чосон рёкса кёгвасо ёно хэсолъ (Объяснение терминов в учебнике истории Кореи). – Пхеньян: Кёюк тосо чхульпанса, 1956. – 495 с.
7. Чосонмаль сачжон 2: т – м (Словарь корейского языка 2: тигыт – мийм). – Пхеньян: Чосон минчжучжуи инмин конхвагук квахаквон чхульпанса, 1961. – 774 с.
8. Чосонмальсачжон (Словарь корейского языка). Пхеньян: Квахакпэкквасачжончхульпанса, 2004. – 1726 с.
9. Чосонмальсачжон: хаксэнъён (Словарь корейского языка: для учащихся). – Пхеньян: Кёюктосочхульпанса, 1993. – 331 с.
10. Чосоно сосачжон (Малый словарь корейского языка). Пхеньян: Чосон минчжучжуи инмин конхвагук квахаквон чхульпанса, 1956. – 709 с.
11. Чхольхаксачжон (Философский словарь). Пхеньян: Сахвехвахакчхульпанса, 1970. – 840 с.
12. Чхончхисачжон (Политический словарь). – Пхеньян: Сахвехвахакчхульпанса, 1973. – 1396 с.
13. Чан Учжин. Чосонминчжокый пальсанчжи Пхёнъян (Место возникновения корейской нации - Пхеньян) / Чан Учжин. – Пхеньян: Сахвехвахакчхульпанса, 2000. – 173 с.
14. Ке Сынму. Кодэсиги чосонминчжокый хёнсонэ тэхан рёксачжок кочхаль (Историческое исследование формирования корейской нации древнего периода) // Чосонкодэсаёнгу. – 2004. – № 1. – С. 106 – 128.
15. Таым сачжон (Словарь Таым) [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.daum.net/word/view.do?wordid=kkw000097872&q=%EB%AF%BC%EC%A1%B1> (дата обращения 14.12.2017).
16. Сэ урималь кхынсачжон (Новый большой словарь корейского языка). – Сеул: Самсончхульпанса, 1989. – 3856 с.
17. Син Ёнха. Минчжок хёнсоный ирон (Иеория формирования нации) / Син Ёнха. – Сеул: Мунхакквачжисонса, 1985. – 227 с.
18. Но Тхэдон. Хангукминчжок хёнсонгвачжонэ тэхан ирончжок кочхаль (Теоретическое рассмотрение процесса формирования корейской нации) / Но Тхэдон // Хангуккодэсарончип. – 1991. – № 1. – С. 9 – 39.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pai Hyung Il. Constracting «Korean» Origins: a critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories / Pai Hyung Il. – Cambridge: Harvard University Asia Center, 2000. – 592 p.
2. Pak Ynsik. Hanguktonnipundonjikyol'sa [Bloody history of Korean movement for independence] / Pak Ynsik. – Seoul: Somenchkhul'pkhan, 2008. – 606 c. [in Korean]
3. Stalin I.V. Sochineniya [Works]. T. 2 / I.V. Stalin. – M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1946. – 423 s. [in Russian]
4. Hyeondaejoseonmalsajeon [Dictionary of modern Korean language]. – Pyeongyang: Sahoegwahakchulpansa eomunpyeonjippu, 1968. – 1350 c. [in Korean]
5. Hyeondaejoseonmalsajeon (Vol. 2) [Dictionary of modern Korean language]. – Pyeongyang: gwahak, baekkkwasajeochulpan, 1981. – 2960 c. [in Korean]
6. Joseon ryeoksa: gyogwaseo yongeo haeseol [Explanation of historical terms in Korean culture]. – Pyeongyang: Gyoyuk doseo chulpan, 1956. – 495 c. [in Korean]
7. Choseonmal' sajeon 2: t – m [Korean language dictionary]. – Pyeongyang: Kwahakwon chul'phansa, 1961. – 774 c. [in Korean]
8. Joseonmal sajeon [Dictionary of Korean language]. – Pyeongyang: Kwahakpaekkkwasajeonchulpansa, 2004. – 1726 c. [in Korean]
9. Joseonmalsajeon (haksaengyong) [Korean dictionary (for the students)]. – Pyeongyang: Gyoyuktoseochulpansa, 1993. – 331 c. [in Korean]
10. Joseoneo sosajeon [Small dictionary of Korean language]. – Pyeongyang: Joseon minjujuui inmin gonghwaguk kwahakwon, 1956. – 709 c. [in Korean]
11. Cheolhaksajeon [Philosophical dictionary]. – Pyeongyang: Sahoegwahakchulpansa, 1970. – 840 c. [in Korean]
12. Jeongchi sajeon [Political Dictionary]. – Pyeongyang: Sahoegwahakchulpansa, 1973. – 1396 c. [in Korean]
13. Chan Ujin. Choseonminjokeu pal'sanji Pyeongyang [The Place of immerge of Korean Nation] / Chan Ujin. – Pyeongyang: Sahoegwahakchulpansa, 2000. – 173 c. [in Korean]
14. Ke Seunmu. Kodesigi joseonminjokeu hyeonsone tehan reksajok kochal' [Historical overview of the formation of Korean nation] / Ke Seunmu // Josonkodesayeongu [Research of the Ancient History]. – 2004. – № 1. – P. 106 – 128. [in Korean]
15. Daum sajeong [Daum dictionary] [Electronic resource]. – URL: <http://dic.daum.net/word/view.do?wordid=kkw000097872&q=%EB%AF%BC%EC%A1%B1> (data obrashcheniya 14.12.2017). [in Korean]

16. Sae urimal' kheunsajeon [New big dictionary of Korean language]. – Seoul: Samseongchul'phansa, 1989. – 3856 s. [in Korean]
17. Sin Enha. Minjok hyeonsoneu iron [Theory of formation of Korean people] / Sin Enha. – Seoul: Munhakkwajonsa, 1985. – 227 s. [in Korean]
18. No Thaeton. Hangukminjok hyeonsongwajone tehan ironjok kochal' [Theoretical understanding of the formation of Korean Nation] / No Thaeton // Hangukkodesaronchip [Collection of the papers on the Ancient History]. – 1991. – № 1. – P. 9 – 39. [in Korean]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.025>

Анисимов С.В.

¹ORCID: 0000-0003-1145-9581, аспирант,

ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет

ТЕКСТЫ КОНСТИТУЦИЙ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИЙ НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы становления новообразованных государств в контексте развития их конституционных моделей. Процесс создания, принятия и реализации положений конституций рассматривается как неотъемлемая часть развития новой государственности данных регионов. Непризнанные и частично признанные республики на постсоветском пространстве имеют развитый конституционализм и богатую историю конституционного права, которая является отражением исторических процессов обретения независимости и борьбы за нее.

Ключевые слова: конституция, государственность, независимость, непризнанные государства, частично признанные государства.

Anisimov S.V.¹,

¹ORCID: 0000-0003-1145-9581, Postgraduate student,

FSBEI of HE, Penza State University

TEXTS OF CONSTITUTIONS AS SOURCE OF STUDY OF STATEHOOD ESTABLISHMENT (ON EXAMPLES OF CONSTITUTIONS OF UNPRECOGNIZED STATES AND REPUBLICS WITH LIMITED RECOGNITION)

Abstract

The paper describes the formation process of newly formed states in the context of the development of their constitutional models. The process of establishing, adopting and implementing the provisions of the constitutions is considered as the integral part of the development of the new statehood of these regions. unrecognized republics and republics with limited recognition in the post-Soviet space have developed constitutionalism and have a rich history of constitutional law, which is a reflection of the historical processes of gaining independence and fighting for it.

Keywords: constitution, statehood, independence, unrecognized states, partially recognized states.

На сегодняшний день вопрос о праве этносов на самоопределение не перестает быть актуальным, несмотря на провозглашение «конца истории» в начале XX века. Особенно остро стоит вопрос о праве этносов на самоопределение в контексте территориальной целостности государств. События в Косово и республиках на постсоветском пространстве, включая грузино-югоосетинский конфликт, а также на Юго-Востоке Украины, Каталония сделали крайне актуальным вопрос о современной трактовке прав наций на самоопределение. [5]

Активные дезинтеграционные процессы на территории ранее существовавшего СССР часто называют «парадом суверенитетов». После «крупнейшей геополитической катастрофы» [8], на постсоветском пространстве помимо стран – бывших союзных республик, которые почти в полном составе впоследствии вошли в Содружество Независимых Государств, возникло еще несколько государств, которые не признаются мировым сообществом либо частично признаются его некоторыми членами. Речь идет о бывших автономных образованиях в составе Союза ССР: двух бывших грузинских территориях Республике Абхазия и Республике Южная Осетия, являющихся частично признанными, и непризнанных ни одним независимым государством Приднестровской Молдавской Республике и Республике Нагорный Карабах (Арцах). Все эти самопровозглашенные республики в начале 90-х гг. откололись от своих «малых метрополий», их появлению в равной мере способствовали кровавые этнические конфликты. [10] Споры о том, являются ли Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье и Нагорный Карабах государствами, могут вестись юристами-международниками до бесконечности, но устойчивое существование де-факто государств – это реальность, которая не может быть оспорена. [1]

Исторический опыт не подсказывает какой-то универсальный способ разрешения противоречия между стремлением государства сохранять территориальную целостность и стремлением народов к самоопределению и независимости. Важно, чтобы то и другое проходило мирным путем и не допускать вооруженных конфликтов, что является условием для их дальнейшего мирного сосуществования. [4]

Последние несколько лет не только не принесли окончательного решения вопроса с подобными государствами, а наоборот, увеличило их количество: Донецкая и Луганская народные республики пополнили число непризнанных государств на постсоветском пространстве. При этом процесс образования этих республик в самостоятельные государственные субъекты практически сразу вышел из внутривнутриполитической плоскости Украины, став достоянием международных разбирательств и прений между Западом (США, НАТО) и Россией. К тому же, вопросы признания

или непризнания того или иного нового государственного образования часто связывают с политикой двойных стандартов. [6]

На наш взгляд, целесообразно провести анализ их основных законов, которые играют роль источников не только для правовой системы, государственно-территориального устройства, системы общественных отношений и т.д., но и самой государственности данных республик.

Вопрос исторических причин и импульсов к обретению независимости той или иной новоявленной республики является отдельным важным глубоким вопросом для изучения. Пока ограничимся рассмотрением следующего важного аспекта: с момента, когда большая часть населения в своих коллективных поисках и стремлениях приходит к мысли, что отныне данная группа людей видит себя как народ отдельного независимого суверенного государства, либо с момента, когда часть общественно-политической или даже бизнес-элиты ведет за собой народные массы по вектору обретения независимости, тогда и возникает в общем сознании идея о реализации самой непосредственной демократической формы выражения народного мнения – проведение референдума. По сути, выше описанное есть причинно-следственная связь в рамках процесса обретения независимости и государственного строительства новых государственных образований.

Однако важно отметить следующее. Безусловно, референдум является одной из наиболее традиционных и распространенных форм непосредственной демократии и состоит в прямом выражении воли граждан по определенному вопросу. При этом стоит заметить, что конституционное право не выделяет референдум о независимости как отдельное понятие. Наиболее близкой по значению является такая разновидность референдума, как плебисцит – опрос населения о политической судьбе территории, на которой оно проживает. [7]

Тем не менее, после проведения всех необходимых процедур, самого референдума о независимости, в случае если он подтверждает желание территории стать независимой, появляется новое государство, на первых этапах никем не признанное. В данном аспекте интересна сама природа непризнанных государств.

Теоретико-методологической рамкой из учения непризнанных государств может стать институциональный подход в своих современных разновидностях. С середины XX века и до 80-х гг старый институционализм по факту не существовал, так как не подлежал применению, до появления нового институционализма. В этот период исследователи уделяли основное внимание реалистическим теориям международных отношений с присущим этим построениям акцентом на анализе государства как главного деятельного субъекта. Главной же основой для реалистической традиции служил учет национальных интересов государства, а также вся та активная деятельность, или даже борьба за осуществление этих государственных интересов. Важно отметить, что роль государства сегодня находится в стадии относительного уменьшения. И это является одним из важнейших последствий глобализации. При всем при этом это создает неслабый резонанс и дестабилизацию. И события последнего времени (Brexit и т.д.) говорят о том, что на полную глобализацию население развитых стран несогласно, и процессы обратные глобализации, легко могут быть запущены. Сам процесс глобализации противоречив, не абсолютен и не универсален. В ряде стран европейской периферии государственный суверенитет выступает безусловной ценностью. Не видно уменьшения роли суверенитета США и большинства крупных и средних государств Азии. В связи с этим гораздо уместнее на современном этапе развития говорить не о снижении важности государства как такового, уж тем более не об отрицании государства как важнейшего политического института, а об уменьшении автономности государств в целом, создании единого суверенитета в рамках политических союзов (что опять же спорно и не является единой позиций народов в рамках того или иного политического конгломерата).

Как правило, после проведения референдума, пребывания в статусе непризнанного (или уже даже частично признанного) государства, несмотря на внутренние и, особенно, внешние факторы первоначального существования данных государственных образований, новоявленные государственные и правовые институты стремятся учредить, установить, «законституировать» сам факт существования данного государства, его государственно-территориальное устройство, учредить органы государственной власти и развести между ними полномочия, обозначить права и обязанности населения – граждан данного государства и т.д. Вполне можно обозначить следующую тенденцию – чем быстрее новое государство пытается разработать и принять новую конституцию, не учитывая всевозможные факторы настоящего или будущего собственного существования, тем менее стабильным будет конституционализм данного государства (как это было, к примеру, в Приднестровье). И проблема вовсе не в том, что необходимо выждать какое-то время, а только потом приступить к разработке и принятию Основного закона, будто бы это специальная правовая примета. Как правило, на первых этапах становления новые государства сталкиваются с целым рядом внутренних, а зачастую внешних проблем. Однако для создания и построения эффективного механизма управления все новообразованные государства прибегают к разработке и принятия собственных основных законов. В современном мире конституция является стержнем правовой системы той или иной страны. Соответствуя существующему положению дел в государстве и обществе, Основной закон определяет вектор развития экономической, социальной, политической, духовной сфер общественной жизни. Конституция является выражением воли народа, который в подавляющем большинстве стран является источником власти. Естественно, в связи с вышесказанным, представляется абсолютно верным суждение, конституция – это важнейший документ, охраняющий само существование того или иного государства. Именно поэтому особую значимость приобретает конституция как Основной закон для государств, население которых решило воспользоваться своим правом на самоопределение. И именно на этом этап тексты конституций выступают помимо «зареферендированной» воли народа дополнительным источником государственности для новообразованных государств. Помимо закрепления и учреждения формы государственного устройства, формы правления, системы и разделения ветвей власти, учета системы сдержек и противовесов, векторов экономического и социального развития, основ всех сфер общественной жизни, закрепляя основы прав и свобод человека и гражданина и прочее, текст конституции новообразованного государственного образования выступает фундаментом дальнейшего развития и построения всех государственных институтов,

закладывает механизмы их работы в настоящем и предпосылки изменения в будущем, без оглядки на международное право и юридический факт интернационального признания.

Международное сообщество до сих пор не пришло к единому мнению относительно механизмов международно-правового признания вновь образованных государств. Как уже отмечалось, в подходах ученых и исследователей к проблемам правосубъектности и легитимности государственных образований с давних пор существуют две основные теории – конститутивная и декларативная.

Конститутивная теория, разъясняя, когда государство становится субъектом международного права и отношений, указывает на своего рода «цель» признания – обозначить правосубъектность отделившейся территории как государственного образования, легитимного не только для признавших его, но и для других участников международных отношений. При этом конститутивная теория не объясняет, каким условиям должно отвечать догосударственное образование, чтобы быть признанным, почему одни государства должны быть признаны и признаются, а другие нет. Сторонники декларативной теории исходят из того, что существование государства в качестве субъекта международного права не зависит от его признания или непризнания другими государствами, что раз государство (со всеми его признаками) уже существует, то оно уже является субъектом международного права, при этом же данная теория вообще не дает ответа на вопрос, зачем тогда нужно международно-правовое признание тех или иных государств. [9]

Так или иначе, непризнанные республики постсоветского пространства по многим параметрам являются полноценными государствами. Можно говорить о давно сформированных и функционирующих институтах публичной власти, механизмах ее формирования (прежде всего, выборы), целом ряде политических и правовых институтов, которые наличествуют в любом независимом государстве: армия, силы правопорядка, собственная система права, гражданство и т. п. На перечисленных выше территориях существуют свои экономики, собственные финансовые и налоговые системы и т. п. [3]

Безусловно, анализ, как истории обсуждения и принятия конституции, так и самого текста Основного закона дает материал исследователю материал по истории становления государственности и основных характеристик данного конкретного государства с его этническими, конфессиональными, демографическими и культурно-историческими особенностями.

Список литературы / References

1. Арешев А.Г. Неприменение силы как принцип решения проблемы непризнанных государств. [Электронный ресурс]/ А.Г. Арешев. – URL: http://www.community-dpr.org/news/world/news_full.php?nid=693&
2. Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья [Электронный ресурс]/ А.Г. Большаков // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 3 (15). – С.83
3. Большаков А.Г. Непризнанные государства постсоветского пространства/ А.Г. Большаков // ПОЛИТЭК. – 2008. Том 4. – №1. – С.195.
4. Задохин А.Г. Самоопределение народов Абхазии и Южной Осетии: история и современность [Электронный ресурс]/А.Г. Задохин//Мир и политика. – 2011 – 12 (63). – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/-12-63-dekabr-2011/13433-samoopredelenie-narodov-abkhazii-i-yuzhnoy-osetii-istoriya-i-sovremennost.html>
5. Кумысбеков А.К. Проблема «непризнанных» государств в современном мире [Электронный ресурс]/А.К. Кумысбеков. – URL: http://www.rusnauka.com/6_NiTSB_2009/Politologia/41530.doc.htm
6. Львов Б. О двойных стандартах [Электронный ресурс]/Б.Львов. – URL: <http://proza.ru/2006/07/03-14>.
7. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов/ А.А. Мишин. – М.: Статут., 2013. – С.186.
8. Послание Федеральному Собранию Президента РФ В.В. Путина 25 апреля 2005 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
9. Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности/ А.Н. Сквозников // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2011. – № 2 (10). – С. 8.
10. Язькова А.А. «Болевые точки» постсоветского пространства. Самопровозглашенные территории между Россией и Европой/А.А. Язькова//Политический журнал. – 2004. – № 4. – С.27.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Areshhev A.G. Neprimeneniye sily kak princip resheniya problemy nepriznannykh gosudarstv [Non-use of force as a principle of solving the problem of unrecognized states] [Electronic resource]/ A.G. Areshhev. – URL: http://www.community-dpr.org/news/world/news_full.php?nid=693& [In Russian]
2. Bol'shakov A.G. Nepriznannyye gosudarstva evropejskoj periferii i pogranich'ya [Unrecognized states of the European periphery and borderlands]/A.G. Bol'shakov// Mezhdunarodnyye process [International processes]. – 2007. – Т. 5, № 3 (15). – P.83 [In Russian]
3. Bol'shakov A.G. Nepriznannyye gosudarstva postsovetского prostranstva [Unrecognized states of the post-Soviet space]/ A.G. Bol'shakov // POLITEKS. – 2008. Том 4. – №1. – P.195. [In Russian]
4. Zadohin A.G. Samoopredeleniye narodov Abkhazii i Juzhnoy Osetii: istoriya i sovremennost' [Self-determination of the peoples of Abkhazia and South Ossetia: history and modernity] [Electronic resource]/A.G. Zadohin//Mir i politika [World and politics]. – 2011. – № 12 (63). – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/-12-63-dekabr-2011/13433-samoopredelenie-narodov-abkhazii-i-yuzhnoy-osetii-istoriya-i-sovremennost.html> [In Russian]
5. Kumysbekov A.K. Problema «nepriznannykh» gosudarstv v sovremennom mire. [The problem of "unrecognized" states in the modern world] [Electronic resource]/ A.K. Kumysbekov. – URL: http://www.rusnauka.com/6_NiTSB_2009/Politologia/41530.doc.htm [In Russian]
6. L'voff B. O dvoynykh standartah. [About double standards] [Electronic resource]/B. L'voff. – URL: <http://proza.ru/2006/07/03-14>. [In Russian]

7. Mishin A.A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran: Uchebnik dlja vuzov [Constitutional (state) law of foreign countries: Textbook for high schools] / A.A. Mishin. – M.: Stataut., 2013. – P.186. [In Russian]
8. Poslanie Federal'nomu Sobraniju Prezidenta RF V.V. Putina 25 aprelja 2005 goda [Message to the Federal Assembly of the President of the Russian Federation V.V. Putin on April 25, 2005] [Electronic resource]. – URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>. [In Russian]
9. Skvoznikov A.N. Fenomen nepriznannyh i chastichno priznannyh gosudarstv i osobennosti ih pravosubektnosti [The phenomenon of unrecognized and partially recognized states and peculiarities of their legal personality] / A.N. Skvozdnikov // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy] - Samara: Izd-vo Samar. gumanit. akad., 2011. – № 2 (10). - P. 8. [In Russian]
10. Jaz'kova A.A. «Bolevye tochki» postsovetского prostranstva. Samoprovozglashennye territorii mezhdru Rossiej i Evropoj ["Painful points" of the post-Soviet space. Self-proclaimed territories between Russia and Europe] / A.A. Jaz'kova // Politicheskij zhurnal [Political magazine] – 2004. – № 4. – P.27. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.022>

Бычков М.А.

ORCID: 0000-0002-6774-4448, кандидат исторических наук,
Международный университет в Москве (г. Москва)**ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИИ ШВЕЙЦАРИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ***Аннотация*

В статье анализируются основные проблемы развития церковно-государственных отношений в контексте истории Швейцарии. Дореформационный период, эпоха Реформации, период XIX века стали для страны этапами развития церковно-государственных отношений. Религиозный раскол XVI в. (католики - реформаторы), идеологическое противостояние XIX в. (либералы - консерваторы) не раз ставили Швейцарию на грань раскола, однако урегулирование церковно-государственных отношений стало одним из механизмов сохранения целостности страны. Несмотря на то, что в отечественной исторической науке есть не мало работ по швейцарской истории, попытка целостного осмысления данной проблемы предпринимается впервые. Актуальность темы обусловлена как сохранением (и даже усилением) роли религии в современном обществе, так и тем, что исторический опыт Швейцарии показывает возможность сохранения политического единства в условиях поликонфессиональности общества.

Ключевые слова: католичество, реформаторство, Реформация, церковно-государственные отношения, Швейцария.

Bychkov M.A.

ORCID: 0000-0002-6774-4448, PhD in History,
International University in Moscow (Moscow)**CHURCH-STATE RELATIONS IN HISTORY OF SWITZERLAND: MAIN PROBLEMS OF DEVELOPMENT***Abstract*

The article presents the analysis of the main problems of the development of church-state relations in the context of the history of Switzerland. The pre-Reformation period, the Reformation period, the period of the XIX century, were the stages of development of church-state relations for the country. The religious schism of the XVI century. (Catholics - reformers), and the ideological confrontation of the XIX century (conservative liberals) almost led to schism of Switzerland, but the settlement of church-state relations has become one of the mechanisms for preserving the integrity of the country. Despite the fact that the domestic historical science has only few works on Swiss history, an attempt at a holistic comprehension of this problem is being made for the first time. The relevance of the topic is conditioned both by the preservation (and even strengthening) of the role of religion in modern society, and by the fact that the historical experience of Switzerland shows the possibility of preserving political unity under the conditions of the multi-confessional society.

Keywords: Catholicism, Reformation, church-state relations, Switzerland.

Девизом Швейцарской Конфедерации является выражение «Unus pro omnibus omnes pro uno Один за всех, все за одного», но история ярко показала и другую особенность страны: «единство в многообразии».

Это проявилось как в области политики и экономики, так и в сфере культуры и языка. А также это своеобразие выразило себя в сфере религии, в частности в церковно-государственных отношениях.

Формирование швейцарской государственности, которое датируется XII - XIV вв., шло в рамках тех социально-политических и социально-экономических структур, которые сложились в этом регионе.

В Западной Европе до XVI в. монопольным влиянием в духовной сфере обладала католическая церковь. Существование единого религиозного пространства (Pax christiana) с многообразными политическими мирами вносило коррективы в отношения общества, государства и церкви. В частности, церковь являлась не только крупным землевладельцем, но и политическим субъектом. Если простой монах мог ограничиться принципом orare et laborare, то настоятель, аббат, вне зависимости от своего желания, должен был заниматься организацией хозяйственной жизни монастыря, выстраивать отношения с местной и верховной политической властью. Характерной чертой для европейского региона (прежде всего для его западной части) становится практика сосредоточения светской и духовной власти в одних руках, поэтому епископства, аббатства — это в некоторых случаях не просто церковные единицы, но и государственные образования (например, епископство Льежское на территории Бельгии, возглавляемое принцем-епископом (prince-évêque); на швейцарской территории таким же было епископство Констанцское).

Потребности хозяйственной жизни часто приводили к спорам, переходящим иногда в десятилетние конфликты между светской и духовной властью. Таким ярким примером является конфликт между землёй Швиц и монастырём Айнзидельном в XII - XIII вв. [10, С. 43].

Переломным периодом в швейцарской истории становится эпоха Реформации. Инициатором её введения стал Цюрих, где в должности каноника кафедрального собора служил Ульрих Цвингли. Его религиозные идеи, находившиеся под влиянием учения Мартина Лютера, начали реализовываться в 1520 г. в Цюрихе, что и явилось началом швейцарской Реформации. В городе началось иконоборческое движение, впоследствии перекинувшееся в Базель, Шаффхаузен и в Санкт-Галлен. Конфликт между сторонниками старой и новой веры стал реальностью. Поворотным моментом было решение кантона Берна перейти на сторону реформаторов в 1528 г.

В результате одни кантоны стали протестантскими (Берн, Цюрих, Базель, Шаффхаузен, Санкт-Галлен, Биль, Нойенбург), а другие остались католическими (Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн, Цуг, Фрибург, Золотурн, Вале). Кантоны же Гларус, Аппенцель и территория Граубюнден оказались конфессионально расколотыми [8, С. 674].

Единоверческие кантоны начали заключать между собой дополнительные соглашения. Так ещё в 1524 г. Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн и Цуг создали «Союз пяти земель». Причиной этого стал массовый погром католических церквей и закрытие монастырей в реформаторских кантонах, а также продовольственное эмбарго, введенное протестантами. В 1527 г. Цюрих, Берн, Санкт-Галлен, Шаффхаузен, Биль, Базель, Мюльхаузен, а также два имперских города Констанц и Страсбург, заключили между собой реформаторский «городской союз». Первое военное столкновение между ними происходит в 1531 г. Около города Капель католики и протестанты сошлись в битве, где первые одержали победу, а церковный реформатор Цвингли был убит [7, С. 85]. И хотя победившие католические кантоны получили возможность диктовать свои условия, они гарантировали протестантским кантонам свободу вероисповедания. Между тем католические кантоны, следуя решениям Тридентского Собора 1545 – 1563 гг., а также благодаря активной церковной деятельности в регионе архиепископа Миланского Карла Борромео, смогли провести внутреннюю реорганизацию, которая не просто способствовала укреплению позиции католической церкви, но и усилению и улучшению церковно-государственных отношений. Последнее можно рассматривать как почти идеальные, даже на фоне всей остальной католической Европы [5, С. 168]. Выразились они прежде всего в установлении договорных отношений между светскими и духовными властями, что позволило разграничить полномочия между ними и создать ситуацию фактически бесконфликтного сосуществования.

Особое место в истории швейцарской Реформации занимает Женева, ставшая одним из влиятельных центров протестантизма в Европе. Причина этого заключается в том, что именно здесь не только была произнесена проповедь Жана Кальвина, но и его религиозные идеи нашли реальное воплощение. И хотя наименование Кальвина «жневским папой», строго говоря, не соответствует действительности, его влияние оказалось значительным [9, С. 25 – 26].

Быстро начавшийся раскол внутри протестантизма также оказал влияние на страну. Цвинглианство и кальвинизм не просто предложили свою концепцию христианства, но сформировали собственные модели политического, экономического и культурного развития, определившие своеобразие швейцарского общества.

Швейцарские цвинглиане и кальвинисты (реформаты) оказались соседями немецких лютеран, хотя по вероисповеданию были близки к французским гугенотам. Поэтому устоявшаяся политическая граница в целом совпала с границей конфессиональной. Внутри же послереформационной Швейцарии границы политические, лингвистические и конфессиональные оказались перепутаны.

После произошедшего размежевания среди швейцарских протестантов начался процесс их объединения. В отличие от идей Ж. Кальвина, взгляды Цвингли не получили дальнейшего самостоятельного развития, поэтому цвинглианство довольно быстро стало достоянием истории. Это сильно отличало его от кальвинизма, сыгравшего огромную роль в истории религиозной мысли Европы и Америки. Центральным событием в истории швейцарского протестантизма стало принятие ими в 1566 г. «Второго гельветического исповедания» («Confessio Helvetica Posterior»), ставшее основополагающим документом для реформаторской церкви. Окончательное объединение связано с работой Дордрехтского синода (Synode von Dordrecht) 1618 – 1619 гг., принявшего «Дордрехтские каноны» [6, С. 64-81].

В свою очередь это способствовало организации реформатских кантонов. В отличие от католических здесь выстраивалась система подчинения религиозной общины «духовному синоду», который входил в структуру политической власти. Были также созданы консистории, выполнявшие роль «полиции нравов». В целом созданная реформаторами система церковно-государственных отношений предполагала создание фактической теократии. Распространение реформаторства, рассматриваемого частью швейцарского общества в качестве «очищенного христианства», реализация идеи «дешевой церкви», поддержка норм «протестантской этики» способствовали постепенному хозяйственному росту реформатских кантонов. Последнее обстоятельство вызывало беспокойство у католической Швейцарии.

Отношения между конфессиональными частями страны оставались довольно сложными: от открытого заявления о взаимной враждебности и до отдельных военных столкновений.

Эпоха Просвещения, идеи Французской революции не могли пройти мимо Швейцарии. Либеральные, секулярные, а иногда деистические и атеистические идеи сужали влияние религии в швейцарском обществе. Это ярко проявилось в годы Гельветической республики (1789 - 1803 гг.), когда католическая церковь подверглась сильному давлению: у неё отбиралось имущество, закрывались монастыри, верующие притеснялись. В конце концов католическое духовенство призвало к восстанию, которое впоследствии было подавлено французскими войсками. В 1803 г. республика фактически сменилась французским протекторатом, пока в 1815 г. на Венском конгрессе Конфедерация не была восстановлена [4, С. 102 – 103].

В XIX в. в Швейцарии социальное противостояние шло больше не по линии «католики - реформаты», а по линии «либералы - консерваторы». Причём представители конфессиональных групп могли находиться на разных сторонах идеологического фронта. Хотя консервативные взгляды были более распространены среди католического населения,

но и в этой среде стало развиваться движение, получившее наименование «либеральное католичество». Кроме того, характерной чертой либералов стал резкий и довольно радикальный антиклерикализм [1, С. 398]. После выхода энциклики папы Григория XVI «*Mirari vos*» 15 августа 1832 г., где резко осуждалась либеральная идеология, у католиков появились все основания выступить против либеральных тенденций как в Швейцарии, так и в своей среде. Наиболее активно и эффективно действовал против них монашеский орден «Общество Иисуса». Через церковные кафедры, через университеты и колледжи, через миссионерскую работу они стали вести активную борьбу против либералов. В ответ в среде их противников стала формироваться «чёрная легенда» об иезуитах.

Обострившиеся идеологическое противостояние вскоре вылилось в открытый конфликт. После приглашения в 1844 г. в Люцерн иезуитов швейцарские либералы организовали несколько выступлений против кантона. По всей либеральной Швейцарии развернулась антииезуитская и антикатолическая кампания. От Люцерна потребовали изгнать иезуитов, а 20 июля 1845 г. был убит инициатор их приглашения.

11 декабря 1845 г. католические кантоны Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг, Фрибург и Вале заключили «Пакт о взаимопомощи» и создали «Военный совет» и наладили связи с Парижем, Туринем и Веней. Сформировалось объединение, получившее в истории наименование «Зондербунд».

Либеральные круги, узнав об этом, потребовали его упразднения. Общешвейцарский Тагзатцунг 5 июля 1847 г. объявил о роспуске «Зондербунда», 3 сентября ещё более настойчиво потребовал изгнания иезуитов из швейцарских кантонов [3, С. 467].

В октябре 1847 г. началась война. Закончилась она в конце ноября поражением католических кантонов. «Зондербунд» был распущен, иезуиты – изгнаны [2, С. 105 – 106].

В 1848 г. была принята новая конституция, Швейцария стала федеративным государством, основанным на либеральных принципах. Католическая же Швейцария как бы сформировала свой отдельный мирок, не отделившись политически, она выбрала путь идейной, культурной самоизоляции.

Несмотря на то, что очередное обострение в отношениях между либералами и католиками пришлось на 1870 г., когда на Первом Ватиканском Соборе был принят догмат о безошибочности Римского папы, в целом отношения между группами стали смягчаться.

Оформившиеся внешние политические границы, сохранившаяся система кантонального управления, установившаяся система швейцарского культурного многообразия постепенно снизили накал межконфессионального противостояния.

Система церковно-государственных отношений также в целом претерпела изменения. Либеральное государство, отеснив католическую и реформаторскую церкви от власти, секуляризовав наиболее важные сферы жизни общества, практически отказалось от антиклерикальной политики. Политические же элиты кантонов, которые придерживались каких-либо религиозных взглядов на практике поддерживали соответствующие церкви, не вступая в борьбу с религиозным меньшинством. Католическое духовенство подчинялось местному католическому епископату, реформаторское – городским духовным синодам. В результате анализируемая система отношений приобрела децентрализованный характер: в светском государстве сформировались отдельные религиозные группы (католические и реформаторские), которые, сохраняя свои особенности, не вступали в конфликт ни друг с другом, ни с государством. Последнее в свою очередь, следуя договорным отношениям, смогло реализовать принцип «свободная церковь в свободном государстве» (*l'église libre dans l'état libre*), что предполагало взаимное невмешательство этих социальных институтов в дела друг друга.

Таким образом, проанализировав церковно-государственные отношения в истории Швейцарии, можно предложить следующую периодизацию:

1. XII - XVI вв. от образования Швейцарии и до Реформации. Этот период характеризуется взаимодействием светской и церковной власти, для которого было характерно как сотрудничество, так и конфликт по вопросам собственности и властных полномочий при сохранении господствующего положения католической церкви.
2. XVI - середина XIX вв. с эпохи Реформации и до 1848 г. Для данного периода характерно осложнение церковно-государственных отношений по линиям «католики - реформаты», а потом «консерваторы - либералы». Это был во многом переходный период, время поисков новых форм анализируемой системы отношений.
3. С 1848 г. и по настоящее время. В этот период секуляризации общества и государства, а начиная со второй половины XX в. также католических и реформаторских церквей, церковно-государственные отношения принимают чёткий урегулированный характер за счет децентрализации и реализации через договорные отношения между государством и религиозными группами.

Церковно-государственные отношения в Швейцарии, естественно, отразили особенности исторического развития страны. Особенности организации политической власти, своеобразие структуры политической элиты, её децентрализованность, исторически сложившиеся внешние границы и наличие сформированных веками чувства национального единства при всех перипетиях швейцарской конфессиональной истории сохранили её единство.

Список литературы / References

1. Петров И. История Швейцарии / И. Петров. – М.: Циркон, 2006. – 912 с.
2. Райнхардт Ф. История Швейцарии / Ф. Райнхардт. – М.: Весь мир, 2013. – 144 с.
3. Bohnenblust E. Geschichte der Schweiz / E. Bohnenblust. – Ernelbach: Rentsch, 1974. – 589 p.
4. Dame F. W. Historical Switzerland: From the Romans to Napoleon / F. W. Dame. – London: The E. Mellen Press, 2001. – 342 p.
5. Fahrni D. Histoire de la Suisse / D. Fahrni. – Zurich: Pro Helvetia, 1991. – 151 p.
6. Gordon B. Calvin and the Swiss Reformed churches / B. Gordon. // Calvinism in Europe, 1540-1620 / Ed. by Pettergree A. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. – P. 64 – 81.
7. Helbling H. Schweizer Geschichte / H. Helbling. – Zürich: Verlag Berichthaus, 1963. – 164 p.
8. Mesmer B. Geschichte der Schweiz und der Schweizer / B. Mesmer. – Basel: Schwabe, 2004. – 1055 p.

9. Monter E. W. Calvin's Geneva / E. W. Monter. – New York: Wiley, 1967. – 250 p.

10. William M. Histoire de la Suisse / M. William. – Lausanne: Payot, 1974. – 407 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Petrov I. Istoria Shvejcariji [The history of Switzerland]. – / I. Petrov. M.: Tzirkon, 2006. – 912 p. [in Russian]

2. Rainhardt F. Istoria Shvejcariji [The history of Switzerland]. – / F. Rainhardt. M.: Ves mir, 2013. – 144 p. [in Russian]

3. Bohnenblust E. Geschichte der Schweiz / E. Bohnenblust – Erlenbach: Rentsch, 1974. – 589 p.

4. Dame F. W. Historical Switzerland: From the Romans to Napoleon / F. W. Dame. – London: The E. Mellen Press, 2001. – 342 p.

5. Fahrni D. Histoire de la Suisse / D. Fahrni. – Zurich: Pro Helvetia, 1991. – 151 p.

6. Gordon B. Calvin and the Swiss Reformed churches / B. Gordon. // Calvinism in Europe, 1540-1620 / Ed. by Pettergree A. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. – P. 64 – 81.

7. Helbling H. Schweizer Geschichte / H. Helbling. – Zürich: Verlag Berichthaus, 1963. – 164 p.

8. Mesmer B. Geschichte der Schweiz und der Schweizer / B. Mesmer. – Basel: Schwabe, 2004. – 1055 p.

9. Monter E. W. Calvin's Geneva / E. W. Monter. – New York: Wiley, 1967. – 250 p.

10. William M. Histoire de la Suisse / M. William. – Lausanne: Payot, 1974. – 407 p.

DOI: <https://doi.org/>

Винокурова Л.И.

ORCID 0000-0002-5779-6893, кандидат исторических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН (г. Якутск)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КОЧЕВНИКОВ СОВЕТСКОЙ ЯКУТИИ В УСТНОЙ ИСТОРИИ И МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ 1970 – 1980 гг.

Аннотация

Настоящая статья продолжает тему поиска и использования региональных и локальных источников по истории советской повседневности Севера и Арктики. Предпринято исследование условий жизни охотников и оленеводов Якутии в 1970-1980-е годы на базе полевых материалов и региональной периодической печати. Выявленные источники, впервые вводимые в научный оборот, обладают информационным потенциалом, дополняющим картину сельских социальных реалий позднего социализма на Крайнем Севере. Предпринятый анализ сельской повседневности особо интересен в хронологическом аспекте, характеризуемом как завершающий этап советской седентаризации кочевников Севера. В статье использованы результаты научно-исследовательского проекта «Социально-экономические и этнокультурные процессы в Азиатской Арктике XX-XXI вв.: опыт научного изучения, адаптации и взаимодействия социальных общностей», а также проекта РФФИ(РГНФ) № 17-11-14003 а(р).

Ключевые слова: социальная история, советская повседневность, кочевники Севера, Якутия, Арктика.

Vinokurova L.I.

ORCID 0000-0002-5779-6893, PhD in History,

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS (Yakutsk)

EVERYDAY LIFE OF NOMADS OF SOVIET YAKUTIA IN ORAL HISTORY AND LOCAL PRESS IN 1970—1980.

Abstract

This article continues the topic of search and use of regional and local sources on the history of the Soviet everyday life of the North and the Arctic regions. A study of the living conditions of hunters and reindeer herders of Yakutia was made in the 1970s and 1980s on the basis of field materials and regional periodicals. The identified sources, first introduced into scientific medium, have an information potential complementing the picture of rural social realities of late socialism in the Far North. The undertaken analysis of rural everyday life is particularly interesting in the chronological aspect, characterized as the final stage of the Soviet sedentarization of the nomads of the North. The article uses the results of the research project "Social and economic and ethnical and cultural processes in the Asian Arctic of the XX-XXI centuries: the experience of scientific study, adaptation and interaction of social communities", as well as the RFRF (RFBR) project No. 17-11-14003 a (p).

Keywords: social history, Soviet everyday life, nomads of the North, Yakutia, Arctic region.

Изучение истории повседневности арктических и северных сел советской Якутии является необходимым компонентом реконструкции исторического прошлого. Ранее уже отмечалось, что, несмотря на исследовательскую актуальность истории повседневности как научного тренда, на материалах Якутии работ по советскому периоду практически нет. При этом подчеркивалась общая скудость документальных источников, особенно по истории сельской повседневности, территориальная и хронологическая неравномерность их наличия и сохранности, что актуализирует поиск и вовлечение в научный оборот дополнительных источников[2].

Здесь продолжены исследования по социальной истории сельской местности Севера Якутии, где был собран и проанализирован корпус полевых материалов по арктическим улусам(районам) республики, в первую очередь, полевые записи историй жизни и глубинные интервью с уроженцами и старожилами. Также были обработаны периодические издания, выходившие в 1970 – 1980-е гг. в обследованных административных образованиях на русском и якутском языках. В частности, в подготовке публикации использованы издания «Заря Яны», «Дьяаны сарданата» Усть-Янского, «Маяк Арктики», «Арктика маяга» Булунского районов Якутской АССР. Для работы над темой были востребованы методы ретроспективного анализа и устной истории; историко-сравнительный метод позволил проследить динамику социально-экономических и культурных процессов в сельской местности советской

Якутии. Критический подход и перекрестный анализ материалов позволил повысить достоверность оценки рассмотренных явлений и фактов.

Следует признать, что еще в прошлом веке вокруг повседневной жизни отдаленных сел за Полярным кругом сложился целый пласт стереотипов и мифов, бытовавших даже в самой республики. Среди представлений о жизнедеятельности человека на высоких широтах, кроме суровых природных условий, существовали и такие характеристики: а) на арктическом побережье труд и быт мало регламентированы, пространство огромно и обладает неисчерпаемыми ресурсами; б) быть жителем Крайнего Севера материально выгодно, благодаря особым предпочтениям и очень высоким зарплатам.

По обоим пунктам следует отметить, что в изучаемый период по всей Якутии, включая арктические и северные районы, шел именно процесс сужения пространства повседневной жизнедеятельности сельского населения. Для охотников и оленеводов это было связано, прежде всего, с переводом коренного населения на оседлость. В отечественной историографии также достаточно критично оценивается реальный уровень и качество жизни рядовых пастухов и промысловиков, кочующих вместе со стадами и ведущих охотничий и рыболовный промысел[3].

В этом свете весьма интересна реконструкция социального самоощущения кочевников Севера Якутии, которые пережили в рассматриваемый период завершение советской седентаризации. Кочевание экономически активного населения на землях традиционного проживания аборигенов воспринималось как «исторический пережиток», требующий в 1970-1980-е гг. окончательной ликвидации. На государственном уровне «целостное осмысление культурной самобытности кочевых народов» для понимания их самоидентификации, выявления скрытых механизмов, определяющих их культурную идентичность, возможных «сценариев» дальнейшего развития, происходит только в новейшее время[1].

В тот исторический момент реализация политики оседания означала для кочевников трансформацию уклада и образа жизни; она шла вразрез с трудом и бытом коренных жителей, ведущих традиционное хозяйство. Изменилось пространство всей жизнедеятельности коренных народов[4]. Бесспорно, что олени нуждаются в просторных меняющихся пастбищах, как и пушной промысел подразумевает охотничьи угодья вдали от совхозных поселков. В ассортименте идущей на экспорт пушнины первые строки занимали песец, белка, соболь, горностай: в объеме всей союзной пушнины, включая продукцию звероводческих совхозов, доля охотников Крайнего Севера всегда оставалась весомой. В этом была скрыта сложная противоречивость развития: в попытках сохранить традиционные отрасли, искореняя традиции хозяйствования и уклад жизни.

Идеологическая дискриминация кочевания как архаичного атавизма, мешающего строить социалистическое общество, привела к массовому переводу на оседлость путем разрушения не только хозяйственного уклада, но и семейных отношений. В поселках на государственном обеспечении обучались дети оленеводов и промысловиков, проживали жены и матери оленеводов и охотников. Дети учились по общему расписанию, уже не участвуя в начале и завершении откочевки, в открытии охотничьего сезона и т.д.

Для растущих поколений северян было немаловажным, что кочевой образ жизни – хозяйственно-культурная традиция предков и родителей, официально был объявлен пережитком прошлого. «В школе говорили, что кочуют, ведут бродячий образ жизни только дикари... Детским своим умом я понимал, что родители не бродяжничают. Они работали от зари до зари. Я знал, что отец умеет отгонять от совхозного стада зимних злых волков. Как он устает в борьбе за сохранность стада, в борьбе за выживание в морозы и в тундровую пургу. Мать никогда не сидела без дела, обшивала, обстирывала, готовила, ставила чум, готовила дрова, рыбачила. Я видел, сколько сдавалось государству мяса и шкур. Мои родители приносили столько пользы! Я так ждал школьных каникул, чтобы приехать к ним», – вспоминал коренной северянин[10].

Но не все выпускники школ возвращались к традиционным занятиям предков. Как следствие, появилась проблема преемственности в совхозах – молодые северяне неохотно шли в пастушеские и промысловые бригады, в которых шло естественное старение рабочих кадров. По нашим наблюдениям, вопрос преемственности в традиционных отраслях: «Кому передать чаут?», именно в эти годы становится многолетним пунктом в местной прессе[5]. Политика перевода на оседание успешно внедрялась, в поселках формировалось постоянное население, уже не связанное с кочеванием. Для этих людей пространство жизнедеятельности уже ограничивалось территорией только поселка. При этом для изученных северных сел данного периода было характерно слабое развитие инфраструктуры и коммуникаций, проблемы со снабжением.

Жители заполярных поселений были лишены многих достижений цивилизации, обычных даже для центральных и южных районов республики, не говоря о западных регионах страны. Например, только в 1980 г. телевидение стало доступным для многих сельских участков устья реки Яна [6]. Касательно данного района, в середине «благополучных» 1980-х гг. руководство республиканского потребсоюза «Холбос» было вынуждено признать, что «обеспечение тружеников тундры товарами – неудовлетворительное. До сих пор не утвержден перечень товаров, необходимых оленеводам, заявки на завоз грузов вовремя не подаются. В результате часто возникают перебои в продаже товаров повседневного спроса» [7]. В частности, перед работниками райпотребсоюза одного из арктических районов - Усть-Янского были поставлены задачи совершенствования продажи товаров повседневного спроса по заявкам оленеводов, а также по мере поступления грузов «резервировать для тружеников тундры товары повышенного спроса...»[7].

Последний пункт означал не только нехватку нужных для труда и быта вещей, но и использование спроса в качестве инструмента своеобразного соревнования. Как и везде, товарный дефицит порождал особый вид поощрения – выделение «товарных фондов» на приобретение вещей. Распределение дефицита было одним из средств повышения мотивации к труду. Идеологическая подоплека избирательного снабжения так отразилась в памяти ветеранов совхозного труда в обследованных селах: «Наш бригадир С-в был большой труженик. Он выполнял и перевыполнял план идущих друг за другом пятилеток. Ему за это вне очереди выделяли фонд на снегоход «Буран», на мощный подвесной мотор для лодки. А какой мебельный гарнитур ему продали на 60-летие Октября! Все завидовали...»[8].

Особенно плохо обеспечивались товарами работники оленеводческих, рыболовецких и охотничьих бригад совхозов. Проблемы торговли были связаны также с сезонным характером снабжения. В сельских поселениях в прибрежной, тундровой и таежно-тундровой зоне Якутского Севера особенно ожидали открытия речного и приморского сообщения. Одним из повторяющихся и ярких в памяти наших информантов является сюжет «открытия навигации». В устных свидетельствах устойчивы выражения: «В тот год навигация открылась рано», «В тот год навигация прошла удачно, многое из плана успели завезти», «Навигация в том году началась неудачно». Типичным является воспоминание уроженца Булунского улуса Якутии, проживавшего на берегу Лены: «Была бурная теплая весна, верховья рек вскрылись раньше сроков. Как ледоход по Лене прошел, так и пришел первый пароход. Помню, на его белой палубе стоял мой отец, вернувшийся после лечения в Якутске» [10].

По реке Лена в освещаемый период действительно ходил теплоход «40 лет ВЛКСМ» – судно класса «река-море» производства Германской Демократической Республики. Комфортабельный теплоход с каютами трех классов и «люксом» для пассажиров, с двумя палубами производил впечатление даже на жителей столичного Якутска. В глазах школьника из села на несколько сот человек теплоход выглядел воплощением мощи и богатства великой страны, простирющейся на юг и на запад от Крайнего Севера. «Тогда я думал, что этот белый пароход может доплыть не только до Якутска, но и до Москвы, до самого Кремля. Только оттуда мог приплыть такой красавец, несущий на своем борту все мыслимые богатства: компот в стеклянной банке, фабричные лыжи, ткани для шьющих женщин, резиновые сапоги, капроновые сети, галеты и кино про «Неуловимых мстителей» [10].

С открытием навигации, в рамках «северного завоза» морским или речным путями с караваном судов приходил необходимый груз – продовольствие, стройматериалы, топливо, промышленные товары первой необходимости. Суда доставляли и гостей или новых жителей Севера, специалистов для производства, сферы соцкультбыта, здравоохранения и образования. Привозили габаритные вещи, транспортировка которых воздушным транспортом (часто единственным видом коммуникации) была невозможна. С навигацией поступали оборудование и мебель для школ, больниц и детских учреждений. Государство выполняло свои социальные обязательства, хотя и не всегда в полном объеме, в надлежащем количестве и качестве. «Белый пароход» приходил каждый год – как непреходящая и важная часть многолетнего контракта между могущественной властью и малочисленным населением арктических сел.

Источники устной истории приоткрывают интересные аспекты самоощущения жителей северных сел Якутии. Несмотря на большую географическую отдаленность от центра не только страны, но даже республики, не было чувства «обособленности», оторванности от экономических и общественно-политических процессов. Наши информанты признавали, что всегда гордились своими наградами за труд и чувством своей сопричастности к общим событиям не только родного края, но и единой страны. «Труд наш нелегкий. Но мы привычные. Как без рыбалки – летом выезжаем на пески и заветные тони. На подледку ходим зимой. Рыба, она должна ловиться – смотря какой год, такой и улов. Но мы знаем, что наша рыба кормит не только нас. Ее даже в Москву возят – на стол партийного съезда, говорят, выставляют. Так что я, простой, малограмотный рыбак, ловлю рыбу для Кремля!», – с искренней гордостью говорили рыбаки из Заполярья в беседах с рабочими совхозов Центральной Якутии [9,11].

Таким образом, анализ собранных полевых материалов и содержания публикаций в локальных изданиях позволяет обогатить историю советской повседневности в сообщениях Крайнего Севера Якутии. Кроме не отраженных в официальных документах, хранящихся в государственных архивах, фактов, выявленные источники проливают свет на важные характеристики советской повседневности. Также перспективным видится дальнейшая разработка аспектов социальной идентичности сельских тружеников Крайнего Севера.

Список литературы / References

1. Бадмаев В. Н. Номады XXI века: к методологии исследования // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (г. Ижевск, 3-6 июля 2017 г.) / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. М. – Ижевск: ИЭА РАН; УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 295-296.
2. Винокурова Л.И. Повседневность арктических сел в локальных источниках: 1960-1970-е годы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016 - № 11 (53). - Часть 1. - С.92-94.
3. Сулейманов А.А. Научное изучение социально-экономического положения номадов Якутии в 1950-1980-е гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. - 2017. - №10. - С.46-50.
4. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с.
5. Заря Яны. 1970. 9 июля.
6. Заря Яны. 1980. 1 января.
7. Заря Яны. 1985. 8 января.
8. Полевые материалы автора (ПМА). Информант Н.С.С., 1954 г.р., житель Аллаховского улуса РС(Я). Запись 2017 г.
9. ПМА. Информант С.П.Ф., 1934 г.р., житель Булунского улуса РС(Я). Запись 2016 г.
10. ПМА. Информант Х.Н.С., 1961 г.р., житель Булунского улуса РС(Я). Запись 2017 г.
11. ПМА. Информант Я.Р.Н., 1946 г.р., житель Усть-Янского улуса РС(Я). Запись 2017 г.
- Vinokurova L.I., Filippova V.V., Sannikova Ya.M. Selskiy kulturniy landshaft Yakutii: opyt mezhdistsiplinarnogo polevogo proekta [The rural cultural landscape of Yakutia: experience of an interdisciplinary field project] / L. I. Vinokurova, V. V. Filippova // Severo-Vostochnyyi gumanitarnyyi vestnik [North-East humanitarian Bulletin]. – 2014.– No. 2.– P. 17-24. [in Russian].

Список литературы на английском языке / References in English

1. Badmayev V. N. Nomads XXI veka: k metodologii issledovaniya [Nomads of the XXI century: to the methodology of research] / Badmaev V.N. // XII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov (g. Izhevsk. 3-6 iyulya 2017 g.) / отв. red.: А. Е. Загребин. М. Ю. Мартынова. М. – Izhevsk: IEA RAN; UIIYaL UrO RAN. [Proceedings of the XII Congress

of Anthropologists and Ethnologists of Russia (Izhevsk, July 3-6, 2017) / Ed.: A. Ye. Zagrebin, M. Yu. Martynova. M. - Izhevsk: IEA RAS; UIYAL UB RAS]. - 2017. P. 295-296. [in Russian]

2. Vinokurova L.I. Povsednevnost arkticheskikh sel v lokalnykh istochnikakh: 1960-1970-e gody [Daily routine of arctic villages in local sources: 1960-1970s] / L.I. Vinokurova // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Scientific and Research Journal]. - 2016 - No. 11 (53). - Part 1. - P. 92-94. [in Russian]

3. Suleymanov A.A. Nauchnoye izucheniye sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya nomadov Yakutii v 1950-1980-e gg. [Scientific study of the socio-economic situation of nomads of Yakutia in the 1950-1980s.] / A.A. Suleymanov // Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki [Modern science: current problems of theory and practice]. - 2017. - No. 10. - P. 46-50. [in Russian]

4. Filippova V.V. Korennyye malochislennyye narody Severa Yakutii v menyayushchemsya prostranstve zhiznedeyatel'nosti: vtoraya polovina XX v. [Indigenous minorities of the North of Yakutia in the changing space of life: the second half of the 20th century.] / V.V. Filippova. - Novosibirsk: Nauka. - 2007. - 176 p. [in Russian]

5. Zarya Yany. 1970. 9 iyulya [Zarya Yany. 1970. 9th of July]. [in Russian]

6. Zarya Yany. 1980. 1 yanvarya [Zarya Yany. 1980. 1st of January]. [in Russian]

7. Zarya Yany. 1985. 8 yanvarya [Zarya Yany. 1985. 8th January]. [in Russian]

8. Polevyye materialy avtora (PMA) [Author's field materials (AFM)]. Informant N.S.S.. 1954 g.r., zhitel Allaikhovskogo ulusa RS(Ya). Zapis 2017 g. [Informant N.S.S., born in 1954, resident of the Allaikhovsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) - RS(Ya). Recording 2017] [in Russian]

9. PMA[AFM]. Informant S.P.F., 1934 g.r., zhitel Bulunskogo ulusa RS(Ya). Zapis 2016 g. [Informant S.P.F., born in 1934, a resident of the Bulunsky ulus of the RS(Ya). Recording 2016.] [in Russian]

10. PMA[AFM]. Informant Kh.N.S., 1961 g.r., zhitel Bulunskogo ulusa RS(Ya). Zapis 2017 g. [Informant Kh.N.S., born in 1961, a resident of the Bulunsky ulus of the RS(Ya). Recording 2017.] [in Russian]

11. PMA[AFM]. Informant Ya.R.N., 1946 g.r., zhitel Ust-Yanskogo ulusa RS(Ya). Zapis 2017 g. [Informant Ya.R.N., born in 1946, resident of the Ust-Yansky ulus RS(Ya). Recording 2017.] [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.020>

Иванов Н.В.

кандидат исторических наук, доцент

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова в г. Чебоксары

БОРЬБА С САМОГОНОВАРЕНИЕМ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ ЧУВАШСКОЙ АССР В 1970-е гг. XX в.

Аннотация

Цель настоящей статьи – исследование масштабов самогонварения в 70-е годы XX века на территории Чувашской АССР путем подсчета архивных данных и их анализа, а также результативность искоренения этого, непосредственно связанного с ростом преступности явления не только в Чувашской АССР, но и в целом по стране.

В статье использованы архивные материалы МВД и Государственного архива Чувашской Республики, не опубликованные ранее. Приведены примеры борьбы Чувашской милиции с самогонварением и пьянством.

Актуальность работы заключается в выборе модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества в решении проблемы алкоголизма и самогонварения в настоящее время.

Исследованные материалы могут быть использованы в практической деятельности полиции.

Ключевые слова: самогонварение, пьянство, хулиганство, преступление, привлечение, штраф, спиртные напитки, распитие, несовершеннолетние.

Ivanov N.V.

PhD in History, Associate professor

I.N. Ulyanov Chuvash State University in Cheboksary

POLICE STRUGGLE AGAINST BOOTLEGGING IN CHUVASH ASSR IN 1970S

Abstract

The purpose of this paper is to study the extent of bootlegging in the 1970s on the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic by considering archival data and their analysis, as well as the effectiveness of eradicating this phenomenon, directly related to the increase in crimes, not only in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, but also in the entire country.

The paper uses the archival materials of the Ministry of Internal Affairs and the State Archives of the Chuvash Republic, which were not published earlier. The examples of the struggle of the Chuvash police against bootlegging and alcoholism are given.

This work is topical because of the choice of the model of interaction between the state and civil society institutions in solving the problem of alcoholism and bootlegging at the present time.

The studied materials can be used in the practical activities of the police.

Keywords: bootlegging, alcoholism, rowdiness, crime, attraction, fine, alcohol, drinking, minors.

За всю историю деятельности правоохранительной системы огромное значение придавалось предупреждению уголовно наказуемых деяний и профилактике правонарушений. В связи с этим в 1970-е гг. начали проводиться широкомасштабные кампании против алкоголизма и самогонварения, туеядства и паразитарного стиля жизни. Этот период борьбы с самогонварением можно условно считать третьим со времен завоевания социализма: первый – 1920-1940, второй – 1950-1960 гг. [6, С. 61-66].

В начале 1970-е гг. в стране в очередной раз развернулась борьба с самогеноварением, как антисоциальным явлением. В 1960-е гг. высшим руководством нашей страны к ранее принятым нормативным актам были добавлены новые. Совет Министров РСФСР в 70-е годы принял ряд постановлений – 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» [9], 16 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» [10] и 1 февраля 1977 г. «О повышении роли устной политической агитации в выполнении решений XXV съезда КПСС», которыми призывалось, чтобы всё общество создавало обстановку нетерпимости к пьянству, хулиганству, сквернословии [8].

Эти акты имели крайне важное значение для торгующих организаций. В них напрямую было дано указание о запрещении продажи водки на всех предприятиях торговли и общественного питания (кроме ресторанов), расположенных на вокзалах, в аэропортах, на привокзальных, пристанционных площадях; во время посевных в сельских местностях. А также запрещена торговля в непосредственной близости от промышленных предприятий, учебных заведений, детских учреждений, больниц, санаториев, в местах массовых гуляний и отдыха.

Проводимые руководством государства и органами милиции Чувашии мероприятия по борьбе с самогеноварением не всегда давали ощутимые результаты, т.к. количество выявленных и привлеченных к ответственности граждан с каждым годом росло.

Все предыдущие мероприятия, проводимые руководством страны, и общественными организациями больших результатов не дали. Население от этих мероприятий не стало меньше пить. Наличие большого количества вино-водочных изделий в магазинах сыграло свою роль в алкоголизации населения, и не стало препятствием для производства самогона, особенно для сельской местности.

В 70-е гг. XX века в борьбу за «трезвое общество» активно подключились разные общественные организации, которые совместно с работниками милиции принимали участие в охране общественного порядка и вели борьбу с пьянством. В справке «О некоторых принятых мерах по усилению борьбы с преступностью и правонарушениями в Чувашской АССР» за 1973 г., отмечалось, что в 1973 г. значительное внимание уделялось вопросам борьбы против пьянства и алкоголизма.

Работники милиции проводили массу мероприятий по недопущению правонарушений и пьянства со стороны граждан. Только за 1970 г. личным составом Чебоксарского ГОВД было проведено 1211 лекций и бесед в коллективах предприятий, учреждений города. Эти мероприятия дали мало эффекта, если учесть, что за год в городе было привлечено к ответственности за нарушения общественного порядка 6079 чел., из них оштрафовано 5427, в товарищеские суды направлены материалы на 164 чел.; было доставлено в медвытрезвители: работниками ППС – 1129, участковыми инспекторами – 71, оперативными работниками – 23, работниками ГАИ – 82, другими службами ГОВД – 167, дружинниками – 36, гражданами – 54 и работниками скорой медицинской помощи – 61 чел. [4, С. 66]. Из приведенных цифр видно, что большое количество нетрезвых граждан доставлялись работниками наружной службы, т.е. патрульно-постовой службой. Ими за 1971 г. в медицинские вытрезвители было доставлено 16375 чел. против 19361 в 1972 г. На учет ОВД было поставлено 1129 злостных пьяниц (алкоголиков) [5, С. 29-31], начали работу лечебно-трудовые профилактории (ЛТП).

В борьбе с пьянством в эти годы не остались «в стороне» предприятия, учреждения и организации, которые активно поддерживали все мероприятия, проводимые на территории Чувашской АССР. Так, в справке о работе Чебоксарского агрегатного завода имени XXIV съезда КПСС по выполнению постановления ЦК КПСС от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом» сказано: «Состояние правонарушений рабочих завода за 1973-1975 гг. выглядит следующим образом: за 1973 г. в медвытрезвитель было доставлено 517, а за 1974 г. – 419 чел., за нарушения общественного порядка (появление в пьяном виде и распитие спиртных напитков в общественных местах) в 1973 г. – нет данных, а за 1974 г. – 158 чел., за 9 месяцев 1975 г. – 308, за нарушение общественного порядка (появление в пьяном виде и распитие спиртных напитков в общественных местах) – 228 чел. [2, С. 81].

Выполняя постановление от 16 мая 1972 г. в республике прошли повсеместные собрания. Так в Шумерлинском горкоме КПСС было отмечено, что комиссии по борьбе с пьянством, приступили к разработке на 1973 г. комплекса мероприятий, объединяющих усилия всех органов и комиссий, администраций предприятий, общественных организаций, лечебных учреждений и административных органов по борьбе с пьянством. Повышена ответственность органов внутренних дел в деле борьбы с пьянством и преступностью в городе и районах, определены и конкретизированы пути решения этих задач. В связи с чем ОВД были взяты на учет более 80 чел. склонных к пьянству и алкоголизму, с которыми проводилась профилактическая работа.

В 1972 г. проведено 40 групповых рейдов работников милиции, медвытрезвителя и народных дружинников по наведению порядка; направлено на принудительное лечение 20 алкоголиков, так же за систематическую пьянку привлечены к строгой ответственности 19 членов КПСС, в том числе 7 были исключены из рядов партии; совершено 19 автодорожных происшествий, в том числе 7 водителей за рулем находились в нетрезвом состоянии; проведено 115 лекций и около 150 бесед [1, С. 1-5].

Такие же мероприятия проводились в Яльчикском районе, где отмечено, что во всех деревнях и партийных организациях были проведены собрания по разъяснению постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Указа Президиума Верховного Совета СССР О «Об усилении борьбы против пьянства и алкоголизма». На собраниях участвовало более 12 тыс. чел. Во всех 48 партийных организациях проведены собрания и разработаны конкретные мероприятия. На собраниях участвовало 863 коммуниста, выступило 221. Проведено 33 комсомольских собраний, в них участвовало 1612 комсомольцев, выступило 101. По решению сессии Совета депутатов трудящихся установлен порядок торговли винно-водочных изделий крепостью свыше 30 градусов в сельских магазинах, а в ресторанах и буфетах продавались только до 17 часов [1, С. 6-8].

Аналогичные мероприятия были проведены и в Батыревском. Отмечено большое воспитательное значение сатирических изданий: газеты «На карандаш», журнала «Крокодил». С июля по декабрь 1972 г. показано 98 сеансов кинофильмов с охватом 33692 чел.; создан штаб комсомольского оперативного отряда из 15 чел.; работники

районного отдела внутренних дел совместно с общественностью два раза в месяц проводят рейды. Ими в течение года выявлено 22 нарушения торговли спиртными, 21 случая распития спиртных напитков, 104 факта самогонноварения, в том числе по 39 фактам были привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 10 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР РТ 19 июня 1972 г., 65 материалов направлены на рассмотрение товарищеских судов, изъяты 687 самогонных аппаратов, уничтожено 700 литров изготовленного самогона и около 2 тыс. литров закваски. 12 членов КПСС привлечены к ответственности за пьянство, 8 чел. исключены из рядов КПСС [1, С. 12-14].

На итоговом собрании Чебоксарского РОВД, в своем отчетном докладе Лаврентьев И.А. отметил, что «... не плохо организована работа с вступлениями перед населением, если учесть, что за 1973 г. членом общества «Знание» и другими работниками прочитано лекций и докладов среди населения на правовые темы 290, выступали по радио 23 раза, с общим охватом населения 7150 чел. [3, С. 18, 100]. Но не смотря на все старания, в Чебоксарском районе за 1972 и 1973 гг. было возбуждено 15 уголовных дел за самогонноварение» [3, С. 18, 103].

О проведенных мероприятиях по борьбе с пьянством руководители республики регулярно отчитывались перед ведомственным руководством и партийными органами. В одном из отчетов, о результатах борьбы с пьянством и мелким хулиганством и о лицах, привлеченных к ответственности за 1974 г. сказано, что органами милиции применены меры в отношении 19998 лиц: оштрафованы – 14537, из них несовершеннолетних – 380, в том числе: за распитие спиртных напитков в общественных местах – 961, за появление в пьяном виде в общественных местах – 13576; повторно в течение года – 2753 чел. [7, С. 80]. В связи с этим, при подведении итогов за 1974 г. и решению задачи по усилению борьбы с преступностью в районе, докладчик – начальник Чебоксарского РОВД Григорьев отметил, что плохо работали участковые инспектора по выявлению фактов самогонноварения, если в 1973 г. ими было выявлено 61 случай самогонноварения, то в 1974 г. – 54. т.е. меньше на 7 случаев [3, С. 25-27].

В исследуемый период отчеты стали нормой, они проводились по месяцам, кварталам, полугодиям, девяти месяцам и по итогам года. Такие отчеты проводили и в последующие годы. Так, в итоговом отчетном докладе за 1975 г. отмечено, что в отношении 23528 чел. были применены разные виды ответственности органами милиции, в частности: оштрафовано – 16905, среди них несовершеннолетних – 1083, в том числе: за распитие спиртных напитков – 961 и за появление в пьяном виде в общественных местах – 15822, два или более раз в течение года – 2873 чел. [7, С. 14]; в 1977 г. – 24412 чел., оштрафовано – 17885, из них несовершеннолетних – 454, в том числе: за распитие спиртных напитков – 1033 и за появление в пьяном виде в общественных местах – 16852, два или более раз в течение года – 2307 чел. [7, С. 18]; в 1978 г. – 35974, оштрафовано – 22461, из них несовершеннолетних – 622, в том числе: за распитие спиртных напитков – 2241 и за появление в пьяном виде в общественных местах – 20220, два или более раз в течение года – 2193 чел. [7, С. 22].

Таким образом, за три года в отношении 83914 (в среднем в год – 27971) чел. были применены меры органами милиции, в частности: оштрафовано – 57251 (19083), среди них несовершеннолетних – 2158 (719), в том числе: за распитие спиртных напитков – 4235 (1411) и за появление в пьяном виде в общественных местах – 52894 (17631), два или более раз в течение года – 7373 (2591) чел.

Данные 1978 г. по сравнению с 1975 г. в отношении принятых мер органами милиции выросли в 1.5 раза, в частности: среди несовершеннолетних – 1.9 раз, оштрафованных – 1.3 раз, за распитие спиртных напитков – 2.3 раза и за появление в пьяном виде в общественных местах – 1.2 раз, а число доставленных два или более раз в течение года, уменьшилось в 1.2 раза.

Что показывает тенденцию роста по всем параметрам, кроме числа лиц, доставленных два или более раз в течение года, что дает основание полагать, принятые меры руководством не всегда давали ожидаемого результата.

Количество совершенных преступлений в нетрезвом состоянии тоже имело место роста, так в 1976 г. 2805 чел. совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения против 3683 в 1977 г. рост 1.3 раза, из них несовершеннолетних – 406 против 531 чел. в 1978 г. – 1.3 раза. [7, с. 76].

Много обращали внимание на подрастающее поколение в республике. На открытом собрании суда, прокуратуры и РОВД Чебоксарского района от 21 февраля 1973 г. рассматривался вопрос о предупреждении преступлений среди несовершеннолетних. Докладчик Адемасова отметила, что растет количество несовершеннолетних, совершающих преступление в состоянии алкогольного опьянения, так Щукин – совершил злостное хулиганство; Семенов и Григорьев – кражу из магазина и т.д. ими только за 1971 г. совершено 24 преступления, а в 1972 г. – 30, количество участников в 1971 г. – 36, а в 1972 г. – 44 чел. С участием взрослых совершено 5 преступлений, к уголовной ответственности по ст. 210 УК РСФСР привлечено 2 подстрекателя [3, с. 18].

Подводя итоги борьбы органов милиции с самогонноварением и пьянством в Чувашии и в целом по стране в 60-70-е гг. XX в., можно сказать, что меры профилактики и борьбы, предпринимаемые руководством страны совместно с министерством внутренних дел и общественностью на местах, не всегда действовали эффективно и результативно, что подтверждается данными статистики.

Список литературы / References

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 37. Д. 221.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 39. Д. 395.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 42.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-623. Оп. 1. Д. 51.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 203. Оп. 24. Д. 2755.
6. Иванов Н.В. Самогонноварение как одно из социальных проявлений и борьба с ним органов чувашской милиции в 20-40-е гг. XX в. Электронное издание. Современные проблемы науки и образования. - 2015. - М. № 2 (часть 2) <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22073> (дата обращения: 09.10.2015)
7. Иванов Н.В. Из истории борьбы местных органов милиции с самогонноварением в 1954-1964 гг. (по материалам Чувашской АССР). ЧГУ. Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. - 2016. - № 2.
8. Информационный центр Министерства внутренних дел по Чувашской Республике. Ф. 102. Оп. 1. Д. 171.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М., 1987. - Т. 13, с. 182-183.
10. Собрание постановлений Правительства СССР. - 1972. - № 11. - Ст. 61.
11. Собрание постановлений Правительства РСФСР. - 1972. - № 16. - Ст. 97.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy istorii Chuvashskoy Respubliki [State Archive of Contemporary History in Chuvash Republic] (SACH of CR). F. P-1. Op. 37. D. 221. [In Russian]
2. SACH of CR. F. P-1. Op. 39. D. 395. [In Russian]
3. SACH of CR. F. P-302. Op. 1. D. 42. [In Russian]
4. SACH of CR. F. P-623. Op. 1. D. 51. [In Russian]
5. Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki [State Historical Archive of Chuvash Republic]. F. 203. Op. 24. D. 2755. [In Russian]
6. Ivanov N.V. Samogonovareniye kak odno iz sotsial'nykh proyavleniy i bor'ba s nim organov chuvashskoy militsii v 20-40-ye gg. XX v. [Bootlegging as One of Social Manifestations and Chuvash Police Struggle with It in 1920s-1940s.] Electronic edition. Modern problems of science and education. - 2015. - M. No. 2 (part 2) <http://www.science-education.ru/en/article/view?id=22073> (reference date: 09.10.2015);
7. From the history of the struggle of local police bodies with bootlegging in 1954-1964. (based on the materials of the Chuvash ASSR). CSU. Bulletin of the Chuvash University. Humanitarian sciences. - 2016. - No. 2. [In Russian]
8. Informatsionnyy tsentr Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoy Respublike [Information Center of Ministry of Internal Affairs of Chuvash Republic]. F. 102. Op. 1. D. 171. [In Russian]
9. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TSK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of Central Committee]. - М., 1987. - Т. 13, p. 182-183. [In Russian]
10. Sobraniye postanovleniy Pravitel'stva SSSR [Collection of Resolutions of Government of USSR.] - No. 1972. - No. 11. - Art. 61. [In Russian]
11. Sobraniye postanovleniy Pravitel'stva RSFSR [Meeting of Resolutions of Government of RSFSR]. - No. 1972. - No. 16. - Art. 97. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.023>

Магомедов Г.А.

ORCID:0000-0001-8776-801X, кандидат исторических наук,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

РОЛЬ ПРЕССЫ МАЛЫХ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация

Статья посвящена описанию места роли прессы малых народов Дагестана в системе региональных СМИ. Проанализирована история зарождения и основные вехи развития табасаранской и рутульской периодической печати. Основное внимание в статье уделено жанровой палитре, проблематике выступлений этих газет, влиянию внешней среды на контент и на модели изданий в годы становления. В статье использованы методы эмпирического исследования (наблюдение, измерение), теоретического исследования (логический метод, включающий методы анализа и синтеза) и методы классификации и типологизации, подразумевающие выделение общего и особенного, что обеспечило систематизацию типов печатных изданий.

Ключевые слова: история, пресса, язык, проблематика, идеология, модель.

Magomedov G.A.

ORCID: 0000-0001-8776-801X, PhD in History,
Dagestan State University, Makhachkala

ROLE OF PRESS OF SMALL PEOPLES IN PUBLIC OPINION FORMING

Abstract

The paper describes the role of a press of small peoples of Dagestan in the system of regional mass media. The history of origin and the main milestones of development of Tabasaran and Rutul periodicals are analyzed. The main attention in the article is given to the genre palette, the problems of the speeches of these newspapers, the influence of the external environment on a content and on a model of publications in the years of formation. The methods of empirical research (observation, measurement), theoretical research (a logical method involving analysis and synthesis methods) and methods of classification and typology are applied in the article, implying the separation of general and special, which ensured the classification of types of printed publications.

Keywords: history, press, language, problems, ideology, model.

Современная дагестанская пресса уникальна по своему языковому многообразию. Среди ведущих республиканских изданий – общественно-политические газеты на 14 языках: «Дагестанская правда», «Замана» (даргинский яз.), «Истина» (аварский яз.), «Елдаш» (кумыкский яз.), «Илчи» (лакский яз.), «Лезги газет» (лезгинский яз.), «Нур» (цахурский яз.), «Зори Табасарана» (табасаранский яз.), «Дербент» (азербайджанский яз.), «Ватан» (татский яз.), «Вести Агула» (агульский и русский яз.), «Голос степи» (ногайский яз.), «Рутульские новости» (рутульский и русский яз.), «Степные вести» (русский яз.), «Нийсо-Дагестан» (чеченский и русский яз.).

Учитывая многонациональный состав населения и задачу вовлечения народов страны в государственное строительство, советское правительство в начале прошлого века пришло к выводу о необходимости формирования четко функционирующей государственной системы печати, куда как важное звено должна была войти и пресса малых

народов, выходящая на родных языках [1, С. 98]. Создание такой системы диктовалось объективными условиями, в которых находились малые народы, перспективами их возрождения, задачами по коренной перестройке всего социально-экономического уклада, повышения их культурного уровня. На нее возлагались исключительно важные задачи по переустройству национальных окраин.

После II Вседжагестанского съезда Советов задачей дня стало создание национальной письменности и печати. В 1923 году в Маджалисе была организована газета «Голос табасаранца» на тюркском языке. Эта еженедельная газета с тиражом 120 экземпляров обслуживала Кайтаго-Табасаранский округ. Характер газеты - крестьянский. «Голос табасаранца», как и другие издания Дагестана этого времени, издавалась примитивным способом, не получала никакой финансовой помощи и держалась на энтузиазме молодых литературных сил [2].

Печатное слово в начале XX века способствовало совершению преобразований, которые происходили в социально-политической и культурной жизни и формированию общественного мнения. В периодике печатались материалы на злободневные и волнующие темы, ставились задачи вовлечения молодежи в комсомол, разъяснялась необходимость борьбы с духовенством, обсуждались вопросы партийного строительства [3]. Чтобы эти проблемы были понятны широкому кругу масс, дагестанские издания часто преподносили их в форме, близкой к рассказу: эмоционально, используя диалоги, яркие примеры.

Критические статьи в ряде периферийных газет напоминали памфлеты, форму басенного жанра и сыграли определенную роль в становлении табасаранской журналистики [4]. К сожалению, номера газеты «Голос табасаранца» в архивах Дагестана не сохранились, и неизвестно, до какого времени она выходила.

29 апреля 1932 года вышел в свет первый номер еженедельной районной газеты «Красный Табасаран» («Уьру Табасаран»), напечатанный латинским шрифтом [5]. Она издавалась в селе Тинит и являлась органом Табасаранского райкома партии, райсовета трудящихся и профсоюза.

Создание этой газеты было связано со становлением табасаранского письменного языка, основоположником которого является известный поэт, просветитель Темирхан Шалбузов (1895-1978гг.) - ученик поэта, просветителя Зияутдина Курихи (1846-1932) [6].

Что касается жанровой характеристики, конечно же, здесь еще нет аналитических статей, репортажей, фельетонов и т.д. Но интересны заметки, состоящие всего из одного-двух предложений, где отмечены конкретные недостатки хозяйств. Например, «В Гуминском колхозе много забот, но колхозники плохо трудятся, в результате чего из 22 гектаров земли осталось незасеянным 3,25 гектара». Заметка имеет и свой заголовок – «Гуминский колхоз дремлет». Наряду с критическими публикациями в этом номере есть и положительные материалы. К примеру, «Впереди колхоз «Батрак», перевыполнивший план сева яровых на 13, 5 гектаров [7]. Это – результат высокой организованности и порядка». Есть в первом номере газеты и зарубежная хроника, здесь также опубликовано и стихотворение Темирхана Шалбузова, посвященное Первомаю.

В начале газета выходила на 4 полосах формата А-4. Тираж ее составлял около 300 экземпляров. В 1932 году в «Красном Табасаране» появляется литературная страница, которая, как пишет газета в своей передовой статье, «будет иметь большое значение для развития литературы и распространения культуры в Табасаране. Особенно значима ее роль для «новых» ростков» [8].

Язык газеты 1930-х годов сильно отличается от современного литературного языка, тогда употреблялось много диалектных слов. Это и понятно, ведь письменность только-только появилась. В эти годы на страницах «Красного Табасарана» появляются статьи, очерки, зарисовки о «новых» людях, первых стройках, а также фельетоны, критические статьи, отвечающие задачам дня. Табасаранские журналисты писали и о международной жизни.

История же рутульской печати неразрывно связана с первым печатным органом - районной газетой «Гызыл чобан», что в переводе с азербайджанского значит «Красный чобан». Со дня выхода в свет первого номера этой газеты минуло 85 лет. Рутульская печать является одной из малоисследованных в истории национальной печати Дагестана. В 1932 году вышел первый номер рутульской газеты «Гызыл чобан» на азербайджанском языке форматом А4 на двух полосах, а иногда она выходила и на четырех полосах при необходимости опубликования срочной и оперативной информации государственного значения.

Нелёгкими были её первые шаги: в район до того времени никогда не завозили типографскую технику, среди местного населения очень мало было грамотных людей, не говоря уже о специалистах с творческим уклоном, не было почты как таковой. «Гызыл чобан» издавалась на азербайджанском языке в селении Рутул с 1932 по 1963-е годы периодичностью один номер в пять дней. Тираж газеты в первые годы издания составлял всего лишь 20 - 30 экземпляров и выполнял функцию наглядного информационно-агитационного материала для агитаторов и политинформаторов коммунистической идеологии - идеологии социального равенства и коллективного ведения хозяйства.

В последующие годы, по мере укрепления материально-технической базы типографии газеты, которая была размещена в административном центре рутульского района - в селении Рутул, её тираж намного вырос и составлял в среднем около 900 экземпляров [9, С. 57].

Газета «Гызыл чобан» выходила на азербайджанском языке, так как у рутульцев тогда ещё не было своей письменности и языком межнационального общения в районе был, как и во всём Южном Дагестане, азербайджанский. И что ещё примечательно - использовался латинский алфавит, который был введён вместо отменённого на основе арабской графики «аджам».

Название газете было выбрано не случайно: основным видом деятельности населения многонационального высокогорного рутульского района было разведение и выращивание крупного и мелкого рогатого скота, реализация и натуральный обмен продукции животноводства. Этим и объясняется её обусловленность, а слово «красный» нёс идею коммунистического идеала, символа и цвета.

Много печаталось в газете материалов о социально-экономических и культурных преобразованиях в районе. Став трибуной новой жизни, нового быта, новой культуры, газета сыграла огромную роль в формировании общественного

мнения и построения новой жизни в республике. С первых же своих номеров газета «Гызыл чобан» стремилась быть коллективным пропагандистом, коллективным агитатором и коллективным организатором масс в осуществлении социально-экономических и культурных преобразований в районе. Публиковала газета сообщения о первых шагах небольших тогда колхозов, преимуществах коллективного труда перед единоличным, о тех новых изменениях, которые происходили в жизни горцев и страны в целом.

С первых дней Великой Отечественной войны на страницах рутульской газеты все чаще появлялись статьи, направленные на всемерное укрепление тыла Советской Армии. Девизом, её лозунгом стал призыв: «Всё для фронта! Всё для Победы!» [10, С. 16].

После известных хрущевских преобразований в СССР газета «Гызыл чобан» два года не выходила в свет, как и газеты во всех других районах республики. Лишь в мае 1965 года рутульская районная газета вновь вышла в свет под новым названием «Животновод» и уже на русском языке. Тогда она выходила 3 раза в неделю на двух полосах формата А3, её тираж составлял около 1400 экземпляров. Газета «Животновод» в 1991 году была переименована в «Рутульские новости». В мае 1996 г. газета получила республиканский статус и в настоящее время издается один раз в неделю на восьми полосах формата А4.

Список литературы / References

1. Гамалей Т.В., Магомедов Г.А. Проблемы и перспективы развития этножурналистики в Дагестане. / Современные проблемы мировой журналистики. Т.В. Гамалей, Г.А. Магомедов. – Махачкала, – 2011. –137 с.
2. ГАРД. Ф. 826. Оп. 2. Д. 53.
3. Шевченко В. Э. Визуальный контент как тенденция современной журналистики / В. Э. Шевченко // Медиаскоп [Электронный ресурс]. – 2014. – №4. – URL: <http://www.mediascope.ru/1654>. – (Дата обращения: 10.12.2017).
4. Шилина М.Г. Интернет-гипертекст общественных связей: характеристики, особенности, тенденции развития // Электронный научный журнал «Медиаскоп» [Электронный ресурс] – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.12.2017).
5. ГАРД. Ф. 826. Оп. 2. Д. 55.
6. ГАРД. Ф. 826. Оп. 2. Д. 14.
7. ГАРД. Ф. 826. Оп. 2. Д. 33.
8. ГАРД. Ф. 826. Оп. 2. Д. 34.
9. Алиханова А.А. Печать Дагестана – Махачкала : Дагкнигоиздат. – 2009 – 155 с.
10. Ахмедов Д.Н. Подвиг прессы – Махачкала : Дагкнигоиздат. – 2009 – 134 с

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gamaley T.B., Magomedov G.A. Problemy i perspektivy razvitiya jetnozhurnalistiki v Dagestane. [Problems and prospects of etnozhurnalistiki in Dagestan] Gamaley T.B., Magomedov G.A. / Sovremennye problemy mirovoj zhurnalistiki [Current problems in the world of journalism]. – Makhachkala, – 2011. – 137p. [in Russian]
2. SARD. B. 826. Op. 2. D. 53.
3. Shevchenko V. E. Vizual'nyy kontent kak tendentsiya sovremennoy zhurnalistiki [Visual content as a trend of modern journalism] / V. E. Shevchenko // Mediaskop [Elektronnyy resurs]. – 2014. – №4. – URL: <http://www.mediascope.ru/1654>. – (accessed: 10.12.2017). [in Russian]
4. Shilina M.G. Internet_gipertekst obschestvennih svyazei_ harakteristiki_ osobennosti_ tendencii razvitiya [Internet hypertext of public relations: characteristics, features, development trends] // Elektronii nauchnii jurnal «Mediascope» [Electronic scientific journal "MediaScope" [Electronic resource]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 10.12.2017). [in Russian]
5. SARD. B. 826. Op. 2. D. 55.
6. SARD. B. 826. Op. 2. D. 14.
7. SARD. B. 826. Op. 2. D. 33.
8. SARD. B. 826. Op. 2. D. 34.
9. Alikhanova A.A. Pechat Dagestana. [Print of Dagestan] A.A. Alikhanova. – Makhachkala : Dagknigoizdat, 2009 – 155 p. [in Russian]
10. Akhmedov D.N. Podvig pressy. [The feat of the press] D.N. Akhmedov. – Makhachkala : Dagknigoizdat, 2009 – 134 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.021>

Писчикова Н.П.

кандидат исторических наук,

Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И США НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ В 40-80-Х ГГ. XX ВЕКА

Аннотация

В настоящее время одной из актуальных тем изучения является взаимоотношения России и США на различных этапах развития и в разных частях света. XX век занимает особое место в исследованиях. Целью данной работы является рассмотрение внешней политики России и США на Дальнем Востоке в начале XX века через призму отечественных исследований в 40-80-е гг. XX века. В результате был сделан вывод, что этот период стал плодотворным и интересным в отечественной историографии с точки зрения поднятых проблем и источниковедческой базы.

Ключевые слова: история, внешняя политика; исследование, Россия, США, архивные материалы.

Pischikova N.P.

PhD in History,

Ryazan State University named for S. Yesenin

THE LOOK OF FOREIGN HISTORIANS ON RUSSIA'S FOREIGN POLICY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

Abstract

The relationship between Russia and the United States is of direct scientific and practical interest. The history of diplomatic and military contacts has more than three centuries. During this time, they changed from friendship to confrontation, from sympathy to neutrality. Therefore, in this work we decided to dwell on the opinions of foreign historians, and in particular representatives of the United States, who devoted their research to the relationship between Russia and the US and their policies in the Far East at the beginning of the twentieth century. This work is a historiographic review of the chosen problem.

Keywords: foreign policy, USA, Russia, research, archival materials.

В сегодняшнем мире одной из актуальных тем обсуждения являются отношения России и США. История взаимодействия насчитывает уже не одно столетие. Контакты двух государств развивались по-разному от дружбы до конфронтации. За частую американская администрация заверяла русскую сторону в дружбе и поддержке ее интересов, однако как только заходила речь о конкретных действиях, США уходили на позиции нейтралитета или нанесения удара за счет третьей стороны. Особое внимание для изучения вызывают вопросы касающиеся столкновения геополитических интересов России и США на Дальнем Востоке. Друзья всегда проверяются в трудной ситуации, поэтому русско-японская война, в которую оказалась втянута Россия является как раз яркой иллюстрацией данного утверждения. Что касается российской стороны, то мы прекрасно понимаем, что граждане своей страны будут защищать ее интересы.

Тема русско-американских отношений в начале XX века являлась актуальной на протяжении всего века и продолжает такой оставаться. Но мы возьмем период 40-80-х гг. XX века, наиболее напряженный за все время – противостояние США и СССР после Второй мировой войны, эра «холодной войны». Две страны были друг для друга символом врага. Поэтому проанализируем исследования в этот период русско-американских отношений в дальневосточном направлении, где сталкивались их геополитические интересы.

Для того, чтобы ответить на многие вопросы отношений России и США на современном этапе стоит обратиться к предыдущему опыту поколений и в частности, отечественным исследователям.

Начнем с того, что в середине 40-х гг. XX века вышло коллективное исследование «История дипломатии» [10], оно подвело некий итог под работами 20-40-х гг. в отечественной науке. Ученые проделали огромную работу по систематизации архивных материалов с XVI в. и до Версальского договора 1919 г., отвели в этом периоде место для России и ее роли в мировой политике. Они выявили ключевые узлы дипломатических противоречий, а также значение конкретных людей, находящихся во главе внешнеполитических ведомств и их роли в принятии тех или иных решений. Авторы привлекли к работе, как было сказано выше архивные документы, а также уже опубликованные материалы, вышедшие до них монографические исследования, что позволяет говорить об их труде, как первом коллективном исследовании истории дипломатии нового времени. Конечно для анализа отношений России и США работа недостаточна, но для общего понимания международной обстановки того периода она может быть использована.

В 50-х гг. XX века, а вернее в самом начале можно отметить целый ряд исследований, посвященных изучению внешней политики России и США на Дальнем Востоке, среди них отметим работы Р.М.Бродского, С.Б. Горелик, А.А.Фурсенко, Л.И.Зубока [1], [3], [7], [14]. Свои выводы историки делали на основе широкого круга источников: статистика, документы, публикации в печати. Они пришли к следующему размышлению, что внешняя политика стран тесным образом связана с экономическими претензиями, и особенно США.

В середине 50-х гг. увидела свет фундаментальная работа Б.А.Романова [13], которая отмерила рубеж изучения и стала основополагающим для тех, кто занимается вопросом изучения русско-американских отношений в начале XX века на дальневосточном направлении. Автор в центр своей работы поставил взаимоотношения России с Китаем и Японией. Но, напрямую не рассматривал русско-американские отношения, только в контексте международной политики государств на Дальнем Востоке. Историк приходит к выводу, что в конце XIX века США и России не были главными соперниками в этом регионе. Но, противостояние начало набирать силу после провозглашения доктрины «открытых дверей» (1899 г.). Связано, это было с тем, что США намерялись усилить влияние на Маньчжурию, которая в свою

очередь находилась в сфере геополитических интересов России. Именно, с того времени отношения двух государств перешли в стадию конкуренции за право обладания частью Китая. В конце работы Романов Б.А. две главы посвящает периоду русско-японской войны, анализируют причины и последствия для развития международных отношений в этом регионе, а также говорит о причинах создания на Дальнем Востоке Антанты. Таким образом, данного историка можно по праву считать, родоначальником в России изучения внешнеполитической деятельности США и России.

Немного ранее данного исследования была опубликована работа А.Ф.Доброва [6], посвященная в первую очередь политики США на Дальнем Востоке в рамках русско-японской войны. Автор на основе неопровержимых данных источников вскрывает истинные цели и задачи политики американцев. В книге, мы четко видим, что США прикрываясь нейтралитетом во всю помогали Японии во время войны с Россией. Они оказывали не только финансовую, но политическую помощь. Только в конце войны президент США Т.Рузвельт выступил с инициативой примирить стороны и позвал их на переговоры в американский Портсмут. Однако и здесь мы можем проследить политику «двойных стандартов», США выполнили свою задачу на Дальнем Востоке стравив Россию и Японию, которые истожили друг друга, главные соперники из игры были выведены. Но Япония проявила интерес к Южной Маньчжурии, что никак не устраивало США, поэтому за счет территорий России США решили умерить аппетит Японии.

В начале 60-х гг. необходимо указать работу академика Н.Н.Иноземцева [8], который специализировался на международных отношениях. Историк к своему исследованию политики США привлек обширнейших материал, среди которого необходимо отметить ценнейший материал статистических данных, официальных докладов и исследований, но особое место занимают акты правительства и конгресса США. Также заметим, что автор использовал мемуарные источники, монографии и периодическую печать на оригинальном языке. Как и плеяда ученых 50-х гг. Иноземцев в своем исследовании ставит во главу угла – экономику. Автор заявлял, что внешнеполитическими устремлениями США двигали экономические цели. В связи с этим, мы находим в работе следующее, каждая глава начинается с анализа внутренней политики страны и в частности, экономическому направлению. Все внешнеполитические акции и концепции рассматриваются через призму экономических желаний США. Автор говорит о господстве американских монополий и их определяющей роли «как вдохновителей и организаторов внешнеэкономической и внешнеполитической экспансии» [8, с.8]. Заметим, что данную работу можно считать первой советской монографией, в которой автор использовал комплексный подход к изучению американской внешней политики, исследовал концепции и доктрины государства, посмотрел их в развитии и рассмотрел их в тесной связи с экономическим характером политики США.

Отметим статью Гальперина А.Л. [2], она заслуживает внимания, не только тем, что автор в первые в отечественной историографии привлек литературу на японском языке, но и уделил внимание непосредственно периоду подготовки и подписания Портсмутского мирного договора (1905 г.). Особое место он отводит анализу сотрудничества дипломатических ведомств Японии, Англии и США.

К исследованию Портсмутского мирного договора присоединился еще один крупный ученый Л.Н.Кутаков [12], в отличие от Гальперина, из под его пера вышла целая монография, посвященная этому событию. Автор говорит о том, что Портсмут показал истинное лицо американской дипломатии, при непосредственном участии, которой был заключен мир в пользу японской стороны. Что касается России, а вместе с ней и Китая с Кореей, то мир был однозначно несправедлив. Работа представляет интерес, в связи с тем, что историк Кутаков от Портсмутского мирного договора протянул исследование русско-японский отношений, а затем и отношений СССР с Японией на протяжении первой половины XX века.

В начале 70-х гг. необходимо отметить две работы И.П.Дементьева [4; 5]. В статьях автор предпринимает успешную попытку рассмотрения идеологии США в конце XIX- начале XX века. Эти исследования непосредственно раскрывают идеи американского экспансионизма. Автор подчеркивает, что группа ученых США и в частности Джошуа Стронг и Альфред Мэхэн сыграли одну из ключевых ролей в создании идеологии, в основе которой лежат идеи великого будущего США, избранности его народа, который должен подчинить себе весь мир и указать дальнейшего развитие для него. Каждая из статей, посвящена конкретному деятелю, кроме того, при раскрытии Мэхэна Дементьев также рассматривает его идею по созданию мощнейшего военно-морского флота США для достижения своих экспансионистских амбиций.

Конец 60-х гг. был отмечен выходом в свет коллективной монографии, посвященной историографическому обзору новой и новейшей истории Европы и Америки [9]. Это значимый труд, так как подготовили его ученые «колыбели исторической науки», а именно исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова. Авторский коллектив работал под руководством ведущих специалистов И.С.Галкина и И.П.Дементьева. Исследование содержит материалы по развитию исторической мысли в странах Европы и Америки, а также основные проблемы изучения истории в новое и новейшее время. Авторский коллектив анализирует научную литературу, опираясь на иностранных авторов, в том числе и работы, которые в то время не были переведены на русский язык. К сожалению, вопросы внешнеполитической деятельности США на дальневосточном направлении, а также вопросы столкновения геополитических интересов США и России в этом регионе с учетом других государств, заинтересованных в этом вопросе не были раскрыты в полной мере в этом исследовании, либо занимают незначительное место. Но в отечественной историографии монография такого рода заслуживает пристального изучения, так как была одной из первых в советской исторической школе.

В конце 70-х гг. еще одно ведущее ведомство нашего государства не осталось в стороне от изучения внешнеполитических акций России в начале XX века. Институт военной истории Министерства обороны СССР подготовил и опубликовал комплексное монографическое исследование под редакцией И.И.Ростунова, посвященное русско-японской войне [11]. В своем труде авторов интересовало проследить предпосылки войны и выявить причины, по которым обе воюющие страны пришли к решению подписания мира. Коллектив авторов пришел к выводам, что война явилась естественным путем развития международных отношений на Дальнем Востоке, это всего лишь один из узлов неразрешимых противоречий, которые накопились в этом период в каждой части мира. Очередь дошла и до

этого региона и до России несмотря на все ее инициативы мирного урегулирования вопросов и призыва договориться о будущем (Первая гаагская конференция 1899 г.). В исследовании мы можем четко увидеть точку зрения авторов, о том, что именно Япония развязала войну, и за ее спиной главными инициаторами создания нового дальневосточного конфликта были США и Великобритания, которые стремились вывести из игры Россию путем войны с Японией. Однако и положение Японии их не интересовало, страны Запада решали свои задачи в этом регионе, путем истощения в рамках войны главных конкурентов. Что касается самой обстановки вокруг подготовки и подписания Портсмутского мира, то в данном случае авторы говорят о том, что Япония была не в силах продолжать войну и ждала с нетерпением быстрого заключения мира. Россия, по мнению историков еще могла бы вести боевые действия на суше и взять реванш за проигранные морские сражения, но ключевую роль сыграло правительство и император. Правящие круги торопили русскую делегацию быстрее заключать мир, чтобы переключить внимание и силы на подавление революционных событий внутри страны.

В итоге отметим, что 40-80-е гг. были плодотворным периодом в творчестве отечественных исследователей. Советские ученые привлекая иностранную литературу, материалы официальных американских ведомств, периодическую печать, мемуарную литературу значительно расширили источниковедческую базу. Они раскрыли многие вопросы, касающиеся историографии, идеологии внешнеполитической деятельности России и США на Дальнем Востоке в начале XX века. А также проследили взаимосвязь между внешнеполитическими факторами и развитием экономики и внутриполитической ситуацией как в одной, так в другой стране в этот период.

Список литературы / References

1. Бродский Р. М. Американская экспансия с Северо-Востоком Китая 1898-1905 / Р. М. Бродский. – Львов: Издательство Львовского университета, 1965. – 168 с.
2. Гальперин А. Л. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком / А. Л. Гальперин // Исторические записки – 1955. – Т. 50. – С.169-223.
3. Горелик С. Б. Политика США в Маньчжурии в 1898-1903 гг. и доктрина «открытых дверей» / С. Б. Горелик. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 196 с.
4. Дементьев И. П. Джозуа Стронг (Из истории формирования экспансионистской идеологии в США) / И. П. Дементьев // Проблемы новой и новейшей истории. – М., 1972. – С.100-114.
5. Дементьев И. П. Доктрина морской мощи Альфреда Мэхэма / И. П. Дементьев // США: экономика, политика, идеология. – 1972. – № 5. – С.36-44.
6. Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны / А. Ф. Добров. – М.: Госполитиздат, 1952. – 396 с.
7. Зубок Л. И. Очерки истории США (1877-1918) / Л. И. Зубок. – М.: Госполитиздат, 1956. – 607 с.
8. Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма / Н. Иноземцев. – М.: Госполитиздат, 1960. – 762 с.
9. Историография нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И.С. Галкина, И.П. Дементьева и др. – М.: Высшая школа, 1967. – 512 с.
10. История дипломатии: Т. I-II / Под ред. В. П. Потемкина. – М.: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство, 1945. – 567 с., 424 с.
11. История русско-японской войны 1904-1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
12. Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор: Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905-1945 / Л. Н. Кутаков. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 291 с.
13. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895-1907 / Б. А. Романов. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 695 с.
14. Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей 1895-1900 / А. А. Фурсенко. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. – 247 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Brodsky R. M. Amerikabskaja ekspansija s Severo-Vostochnom Kitae 1898-1905 [American expansion from North-East China 1898-1905] / R. M. Brodsky. – Lviv : Publishing house of Lviv University, 1965. – 168 p. [in Russian]
2. Halperin A. L. Diplomaticeskaj podgotovka Portsmytskoy mirnoy konferentsii japono-anglo-amerikanskim blokom [Diplomatic training Portsmouth peace conference the Japanese-Anglo-American unit] / A. L. Halperin // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. – 1955. – T. 50. – P. 169-223. [in Russian]
3. Horelik S. B. Politika SSHA v Manchuria v 1898-1903 I doktrina "otkrytyy dverej" [US policy In Manchuria in 1898-1903 gg. and the doctrine of "open doors"] / S. B. Horelik. – M. : Izd-vo vost. lit., 1960. – 196 p. [in Russian]
4. Dement'ev I. P. Joshua Strong (Iz istorii formirovania ekspansionistsckoy ideologii v SSHA) [Joshua Strong (From the history of the formation of expansionist ideology in the USA)] / I. P. Dement'ev // Problemy novoy i noveyshey istorii [Problems of modern and contemporary history] – M., 1972. P. 100-114. [in Russian]
5. Dement'ev I. P. Doktrina morskoy moshi Al'freda Mexema [The sea power doctrine of Alfred Mahan] / I. P. Dement'ev // SSHA : ekonomika, politika, ideologia [USA: Economics, politics, ideology]. – 1972. - № 5. – P. 36-44. [in Russian]
6. Dobrov A. F. Dal'nevostochnaja politika SSHA v period ryssko-japonskoj vojny [The far Eastern policy of the United States during the Russo-Japanese war] / A. F. Dobrov. – M. : Gospolitizdat, 1952. – 396 p. [in Russian]
7. Zybok L. I. Ocherki istoria SSHA (1877-1918) [Essays US history] / L. I. Zybok. – M. : Gospolitizdat, 1956. – 607 p. [in Russian]
8. Inozemtsev N. Bneshaja politika SSHA v epoxu imperializma [Перевести вGoogleBingUS foreign policy in the age of imperialism Strangers.US foreign policy in the age of imperialism Strangers] / N. Inozemtsev. – M. : Gospolitizdat, 1960. – 762 p. [in Russian]
9. Istoriografija novogo vremeni stran Evropy i Ameriki [Historiography of the new time countries of Europe and America] / edited by I. S. Galkin, I. P. Dement'eva. – M. : High school, 1967. – 512 p. [in Russian]

10. Istorija diplomatii : T. I-II [The history of diplomacy]. – edited by V. P. Potemkin. – М. : Ogiz, State socio-economic publishing house, 1945. – 567 p., 424 p. [in Russian]
11. Istorija ryssko-japonskoj vojny 1904-1905 [The history of Russo-Japanese war] / edited by I. I. Rostynov. – М. : Science, 1977. – 383 p. [in Russian]
12. Kytakov L. N. Portsmytskiy mirnyj dogovor : iz istorii otnoshenij Japonii s Rossiy i SSSR. 1905-1945 [The Treaty of Portsmouth: history of Japan's relations with Russia and the Soviet Union. 1905-1945] / L. N. Kytakov. – М. : Sotsekgiz, 1961. – 291 p. [in Russian]
13. Romanov B. A. Ocherki diplomaticheskoy istorii ryssko-japonskoj vojny, 1895-1907 [Essays on diplomatic history of the Russo-Japanese war] / B. A. Romanov. – М.-Л. : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. – 695 p. [in Russian]
14. Fursenko A. A. Borba za razdel Kitaj i amerikanskaja doktrina otkrytykh dverej 1895-1900 [The struggle for the division of China and the American doctrine of the open door 1895-1900] / A. A. Fursenko. – М.-Л. : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. – 247 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.019>

Попов М.Е.

ORCID: 0000-0002-5831-1827 магистрант,

Горно-Алтайский государственный университет

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УПАДКА ГОЛЛАНДСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ*Аннотация*

Статья посвящена рассмотрению предпосылок и характера возникновения голландской Ост-Индской компании. Рассмотрение данного вопроса представляется актуальным, поскольку даёт представление о специфике складывания монополий в капиталистических государствах и специфике монополистической конкуренции в XVII в. Утвердившись на индонезийских островах и монополизировав торговлю с ними, компания смогла обеспечивать те условия, в которых Голландия считалась богатой свободными капиталами страной. Она была двигателем прогресса и орудием первоначального накопления. Её упадок является отражением итога монополистической конкуренции с набиравшими силу странами, подкреплёнными промышленным потенциалом.

Ключевые слова: Голландская Ост-Индская компания, Голландия, колониальная торговля, монополия, Индонезия, акции.

Popov M.E.

ORCID: 0000-0002-5831-1827 Master's Degree Student,

Gorno-Altai State University

PREREQUISITES FOR APPEARING AND DECLINE OF DUTCH EAST INDIA COMPANY*Abstract*

The paper considers the prerequisites and nature of appearing of the Dutch East India Company. A consideration of this issue is relevant, since it gives an idea of the specifics of the formation of monopolies in capitalist states and the specifics of monopolistic competition in the 17th century. By establishing themselves on the Indonesian islands and monopolizing trading with these islands, the company was able to provide the conditions, under which Holland was considered as a country, rich in free capital. It was the engine of progress and the instrument of initial accumulation. Its decline is a reflection of the outcome of monopolistic competition with the countries gaining strength by developing industrial potential.

Keywords: Dutch East India Company, Holland, colonial trade, monopoly, Indonesia, shares.

В первой половине XVI в. Голландия стала передовым государством в Западной Европе, в связи с этим, в конце XVI в. сложились предпосылки для создания Голландской Ост-Индской компании. Нидерланды начали активно пользоваться торговыми выгодами, которые предоставляло Фландрское побережье. Его огромное значение в северной морской торговле способствовало возвышению роли Амстердама, накоплению голландского банковского капитала, который быстро завоевал первенство в европейской торговле, что позволяло голландцам обеспечивать активное судостроение, которое находилось на втором месте по удельному весу в промышленности после текстильного производства. На верфях республики строились корабли для всей Европы. В Роттердаме, Амстердаме и Зандаме ежегодно строилось до 1 тыс. крупных и средних судов [1, С. 171].

Долгое время голландцам был закрыт, богатый пряностями океанский восточный путь, поскольку он был занят испано-португальскими военно-морскими силами. Однако в 1590-х гг. их преобладанию пришёл конец, чему способствовал разгром «Непобедимой армады» (1588 г.) англичанами [2, С. 169]. Используя создавшееся положение, голландцы стремились вырвать из рук португальцев торговлю пряностями. Следует отметить что, голландцы обладали рядом преимуществ над своими конкурентами. Имея высокоразвитое рыболовство, они проходили превосходную школу мореплавания. Их деятельность в качестве «перевозчиков Европы» способствовала накоплению опыта в посреднической торговле. Кроме того, они имели развитую финансовую и банковскую системы, тем самым располагали значительными суммами свободного капитала. Таким образом, имея возможность плаванья к островам пряностей, голландские торговые компании начали снаряжать экспедиции в далёкие юго-восточные моря.

Главным объектом колониальных интересов Голландии стала Индонезия, где португальское владычество значительно ослабело из-за напряжённых отношений с местным населением. В качестве главного опорного пункта голландцы выбрали о. Яву, поскольку на остров редко заходили португальцы.

Первый голландский корабль прибыл туда 23 июня 1596 г. В 1598 г. голландцы снарядили ещё несколько экспедиций, крупнейшей из которых была экспедиция под командованием Я. Ван Нека. Бантамцы охотно вели

торговлю, поэтому Ван Нек отплыл на родину с четырьмя кораблями, гружёнными перцем. Груз, привезенный Ван Неком, дал прибыль, составившую 100 % по отношению к расходам на экспедицию. Когда на родину вернулись другие корабли и были подведены итоги, объявленная прибыль составила 400 % [3, С. 199].

Постепенно, с конца XVI в., голландское торговое превосходство стало перерастать в политическое владычество над всей территорией и всем населением индонезийских островов. Рост голландского колониального влияния беспокоил Португалию. В 1601 г., португальский флот из тридцати кораблей, отплыл из Малакки, чтобы напасть на Бантам, но командующий голландской эскадрой В. Хармензон с пятью кораблями компании «Ван Верре» отогнал его. Голландцы получили возможность для широкого контрнаступления, однако, не смогли ей воспользоваться. Между тем сохранялась опасность нового нападения со стороны конкурентов, которая усугублялась тем, что многочисленные голландские компании действовали сами по себе, они не могли в одиночку защищать свои торговые суда от испанских и португальских галеонов, что ставило под угрозу весь голландский флот. Кроме того в условиях колониальной торговли крайне негативно на частных голландских компаниях сказывалась роль конкуренции, так как они все могли сконцентрироваться в одном месте, что приводило к острому дефициту колониальных товаров, в то время как в тех местах, где имелся избыток, торговый флот отсутствовал вовсе [4, С. 135].

Исходя из чего, стало необходимым положить конец периоду «беспорядочного вояжирования». Движение за объединение компаний началось в 1600 г., когда создание английской Ост-Индской компании убедило голландцев, что только путем объединения национальных усилий они сумеют закрепить и сохранить то, что они завоевали в период подъема. [3, С. 199].

По предложению великого пенсионария Голландии Олденбарневелта, 20 марта 1602 г. генеральные штаты утвердили Хартию акционерной Объединённой голландской Ост-Индской компании с уставным капиталом в 6,5 млн. гульденов, имевшую монопольное право торговли с Ост-Индией. Таким образом, мелкие торговые компании объединились в одну, способную обеспечить защиту голландских торговых судов и противостоять английской Ост-Индской компании [1, С. 176].

Следует отметить, что Голландская Ост-Индская компания считается прообразом современных акционерных обществ. В виду необходимости снаряжения флотов требовались средства, которые, не смотря на колониальную торговлю, купцы и судовладельцы не могли внести, исходя из чего, к участию в компании стали приглашать сторонних участников. Для их привлечения компания в 1610 г. выпустила акции, которые имели хождение на Амстердамской бирже [4, С. 135].

Акционеры обладали только правами на получение части прибыли и не допускались к участию в управлении компанией. К концу XVII в. в компании насчитывалось 550-600 акционеров [5, с. 44].

Руководство ОИК состояло из шести секции, которые назначали совет из 17 директоров, назначавшихся правительством из числа акционеров, имевших. Совету директоров принадлежал наибольший пакет акций компаний, оцениваемый в 50%. [6, С. 54]. Именно совету принадлежала вся полнота власти в компании. Палаты, представляющие свой город, действовали самостоятельно, они должны были снаряжать суда, принимать вклады со своих членов, предоставлять отчёты вкладчикам, пропорционально распределять прибыль и убытки между участниками, а также посылать своих депутатов в общее собрание компании, определявшее сроки отправления флота и количество судов [5, С. 44].

Голландская ОИК имела ряд важных преимуществ по сравнению с английской. Помимо значительного уставного капитала, который превышал английский практически в 10 раз, компания в основном состояла из крупного купечества, которое было тесно связано с правительственной властью, в виду общих интересов. Как отмечает Е. В. Тарле, купечество и власть были практически совпадающими явлениями, штатгальтеры и законодательные органы исполняли волю компании [7, С. 97]. Кроме того, Голландии, в отличие от Англии не приходилось считаться с давлением социальных сил, выступающих против богачей-монополистов. Голландия всегда имела средства для быстрого регулирования возникающих протестов путём подкупов и подавления, что указывает на то, что ОИК, используя правительство, успешно отстаивала свои интересы.

Роль голландской ОИК для экономики Нидерландов трудно переоценить. Инвестиции в компанию и спекуляции их акциями на Амстердамской бирже были одним из факторов, который обусловил приобретение Амстердамом статуса всемирного финансового центра [8, с. 196].

В первой половине XVII века намечается упадок голландской ОИК, одной из основных причин упадка считается война за испанское наследство (1701-1714 гг.), которая нанесла значительный ущерб экономике страны. Правительство, осознавая необходимость дорогостоящего переоборудования некоторых торговых судов в военные, для защиты караванов, не осуществило его из-за давления купеческой олигархии, в итоге доход от колониальной торговли понизился, и не превышал 80% от довоенного уровня [1, С. 209].

Помимо всего прочего, к началу 1720-х гг. вслед за Англией и Францией многие государства перешли к промышленному меркантилизму, именно он стал основной причиной упадка голландской ОИК. Англия начинала вводить значительные пошлины на вывозимое сырьё, в частности шерсть, вследствие чего голландские мануфактуры перестали получать её в необходимом объёме [9, С. 68].

Конкуренция между государствами в сочетании с распространением новых технологий производства подрывала всемирную голландскую торговую систему, которая не обладала какой-либо промышленной базой. Для развития собственной промышленности в Голландии отсутствовала добыча железной руды и каменного угля. Торгово-ростовщический капитал не позволял стране стать на индустриальные рельсы. В свою очередь, промышленное развитие других европейских стран привело к тому, что их потребность в посреднике, которым являлась Голландия, начала исчезать, поскольку европейские государства получили возможность самостоятельно производить конечные продукты из сырья. В виду неизбежного снижения перевозок простаивал флот компании.

Упадок голландской ОИК усугубляли постоянный конфликт с Британской империей и значительный долг, составивший 110 млн. флоринов к 1796 г. В конечном счёте компания обанкротилась и была распущена в 1799 г. [10].

Итак, для возникновения голландской Ост-Индской компании имелись объективные предпосылки, её развитие было обусловлено преимуществами над конкурентами и значительными доходами от колониальной торговли. Утвердившись на Молуккских островах, она смогла обеспечивать те условия, в которых Голландия считалась страной, богатой свободными капиталами, и обладавшей наибольшим торговым флотом. Снижение торговых оборотов компании в XVIII в., её дальнейший упадок являются отражением господства интересов купеческой олигархии и конкуренции с набравшими силу европейскими странами, взявшими курс на промышленное развитие.

Список литературы / References

1. Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов / Г. А. Шатохина-Мордвинцева. – М. : Дрофа, 2007. – 515 с.
2. Бондиленко Г. Г. История Индонезии / Г. Г. Бондиленко. – М. : Моск. ун-та, 1992. – 299 с.
3. Холл Д. Д. История Юго-Восточной Азии / Д. Д. Холл. – М. : Издательство иностранной литературы, 1958. – 591 с.
4. Гормин А. А. Становление института акционерного общества: историко-правовой анализ / А. А. Гормин // Вестник Новгородского государственного университета, 2013. – № 73. – С. 133-136.
5. Кличко В. Н. Управление акционерными обществами за рубежом: историко-правовые аспекты / В. Н. Кличко // Российское предпринимательство, 2005. – № 6. – С. 42-45.
6. Елкин С. Е. Исторические особенности развития корпоративных отношений / С. Е. Ёлкин // Сибирский торгово-экономический журнал, 2008. – № 7. – С. 53-56.
7. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики / Е. В. Тарле. – М. : «Наука», 1965. – 435 с.
8. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век / Дж. Арриги. – М. : "Территория будущего", 2006. – 470 с.
9. Муравьёва Л. А. Экономическое развитие стран в XVII веке / Л. А. Муравьёва // Финансы и кредит, 2005. – № 36. – С. 63-72.
10. World's oldest share [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.worldsoldestshare.com>, (дата обращения 07.11.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Shatokhina- Mordvintseva G. A. Istoriya Niderlandov [History of the Netherlands] / G. A. Shatokhina-Mordvintseva. – М.: Drofa, 2007. – 515 p. [in Russian]
2. Bondilenko G. G. Istoriya Indonezii [History of Indonesia] / G. G. Bondilenko. – М.: Mosk. un-ta, 1992. – 299 p. [in Russian]
3. Khol D. D. Istoriya Yugo-Vostochnoy Azii [History of Southeast Asia] / D. D. Khol. – М.: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1958. – 591 p. [in Russian]
4. Gormin A. A. Stanovlenie instituta aktsionernogo obshchestva: istoriko-pravovoy analiz [Formation of the Institute of Joint-Stock Company: Historical and Legal Analysis] / A. A. Gormin // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novgorod State University], 2013. – № 73. – P. 133-136. [in Russian]
5. Klichko V. N. Upravlenie aktsionernymi obshchestvami za rubezhom: istoriko-pravovye aspekty [Management of joint-stock companies abroad: historical and legal aspects] / V. N. Klichko // Rossiyskoe predprinimatel'stvo [Russian Entrepreneurship], 2005. – № 6. – P. 42-45. [in Russian]
6. Elkin S. E. Istoricheskie osobennosti razvitiya korporativnykh otnosheniy [Historical features of the development of corporate relations] / S. E. Elkin // Sibirskiy torгово-ekonomicheskii zhurnal [Siberian trade and economic magazine], 2008. – № 7. – P. 53-56. [in Russian]
7. Tarle E. V. Ocherki istorii kolonial'noy politiki [Essays on the history of colonial policy] / E. V. Tarle. – М. : «Nauka», 1965. – 435 p. [in Russian]
8. Arrigi, Dzh. Dolgiy dvadtsatyy vek [The long twentieth century] / Dzh. Arrigi. – М. : "Territoriya budushchego", 2006. – 470 p. [in Russian]
9. Murav'eva L. A. Ekonomicheskoe razvitie stran v XVII veke [Economic development of countries in the XVII century] / L. A. Murav'eva // Finansy i kredit [Finance and credit], 2005. – № 36. – P. 63-72. [in Russian]
10. World's oldest share. URL.: <http://www.worldsoldestshare.com>, (accessed 07.11.2017)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.024>

Теханович А.И.

ORCID 0000-0001-7629-3856, аспирант,

Санкт-Петербургский Государственный Университет

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН «ДОРОЖНАЯ КАРТА» КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СРВ И США**Аннотация**

В последние годы борьба между КНР и США за доминирование в Юго-Восточной Азии набирает обороты. Стороны наращивают не только военно-морские силы в регионе, но и стремятся распространить свое политическое и экономическое влияние на ту или иную страну Юго-Восточной Азии. Вашингтон проводит активную политику по развитию и углублению двусторонних отношений не только с традиционными партнерами, но и с новыми, к которым относится СРВ. Эти действия направлены на создание барьеров против экспансии Пекина в регионе, где Вьетнам занимает одну из ключевых позиций. В статье анализируется процесс нормализации двусторонних отношений Вьетнама и США в конце XX века на основе неофициального плана «Дорожная карта». Подробно рассматриваются предпосылки к восстановлению отношений, поэтапное выполнение плана «Дорожная карта», а также динамика отношений двух стран после установления дипломатических отношений.

Ключевые слова: Вьетнам, США, дорожная карта, нормализация отношений, геополитика.

Tekhanovich A.I.

ORCID 0000-0001-7629-3856, Postgraduate student, St. Petersburg State University

UNOFFICIAL "ROAD MAP" PLAN AS EFFECTIVE METHOD OF NORMALIZATION OF RELATIONS BETWEEN SRV AND USA**Abstract**

The struggle between China and the United States of America for domination in Southeast Asia in recent years is gaining momentum. The parties are not only spreading their naval forces in the region, but are also trying to spread their political and economic influence to one or another country of Southeast Asia. Washington is pursuing an active policy to develop and deepen bilateral relations not only with traditional partners, but also with new ones, and SRV is one of those. These actions are aimed at creating barriers against the expansion of Beijing in a region where Vietnam has one of the key positions. The author analyzes the process of normalization of bilateral relations between Vietnam and the United States at the end of the 20th century on the basis of the unofficial Road map. The prerequisites for the restoration of relations, the phased implementation of the Road Map plan, as well as the dynamics of relations between the two countries after the establishment of diplomatic relations are considered in detail.

Keywords: Vietnam, USA, Road map, normalization of relations, geopolitics.

В последние годы борьба между КНР и США за доминирование в Юго-Восточной Азии набирает обороты. Стороны наращивают не только военно-морские силы в регионе, но и стремятся распространить свое политическое и экономическое влияние на ту или иную страну Юго-Восточной Азии. Вашингтон проводит активную политику по развитию и углублению двусторонних отношений не только с традиционными партнерами, но и с новыми, к которым относится СРВ. Эти действия направлены на создание барьеров против экспансии Пекина в регионе, где Вьетнам занимает одну из ключевых позиций.

С развалом СССР и крахом биполярной системы мирового порядка, начался передел сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на первый план постепенно начинает выходить Китай. Стремясь не только сохранить, но и расширить свое присутствие в ЮВА Вашингтон решил начать процесс нормализации отношений с СРВ.

После окончания вьетнамо-американской войны в 1975 году, дипломатические связи между Соединенными Штатами и Вьетнамом были прерваны на достаточно длительный срок. Появление на карте мира нового государства — Социалистическая Республика Вьетнам, которая стала еще одним членом социалистического лагеря, не устраивало Белый дом. Вашингтон принял решение о введении экономического эмбарго, а также так называемой поправки Джексона-Вэника, которая распространялась на страны социалистического блока, препятствующие эмиграции и нарушающие права человека. Введенные Соединенными Штатами санкции значительно ограничили интеграцию СРВ в мировое сообщество.

Первоначальной целью введенных санкций было оказание давления на Ханой для разрешения вопроса о поисках без вести пропавших солдат американской армии и их возвращении на родину. Однако после 1978 года США предъявили Вьетнаму два новых требования:

— во-первых, Вьетнам должен вывести свои войска из Камбоджи (США рассматривали введение войск в Камбоджу как оккупацию);

— во-вторых, на СРВ оказывалось особое давление с целью прекращения отношений с СССР [1, С. 8].

Несмотря на то, что США придерживались трех основных политических целей, присоединившиеся к санкциям европейские государства и Япония, рассматривали их как способ решения камбоджийской проблемы.

В течение следующего десятилетия сочетание многонациональных санкций, экономической стагнации, ослабления поддержки со стороны Советского Союза привело к тому, что руководство СРВ было вынуждено искать пути выхода из сложившейся ситуации. В декабре 1986 года на VI съезде КПВ было принято решение о проведении политики обновления. Суть курса заключалась в «допущении развития всех социально-экономических укладов, поощрении личной инициативы, ослаблении механизма государственного управления народным хозяйством, а также политика «открытых дверей» [2, С. 262]. В 1989 году было принято решение о продолжении развития сотрудничества с социалистическими странами, одновременно с этим руководство страны взяло курс на налаживание отношений с новыми партнерами, прежде всего с Индией и странами Юго-Восточной Азии [3, С. 31]. Таким образом,

правительство СРВ, начав проводить политику обновления страны, постепенно начинает выказывать открытую заинтересованность в налаживании отношений со всеми западными странами и странами — соседями в регионе. Для достижения своей цели, руководство Вьетнама в 1989 году принимает решение о постепенном выводе своих войск из Камбоджи. Это положительно сказалось на нормализации отношений с КНР, странами-членами АСЕАН и с европейскими государствами. Но, в большей степени все эти мероприятия были необходимы для того, чтобы США сняли торговое эмбарго и Вьетнам смог бы начать интеграцию в мировую экономику и политику, но, при этом, эти события сыграли одну из важнейших ролей в процессе возобновления диалога между двумя странами об установлении дипломатических отношений.

К концу 1989 года две из трех целей санкционного режима США были решены. Однако, если раньше санкции были реальным рычагом давления на Ханой, то уже к 1990 году стало ясно, что они не имеют той силы, которая была раньше поскольку Вьетнам активно развивал торгово-экономические отношения с АСЕАН, КНР, Японией и европейскими странами. Таким образом, потери от введенных санкций несли уже сами Соединенные Штаты, а не Вьетнам. Это привело к тому, что Вашингтон был вынужден пересмотреть свою политику в отношении СРВ.

9 апреля 1991 года на встрече заместителя Госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихого Океана Ричарда Соломона с представителем СРВ в ООН Чинь Суан Лангом американской стороной был предложен план «Дорожная карта», который предполагал последовательное выполнение четырех этапов, в ходе которых Вашингтон будет постепенно ослаблять политические и экономические ограничения в отношении Вьетнама [4]. В свою очередь, Ханой должен продолжать сотрудничество по поиску останков американских солдат, поддержать мирное урегулирование камбоджийского вопроса и не препятствовать эмиграции в США.

Таблица 1 – Этапы нормализации двусторонних отношений в соответствии с «Дорожной картой» [1, С. 9]

Этап	План мероприятий	Срок реализации
Этап 1	снятие запрета на посещение СРВ американскими гражданами	1992 г.
Этап 2	разрешение американским компаниям вести дела на территории СРВ	1993 г.
Этап 3	снятие эмбарго на торговлю и инвестиции	03 февраля 1994 г.
Этап 4	предоставление СРВ режима наибольшего благоприятствования в торговле	2001 г.

Хотя данная «Дорожная карта» никогда не была официально подписана ни одной из сторон, она стала фактической основой для двустороннего сближения СРВ и США. В соответствии с пониманием «Дорожной карты» Ханой активизировал сотрудничество с правительством США по поиску останков без вести пропавших солдат, а также передал американской стороне документы с информацией о пропавших солдатах армии США. В октябре 1991 года Вьетнам продемонстрировал свою приверженность региональному миру и стабильности, подписав мирное соглашение ООН по Камбодже. В ответ на эти достижения президент Дж. Буш-старший снял запрет для американских граждан на поездки во Вьетнам. В декабре 1992 года Дж. Буш выполнил следующее обязательство Вашингтона: было принято решение о частичном снятии экономических санкций, что позволило СРВ получать гуманитарную помощь, а американские компании получили право на открытие своих официальных представительств во Вьетнаме и ведение на его территории ограниченной деятельности [5, С. 3].

Процесс нормализации двусторонних отношений продолжился при администрации президента США Билла Клинтона. После визита в Ханой американской правительственной делегации, целью которой было исследование экономической ситуации в стране, правительству США было рекомендовано отменить торговое эмбарго на торговлю с Вьетнамом. 3 февраля 1994 года президент Клинтон, снял 19-летние торговые санкции. Этот шаг имел важное значение для обоих государств и позволил вьетнамско-американским отношениям перейти от длительного периода конфронтации к двустороннему сотрудничеству.

Положительные изменения в сфере экономических и внешнеполитических отношений способствовали началу процесс нормализации дипломатических отношений между Вьетнамом и Соединенными Штатами. 11 июля 1995 года президент США Билл Клинтон и премьер-министр СРВ Во Ван Киет заявили о нормализации двусторонних отношений между странами и об установлении дипломатических отношений между государствами [6, С. 9-10].

Конечным этапом «Дорожной карты» должно было стать предоставление Вьетнаму режима наибольшего благоприятствования в торговле. Для достижения этой цели в июне 1998 г. Б. Клинтон подписал резолюцию о приостановлении действия поправки Джексона-Вэника в отношении Вьетнама и после девяти раундов переговоров 13 июля 2000 г. стороны подписали торговое соглашение, которое было ратифицировано в 2001 г. Это событие означало успешную реализацию плана «Дорожная карта» и нормализацию отношений между СРВ и США [7, С.1].

Необходимо отметить, что несмотря на предпринятые шаги по нормализации двусторонних отношений, американская сторона продолжала рассматривать Вьетнам в качестве идеологического противника и с помощью психоинформационных технологий формировала негативный образ Вьетнама в подконтрольных СМИ. Данная проблематика подробно освещена в статье В.Н. Колотова «Психотехнологии в информационных войнах: анатомия одной публикации о Вьетнаме» [8, С. 106-122]. Однако, такая политика не имела должного успеха.

Решение Вашингтона о прекращении политики изоляции было обусловлено американскими национальными интересами во Вьетнаме. Примечательно, что несмотря на идеологические противоречия, права человека не занимали особого внимания в санкционной политике США против Ханоя, равно как и демократизация страны. Это было

необычно, поскольку почти вся политика введения односторонних санкций Вашингтона имела сильный упор на права человека и/или политические реформы. В «Дорожной карте» президента Буша 1991 года не упоминалось об этих проблемах. Ее суть была вписана в контекст американских интересов в АТР в этот период и не накладывала никаких обязательств на вьетнамскую сторону в отношении демократизации страны, прав человека или национальной безопасности, которые были ключевыми моментами других односторонних санкций США в отношении Кубы, Ирана и Мьянмы в то время.

Успешной реализации «Дорожной карты» в значительной степени способствовали не только международная обстановка и внешнеполитическая стратегия США, но и давление внутри страны. Нормализацию отношений с Вьетнамом активно поддерживали три важные группы:

— американское деловое сообщество, которое стремилось положить конец торговому эмбарго и полностью нормализовать экономические отношения;

— этнические вьетнамцы, проживающие на территории США

— ветераны вьетнамо-американской войны, в том числе и видные политические деятели, такие как Джон Маккейн и Пит Петерсон (первый американский посол в СРВ), оба из которых были военнопленными во время конфликта [1, С. 10-11].

Наконец, вместо того, чтобы угрожать более сильными мерами или требовать абсолютного выполнения американских условий «Дорожная карта» Буша подчеркивала постепенный процесс нормализации двусторонних отношений, который не требовал больших разовых уступок. Хотя односторонние санкции в отношении Вьетнама не стали эффективным средством воздействия на политику государства, пошаговая «Дорожная карта» Вашингтона по нормализации двусторонних отношений была важным нововведением, которое позволило обеим странам более легко выйти из режима санкций.

Нормализация двусторонних отношений создала благоприятные условия для интеграции Вьетнама в мировое сообщество. Правительство СРВ приложило все усилия для того, чтобы их страна могла на равных участвовать в торгово-экономических процессах. Что же касается США, то они получили доступ к вьетнамскому рынку. На сегодняшний день двусторонние отношения между СРВ и США активно развиваются во всех областях и в 2013 г. были выведены на уровень всестороннего партнерства. Занимая важное геополитическое положение, имея стабильный политический режим, обеспечивающий устойчивое социально-экономическое развитие, Вьетнам выгодно отличается от традиционных союзников Соединенных Штатов в регионе. Кроме того, вьетнамская экономика, которая, несмотря на мировой экономический кризис, продолжает развиваться и представляет большой интерес для американских инвесторов. В 2015 г. Соединенные Штаты заняли первое место по экспорту продукции из Вьетнама, что составляет 18% от общего экспорта СРВ.

В последние годы СРВ занимает одну из ключевых позиций во внешнеполитическом курсе Вашингтона в Юго-Восточной Азии. Поэтому американская сторона прикладывает значительные усилия для превращения Ханоя в своего союзника, который может стать серьезным противником Китая в случае эскалации конфликта в регионе. С этой целью США отменили в 2016 г. запрет на продажу летального оружия, а также используют СМИ для дискредитации традиционных партнеров Вьетнама, в том числе и России. Так, незадолго до визита президента США Барака Обамы во Вьетнам в некоторых вьетнамских СМИ началась антироссийская информационная кампания с целью дискредитации политики РФ в сфере военного сотрудничества с Вьетнамом. Тед Осиус, посол США в СРВ с 2014 по 2017 гг., разместил на своей странице в социальной сети Facebook статью экс-посла Вьетнама в США Ле Ван Банга под названием «Экс-посол Ле Ван Банг: Россия только продает оружие, а США могут помочь Вьетнаму» [9, С. 118-119]. Все это говорит о том, что американская сторона планомерно продолжает свою традиционную линию на ослабление российско-вьетнамских отношений.

В конце XX в. укрепление двусторонних отношений с США не входило в число приоритетных задач внешнеполитического курса СРВ, который, в первую очередь, был направлен на укрепление отношений со странами — соседями и странами — членами АСЕАН. Однако, в последнее время наблюдается стремление вьетнамского руководства развивать дружеские отношения не только с традиционными партнерами, но и с новыми — США. Это обуславливается геополитической ситуацией в регионе, поскольку усиление Китая является традиционной угрозой для национальной безопасности Вьетнама, что подтверждается результатом анализа угроз Вьетнаму за последние 500 лет в соответствии со следующей закономерностью: «подъем Китая — всегда угроза национальной безопасности Вьетнама» [10, С. 69]. Динамичное развитие вьетнамо-американских двусторонних отношений позволяет Ханю значительно снизить зависимость от Пекина.

Список литературы / References

1. Babson Oliver. Diplomacy of isolation United States. Unilateral sanctions policy and Vietnam 1975 — 1995 [Electronic resource] // 2002. — URL: <https://wenku.baidu.com/view/1b8bae0b52ea551810a6879e.html> (дата обращения: 12.12.2017).
2. Новакова О.В., Цветов П.Ю. История Вьетнама. Ч.2 — М., 1995. — 272 с.
3. Văn kiện Hội nghị lần thứ sáu Ban Chấp hành Trung ương Khoá VI Đảng Cộng sản Việt Nam. Hà Nội, 1989.
4. Oberdorf Don. U.S. Details plan for normalizing Vietnam relations [Electronic resource] // The Washington Post. — 1994. — 10 April. — URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/04/10/us-details-plan-for-normalizing-vietnam-relations/65f555fb-2a73-4b90-a562-4251614e75b6/?utm_term=.3d967ec252c2 (дата обращения: 14.12.2017).
5. Manyin Mark E. The Vietnam — U.S. Normalization Process [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — 2005. — 17 June. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IB98033.pdf> (дата обращения: 14.12.2017).
6. Manyin Mark E. U.S. - Vietnam Relations: Background and Issues for Congress [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — 2008. — 31 October. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33316.pdf> (дата обращения: 13.12.2017).
7. Manyin Mark E. The Vietnam-U.S. Bilateral Trade Agreement [Electronic resource] // US — Vietnam Trade Council. — 2001. — 11 December. — URL: <http://www.usvtc.org/info/crs/CRS-BTA-Dec01.pdf> (дата обращения: 13.12.2017).

8. Колотов В. Н. Психотехнологии в информационных войнах: анатомия одной публикации о Вьетнаме // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 106–122. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.109.
9. Колотов В.Н. Навстречу XII съезду КПВ: анализ внутривосточной ситуации и международной обстановки // Вьетнамские исследования. Выпуск 6. Вьетнам: 70 лет независимости. 2016. С. 118–119.
10. Колотов В.Н. Евразийская дуга нестабильности: история формирования, современное состояние и перспективы на будущее // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки / Отв. ред. В.Н. Колотов. — СПб., 2013. С. 58–76.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babson Oliver. Diplomacy of isolation United States. Unilateral sanctions policy and Vietnam 1975 — 1995 [Electronic resource] // 2002. — URL: <https://wenku.baidu.com/view/1b8bae0b52ea551810a6879e.html> (accessed: 12.12.2017).
2. Novakova O.V., Cvetov P.Ju. Istorija V'etnama. Ch.2 [History of Vietnam. Part 2] — M., 1995. 272 p. [in Russian]
3. Văn kiện Hội nghị lần thứ sáu Ban Chấp hành Trung ương Khoá VI Đảng Cộng sản Việt Nam. Hà Nội, 1989.
4. Oberdorf Don. U.S. Details plan for normalizing Vietnam relations [Electronic resource] // The Washington Post. — 1994. — 10 April. — URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/04/10/us-details-plan-for-normalizing-vietnam-relations/65f555fb-2a73-4b90-a562-4251614e75b6/?utm_term=.3d967ec252c2 (accessed: 14.12.2017).
5. Manyin Mark E. The Vietnam — U.S. Normalization Process [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — 2005. — 17 June. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IB98033.pdf> (accessed: 14.12.2017).
6. Manyin Mark E. U.S. - Vietnam Relations: Background and Issues for Congress [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — 2008. — 31 October. — URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33316.pdf> (accessed: 13.12.2017).
7. Manyin Mark E. The Vietnam-U.S. Bilateral Trade Agreement [Electronic resource] // US — Vietnam Trade Council. — 2001. — 11 December. — URL: <http://www.usvtc.org/info/crs/CRS-BTA-Dec01.pdf> (accessed: 13.12.2017).
8. Kolotov V. N. Psihotehnologii v informacionnyh vojnah: anatomija odnoj publikacii o V'etname [Psychotechnologies in information wars: anatomy of a single publication on Vietnam] // Vestnik SPbGU. Vostokovedenie i afrikanistika. [Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental studies and African studies] — 2017. — Vol. 9. — №. 1. — P. 106–122. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.109. [in Russian]
9. Kolotov V.N. Navstrechu XII sezdju KPV: analiz vnutripoliticheskoj situacii i mezhdunarodnoj obstanovki [Towards the XII Congress of the CPV: an analysis of the domestic political situation and the international environment] // V'etnamskie issledovanija. Vypusk 6. V'etnam: 70 let nezavisimosti. [Vietnamese studies. Issue 6. Vietnam: 70 years of independence] 2016. P. 107–123. [in Russian]
10. Kolotov V.N. Evrazijskaja duga nestabil'nosti: istorija formirovanija, sovremennoe sostojanie i perspektivy na budushhee [The Eurasian arc of instability: the history of formation, the current state and prospects for the future] // Evrazijskaja duga nestabil'nosti i problemy regional'noj bezopasnosti ot Vostochnoj Azii do Severnoj Afriki [The Eurasian arc of instability and the problems of regional security from East Asia to North Africa] / edited by V.N. Kolotov. — SPb., 2013. P. 58–76. [in Russian]

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.018>

Тюшняков С.М.

Соискатель

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 16-32-01081/16) «Инновации в системе управления отраслью в чрезвычайных условиях на примере танковой промышленности Урала в 1940-е годы»***ПРОИЗВОДСТВО АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ ДЛЯ ТАНКОВ И САУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****Аннотация**

Автором статьи на основе архивных документов рассмотрен сюжет создания и производства в годы Великой Отечественной войны советскими конструкторскими бюро вооружения для оснащения танков и самоходных артиллерийских установок. Приводятся табличные данные включающие сведения и сравнительные характеристики орудий, отмечены работы конструкторских бюро, внесших наибольший вклад в разработку и внедрение в валовое производство лучших образцов боевой техники. Отдельное внимание в статье уделяется таким выдающимся конструкторам артиллерийского вооружения, как Василий Гаврилович Грабин и Федор Федорович Петров.

Ключевые слова: Наркомат Вооружения, Великая Отечественная война, танки, САУ, артиллерийские орудия.

Tyushnyakov S.M.

Postgraduate student, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The paper was financially supported by the grant of the Russian State Scientific Innovation Fund (project No. 16-32-01081/16) "Innovations in the management system of the industry in emergency conditions using the example of the Ural tank industry in the 1940s"

PRODUCTION OF ARTILLERY TUBES FOR TANKS AND SPGs DURING PERIOD OF GREAT PATRIOTIC WAR**Abstract**

The author considered the plot of the development and production of weapons for equipping tanks and self-propelled artillery systems by the Soviet design weapon development laboratories during the Great Patriotic War. The table data including information and comparative characteristics of tools is given, the work of design weapon development laboratories that have made the greatest contribution to the development and introduction of the best models of military equipment in gross production is considered. A special attention in the article is paid to such outstanding designers of artillery weapons as Vasily Gavrilovich Grabin and Fedor Fedorovich Petrov.

Keywords: People's Commissariat of Armament, Great Patriotic War, tanks, self-propelled guns, artillery pieces.

В годы Великой Отечественной войны артиллерийская промышленность Наркомата Вооружения поставляла для нужд фронта не только высококачественные образцы полкового, дивизионного, корпусного вооружения, зенитных, противотанковых орудий и орудий РГК. Часть этих предприятий разрабатывала и производила пушки для оснащения танков и самоходных артиллерийских установок. Благодаря синергии выдающихся умов конструкторов артиллерии и танкостроения советская армия имела превосходные образцы боевых машин серии «Т», «КВ», «ИС». Как напоминание о том суровом времени, эти машины стали символом Победы и были увековечены в металле на постаментах и площадях разных стран и городов.

Тема танкостроения периода военного лихолетья имеет давний и повышенный интерес исследователей, что не относится в той же мере к теме производства артиллерийского производства [3, Л. 44–47, 121–131], [4, Л. 11–42], [5, Л. 190–245], [6], [7, Л. 89–194], [8, Л. 67–130], [9, Л. 56–69, 139–143, 224], [10], которая на сегодняшний день менее исследована.

К началу войны танки Красной Армии были вооружены следующими орудиями:

Таблица 1 – Танковое вооружение РККА перед войной [1, Л. 17].

Наименование орудия	Начальная скорость м/сек	Вес снаряда кг.	Бронепробиваемость на 500 м при $\alpha=0^\circ$
45 мм танковая пушка обр. 1937г. «20-К»	760	1,4	48
76 мм танковая пушка обр. 1940г. «Ф-34»	680	6,2	92
76 мм танковая пушка обр. 1941г. «ЗИС-5»	680	6,2	92

Чтобы успешно противостоять боевой мощи противника Отечественной промышленности в чрезвычайных условиях, в кратчайшие сроки пришлось решать вопросы, которые ставила война. Массовое применение танков с самого начала войны и непрерывное увеличение их бронезащиты выдвинули перед Наркоматом Вооружения следующие задачи:

- Перевооружить танки более мощной артиллерией.
- Создать более мощные орудия для новых танков.

Конструкторскими бюро НКВ во время войны были разработаны и введены на вооружение Красной Армии следующие орудия:

Таблица 2 – Танковые орудия, разработанные и принятые на вооружение в годы войны [1, Л. 17.]

Системы	Калибр мм	Начальная скорость м/сек	Вес снаряда кг.	Бронепробиваемость на 500 м при $\alpha=0^\circ$	Тип танка
85 мм танковая пушка обр. 1944 г. «ЗИС-С53» ЦАКБ	85	800	9,2	111	«Т-34»
85 мм танковая пушка обр. 1944 г. «Д5-Т-85» завода № 9	85	800	9,2	111	«Т-34»
122 мм танковая пушка обр. 1943 г. «Д-25» завода № 9	121,9	781	25	150	«ИС-2»

В целях дальнейшего развития танковой артиллерии были разработаны, изготовлены и испытаны опытные образцы пушек:

Таблица 3 – Опытные образцы танковых орудий [1, Л. 18.]

Наименование орудий	Калибр мм	Начальная скорость м/сек	Вес снаряда кг.	Бронепробиваемость на 500 м при $\alpha=0^\circ$	Тип танка
85 мм стабилизированная танковая пушка «ЗИС С-54» завода № 92	85	900	9,2	131	«Т-34»
85 мм танковая пушка «Д5-Т85-ПМ» завода № 9	85	900	9,2	131	«Т-34»
85 мм танковая пушка «Д10-85» завода № 9	85	1050	9,2	160	«Т-34»
100 мм танковая пушка «Д-10Т» завода № 9	100	900	15,6	160	«Т-34»
100 мм танковая пушка «КС-Д10» заводов 9 и 8	100	900	15,6	160	«Т-34»
100 мм танковая пушка «ЗИС-100» завода № 92	100	900	15,6	160	«Т-34»
122 мм танковая пушка «Д-30» завода № 9	121,9	890	25	157	ИС-2

По данным таблиц 2 и 3, мы видим, что среди производителей систем лидировали КБ завода № 9 (г. Свердловск) и Центральное артиллерийское конструкторское бюро (ЦАКБ) – г. Калининград (ныне – г. Королев). Также упоминается завод № 92 (г. Горький). Это была своеобразная конкуренция двух сильных коллективов, руководимых талантливыми конструкторами – Федором Федоровичем Петровым, работавшим до войны на «Мотовилихе» (завод № 172, г. Молотов, ныне - Пермь) и Василием Гавриловичем Грабиным, создателем знаменитого орудия ЗИС-3, чей труд был отмечен сначала на заводе № 92, а затем на руководимом им ЦАКБ. Примечательно, что КБ №9 и ЦАКБ начали свою работу осенью 1942 г.

Результатом работы отечественных КБ стало увеличение начальной скорости танковой артиллерии с 680 (76мм пушка) до 800 м/сек, а в опытных образцах до 1050 м/сек, бронепробиваемость увеличилась с 92 до 150 мм, а в опытных образцах до 160 мм [2, Л. 7].

При создании новых танковых пушек решался ряд сложных технических вопросов: повышение живучести стволов, разработка составных стволов, стабилизация орудия на качке, конструирование противооткатных устройств и т.д. В соответствии с опытом боевой эксплуатации производились работы по усовершенствованию существующих танковых пушек: фрикционные подъемные механизмы, новые прицелы, новые спусковые механизмы, установка крупнокалиберных зенитных пулеметов и т.д [1, Л. 18.].

Еще более интересной ситуация была относительно САУ. К началу войны Красная Армия имела на вооружении весьма неплохие образцы танкового вооружения, но совсем не располагала самоходной артиллерией. Нарком Вооружения в годы войны, Д.Ф. Устинов, в своих воспоминаниях отмечал, как в конце ноября 1942 г. ему позвонил И.И. Сталин, которого интересовала ситуация с созданием самоходок. Поскольку ситуация была неутешительная, вопрос вскоре был рассмотрен на заседании ГКО. На нем И.И. Сталин отметил, что необходимо наладить производство самоходной артиллерии. «Мы вынуждены торопиться с ее созданием по двум причинам. Во-первых, нашим войскам нужно подвижное и мощное оружие, способное в наступлении сопровождать танки и пехоту, уничтожать различные укрепления противника. Во-вторых, стало известно, что в Германии ведется работа над созданием тяжелых танков и штурмовых самоходных орудий. Значит, мы должны иметь достаточно мощное оружие против них» [10, Л. 196]. После докладов наркомов В.А. Малышева и Д.Ф. Устинова было подготовлено распоряжение ГКО, согласно которому наркоматы вооружения и танковой промышленности обязывались в кратчайший срок освоить производство новых систем самоходных артиллерийских установок (САУ) на базе имевшихся образцов танков и артиллерии. В системе наркомата вооружения задача по производству орудий для САУ возлагалась на заводы, возглавляемые А. И. Быховским (завод № 172), Л. Р. Гонором (завод № 9), А. С. Еляном (завод № 92), Б. А. Фраткиным (завод №8) и Ф. К. Чеботаревым (завод № 235). [10, Л. 196]. Четыре из пяти указанных заводов являлись уральскими и приуральскими предприятиями.

Создание САУ производилось на базе шасси существующих танков, с применением баллистики и боеприпасов сухопутной и морской артиллерии. В соответствии с тактико-техническими требованиями Наркомата Обороны и в значительной мере по инициативе работников Наркомата Вооружения конструкторскими бюро НКВ был разработан, изготовлен в короткие сроки и введен на вооружение Красной Армии следующие самоходные орудия:

Таблица 4 – Орудия для САУ принятые на вооружение в годы войны [1. Л. 19.]

Наименование орудий	Калибр мм	Начальная скорость м/сек	Вес снаряда кг.	Бронепробиваемость на 500 м при $\alpha=0^\circ$
76 мм самоходная пушка обр. 1943г. «СУ-76» завода № 92	76,2	662	6,5	73
85 мм самоходная пушка обр. 1943г. «Д5-С85» завода № 9	85	800	9,2	111
100 мм самоходная пушка обр. 1944г. «Д10-С» завода № 9	100	900	15,6	160
122 мм самоходная гаубица обр. 1942г. «СУ-122» завода № 172	121,9	515	21,7	-
122 мм самоходная пушка обр. 1943г. «Д-25С» завода № 9	121,9	781	25	150
122 мм самоходная пушка обр. 1944г. «А-19С» завода № 172	121,9	800	85	157
152 мм самоходная пушка обр. 1943 г. «МЛ-20С» завода № 172	152,4	600	48,8	132

Кроме того, были разработаны и изготовлены опытные образцы самоходных орудий более совершенных и более мощных, которые к концу войны не были закончены отработкой и работа над которыми продолжалась в последующем.

Таблица 5 – Опытные образцы самоходных орудий [1. Л. 20]

Наименование орудий	Калибр мм	Начальная скорость м/сек	Вес снаряда кг.	Бронепробиваемость на 500 м при $\alpha=0^\circ$
85 мм самоходная пушка «БЛ-2» завода № 92 на шасси легкого танка	85	800	9,2	111
85 мм самоходная пушка «Б-13р» завода № 235 на шасси легкого танка	85	800	9,2	111
85 мм самоходная пушка большой мощности «Д10-С85» завода № 9	85	1050	9,2	160
122 мм самоходная пушка «БЛ-9» ОКБ-172	121,9	1000	25	216
122 мм самоходная пушка «С-26-1» ЦАКБ	121,9	1000	25	216
130 мм самоходная пушка «С-26» ЦАКБ	130	900	33,5	207
152 мм самоходная пушка «БЛ-10» ОКБ-172	152,4	880	49	238
152 мм самоходная гаубица «МЛ-20СМ»	152,4	600	48,8	132
152 мм открытая самоходная установка С-59 ЦАКБ	152,4	880	49	238
203 мм открытая самоходная установка С-59 ЦАКБ	203,2	607	100	-

Разработка новых самоходов была связана с решением ряда сложных технических вопросов: рациональное размещение всех механизмов в относительно малых габаритах, повышение живучести стволов, продувание орудий, переделка боеприпасов для повышения скорострельности, механизация заряжания, разработка специальных подъемных механизмов и т.д [1. Л. 20].

Кроме упомянутых ранее КБ 9 и ЦАКБ (таблица 2 и 3), которые делили первенство в деле создания вооружения для танков, в создании пушек для САУ активно подключились конструкторские бюро завода № 172 им. В.М. Молотова и ОКБ-172, руководимое М.Ю. Цирульниковым (г. Молотов) (таблица 4 и 5). Мотовилихинцы удачно доработали и адаптировали известные орудия А-19 и МЛ-20, ранее выпускавшиеся на их заводе и соответствующих калибру 122 и 152 мм для установки на самоходы. В свою очередь, благодаря широкой унификации производства, на КБ Ф.Ф. Петрова, орудия 85, 100 и 122 мм, созданные для танков, были удачно адаптированы и для САУ.

Отечественными конструкторами и производственниками в годы Великой Отечественной войны был проделан большой и достойный труд в деле создания вооружения для оснащения танков и САУ. Война стала жестким испытанием на прочность как людей, так и машин, а также вызовом для лучших умов воюющих сторон. Благодаря

самоотверженной работе коллективов конструкторов во главе с такими талантами, как В.Г. Грабин, Ф.Ф. Петров, М.Ю. Цирульников и другие, был внесен колоссальный вклад в Победу и мощный задел в конструкторской мысли на десятилетия вперед.

Список источников и литературы / References

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 8157. Оп. 1. Д. 2927. Отчет о технической работе Наркомата Вооружения СССР за годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) Л. 17-20.
2. РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 2928. Краткий отчет о технической работе Наркомата Вооружения за годы войны.
3. Агеев С.С. Неизвестный Уралмаш. История и судьбы: 1933 - 2003/ С.С. Агеев. - Екатеринбург : Ур. лит. агентство, 2003. - 499 с.
4. Жизнь отданная артиллерии. Воспоминания о Ф.Ф. Петрове. / Под ред. А.Н. Ксенофонтова, В.И. Ланцева. - Екатеринбург : ФГУП «Завод № 9», 2003. - 105 с.
5. Завод им. М.И. Калинина. История и судьбы. / С. Агеев, Ю. Бриль, Ю. Горбунов и др. - Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2012. - 463 с.
6. Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. / - М.: Политиздат, 1980. - 423 с.
7. Агеев С., Гусев М. На службе Отечеству. Завод № 9. История и судьбы. / С. Агеев, М. Гусев. - Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2013. - 338 с.
8. Нас объединяет Победа. Завод № 235 в Отечественной войне 1941-1945 [Электронный ресурс] URL: <http://www.vzavod.ru/chronicles/1941-1945-gg>. (дата обращения 15.11.2017).
9. Оружие победы. Под общ. ред. В. Н. Новикова / - М.: Машиностроение, 1985. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/tw/sb_oruzhiypobedy/index.html (дата обращения 15.11.2017).
10. Устинов Д. Ф. Во имя Победы. / Д.Ф. Устинов. - М.: 1988. [Электронный ресурс] URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/ustinov/index.html> (дата обращения 15.11.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE) F. 8157. Op.1. D. 2927. Otchet o tekhnicheskoy rabote Narkomata Vooruzheniya SSSR za gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945 gg.) L. 17-20. [The Russian State Archive of Economics (RSAE). Report on the technical work of the USSR People's Commissariat of Armaments for the years of the Great Patriotic War (1941-1945) L. 17-20.] F. 8157. Op.1. D. 2927. [In Russian]
2. RGAE. F. 8157. Op. 1. D. 2928. Kratkiy otchet o tekhnicheskoy rabote Narkomata Vooruzheniya za gody voyny. [RSAE. Brief report on the technical work of the People's Commissariat of Armaments for the war years.] F. 8157. Op. 1. D. 2928. [In Russian]
3. Ageyev S. S., Bril' YU. Neizvestnyy Uralmash: 1933-2003: istoriya i sud'by. [Unknown Uralmash: 1933-2003: history and destiny.] /author and originator.: S. Ageyev, YU. Bril'. - Yekaterinburg : Ur. lit. agentstvo, 2003. - 499 P. [In Russian]
4. Zhizn' otdannaya artillerii. Vospominaniya o F.F. Petrove. [Life given to artillery. Memories of F.F. Petrov.] / edited by A.N. Ksenofontova, V.I. Lantseva. - Yekaterinburg : FGUP «Zavod №9», 2003. - 105 P. [In Russian]
5. Zavod im. M.I. Kalinina. Istoriya i sud'by. [Plant them. M.I. Kalinin. History and destiny.] / S. Ageyev, YU. Bril', YU. Gorbunov and others. - Yekaterinburg : Ural'skoye literaturnoye agenstvo, 2012. - 463 P. [In Russian]
6. Kuznitsa Pobedy: Podvig tyla v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Ocherki i vospominaniya. [Forge of Victory: Feat of the rear during the Great Patriotic War. Essays and memoirs.] - M.: Politizdat, 1980. - 423 P. [In Russian]
7. Ageyev S. Na sluzhbe Otechestvu. Zavod № 9. Istoriya i sud'by. [In the service of the Fatherland. Plant number 9. History and fate.] / S. Ageyev, M. Gusev, - Yekaterinburg : Ural'skoye literaturnoye agentstvo, 2013. - 338 P. [In Russian]
8. Nas ob'yedinyayet Pobeda. Zavod № 235 v Otechestvennoy voyne 1941-1945 [We are united by Victory. Plant number 235 in the Patriotic War of 1941-1945.] [Electronic resource] URL: <http://www.vzavod.ru/chronicles/1941-1945-gg>. (accessed: 15.11.2017). [In Russian]
9. Oruzhiye pobedy. Pod obshch. red. V. N. Novikova, [The weapon of victory] - M.: Mashinostroyeniye, 1985. [Electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/tw/sb_oruzhiypobedy/index.html (accessed: 15.11.2017). [In Russian]
10. Ustinov D. F. Vo imya Pobedy. [In the Name of Victory] - M.: 1988. [Electronic resource] URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/ustinov/index.html> (accessed: 15.11.2017). [In Russian]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGY**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.066>****Гудулова Г.О.**¹ORCID: 0000-0002-6001-4936, аспирант кафедры политологии,

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ОСНОВЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ**Аннотация**

Общественное мнение является одним из важных компонентов политической системы, который влияет на её легитимность. Статья нацелена на раскрытие сущности и структуры общественного мнения. Уделено внимание актуальным проблемам формирования данного феномена. Ключевой тезис состоит в том, что общественное мнение не отражает реальной картины происходящего, а является субъективным восприятием проблемы группами или общностями. Учитывая особенности общественного мнения и зная его структур, специалисты, ответственные за PR, могут, используя специальные приемы, формировать нужное отношение к возникающей проблеме или ситуации.

Ключевые слова: общественное мнение, spin-doctor, пирамида потребностей, спираль молчания, PR.

Gudulova G.O.¹ORCID: 0000-0002-6001-4936, Postgraduate student of the Department of Political Science,

Herzen State Pedagogical University of Russia

STRUCTURE OF PUBLIC OPINION AND ITS FORMATION BASIS**Abstract**

A public opinion is one of the important components of a political system, affecting its legitimacy. The paper is aimed at revealing the essence and a structure of a public opinion. The attention is paid to the actual problems of the formation of this phenomenon. The key thesis is as follows: public opinion does not reflect the real picture of what is happening, but is a subjective perception of the problem by groups or communities. Taking into account the peculiarities of a public opinion and knowing its structures, specialists responsible for PR can form the right attitude to the emerging problem or situation with a help of special methods.

Keywords: public opinion, spin-doctor, pyramid of needs, spiral of silence, PR.

Изучению общественного мнения и факторам, влияющим на его формирование, посвящено множество научных трудов и публикаций. «Интерес к общественному мнению как к публичному существовал еще в Античности. Уже в трудах Платона, Сократа, Протагора, Аристотеля мы находим интерпретации понятия общественного мнения, первые попытки осознания его роли и значения в общественной жизни» [3]. Большая часть трактовок была связана с толкованием данного понятия через анализ взаимоотношений индивида и государства, различных социальных групп и правящей элиты.

Единого определения термина не существует, так как различными отраслями знаний феномен общественного мнения определяется в зависимости от объекта и предмета изучения. «В научной литературе существует около 30 разнообразных определений понятия «общественное мнение», что отражает сложность и многоаспектность этого явления. Каждая из дефиниций обычно акцентирует внимание на той или иной стороне или проявлении общественного мнения и связана с определенным подходом к ее анализу» [9]. В обобщенном виде можно определить общественное мнение как совокупность взглядов, убеждений, установок на определенную проблему конкретными группами или общностями. «Содержание общественного мнения — все общественно важные вопросы, вопросы общественного бытия; носители общественного мнения — это люди, готовые и способные со всей ответственностью высказаться по общественно значимым вопросам и осуществлять критику и контроль правительства снизу; формы общественного мнения — это такие мнения, которые высказываются публично, т.е. общедоступно, это опубликованные мнения, особенно мнение средств массовой информации» [8, С. 103].

В зависимости от объекта восприятия можно определить масштабы охвата общественного мнения. Если проблема имеет общезначимый характер, то общественное мнение будет массовым и охватывать большую часть населения. Например, выборы. Это волеизъявление большинства и вопрос, связанный с выбором кандидата для того, чтобы проголосовать и принять решение — затрагивает практически все взрослое население нашей страны, обладающее правом голоса.

Общественное мнение не является истиной и не гарантирует объективности оценок и выражений. «Общественное мнение — это отнюдь не мнение экспертов. Оно не обязательно логично и рационально» [11, С. 143]. Общественное мнение в большинстве случаев носит субъективный характер, т.к. складывается под воздействием множества факторов, таких как информационные потоки, поступающие той или иной группе, которые приобретают черты субъективизма, проходя через социальные, религиозные, культурные особенности и ценности, господствующие в обществе и присущие индивиду или группе. «Общественное мнение — не массовое сознание, а совокупность оценок и представлений, которые могут объединять какую-либо группу (локальные точки зрения) или, что возможно, большинство людей (массовые точки зрения). Однако эти оценки влияют на политическую атмосферу в обществе, формируют поведение масс и обладают смыслом и значением для людей, облеченных властью» [3, С. 72].

Таким образом, общественное мнение не отражает реальной картины происходящего и обретает специфические особенности и взгляды на проблему. При исследовании общественного мнения на первое место выступает изучение предпочтений субъекта общественного мнения, особенностей восприятия для последующей работы с электоратом, если речь идет о предвыборных кампаниях, или для формирования лояльности к действующему режиму и существующей политической системе. Это позволяет полагать, что, изучив его строение, можно использовать механизмы, которые бы позволили сформировать ту или иную позицию по определенному вопросу.

Существует множество подходов и теорий, с помощью которых пытаются структурировать общественное мнение. Например, по субъекту выражения общественного мнения. Юрген Хабермас рассуждает о том, что субъектом общественного мнения может быть только господствующий класс, элитарные социальные группы. «Публика, согласно Хабермасу, — это не народ, не масса, не большинство населения, не «все»; она состоит из тех, кто может резонировать на собраниях, в кафе и пивных, в салонах и на страницах газет; она состоит из образованных слоев населения, владеющих собственностью. Они считают себя носителями истины, которая должна быть признана всеми. Основная задача их резонирования состоит в том, чтобы «законным образом» устранить противоречия в интересах существующего государства и буржуазного общества» [6, С. 9]. Следовательно, общественное мнение является всегда официальным, отражающим мнение «элитарных групп». Общественное мнение он рассматривает как инструмент в руках господствующих классов. Собственно, он и не скрывает этого, когда дает определение «публика» буржуазии, за которой сохраняет право судить и объяснять происходящее в обществе. По Хабермасу, общественное мнение является всегда официальным, т.е. таким, которое выражается в прессе, в других официальных источниках информации [6, С. 10].

Есть и такой термин, введенный Элизабет Ноэль-Нойман, как «спираль молчания», который позволяет понять принципы выражения общественного мнения. Э. Ноэль-Нойман отмечает, что общественное мнение поддерживается правом, но оно может использовать последнее и как свой инструмент. Поэтому общественное мнение определяет применение права через тех лиц, которые могут принять решение, поскольку они считаются с ним. Эти лица, как и все, тоже находятся под страхом изоляции и в рамках права выбирают такой способ поведения, который не привел бы их к этой изоляции [8, С. 15].

Таким образом, структура общественного мнения может быть представлена таким образом: а) проблема или вопрос, вокруг которого или по поводу которого формируется общественное мнение; б) объект восприятия; в) субъект общественного мнения — это группы лиц, имеющие культурные, социальные, моральные, гендерные отличия, наделенные знаниями о проблеме. Знания могут быть получены путем самостоятельного чтения определенной литературы, обучения, через формальные и неформальные институты, а также, и об этом следует говорить, в первую очередь, из средств массовой информации.

Как мы ранее отмечали, общественное мнение может формироваться под воздействием множества факторов. Однако существуют специальные приёмы и способы его формирования. Если знать какие мотивации лежат в основе общественного мнения, то им можно управлять. Специалисты в данной области занимаются решением поставленных перед ними задач. Например, в американских политических словарях можно встретить термин «spin-doctor» применительно к специалисту, ответственному за public relations. «Спин» - в переводе с английского «раскручивать, вертеть», «Доктор» - как указание на квалификацию исполнителя. Таким образом, «спин доктор» «раскручивает» новость в том или ином ракурсе в зависимости от ситуации. «Спин-доктора являются частью медиаконанды, их задачей становится изменение того, как публика воспринимает событие, к примеру, о депутате, или изменение ожиданий того, что может произойти, например, в результате действий политической партии» [12, С. 73]. Одним словом, преподнеся информацию общественности по проблеме в определенном ракурсе, можно скорректировать это мнение. Таким образом, используя специальные приемы, можно отвлечь внимание общественности от острых социальных проблем, сместив её внимание к вопросам мира и безопасности, либо смягчив подачу того или иного новостного материала.

Для того чтобы проводить данные манипуляции, требуется знать, какие потребности и установки лежат в основе деятельности группы. И в этой связи необходимо обратиться к вопросу формирования основ мотиваций электоральной активности. Следует отметить «пирамиду потребностей» Абрахама Маслоу, в которой в иерархизированной последовательности размещены потребности индивида, начиная от потребностей физиологических и безопасности и заканчивая потребностями нравственного совершенствования и самопознания. «Внешнее проявление частного мотива практически всегда зависит от общего уровня удовлетворенности или неудовлетворенности потребностей организма, то есть от того, насколько удовлетворены прочие потребности, более фундаментальные» [7]. При управлении общественным мнением также необходимо принимать во внимание мотивации для того, чтобы легче ориентироваться в том, каким образом может быть преподнесена информация, а также прогнозировать результаты по итогам ее распространения. Кроме того, требуется учитывать, что новость или информация, связанная с изменением прочно сложившейся системы или уклада жизни, может вызвать волну недовольства со стороны общественности, и в результате привести к негативному отношению к принимаемым решениям. Для того, чтобы этого не произошло, кроме потребностей, изложенных в «пирамиде Маслоу», которую критикуют за неучтенный фактор возраста граждан, следует учитывать и мотивацию общественной активности, сформулированную в концепции Рональда Инглхарта. Несмотря на то, что данная концепция разрабатывалась для изучения степени активности электората, ее также можно использовать для оценки активности общественности в широком смысле этого слова. Как и Маслоу, Инглхарт выделяет материальные потребности (пища и безопасность), неудовлетворение которых стимулирует массы к проявлению активности. Если материальные потребности не удовлетворены, это мотивирует общество на проявление гражданской позиции по вопросам, затрагивающим социальную сферу жизни общества.

Стоит вспомнить монетизацию льгот, когда граждане, в первую очередь, граждане-получатели социальной поддержки (пенсионеры и иные категории), имевшие льготы на проезд, оплату коммунальных услуг, были недовольны решением государства принять меры, направленные на замену натуральных льгот денежными компенсациями. По стране прокатилась волна недовольства, митингов и возмущения. Благодаря распространению информации и новостей по данной проблематике, удалось снизить социальную напряженность по острому вопросу. Кроме того, были внесены и коррективы в данный закон с учетом мнения общественности. Прошло несколько лет и напряженность удалось преодолеть.

В иерархической модели Инглхарта существуют и психологические потребности, выражающиеся в принадлежности к той или иной группе, или идентичности, уважении или самоутверждении, а также эстетические и интеллектуальные потребности. Для удовлетворения устремлений общества и формирования позитивного

общественного мнения необходимо учитывать психологическую мотивацию индивидов, реализовывать которую следует через повышение информационной открытости, улучшение коммуникационных связей между объектом и предметом взаимодействия.

Так как Инглхарт рассматривал модели политического участия применительно к постиндустриальному обществу, то в его концепции содержится «идеальный» тип ценностных ориентаций, именуемых «постматериальными» ценностями, согласно которым у индивидов с высоким уровнем жизни происходит смена приоритетов. Они от физической и экономической безопасности стремятся к ценностному самовыражению и качеству жизни. «Однако исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, какую узнало послевоенное поколение в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от «материалистических» ценностей (когда упор делается, прежде всего, на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)» [5, С. 7]. В обществе, где преобладает данный тип ценностей, повышается толерантность и терпимость по отношению к социальным и национальным меньшинствам. Стоит отметить, что подобные теории позволяют оценить мотивацию общества и, следовательно, прогнозировать определенные модели поведения, что помогает вырабатывать основы для его управления. Общественное мнение в современном мире играет важную роль в реализации многих властных решений. Поддержка со стороны общественности и позитивное общественное мнение – это гарант лояльности к решениям, принимаемым государством и реализуемым органами исполнительной власти, залог легитимности действующей политической системы.

Для управления общественным мнением нужно хорошо знать тему, которая становится объектом внимания общественности. Максимально ориентироваться в проблемах и представлять о них подробную информацию в доступной для общественности форме, чтобы было максимально просто разобраться, в чем суть вопроса. С точки зрения функционирования современного государства общественное мнение учитывается при принятии многих решений. Например, на официальных сайтах органов государственной власти, участвующих в разработке законопроектов, размещаются проекты нормативно-правовых актов, с которыми могут ознакомиться граждане, а также оформить свои предложения и замечания по ним. Это является действенным механизмом формирования положительного общественного мнения, вовлечения граждан в процесс принятия важных решений. Например, Департамент Росприроднадзора по Северо-Западному федеральному округу является исполнительным органом федеральной власти в субъекте Российской Федерации, лишенным права законодательной инициативы, но в обязательном порядке реализующий властные решения в сфере охраны окружающей среды. В 2014 году в законную силу вступил приказ (в настоящий момент введен новый приказ), которым был введен иной порядок ведения кадастра отходов [10]. Это нововведение затронуло большое количество природопользователей, которые должны были приспосабливаться к новым правилам ведения данного кадастра. Учитывая важность и значимость вопроса, Департаментом в рубрике, созданной специально для природопользователей, размещались сведения о грядущих изменениях, порядок действий при реализации новых положений закона. Благодаря проделанной работе, удалось сформировать общественное мнение о том, что введение нового кадастра отходов вещь необходимая и необратимых последствий изменения не принесут. Большая часть вопросов возникает, когда планируется что-то новое, о чем у людей нет информации. Успешным в этой связи будет повышение информационной открытости, доступности информации, своевременное информирование и разъяснительная работа. Ведь, как известно, многих граждан пугают изменения, они испытывают страх на подсознательном уровне перед грядущими переменами. «Будучи коллективным продуктом, общественное мнение представляет всю общественность в ее готовности к действию по решению проблемы и как таковое делает возможным согласованное действие, которое не обязательно основано на консенсусе, контакте или случайном совпадении индивидуальных выборов. Общественное мнение всегда движется по направлению к какому-то решению, пусть даже оно и не бывает иногда единомышленным». [2, С. 88-189] Таким образом, на общественное мнение и его формирование влияет множество факторов, среди которых потребность индивидуумов в информации, сотрудничестве и партнерстве по конкретному вопросу.

Учитывая тот факт, что общественное мнение выражает обобщенную волю индивидов и групп, необходимо ориентироваться на данное мнение. Этим и занимаются специалисты по связям с общественностью, основываясь на определенных алгоритмах выстраивания отношений с общественностью, формирования через СМИ соответствующего общественного мнения. «Посредниками между органами управления и обществом нередко выступают политтехнологи и политконсультанты, специализирующиеся на организации политических кампаний, создании имиджей лидеров общественного мнения, на разного рода PR-акциях в сфере политики и политическом менеджменте в целом. Несмотря на видимые успехи в деле манипулирования общественным сознанием, на очевидные краткосрочные преимущества и выгоды, в долгосрочной перспективе есть серьезные опасности последствий применения подобного рода технологий. Прежде всего, речь идет о падении доверия граждан не только к отдельным политикам, но к государственным институтам в целом» [1, С. 73]. Для получения положительного результата по формированию общественного мнения необходимо знать, на какую целевую аудиторию будет воздействовать через СМИ специалист по связям с общественностью, учитывая социальное положение, возраст и образование, а также убеждения и взгляды, которых придерживается объект воздействия.

Способы подачи информации и каналы ее распространения также важны для формирования общественного мнения. Значимым будет и вопрос вовлеченности общественности в обсуждение проблем, по которым принимается определенное решение. Тогда чувство сопричастности позволит сформировать требуемое отношение. Когда вопрос затрагивает интересы граждан, необходимо продемонстрировать, что их мнение будет приоритетным при решении заявленной проблемы. Однако не всегда мнение общественности соотносится с понятиями рациональности. Порой эмоциональные основания главенствуют. В этой связи необходимо сделать так, чтобы победу одержали рациональные основания. Скажем, строительство торгового порта, который способен разгрузить терминал в центре города – это важный с точки зрения стратегии, экономических оснований, развития транспортной инфраструктуры, объект. При его строительстве происходят дноуглубительные работы, которые проводятся в соответствии с разрешительной

документацией. Однако работы сопряжены с замутнением акватории. Это часть технологического процесса. Граждане и представители общественных организаций видят в этом нарушение. Но без данных работ невозможно введение в эксплуатацию важного объекта, реализация которого положительно повлияет не только на развитие транспортной инфраструктуры региона, но и обеспечит рабочими местами многих граждан. С этих позиций и необходимо доводить до общественности информацию. Максимально подробно рассказывать о происходящих процессах и о перспективах развития объекта. Это поможет снизить негативное отношение к проводимым работам и рассматривать проект с перспективных позиций, приоритетных для государства и граждан. Не всегда на общественность воздействуют с целью довести правдивую информацию о ситуации. Существуют технологии, позволяющие манипулировать общественным мнением, преподнося избирательно выгодную информацию для получения желаемого результата. И роль СМИ в этом процессе достаточно велика. «Большинство граждан России не имеет навыков, необходимых для того, чтобы отличить объективную журналистскую информацию от пропагандистской. Об этом свидетельствуют результаты общенациональных выборов, в канун которых масс-медиа играют решающую роль в определении симпатий избирателей» [4, С. 23].

Информация, которую получают граждане из СМИ, особенно из авторитетных газет, журналов, федеральных телевизионных каналов, «усыпляют» бдительность и зачастую принимаются за непреложную истину. Кроме того, существует такое понятие, как «информационные шумы», под влиянием которых информация приобретает не свойственные ей изначально факты, или же информация сознательно запускается в определенном виде, не отражающем действительность. Часто этот прием используется сознательно для дезинформирования общества и формирования определенного мнения, выгодного отдельным группам. Для эффективного управления общественным мнением необходимо также учитывать, что можно использовать каналы апробации информации. Сначала в форме слухов внедряется какая-либо новость. Затем считается реакция граждан на данные слухи. Учитываются положительные и отрицательные отзывы, которые позволяют корректировать информацию. И только после этого новость распространяется официально.

Таким образом, зная потребности общественности, структуру общественного мнения, можно управлять им, вносить определенную корректировку. Однако всегда следует помнить, что влияние на общественное мнение не должно подменяться пропагандой, манипуляциями общественным сознанием и т.п. Главная цель – положительный результат не только для объекта общественного мнения, но и для субъектов, которые вовлечены в данный процесс.

Список литературы / References

1. Алимбикова Р.А. Общественное мнение как политический ресурс власти в современной России / Р.А. Алимбикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №4. – С. 70–74.
2. Блумер Г. Американская социологическая мысль: Тексты / Под В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ. – 1994. – 496 с.
3. Давыдова Р.А. Общественное мнение как политический ресурс власти в современной России [Электронный ресурс] / Р.А. Давыдова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №4 (54). – С. 70 – 74. – URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_4-2_17.pdf (дата обращения: 22.12.2017).
4. Евдокимов В.А. Конкуренция идей в политической среде / В.А. Евдокимов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2009. – №4. – С. 20 – 24.
5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – №4. – С. 6 – 32.
6. Мансурова Н.С. Плюрализм в исследовании общественного мнения Ноэль-Нойман Э. Предисловие к русскому изданию / Н.С. Мансуров // М.: Прогресс-Академия. Весь Мир. – 1996. – 352 с.
7. Маслоу А.Г. Мотивации и личность [Электронный ресурс] / А.Г. Маслоу // Педагогическая библиотека. – URL: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf (дата обращения: 12.12.2017).
8. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман // М.: Прогресс-Академия. Весь Мир. – 1996. – 352 с.
9. Павлов С. Н. Управление информацией и общественными связями для создания эффективного имиджа ВУЗа [Электронный ресурс] / С.Н. Павлов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6(120). – С. 43 – 47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-politika-vuza-formirovanie-obschestvennogo-mneniya-kak-instrumenty-sozdaniya-pozitivnogo-imidzha> (дата обращения: 14.12.2017).
10. Российская Федерация. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Приказ. Об утверждении федерального классификационного каталога отходов [Электронный ресурс] : федер. приказ [зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 01.08.2014]. – 2014. – 8486 (214). – Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2014/09/19/othody-dok.html> (дата обращения: 22.12.2017).
11. Пшизова С.Н. От агрегирования интересов к политическому спин-контролю / С.Н. Пшизова // Политическая наука. – 2010. – № 4. – С. 143–166.
12. Федорченко С.Н. PR технология спин-доктора / С.Н. Федорченко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – №4. С. 73 – 79.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alimbekov R. A. Obshchestvennoe mnenie kak politicheskij resurs vlasti v sovremennoj Rossii [Public opinion as a political resource the power in modern Russia] / A. R. Alimbekova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice]. – 2015. – № 4. – P. 70-74 [in Russian]
2. Blumer G. Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty [American sociological thought: Texts] / Under V.I. Dobrenkov. – Moscow: Moscow State University. – 1994. – 496 P. [in Russian]

3. Davidoff R. A. Obshchestvennoe mnenie kak politicheskij resurs vlasti v sovremennoj Rossii [Public opinion as a political resource the power in modern Russia] [Electronic resource]: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal 3. I. A. Zadonskaya Power as the object of perception of public opinion] [Electronic resource]: Ppsihdocs.ru URL: <http://psihdocs.ru/vlaste-kak-obekt-vospriyatiya-obshchestvennim-mneniem-zadonskaya.html>
4. Evdokimov V. A. Konkurenciya idej v politicheskoy srede [Competition of ideas in the political environment] /V. A. Evdokimov // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya [Science about person: humanitarian researches]. – 2009.-№4. – P. 20-24 [in Russian]
5. Inglehart R., Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushcheesya obshchestvo [Postmodernism: changing values and changing societies], Polis. -1997- №4, P. 6-32. [in Russian]
6. Mansurov N. C. Plyuralizm v issledovanii obshchestvennogo mneniya Noehl'-Nojman EH. Predislovie k russkomu izdaniyu [Pluralism in the study of public opinion Noelle-Neumann E. Preface to the Russian edition] / N. With. Mansurov// Progress-Academy. Whole World.- 1996. – P.352. [in Russian]
7. A. Maslow Motivacii i lichnost' [Motivation and personality] [Electronic resource]: Pedagogicheskaya biblioteka [Pedagogical library] URL: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf
8. Noelle-Neumann E. Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya [Public opinion. The opening of the spiral of silence] /by E. Noelle-Neumann// Progress-Academy. Whole World.- 1996.- P. 352 [in Russian]
9. Pavlov S. N. Upravlenie informaciej i obshchestvennymi svyazyami dlya sozdaniya ehffektivnogo imidzha VUZa [Information management and public relations for creation of effective image of the UNIVERSITY] [Electronic resource]: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Scientific electronic library] URL:<https://monographies.ru/en/book/section?id=4270>
10. Rossijskaya Federaciya. Ministerstvo prirodnyh resursov i ehkologii Rossijskoj Federacii. Prikaz. Ob utverzhdenii federal'nogo klassifikacionnogo kataloga othodov [Order of the Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation "On approval of Federal classificatory catalogue of wastes"] of 18 July 2014 №445[Electronic resource]: feder. prikaz [zaregistririvan Ministerstvom yusticii Rossijskoj Federacii] [Electronic Fund of legal and normative-technical documentation] <http://docs.cntd.ru/document/542600531>
11. Pshizova S. N. Ot agregirovaniya interesov k politicheskomu spin-kontrolyu [From aggregation of interests to political spin-control] / S. N. Defined // Politicheskaya nauka [Political science]. - 2010. - N 4. - P. 143-166 [in Russian]
12. Fedorchenko, S. N. PR tekhnologiya spin-doktora [PR technology spin-doctor] / S. N. Fedorchenko, // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow state regional University] . - 2011. - №. 4. P. 73-79 [in Russian]

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY**DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.073>****Евменова Е.В.**

Старший преподаватель,

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ**Аннотация**

Для полноценного освоения Арктики необходимы трудовые кадры. По оценкам специалистов, для обеспечения выполнения только намеченных программ развития Севера, в регионе должно проживать и заниматься высокотехнологичной производственной деятельностью не менее 7-8 млн. человек. Однако численность населения в областях, входящих в Арктическую зону Российской Федерации, последние 10 лет продолжает сокращаться.

Автором проведено социологическое исследование, целью которого было определить основные причины, по которым происходит отток молодежи из региона. Исследование касается прежде всего Архангельской области, в которой проживает более 1 млн 165 тыс. человек.

Ключевые слова: Арктика, человеческие ресурсы, миграция, экология, климат, занятость населения.

Evmenova E.V.

Senior Teacher,

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

THE PROBLEMS OF HUMAN RESOURCING IN DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA**Abstract**

Human resources are incredibly necessary for Arctic development. According to experts' opinions, there must be at least 7-8 million residents who are engaged in high-tech production activities or related sphere workers for providing development of the North. Having analyzed the quantity of population in these areas over the past 10 years it can be seen that the number of residents is constantly declining.

The purpose of carried out sociological survey was to determine the main reasons for the departure of the young generation from the region. The research was conducted in the Arkhangelsk region which population is over than 1 million 165 thousand people.

Keywords: Arctic, human resources, migration, ecology, climate, employment.

Introduction

The Arctic: Territory of Dialogue International Arctic Forum was held in Arkhangelsk on March, 29-30 2017 where more than 2400 participants took place. More than 450 mass media representatives worked at this business event from Russia and other 31 countries of the world: Australia, Austria, Belgium, Great Britain, Vietnam, Germany, Greenland, Denmark, India, Ireland, Iceland, Spain, Italy, Canada, Kenya, Cyprus, China, Luxemburg, the Netherlands, Norway, Poland, Abkhazia Republic, Korea Republic, Singapore, the USA, Faeroes, Finland, France, Switzerland, Sweden, Japan.

As Deputy Prime Minister of the Russian Federation (and Chairman of the State Commission for Arctic Development) Dmitry Rogozin noted that the main Forum topic is "the human in the Arctic". He also added, that "the Arctic from "the uttermost point of the earth" must become attractive territory for all aspects of business and living environment" [1].

One of the Arctic forum aims was to work out active channels of interaction for quick solving problems in the Arctic region. Joint development of the Arctic territories and integrity of residents were also discussed extensively.

Material and results

Speaking about human resources, you must realize essentially that employees in variable spheres are urgent for absolute development of the Arctic territory.

Experts have counted and claimed, that only for making all necessary action programs of the North development at least 7-8 million highly qualified specialists have to live and work in this northern territory [2].

By presidential resolution of May, 2nd, 2014, the Arctic territory of the Russian Federation involves: Murmansk region, the Chukchi, Yamal-Nenets autonomous areas, municipality of the city district Vorkuta (Komi Republic), as well as the city district of Norilsk, the territory of Taimyr and Turukhansk districts of Krasnoyarsk Region, a number of territories of the Arkhangelsk region (The Onega, Primorsky and Mezen municipal districts, the districts of Arkhangelsk, Severodvinsk and Novodvinsk, the Nenets Autonomous Area, the Arctic islands which administratively belong to the Arkhangelsk Region (Novaya Zemlya, Franz Joseph Archipelago, etc.), some of the northern Uluses of Yakutia, lands and islands in the Arctic Ocean.

The total land territories of the Arctic Region of the Russian Federation make about 3,7 million square kilometres [3].

Analyzing the population quantity in these areas over the last 10 years it can be seen that the number of residents is constantly reduced.

This research concerns data about the Arkhangelsk region where more than 1 165 000 residents live.

During the Soviet period about 2 500 000 people have been living around this territory.

Special social and economic policy about Arctic region has been enforced during the Soviet Union times. Special features of the Northern territories were in the focus of this policy. The level of rewards and compensations for workers in these Arctic areas became much higher, than the ones in the central regions of the country because of harsh environment and isolated location. Northern extra charges and additional coefficients to the base wage also played important role to attract highly qualified specialists. Besides comfortable living conditions and correct facilities for young workers and their families have been organized in the Russian North.

Nowadays, in the market economy period, a lot of things have been changed in the Russian Federation as well as in the Arctic region policy. Many companies and businesses have been abolished. Unemployment is constantly growing around all

territory of Russia. The central region of the country gets more winning and compelling conditions and proposals for young people and highly-trained professionals. So, more than 93 000 residents left the Arkhangelsk region and moved to the other more challenging workplaces for the last ten years (2005-2015) [4].

The population in the Arkhangelsk region continued reducing by the same reasons in 2016 furthermore. By the beginning of 2017 it has already been no more than 1 166 000 inhabitants, and this number is still decreasing by 7 900 people or 0,7 percent respectively, than it was in January, 2016.

The redundancy of population is influenced by the enduring and permanent migration of the northerners out of the Arkhangelsk and close regions to the other more comfortable and potentially productive territories of the Russian Federation. It has contained 81 percent of people of total decrease figure. As a result of migration about 6 400 inhabitants left the Arkhangelsk region in 2016. It means that 17 400 people arrived at this region and 23 800 people left this area. In 2015 these figures were 15 900 and 23 900 residents respectively [5].

And there is still no clear strategy or program for the solution of this demographic and economic problem.

The author of the article has carried out some sociological research. The purpose was to define the main reasons and motivations why youngsters are leaving the Arkhangelsk region over the last years so dramatically. The main method of empirical information gathering was questioning. The research was being conducted from October, 2016 till January, 2017. 756 respondents aged from 18 up to 35 have participated in this research. The list of mentioned hereafter reasons of the residents' departure was the following:

1. Low salary level;
2. Poor ecological situation (air, water and soil pollution) in the Arkhangelsk region (f. i. because of close proximity to dangerous objects);
3. Poor climatic parameters for existence, work and advancement in the Arkhangelsk region;
4. Expensiveness of the real estate in Arkhangelsk and Arkhangelsk region in general;
5. Poor working conditions in a business environment;
6. Low level of free health care for workers and their families;
7. High cost, inefficiency and inadequacy of fee-for-service medicine, lack of high-skilled professionals in medicine sphere;
8. Poor regional infrastructure advancement: conditions of road surface, scarcity of nursery schools, secondary schools, hospitals, transport facilities, etc.;
9. Expensiveness and insufficiency of both school and higher education in this region;
10. Poor local territory conditions (streets, yards and parks pollution, impoundment pollution and air pollution respectively);
11. Isolated location of the Arkhangelsk region from the Central federal district and other areas of the country.

According to this investigation, one of the main factors of young population departure is a poor ecological situation in the Arctic Region as a whole. It can be definitely said that the water pollution problem is utterly crucial in the Arkhangelsk region.

One of the main reasons for unsatisfactory condition of impoundments where the water utilization concerns the dumping of raw or insufficiently cleared waste water containing polluting substances pouring from the enterprises and plants of the region. In water tests made by ecological services of the Arkhangelsk region in 2015, 30 entitlements of polluting substances are named in the sewage of plants. The uppermost number of pollution in superficial water objects is brought by the pulp and paper industry enterprises. They are regarded as the most dangerous sources of water pollution in the north of Russia.

In this regard, there are some problems demanding solutions to provide the population of the Arkhangelsk region with high quality drinking water. The proportion of researched tests of drinking water from distribution mains which doesn't compliant to hygienic standards for sanitary and chemical indicators is 37,3 percent of all tested impoundments. It exceeds the average indicators in other Russian regions in 2,4 times.

The total number of volleyed strong sewage in 2015 is 637 570 000 cubic metres.

From the total number of sewage into superficial water objects has dumped 634 420 000 cubic metres of strong sewage, into fresh reservoirs is 561 580 000 cubic meters, and into the sea is 72 840 cubic metres of sewage.

It is dumped from sewage:

- polluted waters without any cleaning procedures is 29 400 000 cubic metres;
- polluted and poor cleared waters is 300 400 000 cubic metres;
- normally pure water (without any cleaning in a standard way) is 286 690 000 cubic metres;
- standardly cleared water with built-in cleaning constructions is 17 930 000 cubic metres [6].

The next important problem is waste.

According to statistical reports, during 2015, 81 531 984,474 tons of waste were formed by the plants of the Arkhangelsk region. And only 7,4 percent of total number of these waste are reused by the plants of this region, and completely neutralized only 0,03 percent of all waste. (According to the Report of Ministry of Natural Resources of the Arkhangelsk Region on environment state and protection) [6].

The absence of effective control system of waste, system of collecting, transportation, utilization, neutralization, storage and ground disposal, leads to its accumulation, both in territories of the plants, and in unauthorized waste deposits. It also leads to intensive pollution of soils, superficial reservoirs, underground waters and air pollution.

But, it is time to prevent no consequences of deterioration of an ecological situation, but the reasons of that.

It is necessary to pay attention to the development of ecological education directed to the formation of system of scientific and practical knowledge and abilities at people of all ages and orders. Formation of valuable orientations, behavior and activity providing responsible relation to the environment and health is also very important.

At the same time, the main part of ecological responsibility puts on the enterprise and its management. Therefore, the events in the nature protection sphere should be held directly at the enterprises. On the one hand, these companies act as basic elements of production and on the other hand, they are the main source of ecological danger.

So, production managers must be compulsory familiar with the essential ecological problems. It will help specialists to accept and make ecologically competent administrative decisions and solve encountered problems. They will be based on knowledge of ecological consequences of company's economic activity. The deficit of ecological proficiency and lack of relevant skills at managers working in this territory is the most important reason of the nature protection legislation violations.

Conclusion

It is impossible to solve all problems immediately and straightway, but it is conceivable to create conditions for comfortable life and challenged work of young people and their families. The next proposals help to attract new highly-skilled professionals into the Arctic region and therefore to progress economic and social life of the nearest cities and the region in total:

- development of Region infrastructure, building of trade, cultural, sports and entertainment centers, construction, renovation and extension of roads; increasing quality of life in the Arkhangelsk region as a whole; building of facilities and plants to minimize harmful substances emissions in the atmosphere;
- increasing of salary and wages, both in state and in private organizations for all employees, even with low experience;
- designing and building of cleaning constructions for sewage on all territory of the region;
- building and fixing of domestic and economic waste processing plants in sufficient quantity;
- construction and installation of distant power complexes far from the places of living which are able to work in any climatic conditions (especially in harsh Arctic conditions);
- reduction of prices for the real estate (there must be special state programs connected with the attractiveness of workplaces in the Far North for young specialists working in the Arctic region and their families supported by the government of the Russian Federation);
- decrease of education fee or its compensation by the future employer or forward company and increase of budget places in higher schools especially those specialties that are connected with the Arctic Region development and required possibility of graduate employability;
- development of comfortable and compelling living conditions and facilities for working people and their families in the Far North;
- expansion of employment benefits and guarantees for workers stipulated by the collective agreement standard of the company, for example voluntary health insurance, sport certificates, healthy workplace ecosystems, supervised and structured constant trainings, extended annual leave, etc.

Список литературы / References

1. Итоги IV Международного Арктического форума в Архангельске [Электронный ресурс] – URL: <http://arctica-ac.ru/newstext/85/> (дата обращения: 07.11.2017).
2. Арктика: экология и экономика №4 (12), 2013 [Электронный ресурс] – URL: <http://arctica-ac.ru/pubtext/12/> (дата обращения: 07.11.2017).
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 07.11.2017).
4. Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема развития Севера [Электронный ресурс] – URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/4\(12\)/026_031_ARKTIKA_4\(12\)_12_2013.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/4(12)/026_031_ARKTIKA_4(12)_12_2013.pdf) (дата обращения: 07.11.2017).
5. Управление Федеральной службы государственной статистики и Архангельской области и Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс] – URL: <http://arhangelskstat.gks.ru/> (дата обращения: 07.11.2017).
6. Sinitskaya N. Inclusion of educational ecological programs in the process of managers' training is an effective way of transition to pure production / Evmenova E. // International Journal of Applied and Fundamental Research – 2013. – № 1 [Электронный ресурс] – URL: www.science-sd.com/452-24474/ (дата обращения: 08.11.2017).
7. Половинкин В. Н. Русский Север – прошлое, настоящее и будущее / А. Б. Фомичев, Ю. Н. Таратонов // СПб. – Северная вервь, 2012. – 212с.
8. Половинкин В. Н. Русский Север / А. Б. Фомичев // – СПб. – АИР, 2013. – 343с.
9. Арктика – территория будущего [Электронный ресурс] – URL: <http://rusplt.ru/society/arktika-territoriya-budushego-2949...> (дата обращения: 07.11.2017).
10. Чем занимаются люди в Арктике [Электронный ресурс] – URL: <http://будущее-арктики.рф/deyatelnost-cheloveka-v-arktike/> (дата обращения: 07.11.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Itogi IV Mezhdunarodnogo Arkticheskogo foruma v Arkhangel'ske [Results of IV International Arctic Forum in Arkhangelsk] [Electronic resource] - URL: <http://arctica-ac.ru/newstext/85/> (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]
2. Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economics] No.4 (12), 2013 [Electronic resource] - URL: <http://arctica-ac.ru/pubtext/12/> (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.05.2014 № 296 [Decree of President of Russian Federation of 02.05.2014 No. 296] [Electronic resource] - URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]
4. Polovinkin V.N. Chelovecheskiye resursy – glavnaya problema razvitiya Severa [Human Resources are Main Problem of Development of North] [Electronic resource] - URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/4\(12\)/026_031_ARKTIKA_4\(12\)_12_2013.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/4(12)/026_031_ARKTIKA_4(12)_12_2013.pdf) (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]
5. Upravleniye Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki i Arkhangel'skoy oblasti i Nenetskoy avtonomnoy okrug [Office of Federal Service of State Statistics and Arkhangelsk Region and Nenets Autonomous District] [Electronic resource] - URL: <http://arhangelskstat.gks.ru/> (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]
6. Sinitskaya N. Inclusion of educational ecological programs in the process of managers' training is an effective way of transition to pure production / Evmenova E. // International Journal of Applied and Fundamental Research – 2013. – № 1 [Electronic resource] - URL: www.science-sd.com/452-24474/ (accessed date: 08.11.2017).

7. Polovinkin V.N. Russkiy Sever – proshloye, nastoyashcheye i budushcheye [Russian North: Past, Present and Future] / A.B. Fomichev, Yu. N. Taratonov // SPb. - Northern shipyard, 2012. - 212p. [In Russian]
8. Polovinkin V.N. Russkiy Sever [Russian North] / A. Fomichev // - St. Petersburg. - AIR, 2013. - 343 p. [In Russian]
9. Arktika – territoriya budushchego [Arctic — Territory of Future] [Electronic resource] - URL: <http://rusplt.ru/society/arktika-territoriya-budushchego-2949...> (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]
10. Chem zanimayutsya lyudi v arktike [What Do People Do in Arctic Region] [Electronic resource] - URL: [http:// the future-Arctic.deyatelnost-cheloveka-v-arktike/](http://the-future-Arctic.deyatelnost-cheloveka-v-arktike/) (accessed date: 07.11.2017). [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.074>

Моор М.О.¹, Щека Н.Ю.²

¹ Магистрант, ² доцент, Кандидат социологических наук,

Амурский государственный университет

ТРУДОУСТРОЙСТВО И ПОИСК РАБОТЫ ИНВАЛИДАМИ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Анализ материалов социологического исследования, приведенного в данной статье, позволяет сделать выводы, что проблема поиска работы для инвалидов трудоспособного возраста характеризуется высокой актуальностью. В данной работе приведена статистика по числу инвалидов в Российской Федерации. Так же раскрыты основные причины безработицы среди инвалидов трудоспособного возраста. Конкретизированы ожидания инвалидов в отношении предполагаемого места их трудоустройства. Выявлены наиболее востребованные технологии поиска работы.

Ключевые слова: инвалиды, социальная адаптация, трудоустройство, инвалидизация, центр занятости населения.

Moor M.O.¹, Tscheka N.Yu.²

¹ Master's Degree Student, ² Associate Professor, PhD in Sociology,

Amur State University

EMPLOYMENT AND WORK SEARCH OF DISABLED PEOPLE IN THE AMUR REGION

Abstract

The analysis of the materials of sociological research given in this article allows us to conclude that the problem of finding work for disabled people of working age is highly relevant. In this paper, statistics on the number of disabled people in the Russian Federation is given. The main causes of unemployment among disabled people of working age are also disclosed. Expectations of people with disabilities regarding the intended place of their employment are specified. The most popular technologies of work search are discussed.

Keywords: the disabled, social adaptation, employment, disability, employment centre.

Социальная адаптация инвалидов на современном рынке труда является важнейшей общественной задачей, поскольку от трудоустройства во многом зависит не только материальное благосостояние граждан, но и их социально-психологическое здоровье [2, С. 38].

Согласно Федеральной службе государственной статистики, на данный момент насчитывается 12259 тыс. человек, относящихся к категории «инвалид». В том числе: 1 группы – 1309, 2 группы 5920, 3 группы – 4394, дети-инвалиды – 636. Таким образом, общая численность инвалидов, приходящаяся на 1000 человек населения составляет 83.5 чел.

Общий уровень инвалидизации в РФ примерно такой же, как и во всех развитых странах (колеблется от 13% до 17%), несмотря на это, доля занятых инвалидов в РФ существенно ниже [2, С. 6].

Согласно расчету, произведенному Пенсионным Фондом РФ, доля работающих инвалидов равна 16,9% (по состоянию на 1 января 2017 г), в то время как на 1 января 2016 года этот показатель равнялся 20,5% [6].

Снижение численности работающих инвалидов по сравнению с 1 января 2016 года определено вступлением в силу ФЗ от 29.12.2015 года № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов РФ, внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий», предполагающих неиндексацию пенсий работающим пенсионерам [7].

С помощью службы занятости населения г. Благовещенска было проведено социологическое исследование, целью которого было обнаружение потребностей инвалидов трудоспособного возраста (от 16 до 55 – женщины; от 16 до 60 – мужчины) в трудоустройстве, согласно результатам 52,48% (169 человек) опрошенных состоит на учете в ЦЗН с целью поиска работы, 40,99% (132 человека) не работают, лишь 4,35% (14 чел.) работают, а 2,18% (7 чел.) проходят обучение в образовательной организации (рис. 1) [10].

Рис. 1 – Отношение к занятости

Результаты данного исследования были получены с помощью опроса в форме группового анкетирования, в котором приняли участие 319 респондентов. Из них 61,35% - мужчины и 38,65% - женщины.

Тип выборки: квотная, по поло-возрастному признаку (поскольку имеются статистические данные об инвалидах).

Выбор группового анкетирования обоснован низкой трудозатратностью и оперативностью.

Помимо этого, к достоинствам опроса относят: 1) большой объем получаемой информации при относительно небольших затратах; 2) стандартизация методики позволяет в дальнейшем провести повторные исследования и сравнительный анализ результатов.

Анализ материалов социологического исследования позволяет прийти к выводу, что проблема поиска работы для инвалидов трудоспособного возраста характеризуется высокой актуальностью.

Несмотря на наличие вакансий, и квотирование рабочих мест (в соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации») трудоустройство инвалидов затруднено, так как предоставляемые рабочие места не учитывают особенности ограничений жизнедеятельности.

83.85% (270 чел.) опрошенных были вынуждены оставить свое рабочее место, в связи с выявлением заболевания и установлением группы инвалидности.

К основным причинам, по которым опрошенные не имеют работу относятся (Рис. 2):

- Состояние здоровья – 45.34% (146 чел.)
- Отсутствие подходящих вакансий – 41.93% (135 чел.)
- Не устраивает заработная плата – 13.98% (45 чел.)
- Возникают проблемы связанные с самостоятельным прибытием до рабочего места – 12.11% (39 чел.)
- Не устраивают условия труда – 11.49% (37 чел.)
- Не желают работать – 11.49% (37 чел.)
- Семейные обстоятельства - 5.59% (18 чел.)
- Отношение окружающих – 4.66% (15 чел.)
- Требуется специально оборудованное рабочее место – 4.35% (14 чел.).

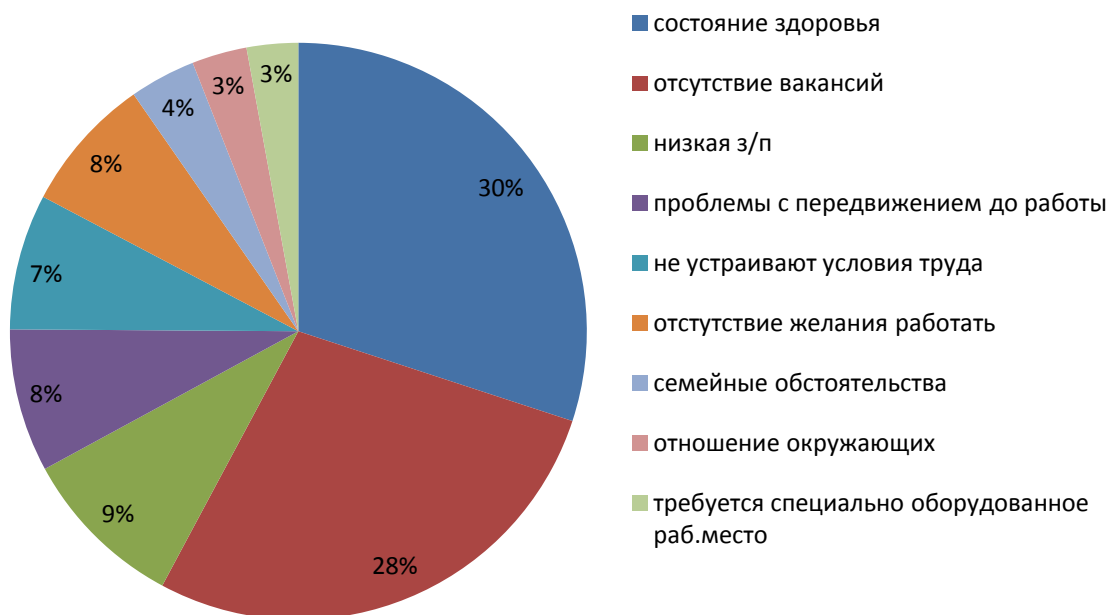

Рис. 2 – Причины отсутствия работы

Таким образом, 81.06% (261 чел.) респондентов ранее имели работу, но вследствие наличия ограничений по инвалидности оставили трудовую деятельность.

Конкретизируя ожидания инвалидов в отношении предполагаемого места их трудоустройства, можно отметить что, для 81.05% (221 чел.) инвалидов не имеет значения род деятельности, 11.18% хотели бы работать на специализированном предприятии для инвалидов; 4.97% (16 чел.) желают работать в организации реального сектора экономики, а 2.8% (9 чел.) хотят открыть собственное дело.

29.19% (94 чел.) респондентов готовы приступить к работе в течении недели, при этом выделяются следующие пожелания к условиям работы (Рис. 3):

20.81% (67 чел.) готовы работать полный рабочий день и полную рабочую неделю;

16.15% (52 чел.) согласны на неполный рабочий день и сокращенную рабочую неделю;

На дому желают работать 16.15% опрошенных;

Так же инвалидов привлекает работа удаленного доступа - 14.6% (4 чел.);

По сменам согласны работать 13.04% (4 чел.);

На полный рабочий день, но сокращенную неделю согласны лишь 5.9% (19 чел.).

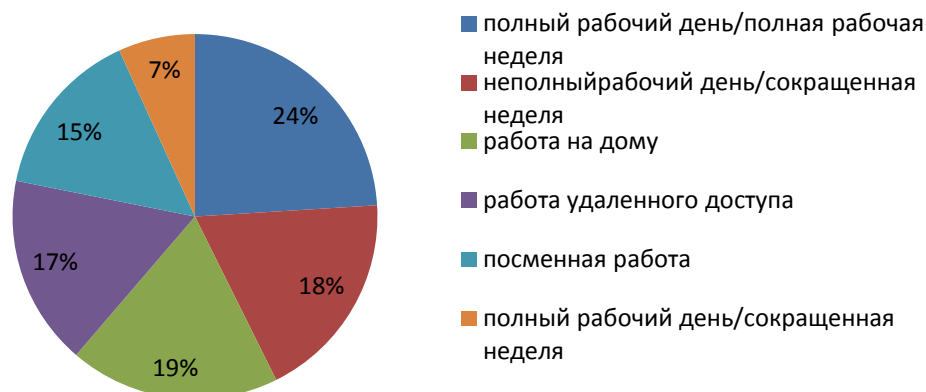

Рис. 3 – Желаемые условия работы

Так же среди опрошенных, оказалось 24.22% (58 чел.) не готовых работать. 24.22% (78 чел.) согласны приступить к работе в течении месяца, 14.91% (48 чел.) рассматривают возможность приступить к работе только после улучшения состояния здоровья. После прохождения реабилитации и санаторно-курортного лечения готовы приступить к работе 4.04% (13 чел.) и 3.42% (11 чел.) соответственно.

Для поиска подходящей работы большая часть опрошенных, а именно 71.43% (230 чел.) обращались в центр занятости населения, 40.37% (130 чел.) старались самостоятельно найти работу с помощью интернета, средств массовой информации (газет и др.). 31.37% респондентов обращались непосредственно к работодателю, а 27.33% (88 чел.) осуществляли поиск работы через родственников/знакомых; 6 человек или 1.86% обращались в кадровое агентство (Рис. 4).

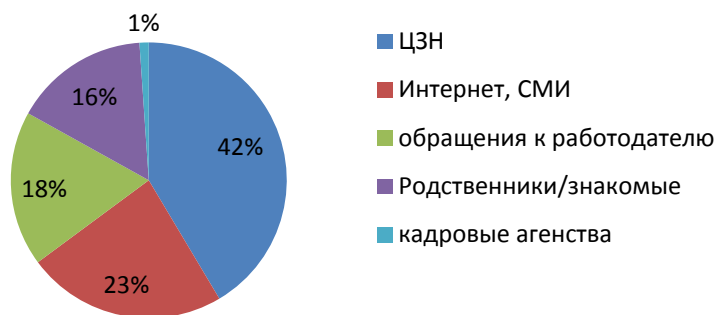

Рис. 4 – Методы поиска работы

72.98% (235 чел.) ранее пользовались услугами Центра занятости населения. 15.22% или 49 человек знают о существовании данной организации, но никогда не обращались за оказанием государственных услуг. Так же 11.8% (26 чел.) не знают об услугах органов службы занятости, следовательно, не пользуются ими.

Таким образом, согласно опросу, 68.94% (222 чел.) опрошенных в первую очередь хотят получить от органов службы занятости подбор рабочего места; 51.24% (165 чел.) своей главной целью ставят получение пособия по безработице. 45 человек или 13.98% респондентов готовы пройти профессиональное переобучение; 11.18% согласны получить государственную услугу по профессиональной ориентации. Так же 14 человек, или 4.35% готовы получить помощь при открытии собственного дела (Рис. 5).

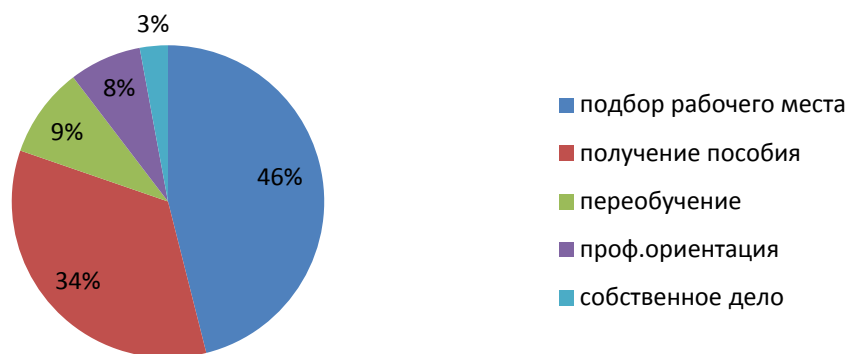

Рис. 5 – Цель обращения в ЦЗН

Инвалиды, нуждающиеся в трудоустройстве, качественно неоднородны и нуждаются в индивидуальном подходе к решению проблемы трудоустройства. Так, некоторые лица нуждаются лишь в информационной поддержке (сведения о вакансиях, помощь в составлении резюме), некоторым необходимо оказать психологическую помощь. Помимо этого, существует третья группа, нуждающаяся в помощи, как в процессе трудоустройства, так и в последующей трудовой деятельности.

Условием эффективной работы по интеграции инвалидов в общество является переход к системному управлению процессом восстановления их трудового потенциала. Однако, как показывает практика, уровень обращений инвалидов в центры занятости населения крайне невысок.

Согласно Федеральной службе государственной статистики, численность граждан, относящихся к категории инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы, уменьшается. Так на 2014 год количество обращений составляло 170864 чел., 2015 год – 165208 чел., 2016 год – 142929 чел.

Это обусловлено недостаточной информированностью инвалидов о реализации мероприятий, проводимых данными государственными структурами. Это приводит к тому, что значительная часть инвалидов трудоспособного возраста не получают после установления инвалидности эффективной помощи в трудоустройстве.

Таким образом, трудоустройство данной категории населения крайне затруднено, ситуация на рынке труда для инвалидов остается напряженной, вследствие ряда объективных и субъективных факторов, что в совокупности с несоответствием спроса и предложения на рабочую силу инвалидов усложняет задачу эффективного использования трудового потенциала данной категории населения.

Список литературы / References

1. Андрианова В.В. Проблемы обеспечения занятости инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] / В.В. Андрианова // М. : МГУ, 2015. — С. 142-146. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24242198> (дата обращения: 29.11.2017).
2. Антонова Г.В. Новые подходы к оказанию государственных услуг инвалидам в сфере содействия в трудоустройстве [Электронный ресурс] / Г.В. Антонова // Воронеж : ВГУ, 2016. — С. 6-9. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29342240> (дата обращения: 29.11.2017).
3. Беликова О.И. Работа. Права при трудоустройстве и увольнении [Электронный ресурс] / О.И. Беликова // М. : Эксмо, 2011. — 79 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/1920.html> (дата обращения 30.11.2017).
4. Гоффман И. «Я» и другой [Электронный ресурс] / И. Гоффман // М. : ИСПАН, 2011. — С. 5-20. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9158229> (дата обращения: 28.11.2017).
5. Кузнецова О.В. Социальная защита инвалидов [Электронный ресурс] / О.В. Кузнецова // М. : Эксмо, 2010. — 100 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/1568.html> (дата обращения 17.11.2017).
6. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (дата обращения 15.11.2017).
7. Российская Федерация. Законы. О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий : [федер. закон : принят Гос. Думой 15 дек. 2015 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 2015 г.]. – [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс // – URL: <https://gioid.consultant.ru/documents/3707070> (дата обращения: 20.11.2017).
8. Российская Федерация. Законы. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 20 июля 1995 г. : одобр. Советом Федерации 15 ноября 1995 г.]. – [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс // – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (дата обращения 20.11.2017).
9. Симонов В.С., Синон В.В. Экономика социально-трудовых отношений: учеб. Пособие / Симонов В.С., Синон В.В. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 223 с.
10. Трудоустройство инвалидов // Управление занятости населения: официальный сайт. – Режим доступа: URL: <http://www.pfrf.ru/grazdanam/invalidam> (дата обращения 15.11.2017).
11. Шашкова О.В. Инвалиды. Права, льготы, поддержка [Электронный ресурс] / О.В. Шашкова // М. : Эксмо, 2011. — 125 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/1881.html> (дата обращения 15.11.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andrianova V.V. Problemy obespecheniya zaniatosti invalidov i lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya [Problems of Employment of Disabled People and People with Disabilities] [Electronic resource] / V.V. Andrianova // M.: Moscow State University, 2015. - P. 142-146. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24242198> (accessed: 29.11.2017).
2. Antonova G.V. Novye podkhody k okazaniyu gosudarstvennykh uslug invalidam v sfere sodeistviya v trudoustroistve [New Approaches to the Provision of Public Services to Disabled People in the Field of Employment] [Electronic resource] / G.V. Antonova // Voronezh: VSU, 2016. - P. 6-9. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29342240> (accessed: 29.11.2017).
3. Belikova O.I. Rabota. Prava pri trudoustroistve i uvolnenii [Rights in Employment and Dismissal] [Electronic resource] / O.I. Belikova // M.: Eksmo, 2011. - 79 p. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/1920.html> (accessed: 30.11.2017).
4. Goffman I. "Ya" i drugoi ["I" and the Other] [Electronic resource] / I. Goffman // M.: ISIRAN, 2011. - P. 5-20. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9158229> (accessed: 28.11.2017).
5. Kuznetsova O.V. Sotsialnaya zashchita invalidov [Social Protection of Disabled People] [Electronic resource] / O.V. Kuznetsova // M.: Eksmo, 2010. - 100 p. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/1568.html> (accessed: 17.11.2017).
6. Polozhenie invalidov [Situation of Disabled People] // Federal State Statistics Service: Official Website. - Access mode: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (accessed: 15.11.2017).
7. Rossiiskaya Federatsiya. Zakony. O priostanovlenii deistviya otdelnykh polozhenii zakonodatelnykh aktov Rossiiskoj Federatsii, vnesenii izmenenii v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoj Federatsii i osobennostiakh uvelicheniya strakhovoi pensii, fiksirovannoi vyplaty k strakhovoi pensii i sotsialnykh pensii: [feder. zakon: priniat Gos. Dumoi 15 dek. 2015 g.: odobr. Sovetom Federatsii 25 dek. 2015 g.] [Russian Federation. Laws. On the Suspension of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation, Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Main Features of Increasing the Insurance Pension, Fixed Payment to the Insurance Pension and Social Pensions: [Feder. Law: Adopted by the State Duma on 15 Dec. 2015: Approved by the Council of Federation on 25 December, 2015]] – [Electronic resource] / SPS Consultant Plus // – URL: <https://giod.consultant.ru/documents/3707070> (accessed: 20.11.2017).
8. Rossiiskaya Federatsiya. Zakony. O sotsialnoi zashchite invalidov v Rossiiskoj Federatsii: [feder. zakon : priniat Gos. Dumoi 20 iyulia 1995 g.: odobr. Sovetom Federatsii 15 noyabrya 1995 g.]. [Russian Federation. Laws. On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation: [Feder. Law: Adopted by the State Duma on July 20, 1995: Approved by the Council of Federation on November 15, 1995]]– [Electronic resource] / SPS Consultant Plus // – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (accessed: 20.11.2017).
9. Simonov V.S., Sinov V.V. Ekonomika sotsialno-trudovykh otnoshenii: ucheb. posobie [Economics of Social and Labour Relations: Textbook.] / Simonov V.S., Sinov V.V. - St. Petersburg.: Publishing House SPbGUEF, 2010. - 223 p.
10. Trudoustroistvo invalidov [Employment of Disabled People] // Managing Employment: Official Website. – Access mode: URL: <http://www.pfrf.ru/grazdanam/invalidam> (accessed: 15.11.2017).
11. Shashkova O.V. Invalidy. Prava, lgoty, podderzhka [People with Disabilities. Rights, Benefits, Support] [Electronic resource] / O.V. Shashkova // M.: Eksmo, 2011. - 125 p. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/1881.html> (accessed: 15.11.2017).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.075>

Подгорный Б.Б.

ORCID: 0000-0002-2972-3603, кандидат социологических наук,

Юго-Западный государственный университет

ВЛАСТЬ И ФОНДОВЫЙ РЫНОК: ПАРАДИГМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**Аннотация**

Согласно разработанной автором теории российский фондовый рынок представляет собой часть социального пространства, сформированного для реализации своих целей или потребностей полем власти, полем экономики, инвестиционным полем. В статье рассмотрены явные и латентные цели поля власти при переходе к рыночной экономике в 90-е годы прошлого столетия, заложившие основу габитуса власти в отношении фондового рынка; проанализированы выгода и риски, возникающие сегодня у поля власти в случае комплексного развития современного российского фондового рынка.

Ключевые слова: фондовый рынок, поле власти, теория перспектив.

Podgorniy B.B.

ORCID: orcid.org/0000-0002-2972-3603, PhD in Sociology,

South-West State University

POWER AND STOCK MARKET: INTERACTION PARADIGMS**Abstract**

According to the theory developed by the author, the Russian stock market is a part of the social space, formed to implement its goals or needs by the power field, the economy field, and the investment field. The article considers the explicit and latent goals of the power field in the transition to a market economy in the 1990s, which laid the foundation for the power of the government in relation to the stock market. The benefits and risks arising today in the power field in the case of the complex development of the modern Russian stock market are analyzed.

Keywords: stock market, power field, prospect theory.

Развитый фондовый рынок является одним из важнейших механизмов привлечения средств для развития экономики и вовлечения населения в инвестиционную деятельность. С экономической точки зрения, фондовый рынок обеспечивает капиталом производственный процесс, «связывает» денежную массу и дает

возможность ее увеличения без инфляционных процессов, выявляет лидеров отраслей, создает конкуренцию за финансовые ресурсы и перераспределяет их. Среди социальных задач, решаемых фондовыми рынками – формирование сообщества собственников, укрепление уважения к категории «собственность», возможность перераспределения собственников и отделение их от управления, усиление ответственности бизнес-сообщества, рост среднего класса.

Развитие фондового рынка предполагает комплексное развитие нескольких взаимосвязанных направлений, а именно: учреждение новых акционерных обществ; первичный фондовый рынок в виде эмиссии государственных, региональных, муниципальных и корпоративных облигаций и проведения компаниями IPO; организация работы вторичного фондового рынка. Решающее влияние на направление развития фондового рынка оказывает государство в лице законодательных и исполнительных структур.

Однако с начала своего формирования современный российский фондовый рынок развивается в основном как вторичный, спекулятивный, не выполняя вышеперечисленные экономические и социальные функции.

Считаем, что эту проблему нужно рассматривать с социологической точки зрения, ведь экономические условия для комплексного развития российского фондового рынка на лицо.

Вопросам роли государства в развитии рыночной экономики уделяют достаточное внимание зарубежные и российские ученые и исследователи.

Уже представители классической экономической социологии рассматривали деятельность государства в качестве фактора развития предпринимательской активности. Так, В. Зомбарт показал, что государство, оказывает, как правило, положительное влияние на развитие экономики страны. Он отмечал, что «...государство во многих местах тащит за уши частных лиц, чтобы они действовали в качестве капиталистических предпринимателей. Оно толкает и гонит их силой и убеждениями в объятия капитализма» [1].

При этом государство выступает в роли крупного предпринимателя, но еще большее значение «государство приобретает, естественно, обходными путями: строением своей хозяйственной политики» [1].

К. Поланьи [2] показал, что саморегулирующийся рынок в чистом виде является "утопией", т.е. абстракцией, применимость которой ограничена, и задача государства – формирование и регулирование рыночных отношений.

Также необходимо выделить работы современных зарубежных ученых: Н. Флигстина [3], исследующего определение роли государства в развитии рынков, Ф. Блока [4], М. Гуйлена и Л. Капрона [5], рассматривающих роль властных отношений во взаимодействии между участниками рынка, отношения между самими участниками рынка и их отношения с государством.

Среди российских научных исследований, посвященных роли государства в развитии рыночных структур, в том числе и фондового рынка, необходимо выделить исследования Е. Капогузова [6], А. Меркулова [7], О. Киктенко [8], В. Боровковой [9] и других. Однако большинство работ показывает лишь следствия, а не причины, по которым комплексному развитию фондового рынка государство не уделяет внимания.

Цель настоящей статьи: показать, используя социологический подход, причины направленности действий государства (власти) по развитию фондового рынка как вторичного.

Согласно разработанной нами специальной теории «Российский фондовый рынок как социальное пространство» [10][11][12] российский фондовый рынок представляет собой часть социального пространства, сформированного существующими полями для реализации своих целей или потребностей:

- поля власти или нормативного поля – с целью организации внутренних и внешних заимствований, капиталистического развития, создания класса собственников или реализации других потребностей;
- поля экономики – с целью привлечения средств для дальнейшего успешного развития или реализации других потребностей;
- инвестиционного поля – с целью расширения инвестиционных возможностей или реализации других потребностей.

Поле власти – организационное поле, определяющее фондовый рынок с точки зрения установления правил его формирования, функционирования и развития.

При формировании фондового рынка в 90-е годы прошлого века действующие лица исполнительной власти, заявляя о необходимости развития рыночных отношений, публично декларировали следующие цели:

- повышение эффективности предприятий путем их приватизации и дальнейшей модернизации;
- формирование широкого слоя частных собственников;
- создание инвестиционного рынка;
- содействие процессу стабилизации финансового положения в Российской Федерации;
- создание конкурентной среды и содействие демополизации народного хозяйства;
- создание социально ориентированной рыночной экономики;
- социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации;
- значительное увеличение доходной части государственного бюджета.

Мы считаем, что у действующей власти приоритетными были не публично декларируемые, а латентные цели, которые и задали основной вектор развития формируемого поля российского фондового рынка. В тот период времени еще был вполне реальным возврат к социалистическому строю, кроме того, – действия Верховного Совета, как законодательного органа страны, были оппозиционными, направленными против развития рыночных отношений и рыночной экономики.

К основным латентным целям, которые повлияли на выбор варианта перехода к рыночной экономике, мы отнесли следующие:

- необходимость развала экономического базиса социалистической системы хозяйствования, что делает маловозможным возврат к социалистическому строю;

– возможность сохранения действующими центральными исполнительными органами своего властного положения.

Это наглядно подтверждает теория перспектив Канемана – Тверски, согласно которой ценность рисков в два с половиной раза превышает ценность выгоды. В нашем случае это был риск потери власти и выгода, приобретаемая страной при постепенном (плановом) переходе к рыночным отношениям. Риск потери власти перевесил выгоду и развитие страны пошло по пути «шоковой» терапии, что уменьшало риски потери власти отдельными государственными руководителями. А фондовый рынок, развиваясь в русле политики, проводимой действующей властью, создавался как инструмент для закрепления агрессивного перехода к рыночной экономике – ведь вторичный рынок предполагает активный торговый оборот акциями, что влечет постоянный переход собственности, кроме того – дает возможность капитализировать принадлежащие собственникам ценные бумаги через определение их рыночной цены на вторичном фондовом рынке.

В настоящее время современный российский фондовый рынок так и продолжает развиваться преимущественно как вторичный. При поддержке власти населением, авторитете Президента России и отсутствии требований оппозиции о смене фундаментальных основ экономического развития, фондовый рынок мог бы стать институтом, действительно привлекающим средства в развитие экономики и создающим сообщество собственников. Однако этого не происходит. По нашему мнению, существует несколько причин, по которым поле власти продолжает придерживаться выбранного в 90-е годы курса в отношении направления развития отечественного фондового рынка. Для их определения рассмотрим некоторые основные плюсы (выгода, доход) и минусы (риски), возникающие сегодня у поля власти в случае комплексного развития современного российского фондового рынка.

Плюсы (выгода)

– Участие массового населения в уставных капиталах компаний создает сообщество собственников – происходит кратное увеличение инвестиционного сообщества.

– Возникает распыление акционерного капитала; это позволяет поднять интересы акционеров выше интересов менеджмента, осуществлять действительный контроль над менеджментом.

– Развитие первичного рынка приведет к снижению торгового оборота на вторичном фондовом рынке, перетоку денежных средств в реальную экономику.

Минусы (риски)

– Возможны высокие риски, связанные с падением стоимости акций, низкой дивидендной доходностью, производственными проблемами, банкротством компаний или невыполнением ими своих обязательств при заимствовании капиталов через выпуск облигаций. Часть населения, участвующая в учредительской деятельности, может потерять все или значительные средства. Все это может вызвать массовое недовольство населения, в том числе и властью.

– Теряется возможность влиять на деятельность компаний в качестве основного акционера или в качестве регулятора, ведь сегодня власть является крупнейшим российским собственником.

– Государство, являясь сегодня самым крупным акционером ведущей российской биржи, может потерять часть прибыли, которая прямо пропорционально зависит от интенсивности спекулятивных операций.

Теория перспектив показывает, что и сегодня ценность рисков значительно превышает ценность выгоды, что является причиной бездействия властей по комплексному развитию современного отечественного рынка.

Таким образом, происходит четко выраженное инертное движение по принятому в 90-е годы пути развития отечественного фондового рынка.

Важно также отметить, что у населения постепенно возникает потребность в долгосрочном инвестировании в экономику страны [13], что возможно только при комплексном развитии всех направлений фондового рынка.

Список литературы / References

1. Зомбарт В. Буржуа. / В. Зомбарт – М.: Наука, 1994. – 443 с.
2. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. / К. Поланьи – СПб.: Алетей, 2002. – 320 с.
3. Fligstein N. Markets as politics: A political-cultural approach to market institutions. / N. Fligstein // American Sociological Review (August 1966). – Vol. 61. – p. 656–673.
4. Блок Ф. Роли государства в хозяйстве. / Ф. Блок // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 2. – С. 37–56.
5. Guillen M. State Capacity, Minority Shareholder Protections, and Stock Market Development / M. Guillen, L. Capron // Administrative Science Quarterly, 2016. – no. 1. – p. 125–160. DOI: 10.1177/0001839215601459
6. Капогузов Е. А. Роль государства в экономике: от традиционной к новой парадигме? / Е. А. Капогузов, А. С. Богданова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2016. – № 3. – с. 28–41.
7. Меркулов А. С. Роль государства в инновационном процессе / А. С. Меркулов, О. Г. Терехова // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 12 (59) – с. 314–321.
8. Киктенко О. В. Государственные и финансовые механизмы защиты фондового рынка / О. В. Киктенко // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 1 – с. 134–138.
9. Боровкова В. А. К вопросу регулирования рынка ценных бумаг Российской Федерации / В. А. Боровкова, П. А. Гурьянов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 16 (250). – с. 2–15
10. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis / B. Podgorny // Economic Annals-XXI. – 2017. – № 3–4. – с. 20–24
11. Подгорный Б. Б. Профессиональные участники российского фондового рынка: габитус и практики [электронный ресурс] / Б. Б. Подгорный // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 6. – С. 67–88 – <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9986> (дата обращения: 3.12.2017). DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-67-88
12. Подгорный Б. Б. Габитус частных инвесторов российского фондового рынка / Б. Б. Подгорный // Економічний часопис-XXI. – 2016. – № 7–8. – с. 111–115. DOI: 10.21003/ea.V160-22

13. Podgorny B. Habitus in relation to the stock market: national features / B. Podgorny // *Economic Annals-XXI*. – 2016. – № 3–4. – p. 68–71 DOI: 10.21003/ea.V157-0021

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zombart V. Burzhua [Bourgeois] / V. Zombart – М.: Nauka, 1994 – 443 p. [in Russian]
2. Polan'i K. Velikaja transformacija: politicheskie i jekonomicheskie istoki nashego vremeni [The great transformation: the political and economic origins of our time] / K. Polan'I – SPb.: Aletejja, 2002 – 320 p. [in Russian]
3. Fligstein N. Markets as politics: A political-cultural approach to market institutions. / N. Fligstein // *American Sociological Review* (August 1966). – Vol. 61. – p. 656–673.
4. Blok F. Roli gosudarstva v hozjajstve [The state role in the economy] / F. Blok // *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic sociology]. – 2004. – Т. 5. – № 2. – p. 37–56. [in Russian]
5. Guillen M. State Capacity, Minority Shareholder Protections, and Stock Market Development / M. Guillen, L. Capron // *Administrative Science Quarterly*, – 2016. – no.1. – P.125–160. – DOI: 10.1177/0001839215601459
6. Kapoguzov E.A. Rol' gosudarstva v jekonomike: ot tradicionnoj k novoj paradigme? [The state role in the economy: from the traditional to a new paradigm?] / E.A. Kapoguzov, A.S. Bogdanova // *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Jekonomika»* [Omsk University Bulletin. «Economy» series]. – 2016. – №3. – p. 28–41. [in Russian]
7. Merkulov A. S. Rol' gosudarstva v innovacionnom processe [The state role in the innovation process] / A. S. Merkulov, O. G. Terehova // *Vestnik IrGTU* [ISTU Bulletin]. – 2011. – № 12 (59) – p.314–321. [in Russian]
8. Kiktenko O. V. Gosudarstvennye i finansovyje mehanizmy zashhity fondovogo rynka [State and financial protection mechanisms of the stock market] // *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [The Bulletin of public and municipal administration]. – 2014. – №1 – p.134–138. [in Russian]
9. Borovkova V.A. K voprosu regulirovanija rynka cennyh bumag Rossijskoj federacii [To the issue of regulation of the Russian Federation stock market] / V. A. Borovkova, P. A. Gur'janov // *Finansovaja analitika: problemy i reshenija* [Financial Analytics: problems and solutions]. – 2015. – №16 (250). – p. 2–15 [in Russian]
10. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis / B. Podgorny // *Economic Annals-XXI*. – 2017. – № 3–4. – p. 20–24
11. Podgorny B. B. Professional'nye uchastniki rossijskogo fondovogo rynka: gabitus i praktiki [Professional participants of the Russian stock market: the habitus and practices] [Electronic resource] / B. B. Podgorny // *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern research of social problems] – 2017. – № 6. – p. 67–88 <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9986> (accessed: 3.12.2017). [in Russian] DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-67-88
12. Podgorny B. B. Gabitus chastnyh investorov rossijskogo fondovogo rynka [The habitus of the Russian stock market private investors] / B. B. Podgorny // *Ekonomichnij chasopis- XXI* [Economic Annals-XXI]. – 2016. – № 7–8. – p. 111 –115. [in Russian] DOI: 10.21003/ea.V160-22
13. Podgorny B. Habitus in relation to the stock market: national features / B. Podgorny // *Economic Annals-XXI*. – 2016. – № 3–4. – p. 68–71 DOI: 10.21003/ea.V157-0021

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.067>Белова О. А.¹, Казанцева Д. Б.², Костюк Ю. А.³, Тарасов С. В.⁴¹ORCID: 0000-0002-1199-8625, ²ORCID: 0000-0001-8291-4452, кандидат психологических наук,³ORCID: 0000-0002-3235-0190, ⁴ORCID: 0000-0001-8291-4452, кандидат психологических наук,^{1,2,4}Пензенский государственный университет³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия**ДУХОВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ****Аннотация**

В качестве оптимального способа коррекции психологических характеристик лиц имеющих лишний вес, исходя из предположения, что одной из сфер самореализации может являться саморазвитие и самосовершенствование, осуществляемое в ходе духовно-ориентированных, а именно телесно-ориентированных практик, получены результаты, выявившие изменения по шкале личностного роста и семейным взаимоотношениям у пациентов, занимавшихся телесно-ориентированными практиками, давшие возможность утверждать, что применение данного подхода является оптимальным способом коррекции и самореализации личности людей и особенно с лишним весом.

Ключевые слова: духовно-ориентированные практики, телесно-ориентированный подход, самореализация, лишний вес.

Belova O.A.¹, Kazantseva D.B.², Kostyuk Yu.A.³, Tarasov S.B.⁴¹ORCID: 0000-0002-1199-8625, ²ORCID: 0000-0001-8291-4452, PhD in Psychology,³ORCID: 0000-0002-3235-0190, ⁴ORCID: 0000-0001-8291-4452, PhD in Psychology,^{1,2,4}Penza State University³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia**SPIRITUALLY-ORIENTED PRACTICES AS METHOD OF SELF-REALIZATION OF PERSON****Abstract**

As an optimal way of correcting the psychological characteristics of overweight persons, based on the assumption that self-development and self-improvement carried out in the course of spiritually-oriented, namely, body-oriented practices, are the spheres of self-realization, the obtained results revealed changes concerning personal growth and family relationships in those patients engaged in body-oriented practices, which made it possible to assert that the application of this approach is an optimal way of correction and self-realization of the human personality and especially of those overweight.

Keywords: spiritually oriented practices, bodily-oriented approach, self-realization, overweight.

Духовные практики, ориентированные на работу с человеком и его телом, обладают фундаментальной целительной силой. При их использовании, человек достигает особого психического состояния, особого рода медитативного дыхания и бесконтактного и контактного энергетического массажа, позволяя осуществлять самооздоровление. Духовное исцеление предполагает восстановление нарушенных линий связи в энергетическом поле человека, насыщение энергией всего организма. Способствует этому разработка физического тела – возвращение ему гибкости, подвижности, крепости. Специально подобранный комплекс упражнений, зачастую извлеченный из древневосточных трактатов, с учетом особенностей современного образа жизни, разработанный современными авторами, может вызвать прилив творческих сил в душе, выстроить образ, попадающий в резонанс с идеальным состоянием всех структур и субстанций человеческого организма. В ходе упражнений сработает эффект камертона и процесс оздоровления принимает лавинообразную форму, где результаты могут превзойти самые смелые ожидания, так как в процессе телесно-ориентированных практик запускается некий код доступа к резервным ресурсам организма. Выражение «телесная реальность» отражает способность «получать чувственный опыт, переводимый в образы и концепты, и возможностью выражать себя в телесной экспрессии» [6].

Телесно-ориентированный подход, в коррекции духовных и физических проблем человека, развивает способность осознавать свою телесно-чувственную природу, строит мост между мыслями, действиями и эмоциями, запускает процесс их осознания и трансформации, их соединения в единое целое, позволяя найти внутренние ресурсы для необходимых изменений. Телесно-чувственное осознание является ключом к поиску жизненных смыслов, к обретению себя, к полноценной самореализации.

В современном мире, разрушение ценностных основ жизни нашего общества и, каждого, отдельно взятого человека, приводит к смыслообразующему коллапсу, потере личностной ориентации, замыканию на узком круге доступных средств обретения эмоциональной стабильности и комфорта. Актуальность осознания ряда проблем, в том числе и самой современной из них – проблемы лишнего веса и причин, повлекших ее за собой, в процессе формирования ответственного отношения к своему здоровью, подкрепляется нарастающим темпом и масштабом ее распространения в современном мире, принятием необходимых мер по поддержке здорового питания и регулярной физической активности. По данным ВОЗ в 2014 году 39% взрослых людей старше 18 лет имели избыточный вес и 13% страдали ожирением. Основная причина проблем с весом – энергетический дисбаланс, при котором калорийность рациона превышает энергетические потребности организма.

Предполагая, что одной из сфер самореализации является саморазвитие и самосовершенствование и в качестве одного из оптимальных способов коррекции психологических характеристик у лиц, имеющих лишний вес, возможен телесно-ориентированный подход как метод способствующий самореализации личности, опираясь на концепцию самореализации личности Д.А. Леонтьева, ценностную концепцию, рассмотренную Н.В. Ключевой и М.М. Бахтиным, биоэнергетическую концепцию А. Лоуэна, телесно-ориентированный подход в терапии в изложении В.Ю. Баскакова и И.Г. Малкиной-Пых, в своем практическом исследовании для решения проблемы мы использовали следующие

методики: тест смысловых ориентаций (ТСЖО) Д.А. Леонтьева, опросник «Жизненные цели» Э. Дисси и Р. Райан (Рочестерский университет, США) адаптированный Ключевой Н.В. и Чирковым В.И., MUST-тест под редакцией П.Н. Ивановой и Е.Ф. Колобовой, графическую психодиагностическую методику «Не дайте человеку упасть» Е.Т. Смирновой.

Базу исследования составили все пациенты медицинского центра по контролю и коррекции веса (ООО «Центр коррекции веса») в количестве 278 человек, в возрасте от 23 до 75 лет, из них 17 мужчин и 261 женщина.

Исследование проводилось с двумя группами, экспериментальной и контрольной, поставленными в разные условия. Для экспериментальной группы в программу аппаратной коррекции веса медицинского центра была дополнительно включена телесно-ориентированная терапия.

На основе собранного в процессе статистического наблюдения материала, были выделены ряд параметров, позволившие распределить общую совокупность генеральной выборки по группам по возрастному и половому признаку. Группировка по возрасту осуществлялась в соответствии с системой периодизации, предложенной Г. Крайгом, где установлены следующие границы: от 20 до 40 лет – ранняя зрелость, от 40 до 60 – средняя зрелость и от 60 лет – поздняя зрелость [10, С. 20].

В результате первичной диагностики экспериментальной и контрольной группы мы получили количественные и качественные данные, отражающие ценностно-смысловые характеристики лиц данных групп.

По методике «Смысловые ориентации личности» в обеих группах сравнительный анализ по всем шкалам показал несущественные различия в уровне наличия целей в будущем, удовлетворенности процессом жизни и прожитой частью жизни в экспериментальной и контрольной группе, сгруппированных по возрасту (табл.1)

Таблица 1 – Результаты испытуемых по методике «ТСЖО»: распределение по возрасту в баллах

Шкалы	Группировка по возрасту					
	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	20-40	40-60	60+	20-40	40-60	60+
Цели в жизни	35,33	35,18	36,00	34,67	34,14	39,71
Процесс жизни	33,33	32,14	29,14	31,56	30,04	36,71
Результативность жизни	28,44	28,21	28,71	24,44	25,43	31,43
Локус контроля – Я	22,67	22,86	23,43	21,67	21,54	23,86
Локус контроля – Жизнь	33,22	31,04	28,86	30,56	28,07	34,86
Общий показатель ОЖ	111,89	110,46	106,00	105,11	102,96	122,57

По результатам группировки данных наибольшее среднее значение набранных баллов по шкале «Общий показатель ОЖ» представляющей суммированное значение всех остальных пяти шкал в экспериментальной группе принадлежит исследуемым в возрасте 20-40 лет (111,89), наименьшее – возрастному периоду 60+ (106,00); в контрольной группе наибольшее значение принадлежит периоду 60+ (122,57), наименьшее – периоду 40-60 (102,96).

Графически результаты группировки средних значений признака по шкале «Общий показатель ОЖ» представлены на рисунке 1.

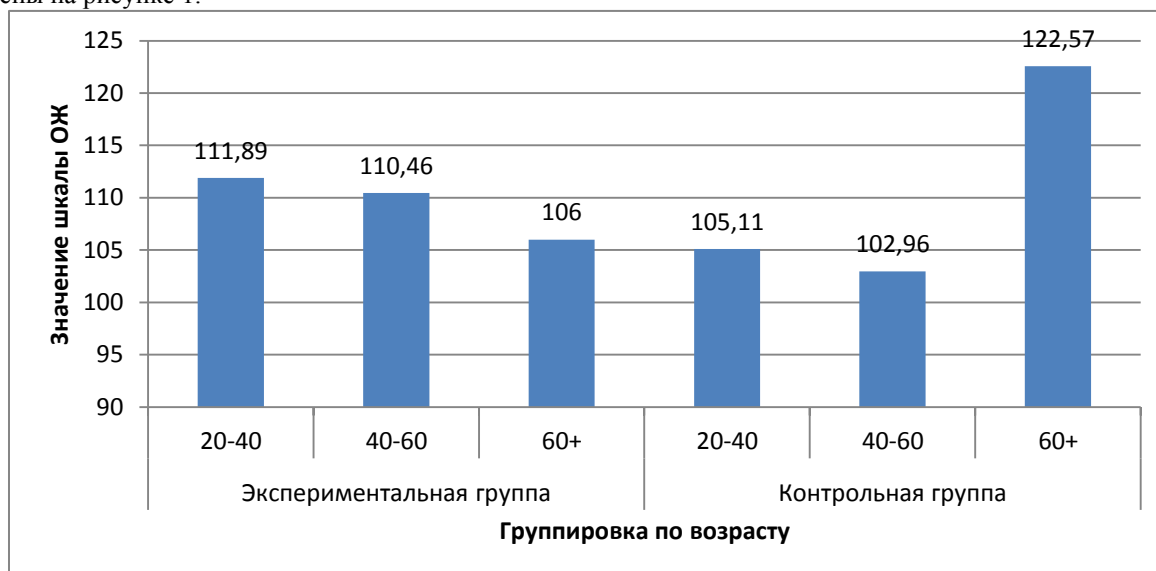

Рис. 1 – Результаты испытуемых по методике «ТСЖО»: распределение по возрасту в баллах

Для выявления ценностной составляющей жизни исследуемых нами были применены методики «Жизненные цели» и MUST-тест. Ранжированные по степени важности для индивида ценности были преобразованы нами в частотные ряды в соответствии с рангом. Результаты вычислений по моде для частотных распределений двух групп выборки в соответствии с рангом по каждому наименованию жизненной цели представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты вычислений по моде для частотных распределений двух групп выборки в соответствии с рангом по каждому наименованию опросника «Жизненные цели»

№ п/п	Жизненные цели	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Место по значимости	Частота выбора	Процент от общего числа	Место по значимости	Частота выбора	Процент от общего числа
	свобода, открытость и демократия в обществе	14	8	3,84%	6	6	2,88%
	безопасность и защищенность	1	10	4,80%	1	8	3,84%
	служение людям	10	8	3,84%	8	6	2,88%
	власть и влияние	14	8	3,84%	15	17	8,16%
	известность	13	14	6,72%	14	13	6,24%
	автономность	6	6	2,88%	7	7	3,36%
	материальный успех	2	11	5,28%	4	9	4,32%
	богатство духовной культуры	5	9	4,32%	9	10	4,80%
	личностный рост	6	10	4,80%	1	23	11,04%
	здоровье	1	37	17,76%	4	10	4,80%
	привязанность и любовь	3	13	6,24%	2	10	4,80%
	привлекательность	7	7	3,36%	11	10	4,80%
	чувственные удовольствия	14	9	4,32%	13	10	4,80%
	межличностные контакты и общение	5	10	4,80%	7	8	3,84%
	богатая духовно-религиозная жизнь	15	10	4,80%	15	14	6,72%

В экспериментальной группе на первом месте в равной степени оказались такие жизненные цели, как «безопасность и защищенность» и «здоровье» (их качественные характеристики выражены в следующих долженствованиях: «поправить свое здоровье»; «быть здоровой»; «заняться коррекцией веса»; «заботиться о себе»; «восстановить свое здоровье»; «поддерживать дальнейшее здоровье»; «дожить в здравом уме до 85 лет»; «скинуть 20 кг»); на втором «материальный успех» (был проявлен в необходимости: «отдать долги»; «добиться ремонта в квартире после потопа»; «иметь работу»; «быть работоспособной»; «найти любимую работу»; «найти высокооплачиваемую работу»; «быть богатой» и сопутствующих опасениях: «потерять работу»; «на работе все взвалит на тебя»; «не сможешь найти работу по душе»; «не будет денег»); на третьем «привязанность и любовь» (долженствования: «быть любимой»; «самой любить»; «быть счастливой»; «больше внимания уделять маме»; «наладить отношения со свекровью»; «выйти замуж»; беспокойство за близких: «ужасно, если предаст любимый человек»; «уходят родные люди»; «нет взаимопонимания»; «дети страдают в семье и они никому не нужны»; «тебя не любят и ты не любишь»); на пятое, шестое, седьмое, девятое места соответственно пришлись «богатство духовной культуры» (потребность духовного роста и переживания что «молодежь не духовна»; «старость не уважают»; «окружение безнравственно»; «позволяют себе грубость к родителям»); «межличностные контакты и общение» (сфера межличностного общения выражена преимущественно через нетерпимость к асоциальному поведению: пьянству, хулиганству, насилию, предательству); «личностный рост» (стремление «жить в гармонии с самой собой»; «развиваться»; «достичь поставленных целей»; «заняться своим совершенствованием»); «автономность» («никому не должен»; «проявить силу воли»; «быть стойкой»; «все успевать»); «служение людям» (долженствование помогать своим близким и родным: «помогать детям»; «достойно вырастить сына»; «помогать своим знакомым»; «быть готовой к помощи другим»; «воспитать достойно своих детей и внуков»; «привить любовь и достоинство»).

В контрольной группе по результатам сортировки предпочтения аналогичного содержания по жизненным целям имели следующий вид: на первом месте «безопасность и защищенность» и «личностный рост»; на втором и третьем «привязанность и любовь»; на четвертом месте «материальный успех» и «здоровье»; с шестого под девятое место соответственно были выделены «свобода, открытость и демократия в обществе», «межличностные контакты и общение», «служение людям», «автономность», «богатство духовной культуры».

В целях сопоставления эмпирических данных по каждой исследуемой нами группе мы осуществили распределение частот выбора наиболее предпочитаемых целей в соответствии с возрастными периодами. Данные распределения представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение частот выбора наиболее предпочитаемых целей в соответствии с возрастными периодами

№ п/п	Жизненные цели	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		20-40	40-60	60+	20-40	40-60	60+
	свобода, открытость и демократия в обществе	-	80%	20%	-	100%	-
	безопасность и защищенность	10%	70%	20%	-	75%	25%
	служение людям	-	87%	13%	-	83%	17%
	автономность	50%	33%	17%	43%	28%	29%
	материальный успех	27%	64%	9%	45%	33%	22%
	богатство духовной культуры	12%	78%	10%	10%	80%	10%
	личностный рост	10%	80%	10%	30%	61%	9%
	здоровье	24%	62%	14%	10%	60%	30%
	привязанность и любовь	62%	38%	-	20%	70%	10%
	межличностные контакты и общение	50%	40%	10%	25%	50%	25%

Обработка и интерпретация результатов графической психодиагностической методики «Не дайте человеку упасть» (табл. 4) в обеих исследуемых группах показала следующее: такие особенности поведения как склонность все пускать на самотек, доведение ситуации до критического состояния, бездействие, в случае изображения воды (река, озеро), показали 16 испытуемых экспериментальной группы, причем наибольшее количество пришлось на возраст от 40 до 60 лет (13 человек); в контрольной группе количество испытуемых, изображавших воду, составило 18 человек и наибольшее количество человек пришлось на возраст от 40 до 60 лет (11).

Таблица 4 – Результаты графической диагностики испытуемых «Не дайте человеку упасть» в количественном соотношении

Элементы рисунка	Экспериментальная группа			Всего по эксп. гр.	Контрольная группа			Всего по контр. гр.
	20-40	40-60	60+		20-40	40-60	60+	
вода	2	13	1	16	5	11	2	18
батут	2	3	5	10	-	6	3	9
человек	-	-	-	-	-	1	1	2
холмик	-	4	1	5	1	4	1	6
крылья	6	7	-	13	5	5	-	10
страховка	1	3	-	4	-	3	-	3
всего	11	30	7	48	11	30	7	48

Для тех, кто изображал батут или сетку под ногами человека обладание такими чертами, как склонность к предусмотрительности показали в экспериментальной группе 10 человек из всех опрошенных, в контрольной 9 человек, при этом наибольшую предусмотрительность отразили на рисунке в экспериментальной группе лица от 60 лет (5 человек), в контрольной лица от 40 до 60 лет (6 человек). При изображении человека с вытянутыми руками, готового поймать в свои объятия, такие качества как неосмотрительность и доверчивость в критической ситуации, не способность самостоятельно найти выход можно отнести к испытуемым контрольной группы (2 человека); испытуемые экспериментальной группы данный элемент теста в своих рисунках не использовали. Превращение обрыва на бланке теста с изображенным человеком в небольшой холмик, что свидетельствует об обладании лидерскими качествами и способностью вести людей за собой в критической ситуации, использовали в экспериментальной группе лица, составляющие 5 человек, в контрольной – 6 человек. Изображение крыльев (парашюта, самолета и т.п.), что говорит о находчивости в сложной ситуации, было выявлено в экспериментальной группе у 13 человек от общего числа; в контрольной группе у 10 человек от общего числа. Небольшое количество испытуемых, в экспериментальной группе (4 человека), в контрольной группе – (3 человека), изобразили на бланке теста трос (веревку), закрепленный над обрывом, что было нами проинтерпретировано как нерешительность, неуверенность в своих силах найти выход из создавшегося положения.

Результаты по дополнительной оценочной шкале данной методики на выявление направленности действия (табл. 5) в экспериментальной группе показал для лиц в возрасте от 20 до 40 лет склонность к решительным и активным действиям в сложной ситуации, для периода средней и поздней взрослости – такие качества как нерешительность, терпеливость и ожидание, что все «утрается само собой»; в контрольной группе склонность к решительным и активным действиям в сложной ситуации была выявлена у испытуемых ранней и поздней взрослости.

Таблица 5 – Результаты диагностики испытуемых по графической психодиагностики «Не дайте человеку упасть» (характер направленности действия) в количественном соотношении

Направленность	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	20-40	40-60	60+	20-40	40-60	60+
Прыгает	11	27	5	11	29	7
Падает	-	3	2	-	1	-
Всего	11	30	7	11	30	7

Таким образом, если в экспериментальной группе мы обнаружили тенденцию к снижению активной жизненной позиции, то в контрольной группе такой тенденции не наблюдалось.

Для подтверждения предположения о том, что телесно-ориентированный подход эффективен в коррекции ценностных, смысловых ориентаций личности и самореализации людей с лишним весом, нами был сформирован и проведен комплекс телесно-ориентированной терапии направленный на ощущение опоры подступая для придания уверенности в себе, формирование чувства доверия и готовности получать поддержку группы, обнаружение и проработку скрытых мышечных напряжений, повышение координации и сбалансированности тела посредством техник заземления, звучания, медитативных и дыхательных практик.

В основу разработки комплекса были положены практические рекомендации И. Г. Малкиной-Пых, биоэнергетические опыты А. Лоуэна, медитативные практики Й. Бхаджина. Основанием для включения в комплекс телесно-ориентированной терапии, дыхательных техник и асан, стали опубликованные нами ранее результаты исследований в группах лиц, использующих медитативные и дыхательные практики, показавшие значимые различия в уровне эмоционального интеллекта [11, С. 130-133], уровня стрессоустойчивости [12, С. 152-155], а также выявившие положительную динамику состояния функциональных систем организма и биологического возраста [2, С. 125-128].

Энергетические процессы, происходящие в теле ответственны за продуцирование энергии через дыхание, метаболизм и высвобождение ее в движении. С целью запустить интегрирующие процессы были подобраны упражнения, подобные тем, что применяются в развитии речевого дыхания (пропевание гласных звуков), упражнения с задержкой дыхания на четыре и восемь счетов, комплекс дыхательных упражнений, применяемый в Кундалини йоге [3, С. 74-76]. В комплекс также вошли упражнения, направленные на оздоровление и укрепление всех отделов позвоночника (скручивание, наклоны, вращательные движения), растяжение и расслабление седалищного нерва и нижних мышц спины [3, С. 17-20].

После прохождения испытуемыми экспериментальной группы комплекса упражнений телесно-ориентированной терапии, рассчитанного на коррекцию ценностно-смысловых характеристик личности нами была проведена повторная диагностика ценностной составляющей жизни испытуемых экспериментальной и контрольной группы в соответствии с возрастными задачами каждого из трех периодов взрослости: периода ранней взрослости (20-40 лет), средней взрослости (40-60 лет) и периода поздней взрослости (от 60 лет).

В результате повторной диагностики и сравнения полученных данных с начальными данными, значимые изменения были выявлены у испытуемых экспериментальной группы по следующим характеристикам: при выявлении ценностной составляющей жизни, личностный рост и взаимоотношения с близкими людьми поднялись по ранговой шкале, заняв более приоритетные позиции для испытуемых после прохождения занятий с телесно-ориентированным подходом; изменения процентного соотношения по данным повторной диагностики экспериментальной группы, касающиеся ценностных предпочтений в соответствии с возрастными задачами каждого из трех периодов взрослости, показали положительные сдвиги в отношении лиц средней и поздней взрослости (от 40 до 60 лет и от 60 лет), где было выявлено увеличение процента исследуемых, осознавших в себе ресурс для самореализации в стремлении достичь финансового благополучия, исходя из собственных потребностей; в сфере личностного развития; в сфере семейных взаимоотношений.

Результаты графической психодиагностической методики «Не дайте человеку упасть» на выявление особенностей поведения в форс-мажорных ситуациях показало увеличение тенденции к склонности полагаться на самоурегулирование ситуации, не предпринимая активных шагов для ее изменения, но при этом по дополнительной оценочной шкале данной методики на выявление направленности действия при повторной диагностике склонность самостоятельно принимать решение в сложной ситуации показали все испытуемые. В контрольной группе значимых изменений выявлено не было.

Таким образом, по результатам исследования была выявлена тенденция к личностному развитию и укреплению семейных взаимоотношений с близкими людьми у лиц экспериментальной группы, прошедших курс телесно-ориентированной терапии, что дает нам основание полагать эффективность телесно-ориентированного подхода в сфере личностных коммуникаций и личностного роста для лиц с лишним весом.

В основу данного исследования были положены результаты ранее проведенных авторами исследований по выявлению значимых изменений психологических характеристик личности группы лиц, практикующих телесно-ориентированные техники. Результаты исследования выявили изменения по шкале личностного роста и семейных взаимоотношений у пациентов, прошедших курс телесно-ориентированной терапии, что дает основание продолжить более детальное исследование возможности применения телесно-ориентированного подхода как способа коррекции и самореализации личности людей с лишним весом по осознанию в себе ценностно-смысловых ресурсов для дальнейшего личностного роста и самореализации, а также могут послужить основой для разработки программы телесно-ориентированной коррекции для людей разных возрастных периодов.

Список литературы / References

1. Баскаков В. Ю. Свободное тело / В. Ю. Баскаков. — М.: Институт Общегуманитарных Исследований. — 2004. — 224 с.

2. Ильина Н. Л. Особенности параметров оценки биологического возраста с помощью скрининг-диагностики «ОМЕГА-С» у лиц, осваивающих методы активного обучения / Н.Л. Ильина, С. В. Тарасов, О. А. Белова и др. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 1 – 3 (55). – С. 125 – 128.
3. Йоги Бхаджан, Кхалса Гуручаран Сингх. Практики водолеев: Кундалини-йога / Пер. с англ. Т. Чернышевой, Лопашинова. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика». – 2009. – 175 с.: ил.
4. Ключева Н.В. Ценностно-рефлексивный подход к психологическому обеспечению деятельности педагога / Н. В. Ключева // Психолого-педагогическая культура: проблемы, поиски, решения. Ярославль. – 1999. – С. 8 – 16.
5. Куприяно, Р. В. Психодиагностика стресса: практикум/ сост. Р. В. Куприянов, Ю. М. Кузьмина // М-во образ. и науки РФ, Казан. гос. технол.ун-т. – Казань: КНИТУ. – 2012. – 212 с.
6. Лаврова О. В. Концепция телесности в интегративной психотерапии / О. В. Лаврова // Журнал практического психолога, 2006 // http://ad hoc-coaching.spb.ru/articles/texts/koncepciya_telesnosti.htm
7. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. / Д. А. Леонтьев // М.: Смысл. – 2000. – 18 с.
8. Лоуэн А. Сборник биоэнергетических опытов / А. Лоуэн, Л. Лоуэн // Пер. с англ. Е.В. Поле. – М.: ООО «Издательство АСТ». – 2004. – 188 с
9. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика: справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых // М.: Изд-во Эксмо. – 2005. – 992 с.
10. Таран И. И. Психология зрелых возрастов. Учебное пособие для бакалавров./ И. И. Таран, В. В. Смирнова // Великие Луки. – 2014. – 302 с.
11. Тарасов С. В. Активные методы социопсихологического обучения в группах ТОТ как формирующая среда эмоциональной компетентности / С.В. Тарасов, О. А. Белова, Д. Б. Казанцева и др. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10 – 4 (52). – С. 130 – 133.
12. Тарасов С. В. Исследование особенностей эмоциональных характеристик преподавателей физической культуры и занимающихся кундалини-йогой / С. В. Тарасов, О. А. Белова и др. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5 – 6 (47). – С. 152 – 155.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baskakov V. Ju. Svobodnoe telo / [Free body] V. Ju. Baskakov. — М.: Institut Obshhegumanitarnyh Issledovanij. — 2004. — 224 p. [in Russian]
2. Il'ina N. L. Osobennosti parametrov ocenki biologicheskogo vozrasta s pomoshh'ju skringing-dagnostiki «OMEGA-S» u lic, osvvaivajushhih metody aktivnogo obuchenija [Peculiarities of biological age estimation parameters using screening diagnostics of "OMEGA-S" in individuals who learn active learning methods] / N.L. Il'ina, S. V. Tarasov, O. A. Belova and others // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — 2017. — № 1 – 3 (55). — P. 125 – 128. [in Russian]
3. Jogi Bhadzhan, Khalsa Gurucharan Singh. Praktiki vodoleev: Kundalini-joga [Practices of Aquarius: Kundalini Yoga] / Trans. With English. T. Chernyshevoj, Lopashinova. — SPb.: Izdatel'skaja gruppa «Azбуka-klassika». — 2009. — 175 p. [in Russian]
4. Kljueva N.V. Cennostno-refleksivnyj podhod k psihologicheskemu obespecheniju dejatel'nosti pedagoga [Value-reflexive approach to the psychological support of the teacher's activity] / N. V. Kljueva // Psihologo-pedagogicheskaja kul'tura: problemy, poiski, reshenija. Jaroslavl' [Psychological and pedagogical culture: problems, searches, solutions. Jaroslavl]. — 1999. — P. 8 – 16. [in Russian]
5. Kuprijanov R. V. Psihodiagnostika stressa: praktikum [Psychodiagnostics of stress: a workshop] / comp. R. V. Kuprijanov, Ju. M. Kuz'mina // M-vo obraz. i nauki RF, Kazan. gos. tehnol.un-t. — Kazan': KNITU. — 2012. — 212 p. [in Russian]
6. Lavrova O. V. Koncepcija telesnosti v integrativnoj psihoterapii [The concept of corporality in integrative psychotherapy] / O. V. Lavrova // Zhurnal prakticheskogo psihologa, 2006 // http://ad hoc-coaching.spb.ru/articles/texts/koncepciya_telesnosti.htm [in Russian]
7. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennyh orientacii (SZhO) [The test of meaning-of-life orientation (SZHO)]. 2nd edition. / D. A. Leont'ev // М.: Смысл. – 2000. – 18 p. [in Russian]
8. Loujen A. Sbornik biojenergeticheskikh opytov [Collection of bioenergy experiments] / A. Loujen, L. Loujen // Trans. With English. E. V. Pole. — М.: ООО «Izdatel'stvo AST». — 2004. — 188 p. [in Russian]
9. Malkina-Pyh I. G. Psihosomatika: spravocnik prakticheskogo psihologa [Psychosomatics: a directory of practical psychologist] / I. G. Malkina-Pyh // М.: Izd-vo Jeksmo. — 2005. — 992 p. [in Russian]
10. Taran I. I. Psihologija zrelyh vozrastov. Uchebnoe posobie dlja bakalavrov [Psychology of mature ages. Study Guide for Bachelors]. / I. I. Taran, V. V. Smirnova // Velikie Luki. — 2014. — 302 p. [in Russian]
11. Tarasov S. V. Aktivnye metody socpsihologicheskogo obuchenija v gruppah TOT kak formirujushhaja sreda jemocional'noj kompetentnosti [Active methods of sociopsychological training in TOT groups as a forming environment of emotional competence] / S.V. Tarasov, O. A. Belova, D. B. Kazanceva and others // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — 2016. — № 10 – 4 (52). — P. 130 – 33. [in Russian]
12. Tarasov S. V. Issledovanie osobennostej jemocional'nyh harakteristik prepodavatelej fizicheskoj kul'tury i zanimajushhihsja kundalini-jogoj [Study of the characteristics of emotional characteristics of teachers of physical culture and engaged in kundalini yoga] / S.V. Tarasov, O. A. Belova, D. B. Kazanceva and others // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — 2016. — № 5 – 6 (47). — P. 152 – 155. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.070>

Слюсарев А.С.

Кандидат медицинских наук,

ФГКУ «Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко» Министерства обороны
Российской Федерации**К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИРОДОПОДОБНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ
ПРОФИЛАКТИКЕ И ЛЕЧЕНИИ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ****Аннотация**

В современном мире все больше людей страдают психическими расстройствами. В генезе психических заболеваний важное место занимает и негативное воздействие окружающей среды. Урбанизация привела к тому, что значительная часть городского населения страдает от широкого спектра психических расстройств разной степени выраженности. Как показывает международный опыт, одним из оптимальных средств профилактики и лечения таких расстройств является создание благоприятной среды, окружающей человека, и как способ достижения этой цели – внедрение природоподобных технологий в сферу охраны психического здоровья. Эта задача актуальна и в России, что подчеркнул в своем выступлении в ходе 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Российской Федерации В.В. Путин. Автор статьи рассматривает дальнейшее внедрение природоподобных технологий в медицину и, на основе анализа международных практик, – внедрение природоподобной терапии при лечении психических расстройств. Комплексное использование подобных методов лечения способно радикально улучшить психическое здоровье нации, демографическую ситуацию, способствовать повышению трудоспособности населения, что в дальнейшем отразится и на векторе экономико-социального развития России.

Ключевые слова: природоподобная терапия; природоподобные технологии; психическое здоровье; зелёное здравоохранение, профилактика психических расстройств.

Slyusarev A.S.

MD, FSOE "Burdenko Main Military Clinical Hospital" of the Ministry of Defense of the Russian Federation
**ON DEVELOPMENT OF CONCEPT OF NATURE-FRIENDLY TECHNOLOGIES IN PREVENTION AND
TREATMENT OF MENTAL DISEASES****Abstract**

More and more people in the modern world suffer from mental disorders. A negative impact of the environment takes an important place in the genesis of mental diseases. Urbanization has led to the fact that a significant part of the urban population suffers from a wide range of mental disorders of varying severity. The international experience shows that one of the best means of prevention and treatment of such disorders is to create an enabling environment surrounding a person, and one of the ways to achieve this goal is to introduce nature-friendly technologies in the field of mental health. The President of the Russian Federation, V.V. Putin emphasized that this problem is also relevant in Russia in his speech at the 70th session of the UN General Assembly. The author of the paper considers the further introduction of nature-friendly technologies into medicine and, based on the analysis of international practices, the introduction of nature-friendly therapy in the treatment of mental disorders. The integrated use of such treatment methods can radically improve the mental health of the nation, the demographic situation, contribute to the increase in the working capacity of the population, which will affect the vector of economic and social development of Russia in future.

Keywords: nature-friendly therapy; nature-friendly technologies; mental health; green health, prevention of mental disorders.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [1], приоритеты и перспективы развития Российской Федерации заключаются, в том числе, в необходимости обеспечить готовность страны к большим вызовам, еще не проявившимся и не получившим широкого общественного признания, предусмотреть своевременную оценку рисков, обусловленных научно-технологическим развитием. Ключевую роль в этом должна сыграть российская фундаментальная наука, обеспечивающая получение новых знаний и опирающаяся на собственную логику развития.

Как отметил в своем выступлении в ходе 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Российской Федерации В. В. Путин [2]: «Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой. Это действительно вызов планетарного масштаба. Убежден, чтобы ответить на него, у человечества есть интеллектуальный потенциал».

На сегодняшний день вопросом технологического и технического внедрения природоподобных технологий в различных отраслях народного хозяйства занимается НИЦ «Курчатовский институт». Однако эффективность развития экономики государства зависит не только от технологического развития и внедрения природоподобных технологий в промышленности. Как доказали многолетние международные исследования, на экономическое развитие напрямую влияет осознание процессов, происходящих в обществе, его состояние, как физическое, так и психическое. Причем психическое состояние общества является одним из определяющих факторов развития экономики страны.

Общезвестно, что психическое здоровье является неотъемлемой частью и важнейшей составляющей здоровья человека и всего общества в целом. В Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) прописано [3], что здоровье измеряется состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов. Одним из ключевых детерминант психического здоровья являются многочисленные биологические, психологические и социальные факторы. Как следствие этого, процесс укрепления психического здоровья состоит не только из своевременного выявления и лечения психических заболеваний, но и

действия по созданию благоприятных условий жизни и окружающей среды, направленных на поддержание психического здоровья и позволяющих людям придерживаться здорового образа жизни.

На протяжении многих десятилетий считалось, что основной причиной многих психических заболеваний является дисбаланс химического состава мозга. На этом предположении основан принцип действия всех современных психотропных препаратов, от антидепрессантов до нейролептиков.

Однако новейшие исследования ставят под сомнение данный фундаментальный посыл. В современной психологии появляется все больше исследований, оспаривающих эффективность искусственного регулирования химических процессов в мозге человека. В частности, доктор Келли Бродан [4] указывает, что зачастую сами по себе многие психические заболевания не являются заболеваниями в полном смысле этого слова, а всего лишь отражают симптомы негативных процессов, протекающих в окружающей человека среде. Следуя таким выводам, можно заключить, что современные психотропные препараты способны лишь кратковременно снять наиболее острые проявления психических расстройств (высокий стресс, нервный срыв и пр.), однако неспособны вылечить человека полностью и окончательно.

К реализации национальной политики в области охраны психического здоровья помимо сектора здравоохранения должны быть привлечены сферы образования, труда, правосудия, транспорта, охраны окружающей среды, жилищного строительства и социального обеспечения. Причем помимо психических расстройств, в центре внимания должно быть также укрепление психического здоровья населения. Эти вопросы должны быть учтены в государственных и негосударственных стратегиях и программах.

Рост психических расстройств приводит к увеличению числа инвалидов и людей, неспособных заниматься трудовой деятельностью. Посчитано, что связанные с психическими заболеваниями потери производительности труда оцениваются в 1,3 % от ВВП [5, С. 21]. Нужно учитывать, что речь идет о потерях, связанных с больными, учтенными официально, в действительности же, эти потери значительно выше.

Количество людей с психическими заболеваниями растет во всем мире. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2020 году психические расстройства войдут в первую пятерку болезней, ведущих к потере трудоспособности [6]. В России показатели хуже, чем среднемировые. По данным 2015 года [7, С. 10] в России зарегистрировано 4044210 пациентов с психическими расстройствами или 2764,9 на 100 тысяч населения. Это только те больные, которые попали в поле зрения государственной психиатрической службы. Реальное число людей с психическими расстройствами, по некоторым данным, в несколько раз больше. Как заявил спикер Совета Федерации С. М. Миронов на заседании Совета по делам инвалидов в 2009 году [8], если в мире около 15% нуждаются в психиатрической помощи, то в России их число достигает 25%.

По мнению экспертов ВОЗ [9, С. 8], основными причинами возрастания числа психических расстройств в современном мире служат увеличение плотности населения, урбанизация, разрушение окружающей среды, выход производственных и образовательных технологий на более сложный уровень, рост частоты возникновения чрезвычайных ситуаций, ухудшение физического здоровья, в том числе репродуктивного, рост числа травм головного мозга и родовых травм, интенсивное старение населения. Отдельным фактором, оказывающим негативное влияние на психическое здоровье современного человека, является так называемая информационная перегрузка, также известная как «синдром информационной усталости». Данный термин зародился еще в 60-70-х гг. прошлого века, однако именно сейчас, в связи с экспоненциальным ростом информационных потоков, вследствие опережающего развития цифровых коммуникационных технологий, возникла серьезная угроза патологического влияния информационной перегрузки на значительную часть населения.

Согласно датским исследованиям 2001 года [10, С. 1039-1046] люди, выросшие в крупных городах, подвержены большому риску развития шизофрении (рис. 1).

Рис. 1 – Результаты датских исследований 2001 года относительного риска развития шизофрении

Перечисленные причины в полной мере актуальны и для России. Общество, пребывающее в кризисном состоянии, резкий экономический спад и снижение уровня жизни, урбанизация, смена ценностей и идеологических представлений, ломка жизненных стереотипов, возникающие межнациональные конфликты, природные и

техногенные катастрофы, приводящие к миграции населения — все это существенным образом негативно отражается на психическом состоянии членов общества, приводит к стрессам, чувству неуверенности, тревоге за завтрашний день. И, как следствие, вызывает фрустрацию, депрессию, резкое снижение трудоспособности. Урбанизация, наряду с социально-экономическим статусом, высокими психоэмоциональными нагрузками, экстремальными ситуациями, а также различиями в доступности специализированной медицинской помощи являются ведущими социальными предикторами пограничных психических расстройств в современной России [11, С. 19].

Данная проблема является весьма серьезной, и изучение современных мировых тенденций в данной области показывает, что для её решения недостаточно традиционных методов, применяемых в сфере укрепления психического здоровья населения, а также профилактики и лечения психических заболеваний. Всё большее внимание в мире уделяется поиску новых подходов, одним из которых является внедрение природоподобных технологий в сфере укрепления психического здоровья населения, уже показавшего себя в качестве эффективного инструмента обеспечения устойчивого социального, экономического, научного и технологического развития, что является одной из приоритетных задач любого государства. К сожалению, вопросу внедрения природоподобных технологий в этой области в России в настоящее время уделяется недостаточно внимания.

В некоторых европейских странах понятие природоподобных технологий, как комплекса мер по защите, устойчивому управлению и восстановлению природных или модифицированных экосистем, которые эффективно и адаптивно решают задачи, стоящие перед обществом и приносящие выгоды одновременно для антропогенной среды и биосферы, в отличие от России, давно и широко распространено. В России же отдельные элементы стимулирования использования природоподобных технологий фрагментарно рассредоточены по различным нормативно-правовым актам, не сведены к единой базе и реестру и, зачастую, носят декларативный и необязательный характер. Яркий пример этому – технологии при проектировании в жилищном строительстве. Так, для создания комфортных условий проживания необходима ревизия требований к качеству строительных материалов, к планировке жилых кварталов, наличию зон озеленения, использованию возобновляемых источников энергии, использованию экологических видов общественного транспорта и многое другое, а также сведение всех этих требований в единую базу. Широкое распространение природоподобных технологий во всех сферах жизни человека является необходимым условием профилактики психических расстройств в условиях роста урбанизации, т.к. к 2050 году, по данным Michigan State University [11], 70% мирового населения будет жить в городах (рис. 2).

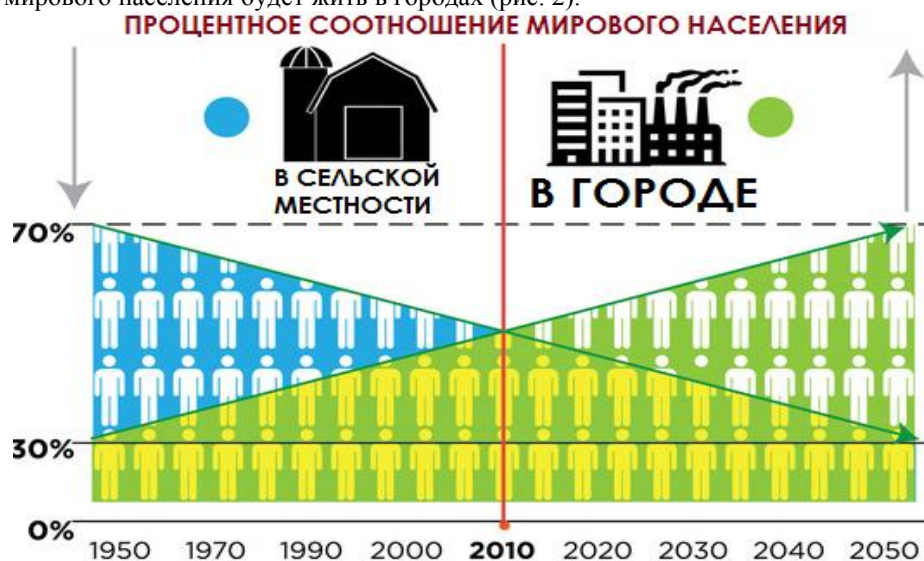

Рис. 2 – Процентное соотношение мирового населения в сельской местности и в городе

В то время как создание условий, необходимых для профилактики психических заболеваний при помощи внедрения природоподобных технологий, является долгосрочным проектом, эффект от реализации которого может проявиться только с течением времени, задача лечения психических заболеваний является неотложным вопросом, требующим принятия незамедлительных мер. В этом плане особый интерес вызывают концепции «зеленого здравоохранения» и экотерапии. Если рассматривать эти концепции строго в соответствии с определением природоподобных технологий, то и «зеленое здравоохранение», и экотерапия являются близкими по смыслу к природоподобным технологиям понятиями, но все же отличаются от них в ряде аспектов, поэтому возникают сложности терминологического характера при использовании данных подходов.

Вместе с тем, после публикации обширного исследования по вопросам применения природоподобных технологий для сохранения и укрепления психического здоровья населения в Великобритании [13], были выделены несколько направлений по реализации мер неотложного характера. В частности, было решено сделать следующие шаги:

1. Создание «Коалиции «зеленого здравоохранения» (Green Care Coalition), которая включает в себя около 25 различных организаций, для усиления сотрудничества в этой области;
2. Разработка программы повышения квалификации для медицинских работников, работающих в сфере психиатрии, с целью включения программы расширения применения природоподобных технологий для лечения психических заболеваний;

3. Продолжение финансирования исследований по масштабированию проектов создания инфраструктуры «зеленого здравоохранения».

Направления и методы терапии в рамках «зеленого здравоохранения» представлены на рисунке 3.

Рис. 3 – Направления и методы терапии в рамках «зеленого здравоохранения»

Указанные на рисунке методы профилактики и лечения психических расстройств описаны в литературе [14, С. 22] и в виде редких «вкраплений» применяются, наряду с традиционными методами профилактики и терапии психических расстройств, отдельными специалистами и клиниками. Разумеется, не со всеми можно согласиться: спектр работ весьма разнообразен. Не все вопросы одинаково глубоко проработаны, есть и скороспелые выводы, и некоторая однобокость трактовки ряда фактов и понятий. Это объясняется тем, что слишком велико желание авторов уже сейчас жить в стране, не потерявшей понимание собственной миссии, не позволившей растащить свой ресурсный и человеческий потенциал. Даже не соглашаясь с некоторыми очерченными авторами проблемами в области профилактики и лечения психических расстройств, в работах ученых и специалистов усматривается цельность взглядов на отсутствие до настоящего времени единой доктрины, объединяющей эти, безусловно, интересные с теоретической и практической точек зрения и перспективные природоподобные методы воздействия на риски развития и течение уже имеющейся психической патологии.

Таким образом, из двух магистральных направлений применения природоподобных технологий в сфере охраны психического здоровья – формирование благоприятной среды для профилактики психических заболеваний и лечение психических заболеваний с использованием «зеленого здравоохранения» – для Российской Федерации основной интерес представляет последний пункт. Поэтому на настоящий момент целесообразно дальнейшее изучение применения природоподобных технологий в сфере охраны психического здоровья именно в данном аспекте как одно из приоритетных направлений, прямо отражающихся на здоровье нации.

Список литературы/ References

1. Российская Федерация. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. : [утверждена Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642]. – [Электронный ресурс] // Президент России. – 2016. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 10.11.2017).
2. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Президент России. – 2015. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 10.11.2017).
3. Психическое здоровье [Электронный ресурс] / Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения // WHO Media center. – 2016. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru> (дата обращения: 13.11.2017).
4. Brogan K. The Roots of Mental Health : Maybe They're Not In Our Heads [Elektronik resource] / K. Brogan // Goop.com. – URL: <https://goop.com/wellness/mindfulness/the-roots-of-mental-health-maybe-theyre-not-in-our-heads/> (дата обращения 23.11.17).
5. Ястребов В. С. Экономическая оценка последствий психических заболеваний : Методические рекомендации для врачей-психиатров и организаторов здравоохранения / В. С. Ястребов, Т. А. Солохина, Л. С. Шевченко и др. – М. : Макс Пресс : 2009. – С. 21.
6. Россия лидирует по числу психических расстройств [Электронный ресурс]: // Newsru.com. – 2007. – URL: <http://www.newsru.com/russia/30jan2007/ruskiepsihi.html> (дата обращения 14.11.2017).

7. Казаковцев Б. А. Состояние психиатрических служб и распространенность психических расстройств в Российской Федерации в 2013-2015 годах / Б. А. Казаковцев, Н. К. Демчева, Т. А. Николаева и др. // Психическое здоровье. – 2016. – №7 (122). – С. 10.
 8. Миронов С. М. Выступление на Совете по делам инвалидов при Председателе Совета Федерации на тему «Актуальные проблемы оказания медицинской и социальной помощи лицам с психическими расстройствами» [Электронный ресурс] / С. М. Миронов // Mironov.ru – 2009. – URL: <http://mironov.ru/moya-pozitsiya/sergej-mironov-nedofinansirovanie-sihiatricheskoj-pomoshhi-krajne-opasno-i-beznavstvenno/> (дата обращения 14.11.2017).
 9. Шабунова А.А. Здоровье и здравоохранение : Учебное пособие для вузов / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, М.В. Морев др. ; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – С. 8.
 10. Pedersen C. B., Mortensen P. B., Evidence of a dose-response relationship between urbanicity during upbringing and schizophrenia risk/ C.B. Pedersen, P.B. Mortensen // Archives of General Psychiatry. – 2001. – Vol. 58(11). – P. 1039-1046.
 11. Самойлова Д. Д. Медико-социологическое обоснование социализации больных при пограничных психических расстройствах : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.02.05 / Самойлова Дарья Дмитриевна. – М.: 2011. – С. 19.
 12. Michigan State University. Need and opportunity [Electronic resource] // The Centre for Urban Design and Mental Health. – URL: <http://www.urbandesignmentalhealth.com/need-and-opportunity.html> (accessed: 15.11.2017).
 13. Natural England. Connecting with nature offers a new approach to mental health care [Electronic resource] // Gov.UK. – 2016. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/connecting-with-nature-offers-a-new-approach-to-mental-health-care> (accessed: 16.11.2017).
 14. Bragg R., Atkins G. A review of nature-based interventions for mental health care/ R. Bragg, G. Atkins// Natural England Commissioned Reports. – 2016. – № 204. – P 22.
 15. Bratman. G. The benefits of nature experience: improved affect and cognition. / G. Bratman, G. Daily, B. Levy et al. // Landscape and Urban Planning. – 2015. – Vol. 138. – P. 41–50.
 16. Rappe E. Group gardening in mental outpatient care/ E. Rappe, T. Koivunen, Korpela E. // Therapeutic Communities. – 2008. – Vol. 29 (3). – P. 273-284.
 17. Sempik J. The effects of social and therapeutic horticulture on aspects of social behaviour / J. Sempik, A. Beeston, C. Rickhuss // British Journal of Occupational Therapy. – 2014. – Vol. 77(6). – P. 313-319.
 18. Vujcic M. The socioeconomic and health effects of green infrastructure on the Vracar municipality, city of Belgrade. / M. Vujcic, J. Tomicevic-Dubljjevic, D. Tomicevic-Gavrilovic // Agriculture and Forestry. – 2016. – Vol. 62 (3). – P. 165–174.
- Список литературы на английском языке / References in English**
1. Rossiyskaya Federatsiya. Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Russian Federation. Strategy for the scientific and technological development of the Russian Federation] : [Approved by the Order of the President of the Russian Federation № 642 of 01 Dec. 2016]. – [Electronic source] // Prezident Rossii [President of the Russian Federation]. – 2016. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (assessed 10.11.2017). [in Russian]
 2. Putin V. V. Vyistuplenie na plenarnom zasedanii 70-y sessii Generalnoy Assamblei OON [Speech at the 70th session of the UN General Assembly]. – [Electronic source]. / V. V. Putin // Prezident Rossii [President of the Russian Federation]. – 2015. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> (assessed 10.11.2017). [in Russian]
 3. Psihicheskoe zdorovye [Mental Health] [Electronic source] / Informatsionnyi byulleten Vsemirnoy organizatsii zdavoohraneniya [World Health Organization Information Bulletin] // WHO Media centre. – 2016. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru> (accessed 13.11.2017). [in Russian]
 4. Brogan K. The Roots of Mental Health : Maybe They're Not In Our Heads [Elektronik resource] / K. Brogan // Goop.com. – URL: <https://goop.com/wellness/mindfulness/the-roots-of-mental-health-maybe-theyre-not-in-our-heads/> (accessed 23.11.17).
 5. Yastrebov V. S. Ekonomicheskaya otsenka posledstviy psihicheskikh zabolevaniy : Metodicheskie rekomendatsii dlya vrachev-psihiatrov i organizatorov zdavoohraneniya [Economic assessment of cost of mental illnesses : Methodological recommendations for mental healthcare providers] / V. S. Yastrebov, T. A. Solokhina, L. S. Shevchenko and others. – М. : Maks Press : 2009. – P. 21. [in Russian]
 6. Rossiya lidiruet po chislu psihicheskikh rasstrojstv [Russia leads in the number of mental disorders] [Electronic resource]: // Newsru.com. – 2007. – URL: <http://www.newsru.com/russia/30jan2007/russkiepsihi.html> (assessed 14.11.2017). [in Russian]
 7. Kazakovtsev B. A. Sostojanie psihiatricheskikh sluzhb i rasprostranennost' psihicheskikh rasstrojstv v Rossijskoj Federacii v 2013—2015 godah [The mental health services and the prevalence of mental disorders in the Russian Federation in 2013-2015] / B. A. Kazakovtsev, N. K. Demcheva, T. A. Nikolaeva and others. // Psihicheskoe zdorove [Journal of Mental Health]. – 2016. – №7 (122). – P. 10. [in Russian]
 8. Mironov S. M. Vyistuplenie na Sovete po delam invalidov pri Predsedatele Soveta Federatsii na temu «Aktualnye problemy okazaniya meditsinskoy i sotsialnoy pomoshchi litsam s psihicheskimi rasstroystvami» [Speech at the Council for the Disabled at the Chairperson of the Council of the Federation of Federal Assembly of the Russian Federation on «Modern social and medical assistance problems for persons with mental illnesses»] [Electronic resource] / S. M. Mironov // Mironov.ru. – 2009. – URL: <http://mironov.ru/moya-pozitsiya/sergej-mironov-nedofinansirovanie-psihiatricheskoj-pomoshhi-krajne-opasno-i-beznavstvenno/> (assessed 14.11.2017). [in Russian]
 9. Shabunova A.A. Zdorov'e i zdavoohranenie : Uchebnoe posobie dlya vuzov [Health and health care : textbook for universities] / A.A. Shabunova, K.N. Kalashnikov, M.V. Morev and others ; edited by A.A. Shabunova. – Vologda : ISERT RAN, 2014. – P. 8. [in Russian]
 10. Pedersen C. B., Mortensen P. B., Evidence of a dose-response relationship between urbanicity during upbringing and schizophrenia risk/ C. B. Pedersen, P. B. Mortensen // Archives of General Psychiatry. – 2001. – Vol. 58(11). – P. 1039-1046.

11. Samoilova D. D. Mediko-sotsiologicheskoe obosnovanie sotsializatsii bolnykh pri pograniichnykh psichicheskikh rasstroystvakh [Medical and psychological framework for socialization of patients with borderline mental disorders] : Synopsis of PhD in Health Science : 14.02.05 / Samoilova Dar'ja Dmitrievna. – M., 2011. – P. 19. [in Russian]
12. Michigan State University. Need and opportunity [Electronic resource] // The Centre for Urban Design and Mental Health. – URL: <http://www.urbandesignmentalhealth.com/need-and-opportunity.html> (accessed: 15.11.2017).
13. Natural England. Connecting with nature offers a new approach to mental health care [Electronic resource] // Gov.UK. – 2016. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/connecting-with-nature-offers-a-new-approach-to-mental-health-care> (accessed: 16.11.2017).
14. Bragg R., Atkins G. A review of nature-based interventions for mental health care/ R. Bragg, G. Atkins// Natural England Commissioned Reports. – 2016. – № 204. – P 22.
15. Bratman, G. The benefits of nature experience: improved affect and cognition. / G. Bratman, G. Daily, B. Levy et al. // Landscape and Urban Planning. – 2015.–Vol.138. – P. 41–50.
16. Rappe E. Group gardening in mental outpatient care/ E. Rappe, T. Koivunen, Korpela E. // Therapeutic Communities. – 2008. – Vol. 29 (3). – P. 273-284.
17. Sempik J. The effects of social and therapeutic horticulture on aspects of social behaviour / J. Sempik, A. Beeston, C. Rickhuss // British Journal of Occupational Therapy. – 2014. – Vol. 77(6). – P. 313-319.
17. Vujcic M. The socioeconomic and health effects of green infrastructure on the Vracar municipality, city of Belgrade. / M. Vujcic, J. Tomicevic-Dubljevic, D. Tomicevic-Gavrilovic // Agriculture and Forestry. – 2016. – Vol. 62 (3). – P. 165–174.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.069>Тонковцева В.В.¹, Цубанова Н.А.²¹ORCID: 0000-0002-5380-5828, научный сотрудник,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Никитский ботанический сад – Национальный научный центр РАН»

²ORCID: 0000-0002-9122-8291, профессор, доктор фармацевтических наук,

Национальный фармацевтический университет

ОБЗОР НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭФИРНЫХ МАСЕЛ

Аннотация

В работе приведен анализ 36 научных публикаций, представляющих результаты экспериментального изучения фармакологической активности различных эфирных масел.

Проанализированы пути введения, виды лабораторных животных и дизайн исследования. Наиболее изученной является – психофизиологическая активность эфирных масел, которой посвящено 70% исследований.

Установлено, что эфирные масла лаванды, лимона, гвоздики, кипарисовика, базилика характеризуются выраженным анксиолитическим, антидепрессивным действием. Оптимальный курс терапии эфирными маслами составляет 3 недели. Эфирные масла обладают низкой токсичностью и хорошей переносимостью, что учитывая постоянно растущую доказательную базу клинических исследований, позволяет рассматривать их как перспективный объект в медицинской и психологической практике для коррекции психофизиологических нарушений.

Ключевые слова: доклинические исследования, эфирные масла, психофармакологическая активность, психофизиологическое воздействие.

Tonkovtseva V.V.¹, Tsubanova N.A.²¹ORCID: 0000-0002-5380-5828, Researcher,

Federal State Budgetary Institution of Science "Nikitsky Botanical Garden — National Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"

²ORCID: 0000-0002-9122-8291, Professor, Doctor of Pharmaceutics,

National Pharmaceutical University

REVIEW OF DIRECTIONS OF MODERN STUDIES IN THE STUDY OF PSYCHO-PHYSIOLOGICAL EFFECTS OF ESSENTIAL OILS

Abstract

The paper analyzes 36 scientific publications presenting the results of an experimental study of the pharmacological activity of various essential oils.

The ways of introduction, the types of laboratory animals and the design of the study were analyzed. The most studied is the psychophysiological activity of essential oils, which 70% of studies are devoted to.

It is established that the essential oils of lavender, lemon, cloves, cypress, basil are characterized by pronounced anxiolytic, antidepressant action. The optimal course of essential oil therapy is 3 weeks. Essential oils have low toxicity and good tolerability, which, given the constantly growing evidence base of clinical studies, allows them to be considered as a promising object in medical and psychological practice for the correction of psychophysiological disorders.

Keywords: preclinical studies, essential oils, psychopharmacological activity, psychophysiological impact.

Введение

На сегодняшний день ароматерапия уверенно занимает позиции в классических схемах альтернативных методов лечения различных когорт пациентов. Высокая эффективность и высокий профиль безопасности

делают эфирные масла перспективными инструментами для введения их в традиционные (классические) схемы терапии. Однако, для расширения сферы применения эфирных масел в медицинской и психологической практике, необходимым условием является предварительное их тестирование в доклинических и клинических исследованиях.

Цель работы – предоставить современные данные об основных направлениях доклинического изучения эфирных масел (ЭМ), проанализировать пути введения эфирных масел и рекомендовать приоритетные для изучения ЭМ, оказывающие психофармакологическую активность.

В статье приведен анализ доступной базы данных по экспериментальным исследованиям психофизиологических и фармакологических эффектов на лабораторных животных, проанализировано 36 таких источников, опубликованных в научной литературе за последние 5 лет.

Краткий анализ изучаемой активности ЭМ, вид животных, пути введения показаны в табл. 1. Как видно из представленных данных, 70% (25) исследований были посвящены изучению психофармакологической активности ЭМ, при этом в 7 научных работах приведены материалы по изучению механизмов действия данной активности. В остальных работах были изучены другие виды фармакологического действия, в частности антиоксидантное, противосудорожное, анальгезирующее.

Таблица 1 – Фармакологическая активность эфирных масел (ЭМ) в доклинических исследованиях

№	Изучаемое вещество / источник литерат.	Экспериментальная модель, тест / вид животных	Путь введения ЭМ	Фармакологическое действие
Доказанная психофизиологическая активность ЭМ				
1	ЭМ <i>Piper guineense</i> Schum & Thonn (Piperaceae)/ I.A.Oyemitan, 2015	ТВС, ТОП, Кетамин индуцированный сон / мыши	внутри-брюшинно в дозах от 50 до 200 мг/кг	Антипсихотическое Седативное Противосудорожное Гипотермическое
2	ЭМ <i>Ferulago angulata</i> (Apiaceae) / E.Bagci, 2016	Скополамин индуцированная болезнь Альцгеймера/ крысы	ингаляции	Анксиолитическое Антидепрессивное Антиоксидантное
3	ЭМ <i>Asarum heterotropoides</i> / H.J.Park, 2015	ТПП, ТПХ / мыши самцы линии ICR	ингаляции в дозах 0,25, 0,5, 1,0 и 2,0 г в течение 3 часов	Антидепрессивное
4	ЭМ <i>Vetiver</i> / S.Saiyudthong, 2015	ТПКЛ / крысы самцы линии Вистар	ингаляции в дозах 1%, 2,5%, 5% в течение 7 минут	Анксиолитическое
5	ЭМ <i>Ocimum sanctum</i> L. ЭМ <i>Ocimum basilicum</i> L. / V.Gradinariu 2015	Болезнь Альцгеймера (введение бета-амилоида), ТПКЛ, ТПП / крысы	ингаляция в естественных условиях	Анксиолитическое Антидепрессивное
6	ЭМ <i>Chamaecyparis obtuse</i> / D.Bae, 2012	бета-амилоид индуцированная болезнь Альцгеймера / крысы	ингаляции	Восстанавливает когнитивные и мнестические функции
7	ЭМ <i>Toona ciliata</i> Roem / D.Duan, 2015	ТПХ, ТОП / мыши	введение в дозах 10, 20, 40 и 80 мг/кг	Антидепрессивное
8	ЭМ <i>Syzygium aromaticum</i> / B.B.Liu, 2015	ТПХ, ТПП, хроническая токсичность / мыши	внутрижелудочное введение в дозах 100, 200 и 400 мг/кг	Антидепрессивное. Низкая токсичность при длительном введении
9	ЭМ <i>Lavandula angustifolia</i> / L.R.Chioca, 2013	Ансомния, вызванная орошением носовой полости глюконатом цинка + ацетатом цинка / мыши	ингаляции в концентрациях 2,5% и 5 %	Анксиолитическое в условиях ансомнии
10	ЭМ <i>Lavandula angustifolia</i> / V.Kumar, 2013	ТОП, ТПКЛ, тест социального взаимодействия, тест скрытой латентности к индуцированной новизне кормления / крысы и мыши обоих полов	внутрижелудочно 7 дней в дозах 3, 10, и 30 мг/кг	Дозозависимое анксиолитическое, в отличие от диазепама не снижает существенно двигательную активность
11	ЭМ <i>Lavandula angustifolia</i> ЭМ <i>Lavandula hybrida</i> / L.Hritcu, 2012	скополамин (0,7 мг/кг) индуцированная болезнь Альцгеймера / крысы самцов линии Вистар	ингаляции в течении 7 дней	Анксиолитическое Антидепрессивное Антиамнестическое
12	ЭМ <i>Perilla frutescens</i> / L.T.Yi, 2013	Модель хронической депрессии / крысы	внутрижелудочное введение в дозах 3 и 6 мг/кг	Выраженное антидепрессивное 2,3,4,4-тетраметил-5-метилениклопент-2-енон при 4-х недельном введении

Продолжение Таблицы 1

№	Изучаемое вещество / источник литерат.	Экспериментальная модель, тест / вид животных	Путь введения ЭМ	Фармакологическое действие
Доказанная психофизиологическая активность ЭМ				
13	ЭМ <i>Cymbopogon citratus</i> (leaves)/ M.M.Blanco, 2009	Фенобарбитало-вый сон Электрошок / мыши самцы линии Swiss	внутрижелудочно за 30 мин до опытов в дозе 0,5 или 1,0 г/кг за 30 мин до опытов в дозе 0,5 или 1,0 г/кг	Анксиолитическое Седативное
14	ЭМ <i>Chamomile</i> (<i>Matricaria recutita</i> L.) / O.D.Can, 2012	ТОП, ТПХ, ТПКЛ / мыши	введение в дозах 25, 50 и 100 мг/кг кофеин в дозе 25 мг/кг	Психостимулирующий эффект (50, 100 мг/кг) сопоставимый с кофеином
15	ЭМ <i>Litsea glaucescens</i> (Lauraceae)/ S.L.Guzman-Gutierrez, 2012	ТПП, ТОП, ТПКЛ, ТВС / мыши	внутрибрюшинное введение в дозах 100 и 300 мг/кг	Антидепрессивное Седативное
16	ЭМ <i>Eugenia caryophyllata</i> / A.K. Mehta, 2013	ТПХ, ТПП, ТВС / крысы, мыши	внутрибрюшинно в дозах 0,025, 0,05 и 0,1 мл / кг / день, в течение 3-х недель	Антидепрессивное Психостимулирующее
17	ЭМ Лаванды ЭМ Лимона ЭМ Розмарина/ Н.А. Цубанова В.В. Тонковцева 2015	ТОП / крысы самцы	15 минутные ингаляции	Анксиолитическое Седативное
18	ЭМ <i>Lavandula angustifolia</i> , ЭМ <i>Achillea wilhemsii</i> , ЭМ <i>Alpinia zerumbet</i> , ЭМ <i>Citrus aurantium</i> , ЭМ <i>Spiranthera odoratissima</i> , ЭМ <i>Citrus sinensis</i> , ЭМ <i>Bergamot</i> / D.P.de Sousa, 2015	Модели по изучению анксиолитичес-кой активности / мыши, крысы	-	Анксиолитическое
Доказанная психофизиологическая активность ЭМ + изученный механизм действия				
19	ЭМ <i>Chamaecyparis obtuse</i> / H.Kasuya, 2013	ТПКЛ + механизм действия / мыши самцы линии ICR	ингаляции 7 мкл/л воздуха	Анксиолитическое, за счет увеличения уровня нейротрофического фактора, повышения активности галактокиназы
20	ЭМ <i>Chamaecyparis obtuse</i> / H.Kasuya, 2015	ТПКЛ + распределение альфа-пинена в областях мозга + механизм действия / мыши самцы линии ICR	ингаляции от 8 до 32 мкл/л воздуха	Анксиолитическое
21	ЭМ <i>Lavandula angustifolia</i> / L.R.Chioa, 2013	Тест иммобилизации ТПКЛ + механизм действия / мыши самцы линии Swiss	ингаляции (15 мин) ЭМ в концентрации от 1% до 5%	Анксиолитическое за счет влияния на серотонинергичес- кую систему
22	ЭМ <i>Lavandula officinalis</i> / M.Takahashi, 2014	Изучение механизмов анксиолитического действия / мыши	ингаляции	Анксиолитическое в результате повышения уровня серотонина
23	ЭМ <i>Lavandula officinalis</i> / M.Takahashi, 2012	Изучение механизмов анксиолитического действия / мыши	ингаляции	Анксиолитическое на уровне экспрессии генов
24	ЭМ <i>Cymbopogon citrates</i> / R.A.Costa, 2011	ТПКЛ, тест иммобилизации, ТПП, ТВС + механизм действия/ мыши	внутрижелудочное введение в дозе 10 мг/кг	Анксиолитическое влияние на ГАМКергическую систему
25	ЭМ <i>Spiranthera odoratissima</i> A. St. Hil. (leaves) / P.M.Galdino, 2012	ТОП, ТПКЛ, ТВС, фенобарбиталовый сон + механизм действия / мыши самцы	введение в дозах 125, 250 и 500 мг/кг	Анксиолитическое, связанное с влиянием на серотониновые рецепторы (5-HT1A)

Продолжение Таблицы 1

№	Изучаемое вещество / источник литерат.	Экспериментальная модель, тест / вид животных	Путь введения ЭМ	Фармакологическое действие
Другие виды фармакологической активности				
1	ЭМ <i>Elsholtzia ciliata</i> , ЭМ <i>Shinchim</i> , ЭМ <i>Angelicae gigantis Radix</i> , ЭМ <i>Eugenia caryophyllata</i> / M.S.Choi, 2015	Оценка жизнеспособности клеток феохромоцитомы крыс с помощью иммуноблоттинга / клетки феохромо-цитомы крыс	обработка клеточной культуры концентрациями ЭМ 10, 25, 50 и 100 г/мл	Влияние на переносчики дофамина, оптимизация терапии абстинентного синдрома
2	ЭМ <i>Psidium cattleianum leaves</i> / M.Castro, 2015	Влияние однократного введения на баланс ПОЛ-АОС в разных отделах головного мозга. Острая токсичность / мыши	однократное внутрижелудочное введение	Антиоксидантное. Низкая токсичность при однократном введении

Примечания: ТОП – тест открытое поле, ТПКЛ – тест приподнятого крестообразного лабиринта, ТВС – тест вращающегося стержня, ТПП – тест принудительного плавания, ТПХ – тест подвешивания за хвост.

Более подробно характеристика работ приведена ниже. В исследовании I.A. Oyemitan с соавторами [1] проведено изучение психофармакологической активности эфирного масла полученного из свежих плодов африканского перца (*Piper guineense* Schum & Thonn (Piperaceae)). Данное ЭМ вводили мышам в диапазоне доз 50-200 мг/кг внутрибрюшинно и оценивали его влияние на показатели центральной нервной системы (ЦНС). Достоверный ($p<0,01$) седативный эффект ЭМ из плодов африканского перца верифицирован по значительному снижению времени удержания на стержне в тесте вращающегося стержня, снижению локомоторно-двигательной активности в тесте открытое поле. Также авторы доказали антипсихотический, гипотермический и противосудорожный эффекты данного ЭМ.

В исследовании E. Bagci [2] в условиях скополамин-индуцированной болезни Альцгеймера у крыс обнаружено выраженное психофармакологическое действие ЭМ *Ferulago angulata* (Apiaceae). Антиоксидантную активность в миндалине головного мозга оценивали по активности супероксиддисмутазы, глутатионпероксидазы, каталазы. Установлено значительное анксиолитическое и антидепрессивное действие при вдыхании ЭМ ферульника лабораторными животными. Кроме того, авторы доказали наличие мощного антиоксидантного эффекта на структуры головного мозга при ингаляции данного ЭМ.

Изучение антидепрессивного действия ЭМ *Asarum heterotropoides* приведено в работе H.J. Park с соавт. [3]. Установлено, что ингаляции ЭМ копытенья гетеротроповидного уменьшают время неподвижности в тестах принудительного плавания и подвешивания за хвост, значительно уменьшает экспрессию CRF (релизинг фактора) - позитивных нейронов в ядре паравентрикулярной зоны головного мозга и уменьшает уровень серотонина (5-HT). Полученные результаты доказывают наличие антидепрессивного действия ЭМ *Asarum heterotropoides*, которое реализуется за счет увеличения тирозингидроксилазы, снижения CRF-позитивных нейронов и уменьшения содержания 5-HT.

Изучению анксиолитического действия ЭМ *Vetiver* посвящено исследование S. Saiyudthong [4], проведенное на крысах самцах линии Вистар, которым проводили 7 минутные ингаляции ЭМ ветивера в концентрациях 1%, 2,5% и 5%, в качестве препарата сравнения использовали диазепам (1мг/кг, внутрижелудочно) за 30 мин до тестирования. Установлено, что наиболее эффективная концентрация ЭМ ветивера составляет 2,5%. В этой дозе ингаляция ЭМ ветивера проявляет выраженный анксиолитический эффект (снижение тревожности) на уровне известного психотропного препарата диазепама.

Учеными M.S. Choi с соавторами [5] проведено исследование ЭМ, полученных из *Elsholtzia ciliate* (эльсгольдии реснитчатой), *Angelicae gigantis Radix* (дудника), и *Eugenia caryophyllata* (гвоздичного дерева), которые используются в традиционной корейской медицине при лечении наркомании, что обусловлено их влиянием на дофаминергическую систему. Установлено что ЭМ *Elsholtzia ciliate* в концентрации 10, 25 и 50 г/мл не проявляет цитотоксичности. Снижение жизнеспособности клеток наблюдалось при введении ЭМ *Angelicae gigantis Radix* в дозе 100 г/мл и ЭМ *Eugenia caryophyllata* в дозах 50 и 100 г/мл. Кроме того, установлено, что изучаемые эфирные масла эффективно индуцируют гиперфосфорилирование циклического АМФ-отклика элемент-связывающего белка, усиливают процесс фосфорилирования митоген-активируемой протеинкиназы, что приводит увеличению активности переносчиков дофамина. Авторы считают, что применение ЭМ *Elsholtzia ciliata*, *Angelicae gigantis Radix*, и *Eugenia caryophyllata* способствует восстановлению функций дофамина мозга за счет повышения доступности переносчиков дофамина, что может быть актуально в терапии абстинентного синдрома у бывших потребителей наркотиков.

Сравнительная эффективность анксиолитического и антидепрессивного действия ЭМ *Ocimum sanctum* L. и ЭМ *Ocimum basilicum* L. на фоне экспериментальной болезни Альцгеймера у крыс, вызванной введением бета-амилоида приведена в работе V. Gradinariu с соавт. [6]. Ингаляции ЭМ базилика священного или ЭМ базилика обыкновенного проявили достоверный анксиолитический и антидепрессивный эффекты. Следует отметить, что более высокой эффективностью характеризуется ЭМ базилика обыкновенного. Полученные результаты свидетельствуют о том, что возможно применение данных ЭМ как средство для снижения тревоги и депрессии при болезни Альцгеймера.

В работе H. Kasuya с соавт. [7] изучено влияние ингаляций ЭМ *Chamaecyparis obtuse* на эмоциональное поведение и уровень стресс-индуцируемых биомаркеров у мышей. Зарегистрировано значительное анксиолитическое действие

ЭМ кипарисовика туполистного в дозе 7,0 мг/л воздуха. Установлено, что вдыхание изучаемого ЭМ увеличивает количество мозгового нейротрофического фактора и усиливает экспрессию галактокиназы. Полученные результаты объясняют механизм реализации анксиолитического действия ЭМ *Chamaecyparis obtuse*.

Эти же ученые приводят результаты изучения внутримозгового распределения альфа-пинена (основного компонента ЭМ *Chamaecyparis obtuse*) у 5 недельных мышей самцов линии ICR [8]. Установлено, что в зависимости от дозы количество альфа-пинена отличалась в каждой области мозга. При увеличении дозы ЭМ кипарисовика туполистного в ингаляциях от 8 до 32 мкл/л воздуха, концентрации альфа-пинена в стриатуме и гиппокампе были значительно ниже по сравнению с уровнем в других областях мозга, указывает на то, что эти участки мозга в меньшей степени отвечают за проявление анксиолитической активности при вдыхании ЭМ *Chamaecyparis obtuse*.

Изучению этого же объекта посвящена научная работа D. Bae [9]. ЭМ *Chamaecyparis obtuse* ингалировали крысам с экспериментальной болезнью Альцгеймера. После этого изучали влияние на когнитивные функции и показатели апоптоза нейронов у крыс. Установлено, что вдыхание ЭМ кипарисовика туполистного сохраняет процессы пространственного обучения и мнестические функции у крыс на фоне экспериментальной болезни Альцгеймера. Кроме того, данное ЭМ снижает активность антихолинэстеразы и процессы апоптоза нейронов головного мозга, что позволяет рассматривать его как перспективный объект при лечении болезни Альцгеймера.

Антидепрессивный эффект установлен при введении мышам ЭМ *Toona ciliata* Roem [10] в дозах 10, 20, 40 и 80 мг/кг. ЭМ Туи складчатой в разных дозах достоверно снижало время неподвижного зависания в тесте подвешивания за хвост, при этом не уменьшало двигательную подвижность мышей в тесте открытого поля. Механизм антидепрессивного действия реализуется за счет повышения уровня дофамина, норадреналина и 7-гидрокситриптамина в головном мозге мышей, что позволяет рассматривать его как перспективное антидепрессивное средство.

Выраженным антидепрессивным действием характеризуется ЭМ *Syzygium aromaticum* [11] при его внутрижелудочном введении в дозе 200 мг/кг. Также были изучены токсикологические характеристики ЭМ гвоздичного дерева при длительном его введении в дозах 100, 200 и 400 мг/кг. Установлено, что только в последней дозе наблюдается значительное снижение массы тела животных, при этом каких-либо существенных изменений весовых коэффициентов внутренних органов и изменений на клеточном уровне при введении всех доз обнаружено не было. Полученные данные позволяют рассматривать данное ЭМ как высокоактивное антидепрессивное средство с низкой токсичностью при внутрижелудочном применении.

Антиоксидантное действие на разные отделы головного мозга мышей (кора головного мозга, гиппокамп, мозжечок) установлены М. Castro и соавт. [12] при однократном внутрижелудочном введении ЭМ *Psidium cattleianum* leaves, при этом однократное введение мышам дозы ЭМ земляничной гуавы превышающей 500 мг/мл не вызывает развитие токсических эффектов.

Изучению антиоксидантных свойств ЭМ *Oregano*, ЭМ *Clove* и ЭМ *Lemon* посвящено исследование Т.А. Misharina [13]. ЭМ ингалировали мышам в дозе 300 нг/день в течение 6 месяцев. Установлено, что все изучаемые эфирные масла даже в такой низкой дозе, при длительном применении снижают процессы перекисного окисления липидов (ПОЛ) в мембранах эритроцитов, значительно снижая процесс спонтанного гемолиза эритроцитов. Наиболее выраженный антиоксидантный эффект на мембрану эритроцитов оказывает гвоздичное эфирное масло, тогда как на ткань печени и головного мозга более эффективно как антиоксиданты влияют ЭМ орегано и ЭМ лимона.

Достаточно много исследований посвящено доклиническому изучению эфирных масел разных видов лаванды.

Учеными А. Vakili с соавт. [14] доказано нейропротективное действие ЭМ *Lavandula angustifolia* на фоне экспериментального инсульта у крыс, вызванного окклюзией среднемозговой артерии. Установлено, что ЭМ *Lavandula angustifolia* в дозах 200 и 400 мг/кг значительно уменьшает размер инфаркта мозговых тканей, снижает отек головного мозга, а также улучшает функциональные показатели ЦНС после церебральной ишемии ($p < 0,001$). ЭМ лаванды (200 мг/кг) достоверно ($p < 0,001$) снижает процессы ПОЛ. ЭМ лаванды узколистной не влияет на процессы апоптоза в нейронах головного мозга крыс. Тем не менее, можно говорить о значительной нейропротекторной активности ЭМ в условиях экспериментальной ишемии мозга и более качественному восстановлению неврологических функций у крыс.

Целью исследования L.R. Chioca [15] была попытка оценить эффективность от вдыхания эфирного масла лаванды узколистной у мышей с ансомнией, последнюю моделировали орошением носовой полости раствором глюконата цинка + ацетата цинка. Установлено, что анксиолитическое действие от ингаляции ЭМ *Lavandula angustifolia*, проявляется даже в условиях ансомнии.

Этими же учеными L.R. Chioca [16] было изучено влияние 15-ти минутных ингаляций ЭМ *Lavandula angustifolia* на уровень ГАМК (гаммааминомасляной кислоты) и серотонина у мышей самцов линии Swiss. Установлено, что лавандовое эфирное масло оказывает выраженный анксиолитический эффект уменьшая время иммобилизации, увеличивая процент времени проведенного животными в открытых рукавах. ЭМ лаванды не влияет на связывание ГАМК с бензодиазепиновыми рецепторами, уменьшает серотониновый синдром, индуцированный введением 40 мг/кг флуоксетина и 80 мг/кг 5-гидрокситриптофана. Полученные результаты свидетельствуют о важной роли серотонинергической системы в реализации анксиолитического действия ЭМ *Lavandula angustifolia*.

Изучению психофизиологической активности ЭМ *Lavandula angustifolia* посвящены работы V. Kumar [17] и L.B. Silenieks [18]. Доказан значительный дозозависимый анксиолитический эффект лавандового масла во всех используемых фармакологических моделях (тест открытого поля, тест приподнятого крестообразного лабиринта, тест социального взаимодействия, тест скрытой латентности к индуцированной новизне кормления). Анксиолитическая активность ЭМ *Lavandula angustifolia* находится на уровне препарата сравнения лоразепама. Также установлено, что в отличие от диазепама, ЭМ лаванды не снижает тонус мышц. Авторами доказано отсутствие влияния ЭМ *Lavandula angustifolia* на бензодиазепиновые рецепторы в отличие от диазепама (0,3-2 мг/кг внутривенно). Полученные

данные позволяют предположить, что в клинических условиях при применении лавандового масла в отличие от препаратов бензодиазепинового ряда у пациентов не будут развиваться толерантность и зависимость.

Влияние ЭМ *Lavandula angustifolia* ssp. *angustifolia* Mill. (Lamiaceae) и *Lavandula hybrida* Rev. (Lamiaceae) на неврологический статус крыс самцов линии Вистар с болезнью Альцгеймера (скополамин 0,7 мг/кг) изучено L. Hritcu [19]. Семидневное воздействие масел лаванды значительно снижало уровень тревожности (тест приподнятого крестообразного лабиринта) и заторможенности (принудительное плавание) проявляло анксиолитическую и антидепрессивную активности, нормализовало процессы формирования памяти, вызванные дисфункцией холинергической системы в головном мозге крыс.

В исследовании M. Takahashi [20] установлено, что в условиях нормосомнии и ансомнии, ингаляции ЭМ *Lavandula officinalis* вызывает повышение уровня серотонина в головном мозге мышей. Авторы делают вывод, что в реализации седативного эффекта при вдыхании эфирного масла лаванды лекарственной ключевую роль играет серотонинергическая нейротрансмиссия.

Этой же группой ученых M. Takahashi [21] изучены молекулярные механизмы психофизиологического воздействия ингаляций ЭМ *Lavandula officinalis*. Доказано, что анксиолитическое действие лавандового масла реализуется за счет модуляции экспрессии генов, уменьшения экспрессии рецептора быстрого нервного фактора роста mPNC и снижения активности регулируемого цитоскелетного – ассоциированного белка.

Результаты изучения антиэпилептогенного и антиоксидантного действия ЭМ *Lavandula officinalis* приводятся в работе B. Rahmati [22]. Установлено, что по противосудорожной активности и снижению летальности ЭМ *Lavandula officinalis* превышало эффективность известного противосудорожного средства валпроата. Также лавандовое масло снижало уровень оксида азота (NO) и малонового диальдегида в тканях головного мозга мышей самцов.

В исследовании L.T. Yi [23] установлено, что при хроническом стрессе у крыс эффективность от внутрижелудочного применения ЭМ *Perilla frutescens* (Perilla leaf) в дозах 3 и 6 мг/кг к 4 неделе сопоставима с эффектом препарата сравнения флуоксетина (внутрижелудочно, 20 мг/кг) на 3 неделе. Авторы резюмируют, что при применении ЭМ периллы значительный психофизиологический эффект наступает только при длительном введении (не менее 3-х недель), что необходимо учитывать в практической медицине.

Психофизиологическим действием характеризуется ЭМ *Cymbopogon citratus* (leaves) [24]. Мышам самцам линии Swiss внутрижелудочно вводили данное ЭМ за 30 мин до опытов в дозе 0,5 или 1,0 г/кг. Установлено, что ЭМ лемонграсса увеличивает длительность сна, увеличивает время нахождения в освещенных отсеках лабиринта, что свидетельствует о его седативном и анксиолитическом действии. Кроме того, ЭМ снижает клонические судороги, индуцированные пентилентетразолом и блокирует конвульсии, индуцированные электрошоком, что указывает на повышение порога судорожной активности. Данные результаты согласуются с этнофармакологическим использованием *Cymbopogon citratus* в бразильской народной медицине как анксиолитического, седативного или противосудорожного средства.

В работе O.D. Can [25] изучен психофармакологический профиль ЭМ Chamomile (*Matricaria recutita* L.) в дозах 25, 50 и 100 мг/кг, который сравнивали с эффективностью стандартного психостимулятора кофеина (25 мг/кг). Установлен выраженный дозозависимый анксиолитический, антидепрессивный и психостимулирующий эффект ЭМ ромашки аптечной, который в дозах 50 и 100 мг/кг сопоставим по силе воздействия и подобен по параметрам психостимулирующему профилю кофеина.

Сравнительному анализу противосудорожной активности ЭМ *Cymbopogon winterianus* Jowitt и ЭМ *Cymbopogon citratus* (DC) Stapf посвящена работа M. R. Silva [26]. Мыши, массой 20-30 г, получали ЭМ внутрибрюшинно в дозах 50, 100 и 200 мг/кг. Авторы, сообщают, что ЭМ цитронеллы и лемонграсса достаточно эффективны на фоне пентилентетразол и стрихнин-индуцированных судорог. При этом ЭМ *Cymbopogon citratus* более эффективно в увеличении времени задержки первых конвульсий и времени наступления смерти. Механизм действия противосудорожного эффекта данных эфирных масел изучен частично и является ГАМКергичным.

В работе L. Campelo [27] изучено влияние ЭМ *Citrus limon* (L.) Burms (Rutaceae) на показатели ПОЛ, содержание нитритов и активность антиоксидантной системы (АОС) в гиппокампе мышей. Полученные результаты убедительно подтверждают гипотезу о том, что окислительный стресс вызывает повреждения в гиппокампе, что и происходит при нейродегенеративных заболеваниях. ЭМ лимона восстанавливает баланс системы ПОЛ-АОС, является мощным антиоксидантом и предотвращает нейродегенеративные изменения гиппокампа.

Механизм анксиолитического действия ЭМ *Cymbopogon citratus* (lemongrass) изучен R. A. Costa [28] на мышах при внутрижелудочном введении в дозе 10 мг/кг. Как препарат сравнения использовали флумезанил. Установлено, что ЭМ лемонграсса проявляет выраженный анксиолитикоподобный эффект сопоставимый с эффективностью флумазенила. Предположительно в механизме реализации фармакологического эффекта ЭМ лежит воздействие на ГАМК рецепторы.

В работе M.T. Monforte [29] установлено, что ЭМ *Calamintha officinalis* Moench (душевика) обладает противогрибковой и противомикробной активностью в отношении грамположительных бактерий. У грызунов потенцирует снотворное действие фенотарбиталя натрия, повышая продолжительность сна, приводит к снижению температуры тела и обладает противосудорожной активностью на фоне пентилентетразол индуцированных судорог.

В исследовании S.L. Guzman-Gutierrez [30] изучен психофармакологический профиль ЭМ *Litsea glaucescens* (Lauraceae) у мышей при внутрибрюшинном введении в дозах 100 и 300 мг/кг. На стандартных экспериментальных моделях установлено, что ЭМ лимонника обладает выраженной антидепрессивной и седативной активностью.

Изучению анксиолитического эффекта ЭМ *Spiranthera odoratissima* A. St. Hil. (leaves) посвящена научная работа P.M. Galdino [31]. ЭМ вводили мышам самцам в дозах 125, 250 и 500 мг/кг. В тесте открытого поля, ЭМ (500 мг/кг) достоверно увеличивает показатель двигательной активности у мышей ($p < 0,05$), при этом в дозе 250 мг/кг статистически значимого изменения показателя локомоции не наблюдалось. Отсутствие дискоординирующего эффекта при разных дозах ЭМ *Spiranthera odoratissima* в тесте вращающегося стержня не установлено. В тесте

фенобарбитал-индуцированного сна данное ЭМ увеличивало продолжительность сна. В тесте приподнятого крестообразного лабиринта ЭМ в дозе 500 мг/кг достоверно ($p < 0,05$) увеличивало время проведенное на открытых ответвлениях лабиринта и количество переходов ($p < 0,05$). Для изучения механизма реализации анксиолитического действия ЭМ животным предварительно вводили антагонист бензодиазепаина флумазенил и антагонист серотониновых рецепторов (5-HT_{1A}) NAN-190. Установлено, что введение NAN-190 снижает фармакологический эффект ЭМ, в то время как флумазенил не оказывает влияния на его активность. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ЭМ полученное из *S. odoratissima* производит анксиолитикоподобный эффект без изменения двигательной активности, который связан с 5-HT_{1A}, но не влияет на бензодиазепиновые рецепторы.

В работе А.К. Mehta [32] изучали фармакологические эффекты ЭМ *Eugenia caryophyllata*. Гвоздичное масло вводили крысам и мышам внутрибрюшинно в дозах 0,025, 0,05 и 0,1 мл/кг/день, в течение 3-х недель. Авторами установлено, что введение ЭМ *Eugenia caryophyllata* повышает двигательную активность во всех трех дозах, наиболее значимо ($p < 0,05$) в дозе 0,1 мл/кг. В тесте вращающегося стержня зарегистрировано улучшение координации движений у животных по сравнению с контролем. Авторы, утверждают, что 3-х недельное введение гвоздичного эфирного масла проявляет дозозависимый, антидепрессивный и психостимулирующий эффекты.

Механизм анальгетического эффекта лимонного масла изучен Н. Ikeda [33] в тесте формалиновой стопы у крыс. Установлено, что вдыхание лимонного масла снижает болевые ощущения, что реализуется за счет активации дофаминовых рецепторов в передней части поясной извилины головного мозга крыс.

Исследованию противоболевого действия ЭМ *Mentha villosa* Huds (Labiatae) посвящена работа P.J. Sousa и соавт. [34]. На моделях уксуснокислых корчей, формалинового отека стопы и в тесте «hot-plate» доказана выраженная анальгетическая активность ЭМ мяты, которая скорее всего является косвенным противовоспалительным эффектом и не включает в себя центрального антиноцицептивного компонента.

В наших собственных исследованиях, Н.А. Цубанова, В.В. Тонковцева и др. [35] экспериментально доказана анксиолитическая активность ингаляций эфирных масел лаванды и лимона, достоверно превышающая фармакологическую активность препарата сравнения экстракта валерианы по некоторым показателям и седативное действие ЭМ розмарина.

В статье D. P. de Sousa [36] приведены данные, что на этапе доклинических исследований выраженная анксиолитическая активность без ГАМК/бензодиазепинового воздействия установлена для таких ЭМ как: ЭМ *Lavandula angustifolia*, ЭМ *Achillea wilhemsii*, ЭМ *Alpinia zerumbet*, ЭМ *Citrus aurantium*, ЭМ *Spiranthera odoratissima*, ЭМ *Citrus sinensis*, ЭМ *Bergamot*.

Выводы

Эфирные масла можно рассматривать как высокоактивные фармакологические объекты, имеющие прогрессивно увеличивающуюся доказательную базу исследований. Изучению психофизиологической активности ЭМ посвящено 70% приведенных в обзоре доклинических исследований. Преобладающее большинство исследований посвящено изучению анксиолитического, антидепрессивного и седативного эффектов, а также механизмов их реализации. В других работах доказана анальгетическая, антибактериальная и другие виды активности. Фармакологическая активность эфирных масел на доклиническом этапе изучали на грызунах (лабораторные мыши и крысы). Эфирные масла оказывают выраженное воздействие на организм не зависимо от пути введения: ингаляции, внутрижелудочное введение, внутрибрюшинное введение. Особо следует отметить, что масла эфиромасличных растений оказывают мощное биологическое воздействие на организм даже в условиях ансомнии.

Психофизиологическое воздействие эфирных масел на организм возрастает при увеличении длительности их применения. Рекомендуемый курс – от трех недель, особенно если речь идет о хронических нейродегенеративных заболеваниях, например болезнь Альцгеймера.

Перспективными объектами для дальнейших исследований в области психофизиологии можно считать эфирные масла лаванды, лимона, гвоздики, кипарисовика, базилика для которых доказана фармакологическая активность и которые могут применяться для управления неврологическими нарушениями в условиях деменций.

Список литературы / References

1. Oyemitan I.A. Psychoneuropharmacological activities and chemical composition of essential oil of fresh fruits of *Piper guineense* (Piperaceae) in mice / I. A. Oyemitan, O. A. Olayera, A. Alabi // *Journal Of Ethnopharmacology*. – 2015. – Vol. 166. – P. 240–249.
2. Bagci E. Anxiolytic and antidepressant-like effects of *Ferulago angulata* essential oil in the scopolamine rat model of Alzheimer's disease/ E. Bagci, E. Aydin, M. Mihasan // *Flavour And Fragrance Journal*. – 2016. – Vol. 31 (1). – P. 70–80.
3. Park H. J. Effect of the fragrance inhalation of essential oil from *Asarum heterotropoides* on depression-like behaviors in mice / H. J. Park, E. J. Lim, R. J. Zhao // *BMC complementary and alternative medicine*. – 2015. – Vol. 15 (1). – P. 571–578.
4. Saiyudthong S. Anxiety-like behaviour and c-fos expression in rats that inhaled vetiver essential oil / S. Saiyudthong, S. Pongmayteegul, C. A. Marsden // *Natural Product Research*. – 2015. – Vol. 29 (22). – P. 2141–2144.
5. Choi M. S. Essential Oils from the Medicinal Herbs Upregulate Dopamine Transporter in Rat Pheochromocytoma Cells / M. S. Choi, B. S. Choi, S. H. Kim // *Journal Of Medicinal Food*. – 2015. – Vol. 18 (10). – P. 1112–1120.
6. Gradinariu V. Comparative efficacy of *Ocimum sanctum* L. and *Ocimum basilicum* L. essential oils against amyloid beta (1-42)-induced anxiety and depression in laboratory rats / V. Gradinariu, O. Cioanca, L. Hritcu // *Phytochemistry Reviews*. – 2015. – Vol. 14 (4). – P. 567–575.
7. Kasuya H. Effect on Emotional Behavior and Stress by Inhalation of the Essential oil from *Chamaecyparis* / H. Kasuya, E. Hata, T. Satou // *Natural Product Communications*. – 2013. – Vol. 8 (4). – P. 515–518.
8. Kasuya H. Intracerebral Distribution of alpha-Pinene and the Anxiolytic-like Effect in Mice Following Inhaled Administration of Essential Oil from *Chamaecyparis obtuse* / H. Kasuya, S. Iida, K. Ono // *Natural Product Communications*. – 2015. – Vol. 10 (8). – P. 1479–1482.

9. Bae D. Inhaled essential oil from *Chamaecyparis obtuse* ameliorates the impairments of cognitive function induced by injection of beta-amyloid in rats / D. Bae, H. Seol, H. G. Yoon // *Pharmaceutical Biology*. – 2012. – Vol. 50 (7). – P. 900–910.
10. Duan D. Antidepressant-like effect of essential oil isolated from *Toona ciliata* Roem var. *yunnanensis* / D. Duan, L. Chen // *Journal of Natural Medicines*. – 2015. – Vol. 69 (2). – P. 191–197.
11. Liu B. B. Essential Oil of *Syzygium aromaticum* Reverses the Deficits of Stress-Induced Behaviors and Hippocampal p-ERK/p-CREB/Brain-Derived Neurotrophic Factor Expression / B. B. Liu, L. Luo, X. Liu // *Planta Medica*. – 2015. – Vol. 81 (3). – P. 185–192.
12. Castro M. Essential oil of *Psidium cattleianum* leaves: Antioxidant and antifungal activity / M. Castro, F. N. Victoria, D. H. Oliveira // *Pharmaceutical Biology*. – 2015. – Vol. 53 (2). – P. 242–250.
13. Misharina T. A. Effects of low doses of essential oil on the antioxidant state of the erythrocytes, liver, and the brains of mice / T. A. Misharina, L. D. Fatkullina, F. N. Alinkina // *Prikladnaia biokhimiia i mikrobiologiya*. – 2014. – Vol. 50 (1). – P. 101–107.
14. Vakili A. Effect of lavender oil (*Lavandula angustifolia*) on cerebral edema and its possible mechanisms in an experimental model of stroke / A. Vakili, S. Sharifat, M. Akhavan // *Brain Research*. – 2014. – Vol. 1548. – P. 56–62.
15. Chioca L. R. Anosmia does not impair the anxiolytic-like effect of lavender essential oil inhalation in mice / L. R. Chioca, V. D. Antunes, M. M. Ferro // *Life Sciences*. – 2013. – Vol. 92 (21). – P. 971–975.
16. Chioca L. R. Anxiolytic-like effect of lavender essential oil inhalation in mice: Participation of serotonergic but not GABA(A)/benzodiazepine neurotransmission / L. R. Chioca, M. M. Ferro, V. D. Baretta // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2013. – Vol. 147 (2). – P. 412–418.
17. Kumar V. Characterization of anxiolytic and neuropharmacological activities of Silexan / V. Kumar // *Wiener medizinische Wochenschrift*. – 2013. – Vol. 163 (3-4). – P. 94.
18. Silenies L. B. Silexan, an essential oil from flowers of *Lavandula angustifolia*, is not recognized as benzodiazepine-like in rats trained to discriminate a diazepam cue / L. B. Silenies, E. Koch, G. A. Higgins // *Phytomedicine*. – 2013. – Vol. 20 (2). – P. 172–177.
19. Hritcu L. Effects of lavender oil inhalation on improving scopolamine-induced spatial memory impairment in laboratory rats / L. Hritcu, O. Cioanca, M. Hancianu // *Phytomedicine*. – 2012. – Vol. 19 (6). – P. 529–534.
20. Takahashi M. Anxiolytic-like Effect of Inhalation of Essential Oil from *Lavandula officinalis*: Investigation of Changes in 5-HT Turnover and Involvement of Olfactory Stimulation / M. Takahashi, A. Yamanaka, C. Asanuma // *Natural Product Communications*. – 2014. – Vol. 9 (7). – P. 1023–1026.
21. Takahashi M. Effects of Inhaled Lavender Essential Oil on Stress-Loaded Animals: Changes in Anxiety-Related Behavior and Expression Levels of Selected mRNAs and Proteins / M. Takahashi, A. Yoshino, A. Yamanaka // *Natural Product Communications*. – 2012. – Vol. 7 (11). – P. 1539–1544.
22. Rahmati B. Anti-epileptogenic and antioxidant effect of *Lavandula officinalis* aerial part extract against pentylenetetrazol-induced kindling in male mice / B. Rahmati, M. Khalili, M. Roghani // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2013. – Vol. 148 (1). – P. 152–157.
23. Yi L. T. Essential oil of *Perilla frutescens*-induced change in hippocampal expression of brain-derived neurotrophic factor in chronic unpredictable mild stress in mice / L. T. Yi, J. Li, D. Geng // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2013. – Vol. 147 (1). – P. 245–253.
24. Blanco M. M. Neurobehavioral effect of essential oil of *Cymbopogon citratus* in mice / M. M. Blanco, C. A. Costa, A. O. Freire // *Phytomedicine*. – 2009. – Vol. 16 (2-3). – P. 265–270.
25. Can O. D. Psychopharmacological profile of Chamomile (*Matricaria recutita* L.) essential oil in mice / O. D. Can, U. D. Ozkay, H. T. Kiyani // *Phytomedicine*. – 2012. – Vol. 19 (3-4). – P. 306–310.
26. Silva M. R. Comparative anticonvulsant activities of the essential oils (EOs) from *Cymbopogon winterianus* Jowitt and *Cymbopogon citratus* (DC) Stapf. in mice / M. R. Silva, R. M. Ximenes // *Naunyn-Schmiedeberg's Archives of Pharmacology*. – 2010. – Vol. 381 (5). – P. 415–426.
27. Campelo L. Antioxidant activity of Citrus limon essential oil in mouse hippocampus / L. Campelo, M. Goncalves, C. Feitosa // *Pharmaceutical Biology*. – 2011. – Vol. 49 (7). – P. 709–715.
28. Costa R. A. The GABAergic system contributes to the anxiolytic-like effect of essential oil from *Cymbopogon citratus* (lemongrass) / R. A. Costa, D. O. Kohn, V. M. de Lima // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2011. – Vol. 137 (1). – P. 828–836.
29. Monforte M. T. Composition and Biological Activities of *Calamintha officinalis* Moench Essential Oil / M. T. Monforte, O. A. Tzakou // *Journal of Medicinal Food*. – 2011. – Vol. 14 (3). – P. 297–303.
30. Guzman-Gutierrez S. L. Antidepressant activity of *Litsea glaucescens* essential oil: Identification of beta-pinene and linalool as active principles / S. L. Guzman-Gutierrez, R. Gomez-Cansin, J. C. Garcia-Zebadua // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2012. – Vol. 143 (2). – P. 673–679.
31. Galdino P. The anxiolytic-like effect of an essential oil derived from *Spiranthera odoratissima* leaves and its major component, beta-caryophyllene, in male mice / P. Galdino, M. Nascimento, I. F. Florentino // *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*. – 2012. – Vol. 38 (2). – P. 276–284.
32. Mehta A. K. The effect of the essential oil of *Eugenia caryophyllata* in animal models of depression and locomotor activity / A. K. Mehta, S. Halder, N. Khanna // *Nutritional Neuroscience*. – 2013. – Vol. 16 (5). – P. 233–238.
33. Ikeda H. Contribution of anterior cingulate cortex and descending pain inhibitory system to analgesic effect of lemon odor in mice / H. Ikeda, S. Takasu, K. Murase // *Molecular Pain*. – 2014. – Vol. 10. – P. 138–146.
34. Sousa P. J. Antinociceptive effects of the essential oil of *Mentha x villosa* leaf and its major constituent piperitenone oxide in mice / P. J. Sousa, C. F. Linard, D. Azevedo-Batista // *Brazilian Journal of Medical and Biological Research*. – 2009. – Vol. 42 (7). – P. 655–659.

35. Цубанова Н. А. Сравнительный анализ влияния эфирных масел лаванды и лимона и розмарина на показатели центральной нервной системы / Н. А. Цубанова, В. В. Тонковцева, Т. В. Севастьянова, Э. С. Цубанова // Сборник Научных трудов ГНБС. – 2015. – Т. 141. – С. 104–109.

36. Sousa D. P. A Systematic Review of the Anxiolytic-Like Effects of Essential Oils in Animal Models / D. P. Sousa, P. H. Hocayen, L. N. Andrade // *Molecules*. – 2015. – Vol. 20 (107). – P. 18620–18660.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Oyemitan I.A. Psychoneuropharmacological activities and chemical composition of essential oil of fresh fruits of *Piper guineense* (Piperaceae) in mice / I. A. Oyemitan, O. A. Olayera, A. Alabi // *Journal Of Ethnopharmacology*. – 2015. – Vol. 166. – P. 240–249.

2. Bagci E. Anxiolytic and antidepressant-like effects of *Ferulago angulata* essential oil in the scopolamine rat model of Alzheimer's disease / E. Bagci, E. Aydin, M. Mihasan // *Flavour And Fragrance Journal*. – 2016. – Vol. 31 (1). – P. 70–80.

3. Park H. J. Effect of the fragrance inhalation of essential oil from *Asarum heterotropoides* on depression-like behaviors in mice / H. J. Park, E. J. Lim, R. J. Zhao // *BMC complementary and alternative medicine*. – 2015. – Vol. 15 (1). – P. 571–578.

4. Saiyudthong S. Anxiety-like behaviour and c-fos expression in rats that inhaled vetiver essential oil / S. Saiyudthong, S. Pongmayteegul, C. A. Marsden // *Natural Product Research*. – 2015. – Vol. 29 (22). – P. 2141–2144.

5. Choi M. S. Essential Oils from the Medicinal Herbs Upregulate Dopamine Transporter in Rat Pheochromocytoma Cells / M. S. Choi, B. S. Choi, S. H. Kim // *Journal Of Medicinal Food*. – 2015. – Vol. 18 (10). – P. 1112–1120.

6. Gradinariu V. Comparative efficacy of *Ocimum sanctum* L. and *Ocimum basilicum* L. essential oils against amyloid beta (1-42)-induced anxiety and depression in laboratory rats / V. Gradinariu, O. Cioanca, L. Hritcu // *Phytochemistry Reviews*. – 2015. – Vol. 14 (4). – P. 567–575.

7. Kasuya H. Effect on Emotional Behavior and Stress by Inhalation of the Essential oil from *Chamaecyparis* / H. Kasuya, E. Hata, T. Satou // *Natural Product Communications*. – 2013. – Vol. 8 (4). – P. 515–518.

8. Kasuya H. Intracerebral Distribution of alpha-Pinene and the Anxiolytic-like Effect in Mice Following Inhaled Administration of Essential Oil from *Chamaecyparis obtuse* / H. Kasuya, S. Iida, K. Ono // *Natural Product Communications*. – 2015. – Vol. 10 (8). – P. 1479–1482.

9. Bae D. Inhaled essential oil from *Chamaecyparis obtuse* ameliorates the impairments of cognitive function induced by injection of beta-amyloid in rats / D. Bae, H. Seol, H. G. Yoon // *Pharmaceutical Biology*. – 2012. – Vol. 50 (7). – P. 900–910.

10. Duan D. Antidepressant-like effect of essential oil isolated from *Toona ciliata* Roem var. *yunnanensis* / D. Duan, L. Chen // *Journal of Natural Medicines*. – 2015. – Vol. 69 (2). – P. 191–197.

11. Liu B. B. Essential Oil of *Syzygium aromaticum* Reverses the Deficits of Stress-Induced Behaviors and Hippocampal p-ERK/p-CREB/Brain-Derived Neurotrophic Factor Expression / B. B. Liu, L. Luo, X. Liu // *Planta Medica*. – 2015. – Vol. 81 (3). – P. 185–192.

12. Castro M. Essential oil of *Psidium cattleianum* leaves: Antioxidant and antifungal activity / M. Castro, F. N. Victoria, D. H. Oliveira // *Pharmaceutical Biology*. – 2015. – Vol. 53 (2). – P. 242–250.

13. Misharina T. A. Effects of low doses of essential oil on the antioxidant state of the erythrocytes, liver, and the brains of mice / T. A. Misharina, L. D. Fatkullina, F. N. Alinkina // *Prikladnaia biokhimiia i mikrobiologiya*. – 2014. – Vol. 50 (1). – P. 101–107.

14. Vakili A. Effect of lavender oil (*Lavandula angustifolia*) on cerebral edema and its possible mechanisms in an experimental model of stroke / A. Vakili, S. Sharifat, M. Akhavan // *Brain Research*. – 2014. – Vol. 1548. – P. 56–62.

15. Chioca L. R. Anosmia does not impair the anxiolytic-like effect of lavender essential oil inhalation in mice / L. R. Chioca, V. D. Antunes, M. M. Ferro // *Life Sciences*. – 2013. – Vol. 92 (21). – P. 971–975.

16. Chioca L. R. Anxiolytic-like effect of lavender essential oil inhalation in mice: Participation of serotonergic but not GABA(A)/benzodiazepine neurotransmission / L. R. Chioca, M. M. Ferro, V. D. Baretta // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2013. – Vol. 147 (2). – P. 412–418.

17. Kumar V. Characterization of anxiolytic and neuropharmacological activities of Silexan / V. Kumar // *Wiener medizinische Wochenschrift*. – 2013. – Vol. 163 (3-4). – P. 94.

18. Sileniekis L. B. Silexan, an essential oil from flowers of *Lavandula angustifolia*, is not recognized as benzodiazepine-like in rats trained to discriminate a diazepam cue / L. B. Sileniekis, E. Koch, G. A. Higgins // *Phytomedicine*. – 2013. – Vol. 20 (2). – P. 172–177.

19. Hritcu L. Effects of lavender oil inhalation on improving scopolamine-induced spatial memory impairment in laboratory rats / L. Hritcu, O. Cioanca, M. Hancianu // *Phytomedicine*. – 2012. – Vol. 19 (6). – P. 529–534.

20. Takahashi M. Anxiolytic-like Effect of Inhalation of Essential Oil from *Lavandula officinalis*: Investigation of Changes in 5-HT Turnover and Involvement of Olfactory Stimulation / M. Takahashi, A. Yamanaka, C. Asanuma // *Natural Product Communications*. – 2014. – Vol. 9 (7). – P. 1023–1026.

21. Takahashi M. Effects of Inhaled Lavender Essential Oil on Stress-Loaded Animals: Changes in Anxiety-Related Behavior and Expression Levels of Selected mRNAs and Proteins / M. Takahashi, A. Yoshino, A. Yamanaka // *Natural Product Communications*. – 2012. – Vol. 7 (11). – P. 1539–1544.

22. Rahmati B. Anti-epileptogenic and antioxidant effect of *Lavandula officinalis* aerial part extract against pentylenetetrazol-induced kindling in male mice / B. Rahmati, M. Khalili, M. Roghani // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2013. – Vol. 148 (1). – P. 152–157.

23. Yi L. T. Essential oil of *Perilla frutescens*-induced change in hippocampal expression of brain-derived neurotrophic factor in chronic unpredictable mild stress in mice / L. T. Yi, J. Li, D. Geng // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2013. – Vol. 147 (1). – P. 245–253.

24. Blanco M. M. Neurobehavioral effect of essential oil of *Cymbopogon citratus* in mice / M. M. Blanco, C. A. Costa, A. O. Freire // *Phytomedicine*. – 2009. – Vol. 16 (2-3). – P. 265–270.

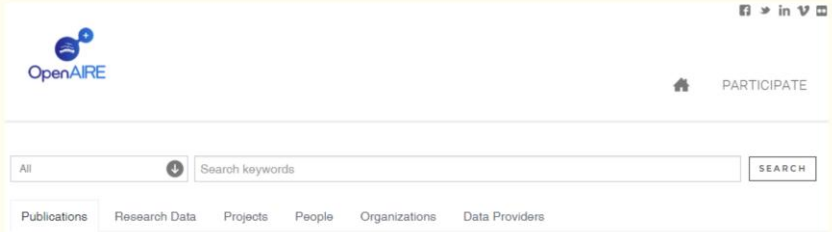
25. Can O. D. Psychopharmacological profile of Chamomile (*Matricaria recutita* L.) essential oil in mice / O. D. Can, U. D. Ozkay, H. T. Kiyani // *Phytomedicine*. – 2012. – Vol. 19 (3-4). – P. 306–310.
26. Silva M. R. Comparative anticonvulsant activities of the essential oils (EOs) from *Cymbopogon winterianus* Jowitt and *Cymbopogon citratus* (DC) Stapf. in mice / M. R. Silva, R. M. Ximenes // *Naunyn-Schmiedeberg's Archives of Pharmacology*. – 2010. – Vol. 381 (5). – P. 415–426.
27. Campelo L. Antioxidant activity of Citrus limon essential oil in mouse hippocampus / L. Campelo, M. Goncalves, C. Feitosa // *Pharmaceutical Biology*. – 2011. – Vol. 49 (7). – P. 709–715.
28. Costa R. A. The GABAergic system contributes to the anxiolytic-like effect of essential oil from *Cymbopogon citratus* (lemongrass) / R. A. Costa, D. O. Kohn, V. M. de Lima // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2011. – Vol. 137 (1). – P. 828–836.
29. Monforte M. T. Composition and Biological Activities of *Calamintha officinalis* Moench Essential Oil / M. T. Monforte, O. A. Tzakou // *Journal of Medicinal Food*. – 2011. – Vol. 14 (3). – P. 297–303.
30. Guzman-Gutierrez S. L. Antidepressant activity of *Litsea glaucescens* essential oil: Identification of beta-pinene and linalool as active principles / S. L. Guzman-Gutierrez, R. Gomez-Cansin, J. C. Garcia-Zebadua // *Journal of Ethnopharmacology*. – 2012. – Vol. 143 (2). – P. 673–679.
31. Galdino P. The anxiolytic-like effect of an essential oil derived from *Spiranthera odoratissima* leaves and its major component, beta-caryophyllene, in male mice / P. Galdino, M. Nascimento, I. F. Florentino // *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*. – 2012. – Vol. 38 (2). – P. 276–284.
32. Mehta A. K. The effect of the essential oil of *Eugenia caryophyllata* in animal models of depression and locomotor activity / A. K. Mehta, S. Halder, N. Khanna // *Nutritional Neuroscience*. – 2013. – Vol. 16 (5). – P. 233–238.
33. Ikeda H. Contribution of anterior cingulate cortex and descending pain inhibitory system to analgesic effect of lemon odor in mice / H. Ikeda, S. Takasu, K. Murase // *Molecular Pain*. – 2014. – Vol. 10. – P. 138–146.
34. Sousa P. J. Antinociceptive effects of the essential oil of *Mentha x villosa* leaf and its major constituent piperitenone oxide in mice / P. J. Sousa, C. F. Linard, D. Azevedo-Batista // *Brazilian Journal of Medical and Biological Research*. – 2009. – Vol. 42 (7). – P. 655–659.
35. Tsubanova N.A. Sravnitel'nyy analiz vliyaniya efirnykh masel lavandy i limona i rozmarina na pokazateli tsentral'noy nervnoy sistemy [Comparative Analysis of Influence of Essential Oils of Lavender and Lemon and Rosemary on Indices of Central Nervous System] / N.A. Tsubanova, V.V. Tonkovtseva, T.V. Sevastyanova, E.S. Tsubanova // *Collection of scientific works of the SNBS*. – 2015. – V. 141. – P. 104–109. [In Russian]
36. Sousa, D. P. A Systematic Review of the Anxiolytic-Like Effects of Essential Oils in Animal Models (D. P. Sousa, P. N. Hocayen, L. N. Andrade, *Molecules*. – 2015. – Vol. 20 (107). – P.18620–18660.

OpenAIRE
Open Access Infrastructure for Research in Europe

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.071>Хребина С.В.¹, Филимонова А.Н.²¹ORCID: 0000-0001-6047-2892, доктор психологических наук, профессор²ORCID: 0000-0001-6047-2952, аспирант,

Пятигорский государственный университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ**Аннотация**

В статье раскрываются особенности исследования феномена личностной самопрезентации студентов-менеджеров. Представлены основные подходы к изучению проблемы личностной самопрезентации в отечественной и зарубежной психологии. Описаны структура, структурные компоненты и мотивационная составляющие личностной самопрезентации. Раскрыта сущность профессионально важных качеств менеджеров. Предложена авторская трактовка понимания личностной самопрезентации студентов-менеджеров. Определены условия успешной профессиональной деятельности менеджера в зависимости от сформированности его психологических качеств. Обоснована концепция формирования делового имиджа как основа процесса развития личностной самопрезентации.

Ключевые слова: личностная самопрезентация, образ «Я», менеджер, профессионально важные качества, развитие личностной самопрезентации.

Khrebina S.V.¹, Filimonova A.N.²¹ORCID: 0000-0001-6047-2892, PhD in Psychology, Professor²ORCID: 0000-0001-6047-2952, Postgraduate student,

Pyatigorsk State University

PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO STUDY OF PROBLEM OF PERSONAL SELF-REPRESENTATION OF STUDENTS STUDYING MANAGEMENT**Abstract**

The paper reveals the features of the study of a phenomenon of personal self-representation of students studying management. The main approaches to study of the problem of personal self-representation in domestic and foreign psychology are presented. The structure, structural components and motivational components of personal self-representation are described as well. The essence of professionally important qualities of managers is revealed in the paper. The author offers an interpretation of the understanding of personal self-representation of students studying management. The conditions for the successful professional activity of the manager are determined, depending on the formation of his/her psychological qualities. The concept of formation of a business image as a basis of the process of development of personal self-representation is justified in the paper.

Keywords: personal self-representation, self-image, manager, professionally important qualities, development of personal self-representation.

Исследование феномена личностной самопрезентации привлекает специалистов-исследователей разных научных направлений: к ним относятся и психолингвистика, и социология, и культурология, и социальная философия и, конечно же, психология. В качестве предмета нашего исследования выступила личностная самопрезентация студентов-менеджеров как условие подготовки к будущей профессиональной деятельности.

Актуальность исследования данной проблемы заключается в постоянно растущем количестве выпускаемых специалистов, и ограниченное количество рабочих мест для них. В таком процессе огромную роль будут играть не только знания и высокая подготовка студентов, но и их умение самопрезентовать себя, показать себя в «выгодном свете», чтобы заинтересовать работодателя и начать свою трудовую деятельность. Именно с этой целью нами было проведено исследование личностной самопрезентации студентов-менеджеров, позволившее им в дальнейшем осознанно и более подготовлено подойти к вопросу своей самопрезентации.

Анализируя проблему формирования и представления окружающим собственного желаемого образа, т.е. самопрезентацию, следует представить их краткое содержание с различных теоретических позиций. Основываясь на выделенных авторами особенностях изучаемого феномена его можно рассматривать по-разному. Так с точки зрения И. Гофмана как одно из средств организации межличностного взаимодействия с людьми для достижения собственных целей [4, С. 131]. С позиции Дж. Тедеша, М. Риек как форму социального поведения [1, С. 37-51]. Согласно мнению Б. Шленкера, М. Вейголда, М. Лири, Р. Ковальски, Д. Майерса как способ поддержания самооценки [14, С. 45]. Дж. Мид, Ч. Кули предложили интерпретировать самопрезентацию как условие формирования образа «Я» и самооценки личности [7, С. 24-44]. Р. Баумейстер, А. Стейхилбер определили данный феномен как средство самовыражения [11, С. 23-43]. Иной взгляд на понимание самопрезентации представлен в работах Ф. Хайдера, Л. Фестингера, где она определяется как один из приемов устранения когнитивного диссонанса [5, С. 637-703]. По мнению Р. Аркина, А. Шутца самопрезентация является условием реализации мотивации достижения или же избегания неудач [6, С. 136].

Р. Викланд рассматривает процесс самопрезентации как состояние объективного самосознания и результат восприятия чужих оценок окружающих [12, С. 7-15]. Другие авторы, а именно, Г. Глейтман отмечает важность изучения феномена как следствия роста мотивации после сосредоточения внимания на своей личности [11, С. 11-22]. Что касается мнения И. Джонса и Т. Питтмана, они считают наличие самопрезентации проявлением потребности во власти [3, С. 57]. С противоположным мнением выступает Л.Б. Филонов, характеризуя самопрезентацию как возможность предъявления личностных качеств в связи с высокой потребностью доверительных отношений [6, С.185]. Описание самопрезентации как одной из личностных черт прослеживается в работах А. Басса, М. Снайдера, А. Фестингера, М. Шериера и др. [7, С. 24-44]. Р. Парфенов отмечает ее значимость в процессе установления

взаимодействия между людьми [10, С.102-157]. Однако А.А. Бодалев указывает на связь с процессом воздействия на отношение к индивиду окружающих [2, С. 63]. Представленные результаты исследований Ю.С. Крижанской, В.П. Третьякова, Г.В. Бороздиной позволяют утверждать, что самопрезентация может выступать направлением особого восприятия партнеров по заданному пути [12, С. 15]. В качестве рекламной деятельности рассматривает ее А.Н. Лебедев-Любимов [6, С. 173]. Выводы Ю.М. Жукова определяют самопрезентацию в качестве способа создания конкретного впечатления, выражающегося в регуляции поведения индивида [9, С. 124-165].

Раскрывая научный замысел И. Гофмана, необходимо подчеркнуть, что ведущая роль в процессе формирования самопрезентации отводится обществу, и отражается в способности личности сознательно регулировать стиль своего поведения согласно ожиданиям окружающих [4, С. 278]. Продолжение развития этой теории могут служить идеи Ч. Кули. Автор утверждал, что образы, создаваемые для окружения, по своей сущности не могут не быть социальными [7, С. 24-44]. Потребность во внимании, стремление построить «правильные» образы являются врожденными качествами, которые начинают проявляться в младенческом возрасте. Для того, чтобы предъявлять соответствующий ему стиль поведения индивид создает и управляет собственным образом.

Разнятся не только подходы к пониманию феномена личностной самопрезентации, но и к описанию ее структурных компонентов. В нашей работе мы придерживались точки зрения Л.С. Колмогоровой. Раскрывая структуру самопрезентации автор выделяет пять компонентов. Первый компонент определяется как когнитивный, раскрывающий знания индивида об особенностях самопрезентации. Второй - компетентностный компонент, предполагающий соответствующий уровень владения навыками самопрезентации. Третий компонент обозначен как ценностный, раскрывающий значение самопрезентации для жизнедеятельности человека. В качестве четвертого выделен рефлексивный компонент, позволяющий самому человеку осознать себя с позиции самопрезентации. И наконец, пятый компонент - креативный, отражающий собственную оригинальность в разработке процесса осуществления собственной самопрезентации [3, С. 59].

Интересным является мнение О.А. Пикулевой, согласно которому выделяются три непосредственных слагаемых процесса самопрезентации: сам субъект самопрезентации; аудитория в качестве объекта самопрезентации; и социальная ситуация в процессе которой осуществляется взаимодействие субъекта и объекта [12, С. 15].

Описывая объект самопрезентации, автор придает особое значение выбору субъектом конкретных самопрезентационных актов. При этом указывается, что важность объекта для субъекта самопрезентации отражается в автоматизме и осознанности самопрезентационного поведения, выборе стратегий и тактик самопрезентации. Итак, самопрезентация представляет собой процесс, который позволяет управлять впечатлением окружающих в ситуациях взаимодействия. С точки зрения современной психологии, в основе всех рассматриваемых действий человека по самовыражению и самопрезентации так же, как и в глубокой древности, лежит социальная мотивация, ориентированность на социальные оценки и желание быть лучше.

Работы А. Баса, А. Фенигштейна и М. Шейера указывают на зависимость осознанности самопрезентации от уровня сформированности самосознания у ее субъекта [15, С. 273]. Так, человек, обладающий высоким уровнем самосознания, будет демонстрировать более осознанную самопрезентацию, и наоборот, человек не достаточно осознает свое поведение и оценку окружающих, для его самопрезентации будут свойственны спонтанность, непродуманность и неосознанность.

А.А. Бодалев и В.Н. Панферов в предпринятом ими психологическом исследовании формирования первого впечатления выявили типовые схемы, по которым формируется образ другого, в частности были выделены три фактора, влияющие на формирование первого впечатления о человеке [2, С. 47]. Первым фактором, имеющим наибольшее значение при формировании впечатления во время первого контакта с незнакомцем, стали особенности внешнего облика и поведения объекта перцепции.

Л.В. Петров выделяет в оформлении внешнего облика индивида иерархию 3 знаковых систем [8, С. 72-77]. Вторым фактором, определяющим характер формируемого впечатления о человеке, является ситуация, в условиях которой это происходит. Авторы подчеркивают, что особенно важны для восприятия социальный фон и особенности отношения социального окружения к воспринимаемому человеку.

Третьим фактором являются индивидуальные особенности того, у кого формируется первое впечатление. Как отмечают исследователи, большое влияние на формирование впечатления о ранее незнакомом человеке оказывают собственные личностные качества воспринимающего субъекта [2, С. 148-152].

Анализ работ, посвященных изучению феномена личностной самопрезентации, показал нам широту и неоднозначность взглядов ученых. Самопрезентацию можно трактовать: как способность подавать себя, умение располагать к себе окружающих, привлекать внимание, побуждать интерес окружения к своей личности посредством внешних качеств; как способность презентовать возможности и способности при устройстве на работу; акты самовыражения и поведения, направленные на создание благоприятного впечатления, соответствующего идеалам других. Самопрезентация предполагает вербальную и невербальную демонстрацию личности во внешней коммуникации [11, С. 11-22].

Однако прежде чем рассматривать особенности формирования личностной самопрезентации менеджеров, имеет смысл обратиться к анализу литературы по вопросам профессионально значимых качеств менеджеров. З.З. Хабибуллиной выделен ряд профессионально важных качеств менеджеров. К ним были отнесены особенности речи, наличие хорошей памяти, высокий уровень эмоционально-волевой устойчивости, развитые организаторские и коммуникативные способности, готовность к разумному риску, решительность, ответственность, самокритичность, толерантность, компетентность, чувство юмора, эмпатия. Менеджеру необходима хорошая подготовка в области экономики, права, социальной психологии, психологии труда, управления. [13, С. 174-177].

Успешность профессиональной деятельности менеджера зависит от многих психологических качеств, и которые выделены в ряду профессионально важных [14, С. 446-450.]. Разносторонний характер деятельности управленца формирует особые требования к его личностным характеристикам.

В основу процесса развития личностной самопрезентации студентов-менеджеров нами была выбрана существующая в имиджологии пошаговая концепция разработки и формирования делового имиджа, сущность, которой мы считаем, целесообразно отразить в статье.

К. Пелескис и соавторы выделяют три основных этапа: 1) создание «Я-образа» - выбор индивидом своего внешнего образа для предъявления окружающим в определенной ситуации; 2) выбор поведенческих стратегий самопрезентации, способствующих достижению целей в создании определенного впечатления; 3) управление процессом формирования впечатления и его рефлексия. В процессе управления впечатлением используются различные тактики самопрезентации. Они способствуют достижению определенных социальных целей и материальных результатов, укреплению собственной самооценки и формированию идентичности [10, С. 181].

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что успешность личностной самопрезентации студентов-менеджеров зависит от их уверенности в себе, от уровня осознанности и самосознания, от интроверсии, степени выраженности самооценки, уровня самоактуализации и социальной тревожности.

Список литературы / References

1. Амяга Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность. Общение. Групповые процессы / Н.В. Амяга. - М., 1991. С. 37–74.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. М., 1982.
3. Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Особенности саморепрезентации в Интернет-дневниках подростков и молодежи / О.В. Гавриченко, Т.В. Смолякова // Психологические исследования. - 2008 - N 1(1).
4. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман. - М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.
5. Доценко Е.Л. Манипулятивные технологии // Реклама: внушение и манипуляция / Е.Л. Доценко. - Самара: БАХРАТ-М, 2007. - С. 637 - 703.
6. Котлярова М.Н. Теории самопрезентации / М.Н. Котлярова. - СПб., 2002.
7. Корягина Н.А. Проблемы исследования социально-психологических факторов самопрезентации / Н.А. Корягина // Модернизация российского образования: тренды и перспективы: монография. Кн. 3. Краснодар: Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. - С. 24 - 44.
8. Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации / Т.А. Кубрак. - М., 2009.
9. Михайлова Е.В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг / Е.В. Михайлова. - СПб.: Речь, 2007.
10. Перельгина, Е.Б. Психология имиджа / Е.Б. Перельгина. - М.: Аспект Пресс, 2002.
11. Семёнова, Л.Н. Технология самопрезентации: учебно-методический комплекс / Л. М. Семёнова. - Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005.
12. Соколова – Бауш Е.А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе и реципиенте: Автореф. дис... канд. психол. Наук / Е.А. Соколова – Бауш. - М., 2001.
13. Хабибулина З.З. Профессиональные и личностные качества менеджера // Инновационные педагогические технологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.) / З.З. Хабибулина. — Казань: Бук, 2015. — С. 174-177.
14. Хребина С.В., Зверева Р.Г. Психологические особенности развития мотивации достижения успеха у студентов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 446-450.
15. Шепель В.М. Имиджология: секреты личного обаяния / В.М. Шепель. - М.: LINKA-PRESS, 1997.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Amyaga N.V. Samoraskrytie i samopred'yavlenie lichnosti v obschenii // Lichnost. Obschenie. Gruppovyye protsessy [Self-disclosure and self-presentation of personality in communication // Personality. Communication. Group processes] / N.V. Amyaga. - М., 1991. P. 37–74. [In Russian]
2. Bodalev A.A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of man by man] / A.A. Bodalev. М., 1982. [In Russian]
3. Gavrichenko O.V., Smolyakova T.V. Osobennosti samoreprezentatsii v In-ternet-dnevnikah podrostkov i molodezhi [Features of self-representation in Internet diaries of adolescents and youth] / O.V. Gavrichenko, T.V. Smolyakova // Psihologicheskie issledovaniya.- 2008 - N 1(1). [In Russian]
4. Goffman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [Representing oneself with others in everyday life] / I. Goffman. - М.: KANON-PRESS, 2000. [In Russian]
5. Dotsenko E.L. Manipulyativnyie tehnologii: // Reklama: vnushenie i manipulyatsiya [Manipulative technologies // Advertising: suggestion and manipulation] / E.L. Dotsenko. - Samara: BAHRAТ-M, 2007. - P. 637 - 703. [In Russian]
6. Kotlyarova M.N. Teorii samoprezentatsii [Theories of self-presentation] / M.N. Kotlyarova. - SPb., 2002. [In Russian]
7. Koryagina N.A. Problemyi issledovaniya sotsialno-psihologicheskikh fak-torov samoprezentatsii // Modernizatsiya rossiyskogo obrazo-vaniya: trendyi i perspektivy: monografiya [Problems of research of socio-psychological factors of self-presentation // Modernization of Russian education: trends and perspectives: monograph] / N.A. Koryagina. Kn. 3. Krasnodar: Tsentr sotsialno-politicheskikh issledovaniy «Premer», 2012. - P 24 - 44. [In Russian]
8. Kubrak T.A. Intentsiya samoprezentatsii sub'ekta v verbalnoy kommuni-katsii [Self-presentation of the subject in verbal communication] / T.A. Kubrak. - М., 2009.
9. Mihaylova E.V. Samoprezentatsiya: teorii, issledovaniya, trening [Self-presentation: theory, research, training] / E.V. Mihaylova. - SPb.: Rech, 2007. [In Russian]
10. Perelygina, E.B. Psihologiya imidzha / E.B. Perelygina. - М.: Aspekt Press, 2002. [In Russian]
11. Semyonova, L.N. Tehnologiya samoprezentatsii: uchebno-metodicheskiy kompleks [The technology of self-presentation: educational-methodical complex] / L. M. Semeonova. – Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2005. [In Russian]
12. Sokolova – Baush E.A. Samoprezentatsiya kak faktor formirovaniya vpe-chatleniya o kommunikatore i retsipiente: avtoref. dis... kand. psihol. nauk [Self-presentation as a factor in the formation of impressions about the communicator and the recipient: author's abstract. dis ...of Phd in psychology] / E.A. Sokolova – Baush. - М., 2001. [In Russian]

13. Habibulina Z.Z. Professionalnye i lichnostnyie kachestva menedzhera // Innovatsionnye pedagogicheskie tehnologii: materialyi III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan, oktyabr 2015 g.) [Professional and personal qualities of the manager // Innovative pedagogical technologies: materials III Intern. sci. conf. (Kazan, October 2015)] / Z.Z. Habibulina. — Kazan: Buk, 2015. — P. 174-177. [In Russian]

14. Khrebina S.V., Zvereva R.G. Psihologicheskie osobennosti razvitiya motiva-tsii dostizheniya uspeha u studentov [Psychological features of the development of motivation to achieve success in students] / S.V. Khrebina, R.G. Zvereva // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 2. P. 446-450. [In Russian]

15. Shepel V.M. Imidzhelogiya: sekretyi lichnogo obayaniya [Image: the secrets of personal charm] / V.M. Shepel. - M.: LINKA-PRESS, 1997. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.072>

Шакирова Г.Ф.

¹ ORCID: 0000-0003-0164-7263, кандидат психологических наук

Казанский федеральный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЕТЬМИ: ПОЛОРОЛЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Аннотация

Исследование направлено на выявление различий психологического пола личности в поведении мальчиков и девочек, активно использующих цифровые технологии, а также различия в представлении детей дошкольного возраста об особенностях образа «Я» мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Было установлено, что мальчики, активно использующие цифровые технологии уязвимы, заносчивы, слабохарактерны, зависимы, неспособны справиться даже с элементарными трудностями. Девочки, в свою очередь, наоборот, проявляют упорство, эмоциональную холодность, становятся решительными даже в очевидной ситуации, когда они не смогут с этим справиться.

Ключевые слова: полоролевые различия, психологический пол личности, биологический пол, мальчики, девочки, цифровые технологии, дошкольный возраст.

Shakirova G.F.¹

¹ORCID: 0000-0003-0164-7263, PhD in Psychology,

Kazan Federal University

USAGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES BY CHILDREN: GENDER-ROLE DIFFERENCES

Abstract

The research is aimed at revealing the differences in the psychological gender of an individual in the behavior of boys and girls, who actively use digital technologies, as well as differences in the vision of preschool children about the peculiarities of "I" image of boys and girls, men and women. It was found that boys who actively use digital technologies are vulnerable, arrogant, weak-willed, dependent, unable to cope even with elementary difficulties. Girls, on the contrary, show persistence, emotional coldness, become resolute even in an obvious situation, when they cannot cope with it.

Keywords: gender differences, psychological gender of a person, biological gender, boys, girls, digital technologies, preschool age.

Цифровые технологии занимают лидирующую позицию в жизни современных детей. С самого рождения дети находятся под его воздействием. Они живут в мире, насыщенного технологиями, и используют различные цифровые устройства в своей повседневной жизни [1, С. 85]. Это так называемые «digital natives», коренные жители цифрового общества [2, С. 1] в возрасте от 0 до 8 лет. Данный возрастной период характеризуется стремительным ростом и развитием ребенка, овладением социальным пространством человеческих отношений через общение с близкими взрослыми, а также через игровые и реальные отношения со сверстниками.

Проведенный анализ психологической литературы показал, что исследований относительно гендерных различий при взаимодействии детей с цифровыми устройствами недостаточно изучено. Однако актуальность данной проблемы со временем растет и связана с тем, что поведение детей, активно использующих цифровые технологии отличается от поведения тех, кто не использует современные технологии в том же объеме; характер применения тех или иных устройств имеет свои особенности; приложения, игры, мультфильмы и т.д. различны для мальчиков и девочек; время, затрачиваемое на использование цифровых технологий различно.

В результате указанных особенностей формируется личность детей, активно использующие цифровые технологии [3, С. 102]. Их психологическое, социальное, физическое, интеллектуальное развитие - это результат деятельности взрослых, так как именно взрослыми создаются цифровые устройства, их содержание и наполнение. Поэтому именно от нас зависит какими будут наши дети: интеллектуально-развитыми, социально-адаптированными, психологически устойчивыми, имеющими свою жизненную позицию людьми или имеющими скудное интеллектуальное развитие, дезадаптивными, психологически неустойчивыми, не имеющими жизненные цели людьми.

Учеными в исследованиях были выявлены психофизиологические отличия в развитии различных зон коры головного мозга мальчиков и девочек. Мозг мальчика и мозг девочки работает по-разному, благодаря чему восприятие мира, образ мыслей, предпочитаемые действия каждого представителя пола происходят по своему сценарию [4, С. 92].

У девочек преобладает ближнее зрение, у мальчиков – дальнее. Соответственно девочки выбирают игры с предметами на «расстоянии руки» – игры с куклами, бусинками, тряпочками, а мальчики чаще выбирают догонялки, метание предметов вдаль и т.д. Мальчики в дошкольном возрасте обладают острым слухом, а девочки более

чувствительны к шуму, прикосновениям. У мальчиков преобладает нестандартное, пространственное мышление, а девочки мыслят шаблонно, при этом уделяют внимание деталям.

Эмпирическая часть исследования состояла из нескольких этапов и содержала такие психодиагностические методы, как анкетирование по вопросам использования цифровых технологий детьми, наблюдение за детьми дошкольного возраста (схема наблюдения составлена на основе опросника «Маскулиность, фемининность и гендерный тип личности» (модификация О.Г. Лопуховой, 2013) [5, С. 149], беседа «Мальчики и девочки» (модифицированная беседа Татаринцевой Н.) [6, С. 467].

Исследование проводилось на базе дошкольных образовательных учреждений Вахитовского района г. Казани. Выборка исследования состояла из 50 детей (20 мальчиков и 30 девочек) 5-6 лет.

На первом этапе исследования проводилось анкетирование, которое включало вопросы относительно временных рамок использования мобильных средств, какие именно средства актуальны у детей (интерактивные игрушки, мобильные телефоны, планшеты), что делают дети (играют, скачивают приложения, смотрят мультфильмы).

На втором этапе исследования проводилось наблюдение за детьми активно, использующие цифровые устройства согласно схеме наблюдения, где фиксировалась информация о каждом ребенке в процессе игры. Она включала такие параметры, как готовность помочь, застенчивость, напористость, склонность к проявлению чувств, нежность, доминирование и т.д. Результаты вносились в протокол.

На третьем этапе проводилась беседа «Мальчики и девочки» (модифицированная беседа Татаринцевой Н.) целью которой является выявление представлений детей старшего дошкольного возраста об особенностях образа «Я» мальчиков и девочек, мужчин и женщин.

На четвертом этапе проводился математический анализ данных.

В результате анкетирования родителей детей, выборка условно была разделена на две группы активно, использующих цифровые устройства (53% респондентов – 27 детей, из них 18 мальчиков и 9 девочек) и те, которые ими практически не пользуются (47% респондентов – 23 ребенка). Время, которое проводит ребенок в цифровом мире варьируется от 30 минут – 20 % детей (1 мальчик и 4 девочки) и до 1 часа и больше в течение дня – 60 % детей (17 мальчиков и 5 девочек). 86% детей (23 ребенка: 16 мальчиков и 8 девочек) используют мобильные устройства родителей, 14 % (4 ребенка: 3 мальчика и 1 девочка) - планшеты. 48 % детей (9 мальчиков и 4 девочки) играют, 40 % (5 мальчиков и 5 девочек) смотрят мультфильмы, 12 % (4 мальчика) увлечены поиском интересных приложений [7, С. 177].

В ходе наблюдения за детьми, активно использующих мобильные устройства было установлено, что мальчики уязвимы, заносчивы, слабохарактерны, зависимы, неспособны справиться даже с элементарными трудностями. Девочки, в свою очередь, наоборот, проявляют упорство, эмоциональную холодность, становятся решительными даже в очевидной ситуации, когда они не смогут с этим справиться.

Несмотря на такие результаты наблюдения, представления мальчиков и девочек о мужчинах и женщинах характеризуются традиционностью: дети четко знают, какими качествами должен обладать мужчина и женщина, иные варианты (несоответствующие традиционным взглядам о мужчинах и женщинах) вызывает хохот или негодование.

Несоответствие между поведением детей и их представлениями о гендерных ролях объясняется влиянием информационных средств, которые зачастую вводят в заблуждение и в то же время, влияние семьи, в которой воспитывается ребенок с рождения, где мама и папа выполняют определенные гендерные роли.

Описанные коллегами и конкретизированные нами изменения мальчиков и девочек, использующих цифровые технологии влекут ряд последствий в их дальнейшем развитии – они становятся наиболее восприимчивыми к негативным явлениям социальной среды [8, С. 390], страдают познавательные функции, отношения с родителями и сверстниками. Данные результаты ведут к социальным и культурным трансформациям [9, С. 120], происходящим в современном обществе, которые продуцируют изменения психологического пола личности, деформируют устойчивые стереотипные представления о предназначении женщин и мужчин в общественной жизни [10, С. 573].

Таким образом, в ходе исследования были установлены статистические данные относительно использования цифровых технологий мальчиками и девочками. Наибольший интерес к цифровым технологиям проявляется у мальчиков, они отличаются усидчивостью во время контакта с цифровыми технологиями, в то время как девочки проявляют относительный интерес и быстро переключаются на иную деятельность. Помимо межполовых различий, наблюдаются и гендерные различия детей. Мальчики проявляют фемининные черты (мягкость, уступчивость), а девочки – маскулинные (упорство, сила воли) черты личности.

Список литературы / References

1. Hsin C. T., Li M. C., Tsai C. C. The Influence of Young Children's Use of Technology on Their Learning: A Review / C. T. Hsin, M.C. Li, C.C. Tsai // *Educational Technology and Society*. - 2014. – Vol. 17(4). - P. 85–99.
2. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // *On the Horizon*. - 2001. – Vol. 9(5). - P. 1-6. doi: 10.1108/10748120110424816
3. Duch H., Fisher E.M., Ensari I., Harrington A. Screen time use in children under 3 years old: a systematic review of correlates / H. Duch, E. M. Fisher, I. Ensari // *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. - 2013. – Vol. 10(1). - P. 102-110. doi: 10.1186/1479-5868-10-102.
4. McIntyre M. H., Edwards C.P. The Early Development of Gender Differences / M. H. McIntyre, C.P. Edwards // *Faculty Publications*. - 2009. – Vol.4(1). - P. 83-97. doi: 10.1146/annurev-anthro-091908-164338
5. Лопухова О.Г. Опросник «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» (российский аналог Bem Sex Role Inventory) / О. Г. Лопухова // *Вопросы психологии*. - 2013. - №1. - С.147-154.
6. Татаринцева Н.Е. Концептуальные идеи полоролевого воспитания дошкольников в социокультурном пространстве ДОУ / Н.Е. Татаринцева // *Материалы XVI Международной конференции «Ребенок в современном мире. Детство и социокультурная прогностика»*. - СПб.: Изд-во политехи, ун-та, 2009. - С. 466-473.
7. Shakirova G.F. Psychological Features of Children in the Digital Age / G.F. Shakirova // *International Journal of Scientific Studies*. - 2017. – Vol. 5(6). - P. 176-179. doi: 10.17354/ijssSept/2017/36

8. Столярчук И.А. Технология формирования гендерной культуры подростка / В. А. Столярчук // Журнал «Современные наукоемкие технологии». - 2016. - 4(2). - С.388-392.
9. Беспалько В. П. Комплексный подход к применению педагогических технологий: учебно-практическое пособие / В.П. Беспалько. - М.: издательский отдел НОУ ИСОМ, 2004. - 132 с.
10. Yunger J. L., Carver P. R., Perry D. G. Does Gender Identity Influence Children's Psychological Well-Being? / J. L. Yunger, P.R. Carver, D.G. Perry // Developmental Psychology. - 2004. - Vol. 40(4). - P. 572-582. doi: 10.1037/0012-1649.40.4.572

Список литературы на английском языке / References in English

1. Hsin C. T., Li M. C., Tsai C. C. The Influence of Young Children's Use of Technology on Their Learning: A Review / C. T. Hsin, M.C. Li, C.C. Tsai // Educational Technology and Society. - 2014. - Vol. 17(4). - P. 85-99. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. - 2001. - Vol. 9(5). - P. 1-6. doi: 10.1108/10748120110424816
2. Duch H., Fisher E.M., Ensari I., Harrington A. Screen time use in children under 3 years old: a systematic review of correlates / H. Duch, E. M. Fisher, I. Ensari // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. - 2013. - Vol. 10(1). - P. 102-110. doi: 10.1186/1479-5868-10-102.
3. McIntyre M. H., Edwards C.P. The Early Development of Gender Differences / M. H. McIntyre, C.P. Edwards // Faculty Publications. - 2009. - Vol.4(1). - P. 83-97. doi: 10.1146/annurev-anthro-091908-164338 [
4. Lopuhova O.G. Oprosnik "Maskulinnost, feminnost i gendernyj tip lichnosti" (rossijskij analog Bem Sex Role Inventory) [The questionnaire "Masculinity, femininity and gender type of personality" (the Russian analogue of Bem Sex Role Inventory)] / O. G. Lopukhova // Voprosy psihologii [Psychology issues]. - 2013. - № 1. - P.147-154. [in Russian]
5. Tatarinceva N.E. Konceptualnye idei polorolevogo vospitaniya doskol'nikov v sociokul'turnom prostranstve DOU [Conceptual ideas of preschool childrens' sex education in the socio-cultural space of pre-school] / N.E. Tatarinceva // Materialy XVI Mezhdunarodnoj konferencii «Rebenok v sovremennom mire. Detstvo i sociokulturnaja prognostika» [Proceedings of the XVI International conference "A child in the modern world. Childhood and sociocultural prognostics"]. - SPb.: Izd-vo politehi, un-ta. 2009. - P. 466-473. [in Russian]
6. Shakirova G.F. Psychological Features of Children in the Digital Age / G.F. Shakirova // International Journal of Scientific Studies. - 2017. - Vol. 5(6). - P. 176-179. doi: 10.17354/ijssSept/2017/36 [in English]
7. Stoljarchuk I.A. Tehnologija formirovaniya gendernoj kul'tury podrostka [Formation technology of adolescent gender culture] / I. A. Stoljarchuk // Zhurnal «Sovremennye naukoemkie tehnologii» [Journal "Modern scientific technologies"]. - 2016. - Vol. 4(2). - P.388-392. [in Russian]
8. Bepalko V. P. Kompleksnyj podhod k primeneniju pedagogicheskikh tehnologij: uchebno-prakticheskoe posobie [Comprehensive approach to the application of pedagogical technologies: a teaching book] / V. P. Bepalko. - M.: izdatel'skij otdel NOU ISOM, 2004. - 132 p. [in Russian]
9. Yunger J. L., Carver P. R., Perry D. G. Does Gender Identity Influence Children's Psychological Well-Being? / J. L. Yunger, P.R. Carver, D.G. Perry // Developmental Psychology. - 2004. - Vol. 40(4). - P. 572-582. doi: 10.1037/0012-1649.40.4.572 [in English]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.068>

Шмырева О. И.

Кандидат психологических наук, доцент

Воронежский государственный университет инженерных технологий

В ПОИСКЕ СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИХ ЭМОЦИЙ**Аннотация**

В статье представлена проблема структурообразующих эмоций, поиск которых издавна привлекает внимание ученых. Показана сущность эмоционального развития личности в подростковом возрасте как соотношение прогрессивных и регрессивных эмоциональных проявлений. Эмоции в подростковом возрасте образуют сложную динамичную структуру, включающую спектр амбивалентных, стенических и астенических эмоциональных состояний. Недостаток спокойствия предполагает движение, структурную перестройку, неспособность к самостоятельной организации и контролю эмоциональных явлений, неравновесное состояние эмоциональной сферы личности.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональное развитие, подростковый возраст.

Shmyreva O.I.

PhD in Psychology, Associate professor

Voronezh State University of Engineering Technologies

IN SEARCH OF STRUCTURE-GENERATING EMOTIONS**Abstract**

The paper presents the problem of structure-forming emotions, the search of which has been attracting the attention of scientists all over the world. The essence of emotional development of a person in adolescence as a ratio of progressive and regressive emotional manifestations is shown. Emotions in adolescence form a complex dynamic structure, including a spectrum of ambivalent, stenotic and asthenic emotional states. The lack of calm assumes movement, structural reorganization, inability to organize and control emotional phenomena independently, and the nonequilibrium state of the emotional sphere of the individual.

Keywords: emotions, emotional development, adolescence.

Эмоциональные явления отличаются богатством содержания, специфичность которого определяется психотипом личности, зависящим от ряда факторов: наследственности, условий жизни, влияния культуры и воспитания. В поле зрения отечественных психологов по-прежнему не попадает интересный с научной точки зрения аспект – нахождение базовой, универсальной или структурообразующей эмоции. В связи с этим научный интерес представляет проблема структурообразующих эмоций, поиск которых издавна привлекает внимание ученых. Интенсивное формирование эмоций происходит по мере роста сознания в подростковом возрасте – эмоциональная сенситивность растущих людей служит ресурсом для последующей жизни человека как личности.

По количеству ведущих эмоций теории можно подразделить на моно- и поли-ориентированные. Так, в структуре невротической личности главной эмоцией считается тревога, доминирующая в переживаниях. Имеются попытки вывести наиболее здоровую эмоцию, к которой традиционно причисляют радость. В культурологическом контексте интерес представляет страдание, как базовая эмоция, определяющая ментальность, например, русского человека, а также – гордость, связанная с национальным самосознанием и патриотизмом. Двухмерные модели эмоций демонстрируют врожденный и приобретенный уровни эмоциональных явлений. К первому относят эмоции, несущие мотив познания – любопытство, интерес, удивление, ко второму – более сложные, комплексные сплавы эмоций – любовь, ненависть, ревность.

Недостатком множества западных теорий (по [1]) является невнимание к спокойствию как показателю уравновешенности, сбалансированности эмоциональной сферы личности. Спокойствие возможно рассматривать в различных трактовках: как психический склад личности, обусловленный влиянием черт темперамента и характера, состояние отсутствия актуальных потребностей, баланс потребностей и возможностей, реализацию целей, показатель эмоционального интеллекта.

Идея множественности базовых эмоций нашла отражение в представлении о континуальности эмоциональных явлений, которое означает, что нет критического момента исчезновения или поглощения одной эмоции другими. Спокойствие может означать центральную часть спектра, точку пересечения разнонаправленных эмоций.

Базовые эмоции в подростковом возрасте полимодальны, среди них доминируют «чувство взрослости», эмпатия, тревожность, «подростковый комплекс» эмоциональности, включающий эгоистичность, депрессивность, критичность к себе и другим, социальные эмоции – дружба и любовь, переживания одиночества [3], [5], [6]. Полимодальность также проявляется в эмоциональных нарушениях, к числу которых относят эмоциональный стресс, аффект неадекватности, страх, агрессию, ипохондрический синдром. В целом для подростков обоих полов характерны легкая возбудимость, резкая смена настроений и переживаний, импульсивность в поведении, маскировка безразличием тревоги, волнения, огорчения, однако имеются половые различия: девочкам в большей мере свойственны эмоциональные нарушения в форме обидчивости, плаксивости, беспрерывным сменам настроения, эмоциональность мальчиков становится более выразительной, в поведении проявляется суетливость [3].

Центральным образованием в эмоциональной сфере подростка является «чувство взрослости», проявляемое как субъективное переживание готовности быть полноправным членом сообщества взрослых, выражающееся в стремлении к самостоятельности, желании доказать «взрослость», добиться уважения и учета мнения подростка со стороны старших по возрасту [5].

«Аффект неадекватности», описанный сотрудниками лаборатории Л.И. Божович, представляет собой бурную неуправляемую реакцию, не соответствующую по выраженности проявлений поводу ее возникновения. Данный

феномен характеризуется несоответствием завышенной самооценки и уровня притязаний реальным возможностям личности, стремлением сохранить самоуважение и особый статус в коллективе [3].

Депрессивным состояниям способствует противоречивость в настроениях, побуждениях и желаниях подростка, истощающая психические ресурсы. Возможен вариант переживания депрессии без открытой демонстрации и явной реакции на утрату. Однако подростки стремятся вести при этом активный образ жизни, характеризуемый поспешностью в завязывании новых эмоционально окрашенных отношений. По мнению психоаналитиков, депрессия есть нормативная реакция на сепарацию [2]; [4], которая сменяется улучшением эмоционального состояния при смене фазы развития с подростковой на юношескую.

Эмпатические переживания по своей направленности выражаются в гуманистической и эгоцентрической форме эмпатии. Ее дефицит нередко является следствием эмоциональной глухоты родителей, проявляемой в равнодушии к переживаниям и настроению детей, их мыслям и чувствам, и впоследствии ведет к равнодушному отношению подростка к эмоциям других людей [3].

«Подростковый комплекс» эмоциональности есть новообразование выраженных возрастных психологических характеристик, включающее беспричинные колебания настроения – от безудержного веселья к унынию и обратно, а также чередование других противоположных качеств.

Социальные эмоции как переживание человеком своего отношения к окружающим людям представляют важное достижение возраста [3]. Их формирование происходит на фоне роста самосознания, положительной мотивации и предполагает не только овладение определенным объемом знаний (нормами поведения, оценочными категориями, культурными символами), но и выработку отношений, которые могут быть названы эмоциональными эталонами, имеющими при принципиальной однородности специфические отличия, накладываемые конкретным обществом и культурой.

Дружба и любовь обусловлены возникшей потребностью в глубоких межличностных отношениях. Подростки довольно часто допускают ошибки в выборе объекта. Ведущими факторами аттракции выступают физические и социально-демографические характеристики партнера. С физической привлекательностью тесно связаны иллюзии подростков относительно ценности объекта симпатии. Сходство социально-демографических характеристик подростков – социального и экономического статуса, близости территории проживания, этнической и религиозной принадлежности – влияет на укрепление социальных установок и стереотипов, укрепляет симпатию, подтверждая цельность внутреннего образа мира партнеров.

Любовь основывается на модели привязанности и новых функциональных возможностях (символизирующих процесса взросления, упрочении половых различий с целью их соединения по принципу комплементарности, подготовке к переживанию более сложных чувств между мужчиной и женщиной). Формы выражения любви разнообразны, любовь обнаруживается в близости ненависти и ревности, в платонических переживаниях, перерастающих в эротическое и сексуальное влечения [6]. Как симптом или символ она обозначает переход подростка к взрослости и подражание зрелым формам поведения.

Чувство ненависти выполняет защитную функцию, предохраняя от негативного опыта – специфический механизм чувствования, при котором ненависть является проявлением любви [6]. Первая любовь подростка часто переходит в ненависть или, напротив, вырастает из нее.

Ревность часто сопровождает влюбленность в подростковом возрасте: оба эти чувства способны переходить одно в другое, так как ревность связана с угрозой потери любви и привязанности другого человека, и страхом потери себя в результате разрыва симбиотических отношений, что ассоциируется с собственной смертью. Чувства любви и ревности практически слиты. Задачей в данном контексте является развитие идентичности и позитивного самоощущения человека [6].

Чувство одиночества часто порождается неуверенностью в собственных силах, также оно может сопутствовать сепарации при переходе на более высокий уровень личностного развития.

Страхи имеют возрастную специфику, среди них преобладают страх смерти родителей и связанные с ними страхи общественных бедствий, например, войны. Другая группа распространенных подростковых страхов – страх собственной смерти, пожара, агрессии. Имеются гендерные различия среди подростков в реакциях страха и тревоги: так, у мальчиков чаще отмечается страх болезни, у девочек – боязнь стихий, замкнутого пространства и высоты, в целом у подростков-девочек уровень страхов выше по сравнению с мальчиками [3].

Симптоматика ипохондрического синдрома состоит в неоправданных и преувеличенных жалобах на неудовлетворительное физическое состояние.

Структура и проявление определенных форм агрессии в подростковом возрасте обусловлены возрастными и половыми свойствами. Мальчики-подростки отличаются выраженностью всех форм агрессивного поведения, по сравнению с девочками.

В настоящее время преимущественно изучаются эмоциональные состояния детей и подростков, в частности, эмоциональные состояния детей с особыми образовательными потребностями [7]. Сложно выделить единую базовую эмоцию в подростковом возрасте, однако наиболее характерным состоянием, на наш взгляд, является беспокойство или эмоциональный стресс.

Авторская точка зрения на структурообразующие эмоции в подростковом возрасте характеризуется объединением мономодальных и полимодальных теорий эмоций, поскольку мы выделяем одно фоновое эмоциональное состояние – беспокойство, характеризующее высокую степень возбуждения и динамичность процессов в эмоциональной сфере, а также – совокупность многообразных эмоций. Структурообразующие эмоции, по сути, являются центральными в эмоциональной сфере личности, объединяющими разнонаправленные тенденции. В сравнении с фундаментальными базовыми эмоциями, первичными по происхождению, и производными вторичными, структурообразующие являются связующим звеном между отдельными эмоциональными явлениями.

В целом структурообразующие эмоции в подростковом возрасте представлены в полимодальности, сложном соотношении прогрессивных и регрессивных тенденций. Данный контекст нашел отражение в характере образований эмоциональной сферы и кризисных переживаний [8], [9], [10], [11].

К эмоциональным проявлениям мы относим: 1) *образования эмоциональной сферы* – «чувство взрослости» (переживание ответственности, новой роли, эмпатии, социальных эмоций, положительной мотивации, предметных и обобщенных чувств, эмоционального стресса) и «подростковый комплекс» эмоциональности (импульсивность, сенситивность, одиночество, личные переживания – феномены дружбы и любви); 2) *кризисные переживания* (тревожность, страх, агрессию, депрессию, одиночество, аффект неадекватности, ипохондрический синдром). Образования эмоциональной сферы носят прогрессивный характер эмоционального развития, кризисные переживания – регрессивный характер.

Таким образом, эмоции в подростковом возрасте образуют сложную динамичную структуру, включающую спектр амбивалентных, стенических и астенических, прогрессивных и регрессивных эмоциональных состояний. Отсутствие стойкого состояния спокойствия предполагает движение, структурную перестройку, неспособность к самостоятельной организации и контролю эмоциональных явлений, неравновесное состояние эмоциональной сферы личности.

Список литературы / References

1. Бреслав Г.М. Психология эмоций / Г.М. Бреслав. М.: Смысл: Изд. Центр «Академия», 2006. 544 с.
2. Дольто Ф. На стороне подростка / Ф. Дольто. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 368 с.
3. Психология подростка: учебник / Под ред. А.А. Реана. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2007. 480 с.
4. Тайсон Р. Психоаналитические теории развития: Пер. с англ. / Р. Тайсон, Ф. Тайсон. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 528 с.
5. Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности: Избранные труды / Д.И. Фельдштейн. В 2-х т. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. Т. 1.
6. Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка / Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 394 с.
7. Шельшакова Н.Н. Эмоциональные состояния детей с особыми образовательными потребностями / Н.Н. Шельшакова // Инновационные подходы в науке и образовании: Теория, методология, практика / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Изд-во «Наука и просвещение», 2017. С. 89 – 111.
8. Шмырева О.И. Сущность эмоционального развития личности в подростковом возрасте / О.И. Шмырева // Мир психологии. 2013. № 3 (75). С. 254 – 266.
9. Shmyreva O.I. Emotion development and creative process / O.I. Shmyreva // International Review of Education and Science, «Ottawa University Press», 2015, № 1 (8). Volume II. Pp. 318 – 325.
10. Shmyreva O.I. Emotional development: the essence of the phenomenon in adolescence / O.I. Shmyreva, N.A. Koval // European Journal of Scientific Research, 2015, № 1(11), January-June. Volume III. «Paris University Press». Pp. 452 – 459.
11. Shmyreva O.I. Sviluppo emotivo come il contenuto / O.I. Shmyreva, N.A. Koval // Italian Science Review. Issue 3/4 (46/47), MARCH, APRIL, MILANO, 2017. Pp. 4-6. <http://www.ias-journal.org/archive/2017/march-april/Shmyreva.pdf>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Breslav G.M. Psihologija jemocij [Psychology of emotions] / G.M. Breslav. M.: Smysl: Izd. Centr «Akademija», 2006. 544 p. [in Russian]
2. Dolto F. Na storone podrostka [On the side of a teenager] / F. Dolto. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. 368 p. [in Russian]
3. Psihologija podrostka: uchebnik [Psychology of a teenager: a textbook] / Edited by A.A. Reana. SPb.: PRAJM-EVROZNAK, 2007. 480 p. [in Russian]
4. Tyson R. Psihoanaliticheskie teorii razvitiya: Per. s angl. [Psychoanalytic Theories of Development] / R. Tyson, F. Tyson. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 528 pp. [in Russian]
5. Feldstein D.I. Psihologija razvitiya cheloveka kak lichnosti: Izbrannye trudy [Psychology of Human Development as a Person: Selected Works] / D.I. Feldstein. In 2 volumes. M.: Izd-vo MPSI; Voronezh: Izd-vo NPO «MODJeK», 2005. V. 1. 568 p. [in Russian]
6. Kharlamenkova N.E. Samoutverzhdienie podrostka [Self-assertion of a teenager] / N.E. Kharlamenkova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2007. 394 p. [in Russian]
7. Shelshakova N.N. Jemocional'nye sostojaniya detej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnoostjami [Emotional conditions of children with special educational needs] / N.N. Shel'shakova // Innovacionnye podhody v nauke i obrazovanii: Teorija, metodologija, praktika / Edited by G.Ju. Guljaeva. Penza: Izd-vo «Nauka i prosveshhenie», 2017. Pp. 89 – 111. [in Russian]
8. Shmyreva O.I. Sushhnost' jemocional'nogo razvitiya lichnosti v podrostkovom vozraste [The essence of the emotional development of the personality in adolescence] / O.I. Shmyreva // Mir psihologii [World of Psychology]. 2013. № 3 (75). Pp. 254 – 266. [in Russian]
9. Shmyreva O.I. Emotion development and creative process / O.I. Shmyreva // International Review of Education and Science, «Ottawa University Press», 2015, № 1 (8). Volume II. Pp. 318 – 325.
10. Shmyreva O.I. Emotional development: the essence of the phenomenon in adolescence / O.I. Shmyreva, N.A. Koval // European Journal of Scientific Research, 2015, № 1(11), January-June. Volume III. «Paris University Press». – Pp. 452 – 459. [In France]
11. Shmyreva O.I. Sviluppo emotivo come il contenuto / O.I. Shmyreva, N.A. Koval // Italian Science Review. Issue 3/4 (46/47), MARCH, APRIL, MILANO, 2017. Pp. 4-6. <http://www.ias-journal.org/archive/2017/march-april/Shmyreva.pdf> [In Italian]

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.133>Баркова О.И.¹, Тамаровская А.А.², Крашенинникова Е.С.³¹ORCID: 000-0002-2868-7700, кандидат философских наук,

юридическая компания «Антикризисный центр» г. Красноярск,

²Руководитель, Культурное пространство «Дом единорога» г. Красноярск,³Кандидат философских наук, доцент кафедры туризма и сервиса,

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет г. Нижний Новгород

**ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТониКИ ПРОСТРАНСТВА ПРИ ПОМОЩИ ОБРАЗА ГЕРОЯ:
СИСТЕМОЛОГИЯ ТЕОРЕТИКО-КРИТИЧЕСКОЙ СИНАРХИИ****Аннотация**

Постмодернистский кризис российского общества поставил социального философа перед лицом конкурирующих мировоззренческих парадигм, школ, направлений и задач возвращения темы труда не только в сферу эстетического, но архитектурного – созидательно-преобразовательного. Виды искусства, органически связанные с трудом – фотопублицистика, фотоискусство, телерепортаж активно помогли устойчивому развитию страны, делая художественный процесс иерархическим, превращая при помощи нравственно-эстетического «потенциально возможное» в реально существующее. Организационные технологии, пропаганду, брендинг роднит использование диалектики общего и особенного, вбирающей в себя системную методологию теоретико-критической синархии.

Ключевые слова: архитектоника, общее благо, герой, постиндустриальное общество, кино- и фотопублицистика, искусство, пропаганда, синархия.

Barkova O.I.¹, Tamarovskaya A.A.², Krashenninnikova E.S.³

ORCID: 000-0002-2868-7700, PhD in Philosophy,

Law Firm "Anticrisis Centre," Krasnoyarsk

²Director. Cultural space "House of the Unicorn," Krasnoyarsk³PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Tourism and Service
Nizhny Novgorod State Architectural and Construction University, Nizhny Novgorod**FORMATION OF ARCHITECTONICS OF SPACE WITH THE HELP OF THE HERO'S IMAGE:
SYSTEMOLOGY OF THEORETICAL CRITICAL SYNARCHY****Abstract**

The postmodern crisis of the Russian society has put the social philosopher in the face of competing worldview paradigms, schools, directions and the task of returning the topic of labour not only to the aesthetic, but also architectonic and creative transformational sphere. The kinds of art organically connected with labour include photo journalism, photo art and live television broadcast which have actively helped country's sustainable development making the artistic process hierarchical while turning "potentially possible" into a real one with the help of moral and aesthetic. Organizational technologies, propaganda and branding are similar to the use of dialectics of general and special incorporating system methodology of the theoretical-critical synarchy.

Keywords: architectonics, common good, hero, post-industrial society, film and photo-journalism, art, propaganda, synarchy.

В трактате «Политика» Аристотель называет обществом группу людей, живущих ради общей благой цели. Общего блага. Философия трактует благо как «положительную ценность, предмет или явление, удовлетворяющую определённую человеческую потребность, отвечающую интересам, целям, устремлениям людей (противоположность блага – отрицательная ценность, зло)» [1]. «Естественные блага – результат стихийных природных процессов. Общественные блага – продукты деятельности человека. Человек, рассматриваемый с точки зрения его способности творить благо, сам выступает как высшее благо» [1, С. 47-48]. Город как совокупность многих людей, способных творить благо, обладает огромным (но весьма недоиспользованным в России) общественным потенциалом.

На наших глазах упал престиж физического труда. Это нанесло и ещё нанесёт вред нашему недоустроенному обществу. Историки архитектуры утверждают, что Европа подошла к эпохе промышленных революций (XVII в.) с полностью сформированной системой городов и транспортной сети, а в России урбанистический каркас оформился в эпоху социалистической индустриализации. По понятным причинам градостроительный каркас страны нуждается ещё в порядочном объеме работ по своему завершению, благоустройству и эстетическому убранству. Жить в «недоделанном» пространстве тяжело, это доказывает отрицательный демографический баланс [2]. Пространство нашей страны «не продумано», не обжито, мы ещё не «устроились со вкусом» на своей территории.

«Благолепное», как говорили в старину, населённое место рождает у жителей подъем, мажорное настроение, искомое чувство собственного достоинства. Это отвечает русским традициям, что видно из обращения к Ярославу Мудрому (X в.) в «Слове о законе и благодати», митрополита Иллариона, который указывал на необходимость развития эстетических качеств города, так как величественный и красивый город, созданный согласно древним традициям, приобретает статус священного места, на котором почивает Божественная благодать [3].

В декларации советских урбанистов 1928 г. сказано: «Советское государство, ставящее во главу угла своей деятельности плановое регулирование, должно использовать также архитектуру, как могущественное средство организации психики масс» [4]. При социалистическом укладе люди, содействовавшие своим трудом подъему народного хозяйства, росту могущества страны, удостоивались государственных наград, почётных званий ударника, героя социалистического труда. Отмечались кроме материальных наград мерами морального поощрения. Наиболее

часто передовики поощрялись тем, что их фотографии размещались на досках почета, предприятия, района, области, края. В городах и сёлах СССР возникали «аллеи славы». Выработалось специфическое для социализма направление – парадно-монументальная фотография. «Человек и производственная среда – проблема, имеющая помимо общеполитического аспекта свое конкретное содержание: это трудовая деятельность людей, в процессе которой они создают или используют различное оборудование, машины, приборы, материалы» [5, С. 144]. Машинный характер фотографии сделал ее «способом изображения, соответствующим индустриальному обществу, поскольку она способна его документировать, служить ему орудием и актуализировать его ценности». Для фотохудожников каноном создаваемого образа «в большинстве случаев скрытой нормой и безусловным ориентиром остаются станковая живопись или даже гравюра». «Рождение репортажа совпадает с моментом, когда информация переходит из текста в фотографию – или, скорее, из одного текста в смесь текстов и изображений, среди которых доминирует фотография» [6, С. 8].

В настоящее время потребности социума в физических видах деятельности (уборка территории, поддержание инженерных систем, транспорт, промышленное производство, строительство) никуда не исчезли. Мы видим, что исполняются эти функции либо плохо (небольшие города, районные центры), либо (в крупнейших городах) трудовыми мигрантами, что вызывает ажиотаж у нанимателей и создаёт напряжение в остальном гражданском обществе. Умственный труд, изначально сосредоточенный на управлении, координации общественной жизни, в постиндустриальную компьютерную эпоху абсолютизировался, и настолько сильно, что всяческое прикладывание физических усилий перешло в разряд «засорных». Люди интеллектуального труда превратились в нечто среднее между занятыми аристократами и криминальными авторитетами.

Ажиотаж возбуждается тем, что оплачиваются физические виды труда всё хуже, а предложение рабочей силы за счёт мигрантов остаётся стабильным. Это делает сферу физического труда источником наживы для директоров управляющих компаний, строительных трестов, генеральных подрядчиков, берущих государственные и муниципальные заказы и т.п. Это объективно сделало физический труд товарным, унижительным. Данная тенденция наносит существенный урон благосостоянию российского общества. Её нужно решительно преодолевать. Что для этого требуется?

Из практики нам известно, что если сделать нечто сначала известным, затем популярным, знаменитым, престижным, то по диалектическому закону оно станет массовым и превратится в архетип. Пропаганда – один из способов (из советского арсенала). Брендинг – другой способ. Каждый канал массовой коммуникации использует свою знаковую систему, способ передачи информации и воздействия на аудиторию. Круг получателей каждого средства массовой коммуникации – это «общество», вовлеченных в коммуникативный процесс, в результате которого и формируется общественная мысль [7, С. 213].

Наиболее трудны в искусстве язык и семантика "героического". Героическое – категория эстетики, раскрывающая ценностный смысл выдающегося деяния, требующего от человека или коллектива людей высшего напряжения духовных и физических сил [8.С.60]. Герои труда – уникальны, свойственны только странам социализма.

Художник Н.А.Касаткин говорил: «Нам, художникам революционной России, в настоящем предстоит славить [...] труд рабочего. Художнику, чтобы подойти к такой задаче, надо произвести в душе целую революцию, если она ещё не произошла. Первое – надо перешагнуть через ветхозаветное понятие, что труд есть проклятие жизни, и перейти на новый путь, что труд есть слава общей нашей жизни и её красота» [9, С.43].

Бельгийский художник Ф.Мазерель. написал после посещения советского павильона (увенчанного скульптурной группой В.И.Мухиной «Рабочий и колхозница») на Международной выставке в Париже: «Трудно сейчас на Западе найти художников, способных вдохновиться жизнью и устремлениями трудящихся... Вера Мухина – один из таких мастеров, которые достаточно вооружены знанием техники пластического искусства, чтобы создать произведения подобного масштаба. Лично меня в этом произведении радует больше всего то ощущение силы, здоровья, молодости, которое создает такой замечательный противовес чахоточной скульптуре западноевропейских эстетиков» [10, С.23].

«Различия между ними (каналами средств массовой коммуникации – Б.О.) основаны на различиях используемых в них кодов и знаковых комплексов» [11, С.130].

Таким образом, видим, что многие виды искусства преследовали политическую цель – государство преобразующее воздействие на широкие массы. Начиная с религии, архитектуры и градостроительства, заканчивая фотоискусством, фото и теле публицистикой.

В созидательной деятельности люди руководствуются множеством наук, принимают во внимание нормы общественного сознания и производственных стандартов, средствами искусства пытаются раскрыть для себя новые горизонты. В связи с этим возникают культурфилософские проблемы созидания в единстве субординации и координации, размежевания и интеграции огромного количества реальных свойств и отношений. Архитектоника со всей необходимостью выступает как всеобщий координатор и интегратор взаимодействий человека с организуемым пространством. Синергия, как сущностное системное качество архитектоники, усиливает и закрепляет коллективные благодеяния за счет опережающих дела персонифицированных теоретико-критических установок.

В современной массовой культуре потребления возникает устойчивый фетиш самооценности вещей. Критический анализ иерархической структуры окружающей предметно-пространственной среды особенно важен сейчас, когда вещи «как бы» оказываются важнее человека. Через возвышение человека над предметным миром возрастает роль общечеловеческого и социогуманитарного в усложняющейся жизни людей. Окружающий мир раскрывается как предметный результат пространствосозидательной (архитектонической) деятельности, а сам человек – как универсальное созидательное существо – герой, творящий новые феномены, артефакты, более высокие ценности (Homo architectonicus – лат.).

Фактически героизированный человек как феномен социализации природы в своем созидании следует правилам природных трансформаций, но его пользование информацией значительно расширяет границы активного бытия в поиске идеальных решений конкретных задач. Полушутливая мысль о том, что телеграфный столб идеально отражает сущность дерева, наводит на ряд размышлений и образных аналогий в отношении выражения сущности в

архитектонических системах. Например, при проектировании поселка в условиях чистого поля проектировщику значительно проще представить его идеальную модель в упрощенной версии агломерации.

Системность информации в формировании теории и методологии архитектурного с философских позиций становится одним из фундаментальных направлений научных исследований. Они продолжают тектологию А. А. Богданова в плане развития общей теории систем и формирования общей организационной науки. Фрагментарные знания об архитектурных образованиях, их трансформациях и целесообразном формировании, не могут охватить предмет для героя целостно. В определенной мере информационно-архитектонический подход является производным системного подхода в интеллектуальной сфере анализа процесса созидания и одновременно дополняющего его в иных критических сферах и подходах.

Использование методологической системы в анализе архитектурных явлений, их структурных связей и отграниченностей, затруднено разобщенностью историков, методологов, теоретиков, критиков, исследующих многообразие видов архитектурного творчества человека-личности. В какой-то мере это компенсируется системными разработками в рамках отдельных теорий предмечто- и пространствосозидательных архитектурных искусств – теории техники, теории градостроительства, теории дизайна и технической эстетики, теории архитектуры и архитектуроведения. Вместе они сливаются в широкое русло общей архитектурной теории, методологии, критики, которые как дельта реки, впадающей в море, смыкаются обобщающими теориями, ограниченными берегами синархии.

Поскольку архитектурная культура в системе художественно-эстетической культуры общества выступает в качестве креативно-репродуктивной подсистемы, особый интерес представляет ее бытие как один из аспектов креативной деятельности человека. Понятие архитектурной деятельности является обобщающим для разновидностей конкретно представленных форм творчества человека по созданию своего окружения. Следовательно, и выработка единой методологии с позиций информационного подхода должна быть связана с функциональным анализом отдельных видов архитектурного творчества. Примером продуктивности синархического информационно-интеллектуального подхода является исследование формирования архитектурных пространств, связанных с архитектурой, градостроительством и дизайном как симбиозом экономико-коммерческой и эстетико-культурной деятельности ярких персон.

Архитектурная деятельность – феноменальное синкретическое явление материальной и духовной культуры, род культурно-цивилизационной, эстетическо-экономической деятельности человека и интегративный вид деятельности общества. В философско-эстетическом аспекте архитектурная деятельность делится на репродуктивную и продуктивную, или творческую, с элементами новизны и поиска. В экономическом плане архитектурная деятельность имеет широкий спектр информационных значений благодаря интеграции с другими видами деятельности людей. Коммерциализация творчества накладывает свой отпечаток на возможности визуализации информации, широко используя интеллектуально-компьютерный подход. Ныне он доминирует в систематизации знаний и методов преобразования действительности в тренде героизированных персональных образов.

Как спасительная, так и губительная роль образа героя для выживания человека, государства и планеты в целом имеет под собой вполне реальную почву. Владение максимально полной и своевременной информацией означает возможность прогнозируемого влияния на ход событий и упреждения ситуаций в мире колоссальных разрушительных сил, могущих спонтанно привести к необратимым катастрофам. Пути формирования идентичности российской науки обусловлены тем, насколько полно и адекватно будет познана, понята и осмыслена в плане возможных преобразований структурная пространственная матрица смысловых законов мироздания по синархиотектонической целостности, целесообразности, ценности.

Важнейшими факторами, обеспечивающими приращение степени информированности общества, наряду с истинно гуманными и правовыми, социально-экономическими, нравственно-политическими, культурными, является архитектурное обеспечение с его высокоразвитыми технико-технологическим и архитектурно-тектоническим направлениями. Что же касается факторов, которые определяют социальную организацию общества и влияют на информированность его членов, то дело это настолько сложное, насколько информатизация во всем ее объеме не может быть доступна полному усвоению и пониманию человеком.

В этом плане архитектурная – это логическое и фактическое разведение всех форм предметов и явлений в соответствии с принципом иерархического возвышения и гармонизации в оппозиции «душа – деньги». Можно сколько угодно философствовать о несовершенном устройстве мира и человека, о создании общеевропейского дома, о жилье и материальных благах для каждого члена общества, но реальное дело от этого мало изменится без практической гуманизации духовной сферы общества. Дух и материя – это два относительно независимых друг от друга мира, между которыми необходимо наводить «мосты», для созидания нового мира и нового человека. Искусство наведения таких мостов в значительной мере есть управление архитектурой информационного потока. Архитектура формирования духа российского суперэтнуса должна осуществляться государством при максимально широкой поддержке граждан (интеллектуалов, интеллигентов, программистов), героев-личностей.

Как учение антропоцентризм не нов, но он обновляется за счет количественного роста качественно отличных концепций и идей, его образующих. В истории философии антропоцентризм модифицировался в антропологии нового времени и в неоантропологии, а также в персонализме, экзистенциализме, теориях «Я». В своих множественных трансформациях человекоцентристские учения смыкаются с философией человека, охватывающей в своей социогуманной направленности все сферы современной картины философского и общенаучного знания о человеке и человечестве. В этом контексте опережающее построение системологии теоретико-критической синархии играет ведущую роль в формировании устойчивой архитектуры пространства при помощи образа героя, своеобразного современного Данко российского суперэтнуса.

Список литературы/References

1. Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат. 1991.–560с

2. Население земли [Электронный ресурс]/ URL: <http://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения 18 ноября 2017)
3. Бордунова, И.Р. Кормчая книга русского градостроительства [Электронный ресурс] / И.Р. Бордунова. URL: <http://terraplan.ru/new/1143.html>(дата обращения 18 ноября 2017)
4. Хан-Магомедов, С. Архитектура советского авангарда [Электронный ресурс] / С. Хан-магомедов. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_000.html(дата обращения 18 ноября 2017)
5. Николаева, Е.В. Искусство и рабочий класс/Е.В.Николаева. –Л.: Художник РСФСР, 1983. – 235с.
6. Руйе, А. Фотография. Между документом и современным искусством/ пер. с фр. – СПб.: Клаудберри, 2014.— 712с.
7. Соловьев, К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна/Кирилл Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. -296с.
8. Эстетика: Словарь /Под общ.ред. А.А.Беляева и др. –М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
9. АХРР. Сборник воспоминаний, статей, документов. М., 1973.
10. Воркунова, Н.И.. Символ нового мира/Н.И.Воркунова. М., 1965.
11. Рудакова, Ю.С. Телевизионная коммуникация как фактор формирования современной картины мира/Ю.С.Рудакова//Социальные процессы в современной Западной Сибири: сборник науч. трудов. Вып.17.-Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. -178с. С.129-132

Список литературы на английском языке / References in English

1. Filosofskij slovar' [Philosophical dictionary] / Under. Ed. I.T. Frolov. - 6 th ed., additional] – М.: Politizdat. 1991.– 560p. [in Russian]
2. Naselenie zemli [The population of the earth] [Electronic resource] URL: <http://countrymeters.info/ru/World> (accessed date 22. 11.2017).[in Russian]
3. Bordunova, I.R. Kormchaja kniga russkogo gradostroitel'stva [Pilot book of Russian town planning] [Electronic resource] URL: <http://terraplan.ru/new/1143.html> (accessed 22. 11.2017).[in Russian]
4. Han-Magomedov, S. Arhitektura sovet'skogo avangarda [The architecture of the Soviet avant-garde] [Electronic resource] / S. Khan-Magomedov] URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_000.html(accessed 22. 11.2017).[in Russian]
5. Iskusstvo i rabochij klass [Art and working class]/ E.V. Nikolaeva – L.: Hudozhnik RSFSR, 1983. – 235p. [in Russian]
6. Rue, A. Fotografija. Mezhdru dokumentom i sovremennym iskusstvom [Une Photo. Entre le document et l'art modern] / A.Rue, trans. with fr. - St. Petersburg: Claudberry, 2014.-712 p. [in Russian]
7. Solov'ev, K.A. Hozjain zemli russkoj? Samoderzhavie i bjurokratija v jepohu moderna [Master of the Russian land? Autocracy and bureaucracy in the era of modernity] / K.A. Solov'ev – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. -296p. [in Russian]
8. Jestetika [Aesthetics]: Dictionary / Under common. A.A.Belyaeva and others. – М.: Politizdat, 1989. – 447 p. [in Russian]
9. AHRR. Sbornik vospominanij, statej, dokumentov [AHRR. Collection of memoirs, articles, documents]. М., 1973 [in Russian]
10. Vorkunova, N.I.. Simvol novogo mira. [Symbol of the New World] / N.I. Vorkunova, М., 1965. [in Russian]
11. Rudakova, Ju.S. Televizionnaja kommunikacija kak faktor formirovanija sovremennoj kartiny mira [Television communication as a factor in the formation of a modern picture of the world] / Ju.S. Rudakova, // Social'nye processy v sovremennoj Zapadnoj Sibiri: sbornik nauch. trudov. Vyp.17 [Social processes in modern Western Siberia: a collection of scientific. works. Issue 17].- Gorno-Altajsk: BIC GAGU, 2017. -178p. P.129-132 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.134>

Исаев А.А.

ORCID: 000-0002-1423-1091, профессор, доктор философских наук,

Сургутский государственный университет

ПРАВЫ ВЕЛИКИХ «ГНОМОВ»: ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ СПЛЕТЕН ДО VOLKSSTURM'А**Аннотация**

Эмансипация такой предметной области как «психология творчества» есть симптом условности претензий поборников сциентизма на абсолютную власть в культурной и социальной жизни. Это наблюдение касается не только парламентариев от гуманитарии, но и представителей «наук о природе»; будь это иначе, естествоиспытателям пришлось бы признать, что пресловутая объективность научного знания есть отнюдь не реминисценция действительного порядка вещей, а попросту их собственная способность говорить истинами.

Наука, и «наука о природе» в том числе, делается людьми и для людей. Известная обусловленность научного поведения со стороны психики столь же нормальна и неустраима как и саморефлексия философского мышления. В этом смысле, «нормальна» и склонность великих тружеников университетской нивы к «академическим сплетням», – «казус» переписки (1920–1963) М. Хайдеггера и К. Ясперса как раз и говорит о том, что ничто человеческое им не чуждо. С той, быть может, разницей, что и в этом они убедительны не меньше, чем в своих публичных лекциях и эпистолярных штудиях; и в этом они разбираются не меньше, чем в метафизике.

Ф. Ницше, улавливая власть простоты в качестве тотального принципа устроенности не только повседневной жизни, но и высокой культуры, выразил это исчерпывающим образом: человеческое – слишком человеческое... Пора бы и нам понять, что «человеческое» – это не гарантия какой бы то ни было исключительности, а, по сути, этически индифферентная атрибуция, уравнивающая в правах и праведника / грешника, и естествоиспытателя / гуманитария.

Ключевые слова: психология творчества; «человеческое» как атрибут; объективность знания; интуиция сущности; претензия на власть; академическая исключительность.

Isaev A.A.

ORCID: 000-0002-1423-1091, Professor, PhD in Philosophy,

Surgut State University

MORALS OF GREAT "DWARFS": FROM ACADEMIC GOSSIPS TO VOLKSSTURM**Abstract**

The emancipation of such a subject area as a "psychology of creativity" is a symptom of the conventionality of claims of scientism advocates to absolute power in cultural and social life. This observation concerns not only parliamentarians from the humanities, but also the representatives of the "natural sciences"; otherwise, naturalists would have to admit that the notorious objectivity of scientific knowledge is not at all a reminiscence of the actual order of things, but simply their own ability to speak truth.

A science, and a "science of nature" in particular, is carried out by people and for people. The well-known conditionality of scientific behavior on the part of a mind is just as normal and unremovable as the self-reflection of philosophical thinking. In this sense, the tendency of the great toilers of the university field to "academic gossip" is the "incident" of correspondence (1920-1963) of M. Heidegger and K. Jaspers and is "normal", says that nothing human is unknown to them. The difference, perhaps is that, they are convincing no less than in their public lectures and epistolary studies; and they understand not less than in metaphysics.

F. Nietzsche, capturing the power of simplicity as the total principle of the arrangement not only of everyday life, but of high culture, expressed it in an exhaustive way: the human is too human ... It is time for us to understand that this "human" is not a guarantee of any kind there was exclusivity, and, in fact, ethically indifferent attribution, equalizing the rights of both the righteous / the sinner and the naturalist / humanist.

Keywords: psychology of creativity; "human" as an attribute; objectivity of knowledge; intuition of essence; claim to power; academic exclusivity.

Пресловутая «законная» претензия философа на власть... Если бы не интуиция сущности, авансирующая свои потенции представлению о целом, то платоновские фантазии [11] никогда не достигли бы ушей Ф. Ницше [8] или позднее – Э. Канетти [3]. Хотя нашелся бы кто-то другой. Великие умы, великие претензии. И каждая из них оправданна.

Когда речь идет о власти, пусть только и академической – власти над умами, как в «случае» К. Ясперса и М. Хайдеггера, то, казалось бы, причем здесь «гномы»? ведь власть – удел великих, по крайней мере, избранных. И только ли о масштабе личности философствующего персонажа и его вклада в традицию идет здесь речь? Быть может, это, скорее, проявление ложной скромности и, тем самым, гордыни? А то и символ совсем иного – жизни втуне, в состоянии несбыточных претензий на философское величие, действительно, как у гномов – обитателей «нижнего» подземного мира?

Неужели соблазн власти и, в частности, власти над умами сродни экономическому интересу, со времен фон Хайека, представляющему условие всех наших жизненных устремлений. Быть может, в отношении к власти нет равнодушных людей, а те, что кажутся таковыми, лишь хорошо это скрывают? Что если жажда власти столь интрузивна, что затрагивает, как и всякая всеобщая эквиваленция, также и жизнь философских эпигонов, коим самой рефлексией, имманентной философскому мироощущению, предписана скромность и благодарность? Вопросы как реминисценция сомнения в известном всеми подталкивают к обратному, но здесь вмешивается беспардонная очевидность, уставшая от назойливости Р. Декарта; вмешивается, утверждая: любая власть – нешуточный профит, а потому, не будь ландшафтист М. Хайдеггер скромным университетским профессором, с давнишними

обязательствами перед отцами-иезуитами, он передвигал бы полки не хуже бесноватого фюрера. Так что в случае «гномов» речь, скорее всего, идет о величии и немалой претензии на отправление власти над умами, а значит – о гордыне. Это странно, ведь ростки и эмбрионального себялюбия казалось бы не могут избежать сурового приговора философской саморефлексии, а у великих, еще со времен сократического «незнания», ценность рефлексии близка к абсолютной.

Всякий «объект» принуждения, мотивированный идеологией – подлинным хозяином его разума, не только всё делает сам, но делает это, что называется, энтузиастически. Подобный энтузиазм, по-видимому, способен заглушить не только голос саморефлексии и совести, но и требования самого разума. Если уж М. Хайдеггер потерял голову из-за одержимости властью над умами, завернутой в фантик идеологии, – этой настоящей «хозяйки медной горы», что уж тут говорить об остальных. Власть как соблазн и для мыслящих – философии и философов – оборачивается не шуточной выгодой для кукловодов.

Конечно, если бы философия не была иногда столь навязчивой и двумысленной; и, напротив, была бы достойна добродетели интеллекта как бескорыстной игры ума – этой подлинной «игры в бисер» [1] и не выходила бы за метафизические пределы, пускаясь то и дело в сицилийские вояжи à la Платон в земли неупорядоченной социальности, то душа философа сама себя понимающая оставалась бы равной себе и никакие властные амбиции не могли бы разрушить атараксии и отменить императив эпохэ. Какие бы тогда настали времена и какие воцарились бы нравы... Ведь еще в истоке Аристотель пришел к выводу, что счастье принадлежит довольным собою и иного, кроме как быть собой, и желать не стоит. Довольный собой, а значит счастливый и самодостаточный человек вряд ли одержим соблазном власти и даже, быть может, более мелкими искушениями. Справедливо ведь расхожее наблюдение: Боже, избавь нас от друзей, а с врагами мы как-нибудь сами управимся. Если, судя по всему, идеология / власть – непреодолимый соблазн и для философов, то вряд ли их можно назвать счастливыми. Здесь не только Брут как влиятельный символ мужской «дружбы», но и алетейя как манна философии – не конкуренты. И не истины искал М. Хайдеггер в 1933-м, а власти; ради непотаенного он бы и дверь избушки в Шварцвальде не открыл, а, напротив, затворил бы ее поплотней.

Когда, уже в послевоенной переписке великих «гномов», речь идет о старательно скрываемой за эпистолярной респектабельностью жаждой академической власти, – пусть это уже и не политическая *de facto* власть 1933-го à la Хайдеггер, но все еще власть над умами, – то не является ли наивной и даже избыточной речь о «нравах»? Если предположить, что права очевидности над нашим разумом никто не отменял и мы, по-прежнему, способны заглянуть за поверхность слов – не худшего способа маскировки, то «нравы», действительно, ни при чем. Вернее, они не имеют значения. Это просто трагедия взаимности – приватной и метафизической. Здесь всё серьезнее – как в жизни Ф. Ницше и, вместе с тем, человеческой, быть может, слишком человеческой жизни...

В письмах К. Ясперсу, М. Хайдеггер не раз спотыкается о непосильную «нравственность» ницшеанского гения: «...вспомнил слова Ф. Ницше, которые Вы, конечно, знаете: “Сотня глубоких одиночеств в совокупности образует город Венецию – это его очарование. Картина для людей будущего”» [7, С. 254]. Но были натуры не столь очарованные словом и волшебством Венецианской лагуны – как, например, скучный создатель литературной классики Г.Э. Лессинг, не желавший замечать иных, помимо оптики воображения, причин мировоззренческих и светских козней: «И вольно господам ссориться; их воображение превращает ветряные мельницы в великанов» [7, С. 377]. Однако, и гений ницшеанской одержимости, и респектабельный классицизм потомка лютеранского пастора, равным образом удручают М. Хайдеггера, – «В сравнении с тем, что мыслится в том и другом случае, по существу мыслью будущего, мы просто гномы» [7, С. 254], – едва ли не с юности беременного предчувствием собственной избранности. Последняя, обнаруживая глубокую метафизическую природу, не только привела этого действительно сильного философа в период акме его жизни к казусу 1933-го, но и к моменту данного письма (август 1949-го) уже была дезавуирована крахом идеи национал-социализма в масштабах всей Европы.

Его *vis-à-vis* – К. Ясперс, будучи не столь значительным метафизиком, – сказала травма позитивистской ориентации, полученная в молодые годы, – и сам понимая это, был обременен не меньше, чем М. Хайдеггер, но не назойливым предчувствием избранности, а довольно внятным, – все же психиатр, – сознанием посредственности. Можно сказать, что амбивалентное настроение недовольства собой у этих собеседников не только совпадает, но, пожалуй, служит и своеобразной подоплекой их «дружбы»: «То, что Вы говорите о нас как о “гномах”, – пишет К. Ясперс, – вполне созвучно моему ощущению. ...это же выражение... первым использовал Я. Буркхардт. Но я сознаю и какая гордость заключена в том, чтобы войти в пространство великих...», быть «среди них, причем иначе, нежели большинство твоих современников. Потому-то мы знаем, насколько мы малы. Но вместе с тем – какое притязание: ты находился в общении с ними!» [7, С. 258]. И какое, при этом, жалкое зрелище: мелочность великих; мелочность, мнящего себя недостижимым, самомнения, прикрытая заботой о высоком...

Одно дело, когда в РФ-state, – как интеллектуальной провинции, нужной миру еще меньше, чем ее же провинция нефтяная, – современная университетская философия переполнена «ревностью», принуждая выпускников и столичных «факультетов мудрости» страдать от ее своенравного характера, а, по сути, так и не сублимированной бытовой агрессии, которую «преподаватели» приносят с тротуара, не отряхивая ног, в университетские аудитории; одно дело, когда отечественное интеллигентское community не перестает удивлять «профессиональным» чванством столичных знаменитостей – так называемых «публичных интеллектуалов», не способных жить без наркотика всеобщей медийной узнаваемости и вынужденных, оставаясь на уровне ожиданий неискушенной публики, постоянно сбиваться в кланы под штандартами какой-нибудь «философии»... И совсем другое дело, когда (если это принять) еще в недавнем прошлом не / вольный судья своего «друга» К. Ясперс, так и не переживший родовой травмы, – оставшийся куда более профессиональным и интересным психиатром, нежели философом, – возвышается над «большинством своих современников» такими нехитрыми способами как самомнение и эпистолярное общение с М. Хайдеггером.

Нельзя не заметить, что М. Хайдеггер тратил на сплетни по поводу академических статутлов все же несколько

меньше времени и сил, чем К. Ясперс. Видимо поэтому, в разрыве «Briefwechsel», он успел «дослужиться» до чина фольксштурмиста, зачисленного в ряды «народного ополчения» не иначе как от цеха университетских профессоров философии... Быть может, и персональный панцерфауст где-то на складах дожидался профессора Хайдеггера... Люди в массе своей, как известно, очень легко экзальтируются и приносят клятвы кому попало; не только Гиппократу, друг другу, любимым, но и Waldhüter'у, как, например, батальоны Volkssturm'a: «Я даю перед Богом эту священную клятву... Адольфу Гитлеру. ...и лучше умру, чем поступлюсь свободой...» [4, С. 66]. Неужели философия не обязывала к сдержанности этих «гномов», не особо тяготившихся даже комплексом Наполеона? Пока сэр Уинстон Черчилль и тов. Сталин сдавленно ненавидели друг друга, оба великих «гнома», по всей видимости, пребывали в бессознательном состоянии: один по поводу опасности нацизма, другой – по поводу его безопасности.

В статье «Метаморфозы великих гномов», предваряющей русскоязычное издание «Briefwechsel. 1920–1963», М. Рыклин невольно дезавуирует властные и распорядительные интенции собеседников, стремясь придать им форму некоей академической состоятельности: «Эти буквально одержимые делом философии люди – Ясперс, даже в большей мере, чем Хайдеггер, – прекрасно разбираются в институциональной, карьерной стороне своего призвания. <...> Когда Хайдеггер отказывается от берлинской профессуры, Ясперс констатирует: “...в Берлине теперь не будет философии...”... А вот как Хайдеггер судит о Гуссерле: “...говорит такие тривиальности, что просто жалость берет...”» [7, С. 13–15]. Именно так, по-видимому, и выглядит «благодарность» учеников, кои, поднаторев в диалектике университетской жизни, одним обличем выглядят как «гномы», другим – как циклопы, прозревающие своим единственным, но вездесущим оком умозрения ничтожество своих учителей и коллег...

Пожалуй единственным «эффективным» снадобьем против reflexum vomitus академической, да и любой иной исключительности, – всегдашней реминисценции кондового фашизма, будь то расового, этнического или религиозного, – может служить разве что ницшеанское чувство жизни, да сокрушенное покачивание головой, – у этого немца она еще была, – «Человеческое, слишком человеческое...» [10, С. 232]. Аристократы и, в частности, аристократы от философии – М. Хайдеггер и К. Ясперс, наряжаясь в тогу академического аскетизма, называли себя «гномами» в сообществе великих, но делали это с такой примесью гордыни, – чего стоит, например, отзыв М. Хайдеггера о Э. Гуссерле, – что подобная «скромность» оказывалась едва ли не манифестацией сознания равноправного членства в платоновском пантеоне. Нельзя не признать, что и более скромным университетским профессорам пред / послевоенной Европы трудно было подавить стремление к превосходству и некоторую неразборчивость в средствах, в числе которых «академические» сплетни не были самым безобидным инструментом воздействия на коллег и общую атмосферу. «Успокаивает» только одно: в сравнении с нынешним университетским планктоном, – воплощающим свои карьерные амбиции настолько радикальными средствами, что уже и доносы воспринимаются как проявление подлинной добродетели, – европейские университетские «старички» первой половины / середины прошлого века с их невольной склонностью к злым сплетням выглядят безобидными слониками на комодке.

Но для великих это довольно странная смесь, – с одной стороны, мысль, действительная и возвышенная, с другой, такая приземленная «материя» как обсуждение чужой карьеры за спиной конкурента. Что бы ни двигало великими «гномами» в этом случае, – завышенная самооценка, высокомерие или, напротив, презрение к посредственности, – и то, и другое возвращает нас к жестокой честности апологета Заратустры [9] и даже – в более ранние времена: «Лучшее – мера»... [2, С. 83]. Увы, это так, даже если это – мера «человеческого» в человеке (не будем забывать, что «человеческое» – это, по преимуществу, негативная атрибуция, а всё остальное – такие же фантазии как и современный тотемизм, превозносящий голубку П. Пикассо, которая в дипломатическом деле годится разве что на презентацию «миролюбия» каннибалов). Жаль, весьма жаль, – как сказал бы вечно желчный Л. Шварцман.

С каким же чувством, спустя годы, они будут вспоминать эту живость карьерных сплетен и трепетность респектабельных встреч? Более чем через двадцать лет, прошедших с момента последней встречи с М. Хайдеггером, К. Ясперс так будет описывать его визит в «Philosophische Autobiographie» (тот самый случай, когда краткость цитаты превращает личность в посредственность, на радость последней): «...разговоры с Хайдеггером не были с моей стороны открытыми. <...> За столом он сказал слегка сердитым тоном: это безобразие, что существует столько профессоров философии – во всей Германии следовало бы оставить двух или трех. “Кого же?” – спросил я. Никакого ответа» [7, С. 347]. Но К. Ясперс не случайно и в очном общении с М. Хайдеггером, и заочной переписке выглядел педантичным интервьюером, а то и попросту занудой – он продолжает настаивать, стараясь все же разговорить собеседника: «Как может такой необразованный человек, как Гитлер, управлять страной?» [7, С. 347]. Однако здесь, «странным» образом, ответ не заставил себя ждать. И этот ответ был весьма неожиданным для К. Ясперса, да и поныне слова одного из самых ответственных мыслителей XX в. поражают своей ангажированностью: «Образование, – ответил М. Хайдеггер, – совершенно не важно, вы только посмотрите на его великолепные руки!» [7, С. 347]. Странность ответа не была случайной – уже тогда не только слова, но и сам М. Хайдеггер показался К. Ясперсу другим человеком: как говорится, «мы те же самые, и не те же самые» [12, С. 636]. И К. Ясперс, – даром, что психиатр, – испытал состояние, по сути своей, катарсической растерянности перед тем опьянением национал-социализмом, в которое М. Хайдеггер – его друг и, в известной мере, учитель в философии, погрузился вместе с толпами мелких лавочников: «Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилён. <...> От той силы, к которой теперь прикинул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого и, как уже не раз в моей жизни, думал о “caute” Спинозы. <...> В мае 1933 г. Хайдеггер уехал в последний раз. Больше мы никогда не виделись» [7, С. 348].

К. Ясперс, порой, наивен, но не глуп – он не считает последующую переписку «местом встречи». Ясно, что точка невозврата была пройдена уже в 1933-м. Наверное, не только смерть может разлучить людей; есть вещи, в каком-то смысле, и страшнее смерти – они разлучают при жизни. Например, подлость, которая не имеет срока давности; бывших подлостей не бывает – они всегда с теми, кто их совершил... Но как тут отличить: претензия ли это, которую мы адресуем Другому, или еще один приступ саморефлексии?

«Образование совершенно не важно...», если есть руки – руки, которые в крови по самые усы... Это ведь и «про нас» – с той только разницей, что ефрейтор уничтожал, в основном, чужие народы, а генералиссимус – «свои». Но

итог одинаков: любая попытка хоть что-то помыслить честно заканчивается одним и тем же – пониманием неслучайности вырождения. Здесь, по-видимому, и проявляет себя пресловутый генофонд: впору бы задуматься хотя бы сейчас, когда 1937-й, казалось бы, уже видится на расстоянии, но... некому и / или некогда. В итоге складывается ощущение, что мы – не потомки погибших, а наследники тех миллионов, что сдались в плен. Да и кто осудит, ведь говорят же, что жизнь дает бог, – пусть он и отнимает... Насколько одно – «пал смертью храбрых...» – не связано с другим – «попал... в плен»; и это ли не повод и это ли не оправдание? Воистину прав тщедушный и, одновременно, безрассудно смелый Р. Декарт: доказать можно всё, потому что на момент доказательства в языке есть все нужные слова [5, С. 20]. Призрачная связь слов как подмена реальности и всё, абсолютно всё – возможно.

Искушает ли величие М. Хайдеггера как философа его очарованность претензией фашизма на чистоту крови и тотальностью власти? Способно ли одно искупить другое, если они – абсолютно не связаны? И как это всё помещается в душе одного-единственного человека или сознании одинокого мыслителя? Мешает ли человек философу и наоборот? О чем, в этом смысле, говорил всё тот же Р. Декарт: великодушные – это способность великой души вместить весь этот мир, как он есть [6, С. 168]; вместить, чтобы ничего не менять и / или не вмешиваться в творение божье. Божье ли?...

Страдала ли душа Хайдеггера, вмести в себя столь разные вещи – соблазн причастности власти, слегка скрытой флером обаяния нищенской «белокурой бестии», и соблазн языка, неумолимо влекущего к истине Бытия? И страдала ли душа Ясперса, вмести в себя столь несовместимое – ревность к чужой мысли и облегчение праведника, пережившего творческую смерть еще при жизни? И каким, в итоге, был его суд над Хайдеггером – вынужденным или добровольным?

Вместо эпилога: Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу, Freiburg im Breisgau, 7 марта 1950 г.: «Дорогой Ясперс! Я не приезжал в Ваш дом с 1933 года не потому, что там жила еврейская женщина, а потому, что мне просто было стыдно...» [7, С. 271].

Неплохо было бы порасспросить прошлое, из которого с течением времени каждый из нас состоит все более и более: неужели, чтобы распознать эти события и поступки как стыдные, нужно было правдами и неправдами стремиться стать «великим гномом»? И почему это «великим» (знаменитым, богатым, начальственным и прочая) в этом мире прощается столь многое, в том числе, и непонимание простых вещей, ясность которых составляет гигиенический минимум представлений, говоря словами «великих», обычного человека?

Воистину, язык площади ничем не хуже возвышенного слога Св. Писания, а человек в рубище – завернутого в тогу власти. Да, в сущности, нет разницы и в том, как мы выразим минимум достойного существования в этом вынужденном предстоянии миру, – которое, по случаю, называется «жизнь», – с помощью доморощенной общенной лексики или посредством модного ныне BBC English; всё равно суть дела останется неизменной: Caute! Или в «переводе» на «естественный» язык: не сотвори...

Список литературы / References

1. Гессе Г. Игра в бисер / Г. Гессе. – М.: АСТ, 2006. – 544 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
3. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.
4. Лавренов С. Я. Крах Третьего рейха / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М.: ООО Фирма «Издательство Аст», 2000. – 608 с.
5. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М.: Прогресс; Культура, 1992. – 416 с.
6. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – 352 с.
7. Мартин Хайдеггер / Карл Ясперс. Переписка (1920–1963) / М. Хайдеггер, К. Ясперс. – М.: Ad Marginem, 2001. – 416 с.
8. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М.: REFL-book, 1994. – 352 с.
9. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2007. – 432 с.
10. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. С. 231–490.
11. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Государство / Платон. – М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
12. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Кратил / Платон. – М.: Мысль, 1990. С. 613–681.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gesse G. Igra v biser [The game of beads] / G. Gesse. – М.: AST, 2006. – 544 p. [in Russian]
2. Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov [On the life, teachings and sayings of the famous philosophers] / Diogen Lajertskij. – 2-е изд. – М.: Mysl', 1986. – 571 p. [in Russian]
3. Kanetti Je. Massa i vlast' [Mass and power] / Je. Kanetti. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 p. [in Russian]
4. Lavrenov S. Ja. Krah Tret'ego rejha [The Collapse of the Third Reich] / S. Ja. Lavrenov, I. M. Popov. – М.: ООО Firma «Izdatel'stvo Ast», 2000. – 608 p. [in Russian]
5. Mamardashvili M.K. Kak ja ponimaju filosofiju [As I understand philosophy] / M.K. Mamardashvili. – 2-е изд. – М.: Progress; Kul'tura, 1992. – 416 p. [in Russian]
6. Mamardashvili M.K. Kartezijskie razmyshlenija [Cartesian Reflections] / M.K. Mamardashvili. – М.: Progress; Kul'tura, 1993. – 352 p. [in Russian]
7. Martin Hajdegger / Karl Jaspers. Perepiska (1920–1963) [Correspondence (1920–1963)] / M. Hajdegger, K. Jaspers. – М.: Ad Marginem, 2001. – 416 p. [in Russian]
8. Nicshe F. Volja k vlasti: opyt pereocenki vseh cennostej [The will to power: the experience of reassessing all values] / F. Nicshe. – М.: REFL-book, 1994. – 352 p. [in Russian]

9. Nicshe F. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 4. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlja vseh i ne dlja kogo [Full composition of writings. In 13 vols. T. 4. So spoke Zarathustra. A book for all and not for anyone] / F. Nicshe. – M.: Kul'turnaja revoljucija, 2007. – 432 p. [in Russian]
10. Nicshe F. Sochinenija. V 2 t. T. 1. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlja svobodnyh umov [Compositions. In 2 vols T. 1. Human, too human. Book for free minds] / F. Nicshe. – M.: Mysl', 1990. P. 231–490. [in Russian]
11. Platon. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 3. Gosudarstvo [Collected works. In 4 vols. T. 3. The state] / Platon. – M.: Mysl', 1994. P. 79–420. [in Russian]
12. Platon. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 1. Kratil [Collected works. In 4 vols. T. 1. Cratyl] / Platon. – M.: Mysl', 1990. P. 613–681. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.118>

Пономарёва Н.Д.¹, Коробова А.Г.²

¹ORCID: 0000-0002-8094-310X, кандидат философских наук,

²ORCID: 0000-0002-8275-9023, старший преподаватель,

Набережночелнинский институт

Казанского (Приволжского) федерального университета

РЕФЛЕКСИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОООБРАЖЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация

В статье в социально-философском контексте обосновывается необходимость рефлексии как фактора личностной зрелости. Приводимыми точками зрения Л.Н. Толстого - на жизненный успех и Митио Каку - на востребованные в XXI веке человеческие способности (креативность, воображение, инициативу), обозначается необходимость принятия их во внимание современным поколением 17-ти-25-ти летних людей. Акцентируется внимание на взглядах философов и художников, базировавших свои доводы на необходимости развития воображения у человека, это, в частности, Пифагор, Аристотель и В.В. Кандинский. Обозначается, что наличие развитого воображения способно не только обогатить эмоционально-чувственную сторону жизни человека, но и содействовать его нравственному совершенствованию и, как следствие, улучшению качеств социального бытия.

Ключевые слова: Лев Толстой, Митио Каку, социальная философия, рефлексия, жизненный успех, воображение, социальное совершенствование.

Ponomareva N.D.¹, Korobova A.G.²

¹ORCID: 0000-0002-8094-310X, PhD in Philosophy,

²0000-0002-8275-9023, Senior Lecturer,

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University

REFLECTION IN LIGHT OF IMAGINATION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

Abstract

The necessity of reflection as a factor of personal maturity is substantiated in the article in a social and philosophical context. The points of view of L.N. Tolstoy on the life success and Michio Kaku on the human abilities that are in demand in the 21st century (creativity, imagination, initiative) are presented in the paper, the need to take them into account by the modern generation of 17-25-year-old people is highlighted as well. The attention is focused on the views of philosophers and artists who based their arguments on the need to develop the imagination of a person, such as Pythagoras, Aristotle and V.V. Kandinsky. It is indicated that the presence of a developed imagination is able not only to enrich the emotional and sensual side of a person's life, but also to promote a moral perfection and, as a result, to improve the qualities of social life.

Keywords: Lev Tolstoy, Michio Kaku, social philosophy, reflection, life success, imagination, social improvement.

В структурах социальной философии сегодня окрепло убеждение в том, что некоторые проблемные факторы социокультурной реальности, так или иначе осложняющие процесс общественного воспроизводства, требуют многостороннего осмысления. К их числу следует отнести: информационную революцию, модификацию либеральных ценностей (как-то переформатирование христианских ценностей в европейские), а также консюмеризм - смысл существования сегодня зачастую сводится к материальной полезности и гедоническим удовольствиям. Жизнеспособность каждого из этих факторов в той или иной степени поддерживается каждым человеком. Тем самым на каждого возлагается собственная толика ответственности за качество общественного бытия. Рефлексивное осознание данного обстоятельства – важнейшая бытийственная задача современного общества. Коротко говоря, проблемная специфика современного социального состояния такова, что сегодня становится особенно важным человеческое измерение любой социальной деятельности. Регулярно возникающая в современном обществе аномия как временная утрата действенности социальных норм, обусловленная кризисными явлениями различного генеза (Эмиль Дюркгейм), лишает людей надежды, выбивает у них почву из-под ног. Разобщённость, отчуждённость людей друг от друга есть проявления аномии, свидетельствующие о том, что уязвимость социальной системы требует адекватного уравнивания, в том числе, посредством качественного совершенствования различных видов деятельности, к числу которых относятся гуманитарные интеракции, а, значит, и философствование (рефлексия). Подлинное, глубокое философствование (рефлексия) как сугубо человеческая способность не только к конкретным, но и к абстрактным размышлениям о природе, собственном существовании, отношении к людям, базируется на методологии, категориях и понятиях, выработанных историей познания. Важной особенностью метода научного познания является соединение в индивидуальном познавательном акте двух сфер – области чувственного познания и сферы абстрактного познания. Заметим при этом, что геометрический стиль, как способ осмысления бытия,

охватывает все сферы мировоззрения человека [4, С.12], и предполагает опору на вышеуказанные области познания. Сердцевину же геометрического стиля составляет воображение, которое, по определению Аристотеля «есть нечто отличное и от ощущения, и от размышления; без воображения невозможно никакое составление суждений... ведь оно есть состояние, которое находится в нашей власти... всякое воображение связано либо с разумом, либо с чувственным восприятием... воображение есть некоторое движение и не может возникнуть без ощущения, а возникает лишь у ощущающих и имеет отношение к ощущаемому» [8, С.20]. Отметим, что доказательный геометрический порядок, привлекавший многих философов, а также воображение, обладающее колоссальным познавательным зарядом, вполне способны составить логичную и эстетичную систему социально-философских умозаключений.

Современная действительность, маркируемая множеством социально-философских обозначений как-то «информационное общество», «общество потребления», «постнеклассическая эпоха», «мозаичная культура», «общество постмодерна» и т.д., к человеческому существованию предъявляет определённые требования. Многие из них сводятся к необходимости достижения жизненного успеха любой ценой. Человеку вменяется в обязанность сдавать своего рода социальные нормативы, в частности, иметь в собственности и непременно пользоваться определёнными благами цивилизации. В этом многими и видится жизненный успех. Подобного рода жизненные установки можно, как апологизировать, так и критиковать – само по себе наличие у человека данных благ цивилизации, безусловно, не плохо, а в большинстве случаев необходимо. Речь идёт о том, чтобы не делать человека рабом такого рода благ, а, значит, не вступать в ненужные соревнования с другими людьми на предмет первенства в обладании ими. В первую очередь такого рода понимание необходимо поколению так называемых «молодых взрослых» – 17-ти-25-ти летним людям. В силу их не до конца сформировавшегося мировоззрения и незрелой психики это сопряжено с жизненными разочарованиями. Нужны действенные примеры, способные внушить им идею о том, что жизненные разочарования являются не неизбежными в случае избрания в качестве мерила жизненного успеха иной, отличной от потребительской, системы жизненных координат. К тому же при этом «на рубежах исторических переломов возникают... созвездия человеческих групп. Они знают многое ценное за их спинами и несут за собой эти ценности прошлого. Из пыли истории они умеют извлекать вещи, оживлять их и давать им близкое современное значение. Они знают неизбежность конца доживаемой ими эпохи...» [5, С. 677]. Из таких «созвездий человеческих групп» внимания в контексте заявленной темы заслуживают, в частности, идеи-мысли Л.Н. Толстого (1828-1910 гг.) и Митио Каку (род. 1947 г.). Итак, Л. Н. Толстой определял успех следующим образом: успех – это когда тебя любят все. Данную трактовку успеха можно объединить со следующей точкой зрения М. Каку: для достижения успеха в будущем, людям следует сегодня развивать те способности, которые не доступны роботам, а именно: креативность, воображение, инициативу. Всё потому (стратегически рассуждая), что тенденция цивилизационного развития начала процесс перехода от товарной экономики к интеллектуально-творческой [2]. О важности вышеозначенной трактовки успеха Л.Н. Толстого свидетельствует следующая его мысль: «Ничто так не подвигает к добру, как сознание того, что тебя любят. Оно подвигает и тем, что радостно быть любимым, и делаешь то, что вызывает любовь...» [9, С. 199]. Теоретически о войне всех против всех известно со времён обоснования этой идеи Т. Гоббсом. Что же до любви всех ко всем или же всех к одному, то такая разновидность этого чувства в мире людей исключение, нежели правило. Означает ли это, что высказывание Л.Н. Толстого об успехе утопично? (не может быть всеми любим отдельно взятый человек, обязательно найдутся те, кем он не любим или даже те, кому он ненавистен). Л.Н. Толстой своим суждением об успехе принял превентивные меры, предупредил людей о неосторожности ими в высказываниях по поводу своего либо чьего-либо успеха, а именно: попробуй заслужить любовь если не всех, то хотя бы многих или некоторых, тогда сможешь рассуждать о том, что жизнь твоя успешна. Именно такой тип поведения, по его мнению, жизненно продуктивен, а, значит, успешен. Человек и общество останутся безучастными к идеям Л.Н. Толстого и М. Каку без привычки к рефлексии и без развитого воображения. Между тем приведённые высказывания позволяют спродуцировать социально-философские построения, «одобряемые» плюрализмом постнеклассического типа научной рациональности.

Факт перехода товарной экономики к интеллектуально-творческой свидетельствует, помимо прочего, о том, что плоды НТП отправляют в Лету многие профессии. Люди останутся без занятости (работы), если вовремя не осознают необходимость меняться. Непонимание либо же непринятие данных сведений во внимание есть привилегия самого человека. Однако отсутствие рефлексии по этому вопросу есть торможение процесса личностного роста, так как рефлексия являет собой предпосылку производства и воспроизводства человека как личности, как индивидуальности, и, в конечном итоге, влияет на качество социального бытия в целом. Трудно не согласиться, что концепции «социального бытия», приемлемые для большинства граждан цивилизованно обустроенного общества, требуют постоянных усилий по своему воспроизведению, а, значит, любое философствование должно отвечать духу времени, соответствовать ему. При этом мысль, являющаяся прерогативой философии, в ряде случаев может не иметь должной силы для рассмотрения сложных компонентов познаваемого без разбиения их на простые компоненты. Воображение же, которое подключается незамедлительно после «капитуляции» мысли, способно дать развёрнутое знание о предмете. Для тренировки воображения возможно, в частности, использовать «Опросный лист» В.В. Кандинского (1866-1944 гг.) – одного из ярчайших представителей русского авангарда. В.В. Кандинский, будучи синестетиком, при разработке своей теории эстетической значимости цвета, формы, линии в живописи опирался на «Учение о цвете» И. Гёте, на опыты с цветом музыкой А.Н. Скрябина [10]. Приводимый ниже пример из «Опросного листа» В.В. Кандинского [3] как раз и касается синестетизма - смешения чувств, совмещения ощущений, синестетиками являются те, у кого ощущения со стороны разных органов чувств и связанные с ними восприятия, умственные операции и переживания имеют необычные, причудливые сочетания. Художник, в частности, предлагает задуматься над следующим: «считаете ли Вы возможным выразить какие-нибудь Ваши чувства графически, т. е. какой-нибудь прямой или гнутой линией, какой-нибудь геометрической фигурой, или произвольно очерченной плоскостью, или целой комбинацией линий, плоскостей и пятен (черных или белых)?» [3]. Вариации ответов на данные вопросы могут быть проиллюстрированы на примере жизнедеятельности Пифагорейского союза – философского учения с двойным содержанием: это и научная школа, в стенах которой впервые появился термин «парадигма», и политическая партия.

Так, Пифагор, помимо детальной проработки объёма «энциклопедического канона античности» (семи наук – грамматики, риторики, поэтики, арифметики, геометрии, астрономии и музыки) занимался разработкой теории государственного управления полисом [6, С.67]. В ней, помимо прочего мыслителем отстаивалась необходимость дружеского согласия совокупности семейств и домохозяйств, из которых складывается полис (город-община-государство), и, заканчивая дружеским согласием народов и государств между собою. По сути, речь идёт о необходимости добрососедства, ставшего атрибутом социального бытия во времена существования СССР. Сегодня добрососедство сменила идея толерантности, при глубоком анализе оказывающаяся разновидностью равнодушия. При этом и добрососедство, и толерантность, так или иначе, встроены в контекст различных трактовок справедливости – одного из главного искомого множества социально-философских построений. К каким же мыслеобразам способно привести человека развитое воображение? К примеру, геометрически зашифрованная трактовка справедливости по Пифагору может выглядеть следующим образом: справедливость подобна той единственной из геометрических фигур, у которой линии (читай: люди), образующие её форму (читай: общество), беспредельны (читай: способны к самосовершенствованию), и в то же время, при неодинаковом их расположении относительно друг друга (читай: различном положении в системе социальной стратификации), они имеют равные потенции (читай: общественное равенство всех, в том числе, и перед законом) [7, С. 124.-125]. Таким образом, эволюция социально-значимых знаний предполагает изменение подходов к его репродуцированию, в частности, новое содержание извлекается из ранее существовавших, философски обоснованных социальных знаний и смыслов, что имеет непосредственное отношение к процессу рефлексии.

Непреходящая актуальность социально-философской проблематики во все времена опосредуется качествами человеческого общежития, далёкими от совершенства. Общество, способное к самоуправлению и саморазвитию является одним из достижений человечества. Потому в обществе потребления о личностной зрелости 17-ти-25-ти летних молодых людей сигнализирует их согласие со следующей мыслью: не стоит без рефлексии принимать кем-то предложенный сценарий жизненного успеха.

Социальная философия сегодня стимулируется эпистемологией к проведению междисциплинарных аналитических обобщений, что находит отражение и в современных теоретических построениях. Согласованность и интегрированность двух сфер познания – чувственности и рациональности, способны преобразовать отдельные фрагменты приобретаемых людьми знаний в систему миропонимания, формируя синтетическое восприятие, обуславливающее мироосмысление. При этом воображение, способное дать развёрнутое знание о предмете, помимо прочего прорисовывает и «коридор возможностей» развития отдельного человека.

Список литературы/References

1. Ежегодное послание президента Татарстана госсовету республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://sntat.ru/nasharespublika/rustam-minnikhanov-obratilsya-s-ezhegodnym-poslaniem-gosudarstvennomu/> (дата обращения: 23.09.2017).
2. Каку М. Будущее разума / М. Каку. – М.: ООО Альпина нон-фикшн, 2015. – 235 с.
3. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2-х т.
4. / В.В. Кандинский. – М.: Гилея, 2001. – 344 с. – URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva69.html> (дата обращения: 20.09.2017).
5. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия / С.М. Неаполитанский, С.А. Матвеев. – СПб.: Издательство института метафизики, 2004. – 632 с.
6. Петров-Водкин К. Пространство Евклида / К. Петров-Водкин. – СПб.: «Азбука», 2000. – 768 с.
7. Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики / Пифагор. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
8. Пономарёва Н.Д. Социально-эпистемологический контекст факторов рефлексии современного общества: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 : защищена : 23.12.2010 : утв. 23.05.2011 / Пономарёва Наталья Дмитриевна. – Ижевск, 2010. – 150 с.
9. Прокл. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. / Прокл. – М.: «Греко-латинский кабинет®» Ю.А. Шичалина, 1994. – 224 с.
10. Толстой Л.Н. Философский дневник. 1901-1910. / Л.Н. Толстой. – М.: Известия, 2003. – 543с.
11. Электронная библиотека Института философии РАН. «Новая философская энциклопедия». Кандинский. – URL:
12. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f19983e818d24187c> (дата обращения: 23.09.2017.).

Список литературы на английском языке/References in English

1. Ezhegodnoe poslanie prezidenta Tatarstana gossovetu respubliki [Annual Message of the President of Tatarstan to the State Council of the Republic]. [Electronic resource]. – URL: <http://sntat.ru/nasharespublika/rustam-minnikhanov-obratilsya-s-ezhegodnym-poslaniem-gosudarstvennomu/> (accessed: 23.09.2017). [in Russian]
2. Kaku M. Budushhee razuma [Future of the mind] / M. Kaku. – M.: ООО Al'pina non-fikshn, 2015. – 235 p. [in Russian]
3. Kandinskij V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva: V 2-h t. [Selected works on the theory of art: In the 2 nd t.] [Electronic resource] / V.V. Kandinskij. – M.: Gileja, 2001.- 344 p. – URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva69.html> (accessed: 23.09.2017). [in Russian]
4. Neapolitanskij S.M., Matveev S.A. Sakral'naja geometrija [Sacral geometry] / S.M. Neapolitanskij, S.A. Matveev. – SPb.: Izdatel'stvo instituta metafiziki, 2004. – 632 p. [in Russian]
5. Petrov-Vodkin K. Prostranstvo Evklida [The Euclidean space] / K. Petrov-Vodkin. – SPb.: Azbuka, 2000. – 768 p. [in Russian]
6. Pifagor. Zolotoj kanon. Figury jezoteriki [Gold canon. Figures of esotericism] / Pifagor. – M.: Jeksmo, 2004. – 448 p. [in Russian]

7. Ponomareva N.D. Social'no-jepistemologicheskij kontekst faktorov refleksii sovremennogo obshchestva. [Socio-epistemological context of reflective factors of modern society] : dis. ...of PhD in Philosophy : 09.00.11 : defense of the thesis 23.12.2010 : approved 23.05.2011 / Ponomareva Natalia Dmitrievna. – Izhevsk, 2010. – 150 p. [in Russian]
8. Prokl. Kommentarij k pervoj knige «Nachal» Evklida. Vvedenie [Proclus. Commentary on the first book of "Elements" of Euclid. Introduction] / Prokl. - M.: «Greko-latinskij kabinet» Ju.A. Shichalina, 1994. - 224 p. [in Russian]
9. Tolstoj L.N. Filosofskij dnevnik. 1901-1910 [Philosophical diary] / L.N. Tolstoj. – M.: Izvestija, 2003. – 543 p. [in Russian]
10. Jelektronnaja biblioteka Instituta filosofii RAN. Novaja filosofskaja jenciklopedija. Kandinskij [Electronic Library of the Institute of Philosophy RAS. New Philosophical Encyclopedia. Kandinsky]. [Electronic resource]. - URL:
13. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f19983e818d24187c> (accessed: 23.09.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.135>Шипунова О.Д.¹, Денисков А.В.²¹ORCID: 000-0001-8953-7434, доктор философских наук, ² соискатель,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

СУБЪЕКТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА*Аннотация*

Статья посвящена анализу характера субъектных взаимодействий в динамичных техногенно-информационных средах сетевого общества. Дана развернутая характеристика эволюции технологического уклада, символом которого стала цифровая культура, выделена специфика взаимодействий человека и техники в сетевом укладе. Подчеркивается стихийное конструирование субъектных взаимодействий в информационных сетях, детерминированное технологической средой. Методологической основой проектирования субъектных взаимодействий полагается социально-антропологическая установка, в концептуальных рамках которой органично соединяются технологические, коммуникативные и нормативно-ценностные аспекты субъектных взаимодействий, характерных для сетевого технологического уклада.

Ключевые слова: субъектные взаимодействия, технологический уклад, цифровая культура, информационные сети, проектирование взаимодействий.

Shipunova O.D.¹, Deniskov A.V.²¹ORCID: 000-0001-8953-7434, PhD in Philosophy, ²Postgraduate student,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg

SUBJECTIVE INTERACTIONS UNDER CONDITIONS OF MODERN TECHNOLOGICAL MODE*Abstract*

The paper is devoted to the analysis of the nature of subjective interactions in the dynamic technogenical and informational environments of the network society. A detailed description of the evolution of the technological mode, with a digital culture as its symbol, and the specifics of human-technology interactions in a networked mode are specified. The authors emphasize the spontaneous design of subjective interactions in information networks, determined by the technological environment. The social and anthropological setting is supposed to be the methodological basis for the design of subjective interactions, in the conceptual framework of which the technological, communicative and normative-value aspects of the subject interactions, and the specifics of the network technological order, are organically combined.

Keywords: subjective interactions, technological mode, digital culture, information networks, interaction design.

Современная эпоха характеризуется многочисленными социально-экономическими, научными, технико-технологическими преобразованиями, которые ретроспективно представляются как процесс перехода традиционного общества на новую цивилизационную и социо-техно-природную ступень развития. Этапы техногенной модернизации общества соотносятся с периодами промышленных, технологических и научных революций. Согласно Беллу [1], техногенная цивилизация проходит три стадии в своем развитии: сначала доиндустриальную, потом индустриальную и, наконец, постиндустриальную. Важнейшей особенностью ее жизнедеятельности становится, прежде всего, развитие техники, технологии, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере самого производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. Так возникает тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной среды, предметного мира, в котором живет человек. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет способы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни. В результате возникает отчетливо выраженная направленность прогресса с ориентацией на будущее [2, С. 8-9]. В этой связи в задачи данной статьи входит характеристика современного технологического уклада, создающего объективные основания для моделирования будущего и проектирования субъектных взаимодействий.

Информационно-сетевые компьютерные технологии стали символом эпохи, которая сложилась на базе новоевропейской истории к началу XXIV. [3]. Изменение системы ценностей в техногенном обществе XXIV. связывается с такими характерными чертами современности, как новые интеллектуальные технологии, глобальные сети, виртуальные информационные среды. В процессе непрерывного технического обновления стихийное конструирование субъектных взаимодействий в информационных сетях оказывается заданным технологически сформированной средой, а взаимосвязь природы человека и техники становится все более многослойной.

Анализ методологии проектирования субъектных взаимодействий в условиях глобальной сетевой технологической культуры представляет собой новую актуальную задачу, решение которой имеет научное и

практическое значение. В этой связи интерес представляет социально-антропологическая установка, в рамках которой формулируются основы гуманитарного подхода к анализу специфики субъектных взаимодействий в сетевых информационных средах. Понятийный аппарат при этом формируется на междисциплинарной основе, которая совмещает специфику трех аспектов взаимодействий: 1) технологического аспекта (который представлен в цифровой реальности чисто информационными бессубъектными взаимодействиями); 2) коммуникативного аспекта (который представлен в сетевом укладе межиндивидуальными и межкультурными интеракциями); 3) нормативного аспекта (который представлен матрично, через систему установок и ограничений разного уровня: технологического, экологического, информационного, познавательного-когнитивного, морально-этического).

Характеристика эволюции технологического уклада в XX-XXI вв.

Представление о технологическом укладе, как совокупности технологий и производств одного уровня, предложенное С.Ю.Глазьевым [4], позволяет выделить последовательность пяти технологических укладов в развитии европейской цивилизации, начиная с промышленной революции в Англии (1772г. – создание Ричардом Аркрайтом прядильной машины и строительство им первой текстильной фабрики). В настоящее время в развитых странах доминируют технологии пятого информационного уклада.

Начальную фазу жизненного цикла пятого технологического уклада исследователи связывают с изобретением первой электронно-вычислительной машины (1949г.), первой операционной системы (1954г.), а также успехами в разработке программного обеспечения. В середине двадцатого века были созданы первые программные языки высокого уровня, которые открыли новые возможности обработки данных. В 1965г. для автоматизации процедур обработки данных начали использовать IBM-360. С этой поры информационная составляющая пятого технологического уклада стала стремительно развиваться и набрала исключительно высокий темп после внедрения микропроцессора в 1971г. С середины восьмидесятых годов компьютеры заняли свое место во всех сферах общественной жизни. По закону Мура, их мощность удваивается каждые 18 месяцев, а их производительность, удваивается каждые 24 месяца [6, С. 11].

Таким образом, формирование пятого технологического уклада кардинальным образом связано с развитием информационных технологий. Хронологически границы информационного уклада совпадают с временными рамками этапа развития социума, получившего название информационное общество.

Ряд исследователей (В.М. Авербух, С.Ю. Глазьев, Л.К. Гуриева, Д.С. Львов, К. Перес, Ю.В. Яковец) выделяют в рамках современной техногенной эпохи шестой технологический уклад, ключевым направлением развития которого выступают нанотехнологии и геновая инженерия. Временные границы шестого технологического уклада достаточно неопределенны (например, 2004–2040гг., 2010–2060гг.). Специфику шестого технологического уклада, помимо информационных технологий, определяет развитие наносистемной техники (нанoeлектроника, наноматериалы, нанохимия, нанобиотехнологии, молекулярная и нанофотоника), систем искусственного интеллекта, а также распространение глобальных информационных сетей, интегрированные высокоскоростные транспортные системы, конвергенция нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий (NBIC). По прогнозу С.Ю. Глазьева, новый технологический уклад будет отличаться от предыдущего резким снижением энергоемкости и материалоемкости производства, а также возможностью создания материалов и организмов с заранее заданными свойствами.

Ряд авторов (А.Ю. Алексеев, С.Ф. Сергеев, В.С. Степин, В.В. Чеклецов, Б.Г. Юдин), анализируя специфику формирования техногенных сред, пытаются рассмотреть черты седьмого технологического уклада, с которым связывается представление об антропотехнологической эволюции. Формулируются его возможные следствия, определяющие изменения природы людей, реинжиниринг самих основ жизни, создание постчеловека (В.В. Чеклецов), сотворение трансчеловека (Б.Г. Юдин). «50 лет назад наша промышленность была основана на угле и стали, сейчас на информации и кремнии. Через 50 лет она может быть основана на живых системах», отмечает В.В.Чеклецов [6, С.36]. Этап формирования саморазвивающихся систем начнется после технологического уклада, основанного на конвергентных технологиях, а его завершением станет создание мыслящего компьютера. Считая логическим завершением постчеловеческого тренда формирование компьютерного сознания, эксперты высшего уровня (британские специалисты Междисциплинарной группы Demos, Европейской группы STECS и др.) делают акцент на гуманитарном аспекте этого процесса [6].

Процессы мультисистемных трансформаций (улучшение человеческой природы на основе использования конвергентных технологий и создание искусственного интеллекта) развиваются с невиданной скоростью и направлены к какой-то общей точке в пространстве тотальной интеграции, где из переплетения физических и технологических субъектов сформируется новая технологическая ипостась в виде кибернетического существа. Создание адекватной дивергентной технологии позволит откорректировать направленность этих двух глобальных энергоинформационных магистралей, оставить человеку его идентичность и мир физической реальности, в котором роботы будут выполнять за людей трудную работу в условиях, несовместимых с человеческой жизнью [7].

Специфика субъектных взаимодействий в условиях сетевой культуры

Становление информационного общества в эпоху постмодерна подразумевает переход к новой социальной реальности, в которой наука и технология превращается в социальную силу, проникает в различные сферы управления социальными процессами. Термин «технология», отмечает Ю.Хабермас, используется применительно к любой функции человека и социум превращается в технологическую систему, которая доминирует во всех пространствах жизнедеятельности людей [8]. А. Турен, назвавший постиндустриальный этап развития социума программным, предупреждает об ответственности, полагая, что такое общество «должно брать на себя управление всеми вероятностными последствиями модификаций, производимых им в природном порядке» [9, С.428].

Еще в конце 1980-х годов американский ученый М. Постер стремился привлечь внимание общественности к такой социально значимой проблеме, как коммуникативные технологии, служащие распространению информации. Ученый подчеркивал, что нормы социальных взаимодействий на новом этапе развития коммуникативных средств требуют пересмотра [10]. В цифровой век гуманистический принцип взаимодействий тесно переплетается с проблемами

свободы выбора и свободы права, в частности информационного и интеллектуального права в условиях развитой телекоммуникационной инфраструктуры, образующей коммуникативную сеть, интенсивно нарастающей потоки информации [11, С. 26]. Вместе с тем, компьютеризация ведет к появлению новых продуктивных моделей для постижения таких базовых для философии понятий, как «разум», «опыт», «рассуждение», «знание», «правда», «этика», «творчество» [12, С. 36].

Социум, наполненный высокотехнологичными предметами, формирует новые формы субъектных взаимодействий. Характер социотехнических взаимодействий в современном мире обусловлен формированием сетевого общества [13, С. 53], которое характеризуется экспансией цифровой культуры, видится Кликабельной Вселенной, глобальной электронной цивилизацией, где преобладает искусственный интеллект и интернет вещей. Именно в оцифрованном сетевом обществе наиболее явно соединяются векторы оперирования информацией, жизненный мир и социальное взаимодействие. На трансформацию этих взаимодействий и перспективы их проектирования в электронном формате указывает развитие современных компьютерных технологий, виртуальной реальности, социальных сетей.

Проблема взаимодействия человека с новыми устройствами обостряется уже в 70-е годы XXв. с появлением первых компьютеров и теорий постиндустриальной эпохи, обосновывающих определяющую роль техники в социальном развитии. Переход к новому технологическому укладу соотносят с глобальными трансформациями всего цивилизованного мира в связи с нарастанием информационных потоков, усложнением когнитивной ориентации человека в информационном поле современной технокультуры, которое провоцируется многосторонними сетевыми интеракциями, сопровождается трансформацией традиционных методов общения. В частности, А.Турен подчеркивает способность технологически регламентированного общества «трансформировать себя почти полностью или даже разрушить себя». [9, С. 428].

Проектирование субъектных взаимодействий

В анализе взаимодействий человека и техники представляется перспективной исследовательская ориентация на социотехническое партнерство. Именно такая форма отношений наиболее конструктивна для интерактивного диалога субъектов взаимодействия в условиях современного технологического уклада. Проектирование субъектных взаимодействий в этом контексте представляет собой процесс создания прототипа взаимоотношений, результатом которых является теоретически обоснованное определение вариантов развития новых процессов. Именно в таком ключе представлено проектирование субъектных взаимодействий через матрицу рынка в модели капитализации будущего А. Вайно [14].

Первоначально опыт проектирования взаимодействия человека со сложными техническими устройствами ограничивался прагматичными рамками с ориентацией на удобство использования отдельных предметов. В разных странах этими вопросами интересовались представители разных школ (Алан Купер, Найджел Бивэн, Джеф Раскин и др.), в результате появилось несколько направлений проектирования, например, Usability, Interaction Design, User Experience Design.

В проектировании отношений техники и человека Т. Веблен опирался на инстинкты, склонности и привычки, непосредственно вытекающие из потребительского образа жизни. Согласно Т. Веблену, рамки потребительского поведения индивидов определяют их экономический интерес, выступают регуляторами человеческих действий. Технично-технологические изменения, воплощаясь в потребительскую среду (новые товары и услуги), являются той детерминантой, которая определяет стиль жизни тех или иных групп населения. Воздействие уровня развития техногенной сферы на социум, таким образом, способствует выявлению условий, которые обеспечивают сохранение статуса социальных субъектов через функции освоения и присвоения продукта [15].

Объективные параметры субъектных взаимодействий в контексте «человек-машина» максимально выражены в теории и практике социальной инженерии, которые опираются на идеи Ф. Тэйлора и других представителей научного менеджмента. Они выделяют в работнике не субъективные интересы или установки, но количество энергии, которые он может израсходовать при определенных условиях работы и поиски условий для повышения его трудового вклада. Более сложные связи объективного характера раскрываются в системном подходе к управлению, который развивается на Западе и в США в 50–60 гг. XXв. В то же время К. Поппер отмечает, что сторонник социальной инженерии не задает вопросов об исторических тенденциях или о предназначении человека. Он верит, что человек – хозяин своей судьбы и что мы можем влиять на историю или изменять ее в соответствии с нашими целями, подобно тому, как мы уже изменили лицо земли. Он не верит, что эти цели навязаны нам условиями или тенденциями истории, но полагает, что они выбираются или даже создаются нами самими, подобно тому, как мы создаем новые идеи, новые произведения искусства, новые дома или новую технику [16].

Скрытая технологическая детерминация поведения в социальной инженерии цифровой эпохи только усиливается. Негативные следствия цифровой информационно-технологической культуры подчеркиваются приоритетом социотехнических компонентов деятельности в проектировании взаимодействий субъектов. Идея о необходимости объединения технологических достижений и духовных элементов социальных субъектов не однажды высказывалась учеными гуманистами в двадцатом веке (В.И. Вернадский, М. Фуко, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас и др.), утверждавшими, что игнорирование социальных аспектов развития науки и техники чревато серьезными издержками в функционировании социума. Важно подчеркнуть, что, несмотря на деперсонификацию субъектных взаимодействий в телекоммуникационных системах, введение человекообразного принципа в анализ такого рода социотехнических систем смещает приоритеты технологического проектирования на компоненты ментальной и духовной человеческой деятельности [17]. В этом же ключе А. Печчеи говорил о будущей гуманистической парадигме общественного развития, полагая, что: «Главная отличительная черта рождающейся, переживающей начальный период фазы становления постиндустриальной цивилизации – возрождение гуманизма» [18, С. 10].

Заключение

В условиях цифрового социума введение гуманитарного принципа в методологию проектирования взаимодействий техники и человека выглядит наиболее адекватным современным реалиям, для которых характерны стихийность и нелинейность социотехнических взаимодействий, трансформирующих не только информационно-коммуникативную, но и когнитивную сферу личности и общества.

Гуманитарный подход к проектированию субъектных взаимодействий опирается на социально-антропологическую (включая ноосферную и экологическую) установку, выдвигает в качестве приоритета ориентацию на жизненный мир человека и общества. Эта установка призвана противодействовать технологии информационного манипулирования, опирающейся на механизмы подражания и некритического восприятия в адаптации представителей социума к информационно-коммуникативной среде.

Список литературы / References

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. – 944с.
2. А.А. Краузе, А.С. Сафонова, О.Д. Шипунова. Культурная матрица техногенной цивилизации: аксиомы и ценности // Вопросы культурологии, 2009, № 11. М., с.7-10
3. Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности // Дисс. ... канд. филос. наук. Брянск: БГТУ, 2005.
4. Глазьев, С.Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов. – М.: Наука, 1992. – 207 с.
5. Moore G. Progress in Digital Integrated Electronics // Technical Digest of International Electron Devices Meeting. – Dec. 1975.
6. Чеклецов, В.В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии // Философские науки. – 2010. Вып. 6. – С. 36-54.
7. Алексеев А.Ю. Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга: дисс... д-ра филос. наук. – М.: МГУ, 2016.
8. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. – 377 с.
9. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. В кн.: Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410-430.
10. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. – Cambridge: Polity Press, 1990.
11. Пригожин, И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. № 1. – С. 24-27.
12. Хлебников, Г.В. Философия информации Лучано Флориди // Метафизика. – 2013. №4 (10). – С. 35-48.
13. Тихонова, С.В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис. – 2007. № 3. – 53-64.
14. Вайно А.Э. Капитализация будущего // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С.42- 57.
15. Веблен, Т. Теория делового предприятия. М.: «Дело», 2007. — 288с.
16. Поппер, К. Открытое общество и его враги // Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
17. Коломейцев И.В., Шипунова, О.Д. Социотехническая система и социокультурная среда в современном обществе // НТВ СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2010. № 1 (105) – С. 15-30.
18. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. - 312с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bell D. Gryadushcheye postindustrialnoye obshchestvo [Future post-industrial society]. М.: Academia, 2004. – 944 p. [in Russian]
2. A.A. Krauze, A.S. Safonova, O.D. Shipunova. Kulturnaya matritsa tekhnogennoy tsivilizatsii: aksiomy i tsennosti [Cultural matrix of industrial civilization: the axioms and values] // Voprosy kulturologii [Questions of cultural studies], 2009, № 11. М., P.7-10 [in Russian]
3. Dergacheva E.A. Tekhnogennoye obshchestvo i protivorechivaya priroda yego ratsionalnosti [Technological society and the ambivalent nature of its rationality]: dis. ... of PhD in Philosophy sciences. Bryansk: BG TU, 2005. [in Russian]
4. Glazyev, S.Yu. Evolyutsiya tekhniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo regulirovaniya [The evolution of techno-economic systems: possibilities and limits of centralized regulation]/ S.Yu. Glazyev, D.S. Lvov, G.G. Fetisov. – М.: Nauka, 1992. – 207 p. [in Russian]
5. Moore G. Progress in Digital Integrated Electronics // Technical Digest of International Electron Devices Meeting. – Dec. 1975.
6. Chekletsov, V.V. Topologicheskaya versiya postchelovecheskoy personologii [A topological version of the post-human personology]// Filosofskiye nauki [Philosophical Sciences]. – 2010. Issue 6. – P. 36-54. [in Russian]
7. Alekseyev A.Yu. Filosofiya iskusstvennogo intellekta: kontseptualnyy status kompleksnogo testa Tyuringa [Philosophy of artificial intelligence: conceptual status complex the Turing test]: diss...of doctor of Science in Philosophy. – М.: MGU, 2016. [in Russian]
8. Habermas, Yu. Moralnoye soznaniye i kommunikativnoye deystviye [Moral consciousness and communicative action]. – SPb.: Nauka, 2000. – 377 p. [in Russian]
9. Turen A. Ot obmena k kommunikatsii: rozhdeniye programmirovannogo obshchestva [From exchange to communication: the birth of the programmed society] : Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West] – М.: Progress, 1986. – P. 410-430. [in Russian]
10. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. – Cambridge: Polity Press, 1990.
11. Prigozhin, I.R. Setevoye obshchestvo [Network society] // Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological researches]. 2008. № 1. – P. 24-27. [in Russian]
12. Khlebnikov, G.V. Filosofiya informatsii Luchano Floridi [The philosophy of information Luciano Floridi] // Metafizika [Metaphysics]. – 2013. №4 (10). – P. 35-48. [in Russian]

13. Tikhonova, S.V. Kommunikatsionnaya revolyutsiya segodnya: informatsiya i set [The communication revolution today: information and network] // Polis. – 2007. № 3. – P. 53-64. [in Russian]
14. Vayno A.E. Kapitalizatsiya budushchego [Capitalization of the future] // Voprosy ekonomiki i prava [Questions of economy and law]. 2012. № 4. P.42- 57. [in Russian]
15. Veblen, T. Teoriya delovogo predpriyatiya [The theory of business enterprise] – М.: «Delo», 2007. — 288 p. [in Russian]
16. Popper, K. Otkrytoye obshchestvo i yego vragi [The open society and its enemies]// Т. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugiye orakuly [vol. 2: Time of false prophets: Hegel, Marx, and other oracles]. – М.: Feniks; Mezhdunarodnyy fond «Kulturnaya initsiativa», 1992. – 528 p. [in Russian]
17. Kolomeytsev I.V., Shipunova, O.D. Sotsiotekhnicheskaya sistema i sotsiokulturnaya sreda v sovremennom obshchestve [Социотехническая система и социокультурная среда в современном обществе] // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. – 2010. № 1 (105) – P. 15-30. [in Russian]
18. Pechchei A. Chelovecheskiye kachestva [Human quality]. М.: Progress, 1985. – 312 p. [in Russian]